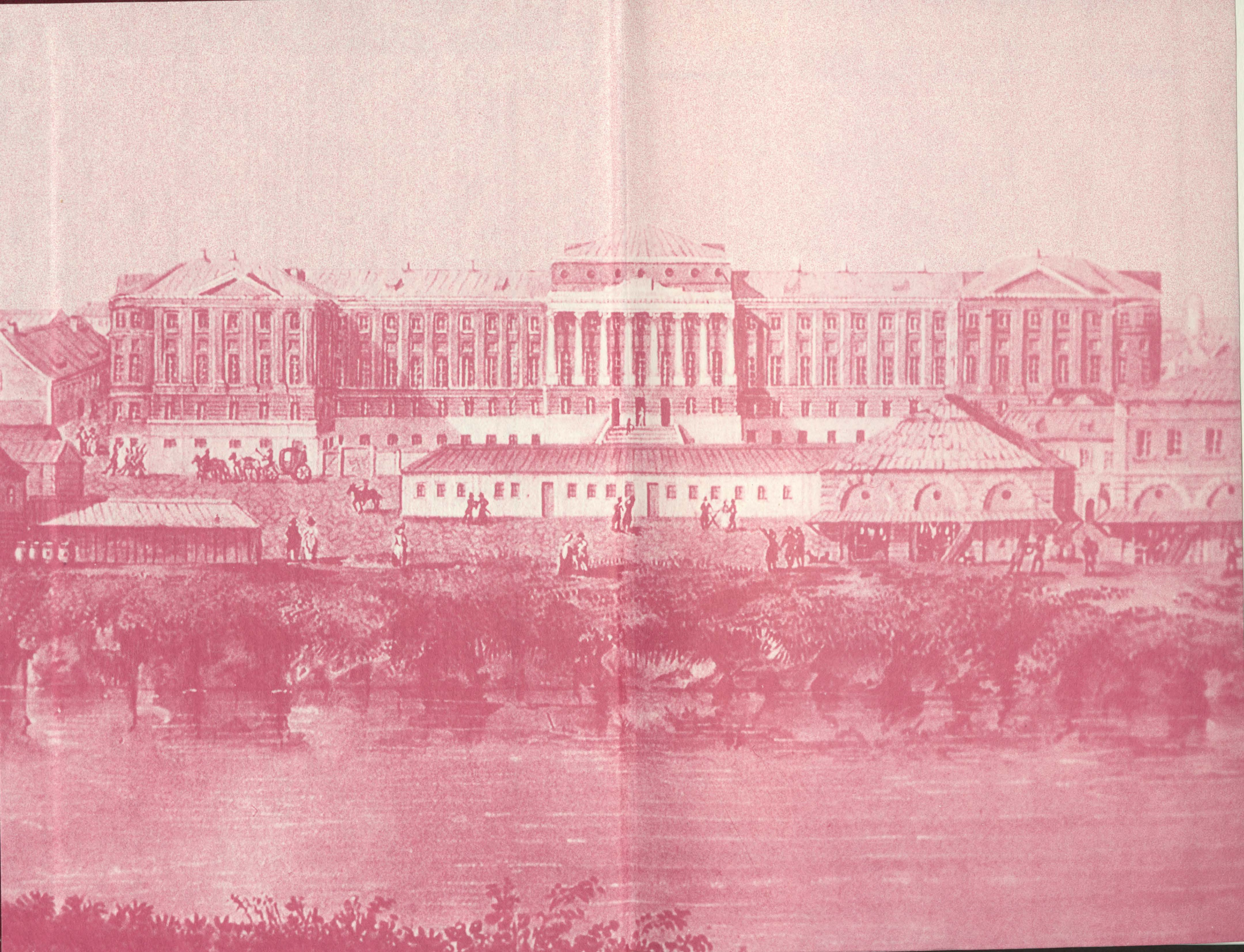

Медицинскій

факультетъ

Московского университета

в XVIII веке

Из истории
Московской медицинской академии
им. И. М. Сеченова

А. М. Сточик

С. Н. Затравкин

Медицинский
факультет
московского университета
в XVIII веке

Издание второе, дополненное

Москва
"ШКО"
2000

ББК 5г
С 81
УДК 378.661«17»

Авторы:

А. М. Сточик — академик РАМН, доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой истории медицины и культурологии ММА им. И. М. Сеченова.

С. Н. Затравкин — доктор медицинских наук, заведующий лабораторией историко-медицинских исследований НПО "Медицинская энциклопедия" РАМН.

Сточик А. М., Затравкин С. Н.

С 81 Медицинский факультет Московского университета в XVIII веке. 2-е изд., доп. — М.: Шико, 2000. — 464 с.
ISBN 5-900758-14-1

ББК 5г

ISBN 5-900758-14-1

© А. М. Сточик,
С. Н. Затравкин, 2000

От авторов

После выхода в свет в 1996 году первого издания настоящей монографии авторы продолжали исследования по истории университетского медицинского образования, медицинского факультета Московского университета, клинического преподавания в Европе и в России. В результате были выявлены новые документы, в том числе относящиеся к истории медицинского факультета Московского университета в 18 веке.

На основе проведенных исследований и обнаруженных в архивах новых документов удалось уточнить отдельные положения, высказанные в первом издании как версии, а также некоторые аспекты взаимоотношений между университетом и Медицинской коллегией (Медицинской Канцелярией); более объективно оценить состояние преподавания курса практической (внутренней) медицины на медицинском факультете Московского университета в 18 веке и деятельность первых профессоров факультета; выяснить причины и обстоятельства, связанные с задержкой присвоения С. Г. Зыбелину и П. Д. Вениаминову профессорских званий и разрешения им врачебной практики, организации университетского лазарета и химической лаборатории; установить факты перехода учащихся госпитальных школ в Московский университет "для получения большего знания" по общеобра-

зовательным дисциплинам, естественным и теоретическим "врачебным" наукам. Все перечисленное и составило содержание дополнений, отличающих второе издание от первого.

Внесение дополнений не потребовало радикальной переработки монографии, пересмотра ее идеологии и структуры. Вместе с тем заново написана глава 3, существенно изменено содержание глав 4 и 9, дополнены главы 5, 7 и 11. Кроме того, в соответствии с предложениями рецензента первого издания профессора Э. Д. Грибанова в монографию введен иллюстративный материал, дополнен список использованной литературы, составлен именной указатель, исправлены имевшие место опечатки и неточности.

Авторы сердечно благодарят за помощь ректора ММА им. И. М. Сеченова академика РАН и РАМН М. А. Пальцева, академиков РАМН Ф. И. Комарова и Н. Р. Палеева, заместителя директора НПО "Медицинская энциклопедия" РАМН профессора В. П. Жмуркина, профессоров кафедры истории медицины и культурологии ММА им. И. М. Сеченова В. И. Бородулина, А. Н. Шамина и М. Я. Яровинского, научных сотрудников лаборатории историко-медицинских исследований НПО "Медицинская энциклопедия" В. М. Белостоцкого и И. В. Гузееву, заведующего отделом редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ им. М. В. Ломоносова И. Л. Великодную, редактора монографии М. Н. Ланцмана, заместителя директора издательства "Медицина" В. С. Челюканова.

Все замечания и предложения читателей будут приняты с благодарностью.

Предисловие к первому изданию

Уже несколько лет силами кафедры истории медицины и культурологии Московской медицинской академии им. И. М. Сеченова и лаборатории историко-медицинских исследований НПО "Медицинская энциклопедия" Российской Академии медицинских наук проводятся исследования по теме "История Московской медицинской академии им. И. М. Сеченова".

Тема эта давно и вполне оправданно привлекает внимание исследователей. Московская медицинская академия по праву считается не только старейшим, но и ведущим высшим медицинским учебным заведением России. Многие ее питомцы стали классиками отечественной медицины, заложили основы новых научных направлений, создали крупнейшие научные школы. Именно в стенах Московской медицинской академии окончательно сложились традиции российского высшего медицинского образования. Широко известны обобщающие обстоятельные работы И. Д. Страшуна, Д. М. Российского, Ф. Р. Бородулина, уже давно ставшие основным источником сведений по истории медицинского факультета Московского университета, сотни статей, диссертаций, монографий более частного характера, посвященных отдельным фрагментам, событиям и фигурантам истории этого учебного и научного центра.

Казалось бы, все основное сказано, все расставлено по своим местам. Поэтому изначально тема планировалась главным образом для уточнения ряда деталей и получения дополнительной информации по уже известным вопросам. Принципиально новое ожидалось лишь от анализа деятельности академии в 20 веке.

Однако уже первый этап исследования, посвященный истории медицинского факультета Московского университета в 18 веке, показал, что даже такой, на первый взгляд, хорошо и многократно описанный период становления российской медицины таит в себе много неизвестного.

Предлагаемая на суд читателей книга кардинальным образом меняет сложившиеся представления в отношении целей и задач университетского медицинского образования 18 века, критериев качества преподавания таких дисциплин, как практическая медицина и анатомия, полностью пересматривает существующее мнение о клинической базе Московского университета. Авторами аргументированно высказываются принципиально новые для отечественной историко-медицинской литературы взгляды на роль и значение курса теоретической медицины, на содержание и целевые установки университетского курса хирургии, дается иная оценка организации учебного процесса на медицинском факультете Московского университета, деятельности и вклада его первых профессоров. Этот перечень можно продолжить.

В чем же дело, почему в большинстве своем известный исторический материал "заговорил" другим языком? Ответ на поставленный вопрос заключается в избранном авторами подходе к изучаемой теме, в ракурсе ее рассмотрения. Впервые в качестве объекта исследования был взят учебный процесс, состояние и динамика которого стали основой для анализа деятельности факультета. И такая точка зрения не только целесообразна, но и единственно возможна при анализе истории развития

высшего учебного заведения. Ведь хотим мы того или не хотим, но именно обучение является основной функцией как университета в целом, так и отдельных его факультетов, а уровень организации учебного процесса и соответствие его содержания требованиям времени могут и должны являться главнейшими критериями оценки их деятельности.

Избранный объект в свою очередь предопределил невозможность формирования окончательных суждений и оценок вне контекста изучаемой эпохи, вне существовавших в 18 веке взглядов и представлений о целях, задачах, организации и содержании университетского медицинского образования, вне сопоставлений с положением дел в большинстве университетов Европы. Все вместе взятое и определило новизну выполненного исследования.

Этой книгой открывается серия монографий, которые в совокупности призваны проследить и с возможной объективностью проанализировать исторический путь, пройденный медицинским факультетом Московского университета — I Московским медицинским институтом — Московской медицинской академией.

Ректор Московской медицинской академии
им. И. М. Сеченова академик РАМН

М. А. Пальцев

От авторов к первому изданию

Работа над книгой никогда не ограничивается усилиями авторов. Доброжелательное отношение, помощь коллег и друзей, консультации специалистов необходимы всегда.

Идеология книги и исследований, положенных в ее основу, детально обсуждалась с ректором Московской медицинской академии им. И. М. Сеченова академиком РАМН М. А. Пальцевым. Главный редактор издательства "Медицина" академик РАМН Н. Р. Палеев, профессор кафедры истории медицины и культурологии ММА им. И. М. Сеченова В. И. Бородулин и заместитель генерального директора НПО "Медицинская энциклопедия" РАМН профессор В. П. Жмуркин прочитали рукопись, высказали ряд замечаний и предложений, которые были с благодарностью приняты.

Реконструкция содержания учебного процесса потребовала консультаций у специалистов. Материалы по преподаванию анатомии рецензировались академиком РАМН М. Р. Сапиным, по хирургии — академиком РАМН Н. Н. Малиновским, по практической медицине — академиком РАМН Ф. И. Комаровым, по акушерству — профессором А. П. Кирющенко. Глава по преподаванию химии написана при участии профессора А. Н. Шамина, по преподаванию фармацевтических дисциплин — М. О. Ивакиной.

Заведующая отделом редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ им. М. В. Ломоносова И. Л. Великая оказала значительную помощь в розыске учебников, использовавшихся в учебном процессе на медицинском факультете в 18 веке. Перевод текстов из учебников и руководств, изданных на латинском языке, осуществлялся профессором В. Ф. Новодрановой. Много сил в подготовку книги вложил заместитель директора издательства "Медицина" В. С. Челюканов. Авторы приносят им всем сердечную благодарность.

ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ И СОЗДАНИЕ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Татиана Шувалова не чаяла, что милостью императрицы и стараниями любимого сына день ее именин станет всероссийским праздником. Но так уж случилось, что именно 12 января 1755 года¹ Елизавета Петровна конфирмовала "покорное доношение" об учреждении в Москве университета и двух гимназий.

Учредительные документы Московского университета могли быть утверждены императрицей и раньше. Они были готовы и получили одобрение в Сенате еще в июле 1754 года. Вряд ли они вызывали возражения и у Елизаветы Петровны. Иначе зачем она тогда же, летом 1754 года, дала распоряжение подыскать подходящее для нового университета здание. Создается впечатление, что вопрос с конфирмацией сенатского решения попросту затягивался. И разговор о необходимости вначале обустроить помеще-

¹ Здесь и далее даты приводятся по старому стилю.

ние больше напоминает оправдание, нежели объяснение причин возникшей паузы. Ведь и после того, как учредительные документы все-таки были утверждены, университет открылся далеко не сразу – лишь спустя три месяца, в апреле 1755 года². Похоже, что злые языки были правы: о 12 января 1755 года – дне именин матери И.И.Шувалова – обер-камергер и императрица уговорились заранее.

Подарок получился изысканным и неповторимым – именинница несомненно должна была остаться довольна. Что же касается самого университета и эмоций его будущих руководителей, профессоров и студентов, то этот вопрос, видимо, волновал создателей значительно меньше.

* *
*

В начале 18 века Россия являлась единственной европейской страной, в которой не было университетов. Да и откуда им было взяться при существовавшем в обществе отношении к образованию. Известная культурная и торгово-промышленная изоляция России, сохранявшаяся в целом вплоть до конца 17 века, в сочетании с феодально-крепостнической, в сущности натуральной, формой хозяйственных отношений не только не способствовала появлению интереса и стремления к наукам, но, напротив, определила тот уклад жизни в допетровской Руси, который свел потребность в образовании к необходимости знать только совершенно элементарные вопросы в связи с удовлетворением практических нужд. Для приобретения таких знаний вполне хватало подготовки у так называемых мастеров, подавляющее большинство которых едва сами умели читать, писать и считать. При этом каких-либо реаль-

² Пенчко Н. А. Основание Московского университета.–М.,1953.–С.127.

ных усилий, направленных на изменение такого положения, ни со стороны государства, ни со стороны церкви вплоть до середины 17 века практически не предпринималось³. Только в период царствования Алексея Михайловича в Московском государстве начинает постепенно вводиться обучение молодых людей различным специальностям при приказах. Ряд авторов указывают даже на открытие школ, где готовили лекарей, костоправов, аптекарей, "рудознатцев", алхимистов, толмачей и пр. Однако известные данные о порядке и характере подготовки учеников, например при Аптекарском приказе, свидетельствуют, что это было не столько образование, сколько обучение ремеслу и полезным практическим навыкам⁴.

Существовавшее еще в 17 веке безразлично-негативное отношение общества к образованию в значительной степени было связано с позицией церкви. Даже духовные учебные заведения рассматривались деятелями русской православной церкви как "угроза неприкосновенности веры в России и единству веры во всех сословиях"⁵.

В отличие от церкви католической, создавшей в средневековой Западной Европе интернациональную систему духовных школ и сыгравшей определяющую роль в становлении и развитии университетского образования и университетов⁶, русская православная церковь вплоть до второй половины 17 века не проявляла серьезной заинте-

³ Фортунатов А. А. Школьное дело//Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат.-Т.50.-М.,б.г.-Стб.115-116.

⁴ Оборин Н. А. Н.Л.Бидлоо и его "Наставление для изучающих хирургию в анатомическом театре"//Н.Л.Бидлоо. Наставление по хирургии.-М.,1979.-С.376-377.

⁵ Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры.-Т.2(II).-М.,1994.-С.212.

⁶ Университет//Энциклопедический словарь Ф.А.Брокгауз и И.А.Ефрон.-Т.XXXIV^a(68).-СПб.,1902.-С.751-752.

ресованности в наличии даже элементарной грамотности, причем не только населения, но и духовенства. Правда, Стоглавый собор еще в 1551 году постановил организовать повсеместно школы для обучения в них грамоте, письму, церковному пению и чтению⁷, но прошло сто с лишним лет, и в 1667 году на следующем Соборе жалобы на то, что кандидаты в дьяконство и священство "грамоте мало умеют", так же как и ответ: "Мы-де учимся у своих отцов или у своих мастеров, а инде де нам учиться негде: сколько отцы наши и мастера умеют, столько и нас учат", – повторились слово в слово⁸. Петрей де Эрлезунд, посетивший Россию в начале 18 столетия, отмечал, что даже монахи не умели ни читать, ни писать⁹. Важнейшие церковные службы зазубривались под руководством "мастеров", как правило, прямо с голоса, минуя, по выражению Н.П.Милюкова, хитрую науку грамоты¹⁰.

В первой половине 17 века духовные школы существовали только на территории Юго-Западной Руси, попавшей еще в 16 веке под власть Литвы, а позже Польши и оказавшейся тем самым за пределами изоляционного кордона, разделявшего Россию и Западную Европу. Здесь православная церковь вынуждена была вести совершенно иную политику, в том числе и в вопросах народного образования, поскольку весьма остро стояла проблема национальной и религиозной ассимиляции. Под давлением католической реакции православные братства оказались вынужденными в противовес иезуитским организовывать свои славяно-греческие школы с достаточно широким

⁷ Фортунатов А. А. Цит. соч.–Стб.116.

⁸ Милюков П. Н. Цит. соч.–С.209.

⁹ Фальборк Г., Чарнолусский В. Начальное народное образование//Энциклопедический словарь Ф.А.Брокгауз и И.А.Ефрон.–Т.ХХ^а(40).–СПб.,1897–С.752.

¹⁰ Милюков П. Н. Цит. соч.–С.208.

кругом задач, в число которых, помимо обучения молодежи, входили также подготовка учителей, издание учебной и полемической литературы. Эти школы не только были созданы, но и получили весьма значительное развитие. Уже в конце первой трети 17 века в ряду наиболее крупных братских школ выделяется киевская, которая в 1631 году стараниями митрополита Петра Могилы преобразуется в "коллегиум", где, помимо тривиальных дисциплин (грамматики, диалектики, риторики), вводится преподавание философии, богословия и, что особенно важно, латинского языка¹¹. Именно оттуда, из киевского "коллегиума", берет свои истоки духовная школа Московской Руси.

Однако решение об организации подобных школ в Москве было принято далеко не сразу. Думается, что если бы несложившаяся в 60-х годах 17 столетия ситуация церковного раскола, одним из путей выхода из которой виделась ликвидация безграмотности переписчиков книг и церковнослужителей, результаты деятельности эмиссаров киевского "коллегиума" ограничились бы двумя школами – Ф.М.Ртищева и Симеона Полоцкого, закрытыми сразу же после первых выпусков¹².

Через невероятные трудности и только после вмешательства государства к исходу 17 века, в 1687 году, удалось организовать одно-единственное духовное учебное заведение – знаменитую Славяно-греко-латинскую академию в Москве. Впрочем, знаменитой Академия станет позднее – в 18 веке, когда из ее стен вышли М.В.Ломоносов, Д.И.Виноградов, Н.И.Попов, С.П.Крашенинников и др. В конце же 17 века, уже через 7 лет работы, она находилась на грани закрытия.

¹¹ Фортунатов А. А. Цит. соч.–Стб.217.

¹² Миллюков П. Н. Цит. соч.–С.214–215.

Основной причиной тому стала начавшаяся еще до открытия Академии борьба сторонников и противников преподавания латинского языка и на латинском языке. Напомним, что само создание Славяно-греко-латинской академии было своеобразным компромиссом, призванным примирить враждовавшие партии путем объединения двух организованных в начале 80-х годов школ: греческой иеромонаха Тимофея и латинской Сильвестра. Но споры вокруг вопроса о возможности использования в учебных заведениях латинского языка от этого не прекратились. Представители старомосковской партии, сторону которых принял константинопольский патриарх, вооруженные тезисом о том, что латинский язык ведет к искажению православной веры, добились в 1694 году изгнания из Академии ее первых европейски образованных преподавателей братьев Лихудов. В качестве одного из основных обвинений им было предъявлено именно преподавание на латинском языке. А поскольку ни новых конструктивных программ, ни преподавателей хотя бы соответствующего уровня консерваторы взамен предложить не смогли, Академия на рубеже 17–18 веков пришла в упадок¹³.

Сам по себе вопрос о введении в России преподавания латинского языка являлся чрезвычайно важным для становления отечественного образования. В 17 веке, когда в Западной Европе национальные языки только-только начинали завоевывать признание в качестве языков науки, учебная и научная литература публиковалась на латинском языке, без знания которого, таким образом, доступ к европейскому научному наследию был закрыт.

Отношение к латинскому языку в России изменилось только в 18 столетии. Тогда же началось и создание сети духовных и светских школ, которые своим появлением обязаны реформам Петра.

¹³ Там же.—С.218–222.

Петровские реформы в сфере народного образования имеют для нас особое значение. И дело даже не в том, что по инициативе Петра в стране впервые началось формирование нескольких систем учебных заведений. Гораздо важнее другое: создавая школы и академии, Петр заложил основные направления государственной политики в области народного образования, которым следовали практически до 80-х годов 18 века и которые, таким образом, не могли не повлиять на процессы становления Московского университета и его медицинского факультета.

Важнейшим направлением этой политики был сугубо утилитарный подход к образованию. Школа Петра не ставила перед собой задач воспитания и просвещения юношества, а решала вопросы подготовки специалистов для удовлетворения насущных потребностей страны. Из этого вовсе не следует делать вывод, что Петр не нуждался в широко образованных людях. Нуждался и достаточно высоко их ценил. Не случайно в период его царствования было предпринято сразу несколько попыток организовать в России общеобразовательные школы. Но Петру прежде всего требовались специалисты, главным образом военного и инженерного профиля. Требовалось их много и немедленно. Эту проблему общеобразовательная школа решить не могла. Конечно, из окончивших общеобразовательную школу можно подготовить специалистов более высокого уровня. Но время не ждало. К тому же создание общеобразовательных школ требовало значительных средств и кадров, которых не было. Возможно, поэтому предпринятые частными лицами попытки создать элитарную общеобразовательную школу не получили должной поддержки со стороны Петра. Так, поддержав на первых порах (в том числе и материально) инициативу пастора Э.Глюка и доктора философии Пауса, открывших в Москве гимназию (1703), где преподавались 5–6 языков, включая латинский, математика, история, политика, география, физика, риторика, Петр уже спустя несколько лет

потерял к ней интерес. В 1711 году гимназия была превращена в четыре "языковые" школы для подготовки переводчиков, а в 1715 году оставшиеся учителя и ученики были переведены в Морскую академию¹⁴.

Издав в 1710 году указ об открытии во всех приходах элементарных церковно-приходских школ, но встретив в ответ разумные аргументы, что никто толком не знает "чем школы строить, и кому быть учителями, и каким наукам учеников учить, и по каким книгам учиться, и откуда пищу иметь, и всякую школьную потребу приискать", он сразу же оставил эту идею¹⁵.

С подобным отношением к общеобразовательной школе мы встречаемся и в послепетровское время. Открытая в 1721 году Феофаном Прокоповичем в Петербурге школа для сирот и бедных детей с чрезвычайно широкой для того времени программой преподавания (4 языка, риторика, логика, история, география, математика, рисование, музыка) прекратила существование вскоре после смерти своего основателя. В 1738 году старшие ученики этой школы были призваны на государственную службу, а остальные отосланы в Александро-Невскую семинарию¹⁶.

Не позволяла решить задачу быстрого получения большого числа специалистов и отправка молодых людей для обучения за границу. Во-первых, много не пошлешь: казенным деньгам имелось и другое применение. Во-вторых, отправленные в Европу доносили царю, что они не знают, чему им учиться: "не то языкам, не то наукам". Учиться языкам – снова терять время. Здесь, кстати, вполне могли бы пригодиться те самые общеобразова-

¹⁴ Белявский М. Т. Школа и образование//Очерки русской культуры XVIII века.–М.,1987.–С.261–262.

¹⁵ Милюков П. Н. Цит. соч.–С.253.

¹⁶ Марголис Ю. Д., Тишкин Г. А. Отечеству на пользу, а россиянам во славу.–Л.,1988.–С.30–31.

тельные школы, в которых языкам уделялось большое внимание. И Петр, надо отдать ему должное, в конечном итоге так и поступил. Из числа выпускников гимназии Э.Глюка, прошедших в дальнейшем подготовку в европейских университетах, можно назвать имена таких государственных деятелей, как Л.Л.Блюментрост, А.П.Бестужев-Рюмин, Г.И.Головкин¹⁷. Но все это было, что называется, штучное производство. Петру же необходимо было в чрезвычайно сжатые сроки снабдить флот и регулярную армию "довольным числом" обученных различным военным специальностям людей.

Наиболее эффективным представлялся путь создания профессиональных школ, тем более что определенный опыт в этой области уже имелся. Но Петр пошел гораздо дальше своего отца и старшего брата. Вместо эпизодической подготовки учеников в порядке цехового ремесленного обучения при приказах он предпринял попытку создания целой сети профессионально-ведомственных государственных светских школ.

Главным препятствием на избранном пути стало отсутствие в стране учителей. Попытка привлечь для преподавания в школе "цифири и землемерия" – первой специальной школе, открытой Петром в 1698 году при Пушкарском приходе, – "мастера" Ивашку Зерцалова¹⁸, по-видимому, потерпела неудачу. И в 1700 году он выступил с предложением преобразовать Славяно-греко-латинскую академию как бы в политехникум, откуда выходили бы "во всякие potrzeby: в церковную службу и в гражданскую, воинствовать, знать строение и докторское, врачебное искусство". Однако эта идея встретила решительный отпор со стороны патриарха¹⁹. Возможно, поэтому в дальнейшем Петр

¹⁷ Там же.–С.30.

¹⁸ Милюков П. Н. Цит. соч.–С.247–248.

¹⁹ Фортунатов А. А. Цит. соч.–Стб.119.

привлекал для преподавания в профессиональных школах иностранных специалистов. Так, преподавателем открытой в 1701 году для подготовки моряков и военных инженеров "школы математических и навигацких наук" стал англичанин Фарварсон²⁰; организатором и первым преподавателем Московской госпитальной школы (1707) – выпускник Лейденского университета Н.Л.Бидлоо. Обучение в Инженерной школе (1712) было поручено сначала пленному полковнику Шторку, а затем военному инженеру Рейтеру. Курс военно-инженерных дисциплин в Петербургской инженерной школе (1719) также вел иностранец Де-Кулон²¹.

Именно с этих учебных заведений и началась закладка в России светской профессионально-ведомственной школы. Ведомства, которые призваны были обеспечивать кадрами эти школы, – Пушкарский, Адмиралтейский, Аптекарский приказы, приказ Рудных дел (три школы, открытые в 1716 и 1721 годах соответственно при Олонекских и Уральских металлургических заводах)²² – имели самое непосредственное отношение к главной задаче Петра первой половины его полновластного царствования – созданию флота и современной боеспособной регулярной армии. Не случайно обучение в профессиональных школах Петра приравнивалось к государственной службе, побег рассматривался как дезертирство, а за неуспеваемость предусматривались наказания, вполне соответствовавшие взысканиям, налагавшимся на солдат. Учеников в эти школы набирали не столько "охотой", сколько "силой".

Следующим шагом Петра стала попытка создания массовой профессиональной школы. Именно так большинст-

²⁰ Милюков П. Н. Цит. соч.–С.247–248.

²¹ Кулябко Е. С. М.В.Ломоносов и учебная деятельность Петербургской Академии наук.–М.–Л.,1962.–С.14.

²² Белявский М. Т. Цит. соч.–С.261.

вом историков трактуется организация в России в период с 1714 по 1725 год цифирных школ. И хотя в этих учебных заведениях, предназначавшихся изначально для всех без исключения детей, должны были преподаваться основы грамоты и математики, их не следует относить к истокам становления в России системы начального народного образования²³. Цифирные школы являлись сугубо профессиональными, поскольку были в первую очередь призваны решать две вполне конкретные ориентированные также на нужды армии и флота задачи. Первая заключалась в обучении потенциальных солдат основам арифметики и геометрии. Вторая сводилась к начальной подготовке и отбору наиболее способных детей для прохождения курса наук в специализированных военных школах. Чрезвычайно показательным в плане профессионального характера цифирных школ является освобождение от обучения в них посадских детей. Сыновья купцов и лавочников не подлежали призыву на военную службу.

Массовая профессиональная школа просуществовала недолго. Уже в 20-х годах число цифирных школ сократилось с 42 до 28, а количество учеников в них – с 2000 до 500. Подчинение их Адмиралтейскому приказу, рекрутские наборы учеников, наложение больших штрафов на родителей, укрывавших своих сбежавших из школ детей, не смогли изменить сложившейся тенденции. К 1747 году цифирных школ оставалось только 8, а вскоре и их пришлось присоединить к открытым в 1732 году гарнизонным школам, где проходили обучение только дети солдат²⁴.

Что же касается других упоминавшихся выше профессионально-ведомственных школ, то они, напротив, успешно развивались. И отнюдь не последнюю роль в этом сыграло

²³ См., например: Фальборк Г., Чарнолусский В. Цит. соч.–С.753.

²⁴ Милюков П. Н. Цит. соч.–С.249–250; Фальборк Г., Чарнолусский В. Цит. соч.–С.753.

другое направление петровской политики в области народного образования – принцип сословности, тот самый принцип, непримиримая борьба с которым в Европе была завершена уже к началу 17 столетия. Сам Петр, создавая свои первые школы, хотя и придерживался сословного подхода к подбору учеников, не был рабом этого принципа. И в "школе математических и навигацких наук", и в госпитальной, и в инженерных школах могли учиться дети, вышедшие из всех сословий русского общества – слишком дорог был каждый желавший и способный учиться.

И все же основы сословной школы в России 18 века заложил именно Петр. Указ от 16 января 1712 года об учреждении Инженерной школы предписывал содержать в ней не менее чем на "две трети дворянских детей"²⁵. После разделения в 1715 году "школы математических и навигацких наук" на Навигацкую школу в Москве и Морскую академию в Петербурге первая стала готовить исключительно разночинцев "в писаря к разным должностям в адмиралтействе" и учителей для цифирных школ, вторая – главным образом, а порой исключительно, детей дворян для офицерской службы на флоте. Инженерные школы также открывали дорогу к "высшей военной" карьере только дворянам²⁶. Уже в 1716 году Петр запретил дворянам отдавать своих детей в цифирные школы, предназначенные для обучения будущих солдат²⁷. В период царствования Анны Иоанновны сословная дворянская школа получила окончательное утверждение после открытия в 1731 году Сухопутного шляхетского кадетского корпуса специально для подготовки дворян к военной и гражданской службе.

²⁵ Марголис Ю. Д., Тишкин Г. А. Цит. соч.–С.30.

²⁶ Милюков П. Н. Цит. соч.–С.255.

²⁷ Там же.–С.255–256.

Оба этих направления государственной политики в области народного образования сыграли весьма существенную негативную роль в истории становления Московского университета. Профессиональная сословная школа в силу чрезмерной специализации образования не только не могла обеспечить университет студентами, но, напротив, явилась в этом вопросе серьезным конкурентом. Дворяне имели свои престижные учебные заведения, окончание которых если не гарантировало, то во всяком случае создавало все необходимые условия и предпосылки для их дальнейшей успешной карьеры, причем не только военной. Кадетский корпус включал в себя и отделение для подготовки к гражданской службе. Другое дело, что дворяне крайне неохотно туда шли. Но, при прочих равных, выбор для дворян между даже гражданским отделением кадетского корпуса, где готовили непосредственно к службе, и университетом, конечно, был не в пользу последнего.

Разночинцы также имели возможность получить и специальность, и место службы, причем такой службы, в которой особенно нуждалось государство со всеми вытекавшими отсюда последствиями.

Так, например, ориентация госпитальных школ прежде всего на освоение их учениками необходимых навыков оказания медицинской помощи, соответствие учебных программ требованиям, предъявлявшимся Медицинской канцелярией к соискателям права на практику, и сама организация выпускных экзаменов, позволявшая в случае успешного их прохождения покинуть школу в звании лекаря с правом практики и гарантированным местом службы, делали эти учебные заведения гораздо более привлекательными, нежели медицинский факультет Московского университета²⁸. Последний, в силу следования канонам

²⁸ Палкин Б. Н. Русские госпитальные школы XVIII века и их воспитанники. — М., 1952. — С. 2.

европейской традиции университетского медицинского образования, предусматривавшим широкую, но сугубо теоретическую подготовку и крайне неопределенный статус выпускников – кандидатов медицины, которым обязательно требовалось дальнейшее усовершенствование²⁹, в плане привлечения учащихся вплоть до начала 19 века не выдерживал конкуренции с госпитальными школами.

Чрезвычайно показательно, что студентами Московского университета в первые десятилетия его работы, помимо учеников университетской гимназии, становились, как правило, только те, кто прошел предварительную подготовку в учебных заведениях, еще не ставших в тот период ни в полной мере профессиональной, ни сословной школой – выпускники духовных академий и семинарий³⁰.

Попытки превратить духовные семинарии и академии в сословно-профессиональную школу предпринимались неоднократно и начались еще в 20-е годы, когда только стали появляться первые духовные школы. Уже вскоре после утверждения Синодом в 1721 году "Духовного регламента", определявшего организацию епархиальных архиерейских школ, начали раздаваться требования правительства, чтобы в них обучались только дети духовенства. Но требования эти не выполнялись. В 1732 году руководство Славяно-греко-латинской академии в Москве прямо заявило, что если не принимать всех желающих, то "учение распространением пресечется". Даже во второй половине 18 века в духовных школах и образованных, начиная с 1737 года, на базе наиболее крупных из них духовных семинариях продолжали обучаться дети дворян,

²⁹ Сточик А. М., Затравкин С. Н. Кого готовил медицинский факультет Московского университета в XVIII веке? // Исторический вестник Московской медицинской академии им. И.М.Сеченова. – 1995. – Т. III. – С. 99–106.

³⁰ Шевырев С. П. История Императорского Московского университета. – М., 1855.

солдат, крестьян³¹. А поскольку при этом наряду с богословием читались еще грамматика, риторика, философия, курсы греческого и латинского языков, то духовные семинарии и академии не стали также и чисто профессиональной школой и представляли собой в середине 18 века учебные центры, обеспечивавшие наиболее широкую общеобразовательную подготовку. Конечно, можно говорить о том, что выпускники духовных учебных заведений были недостаточно подготовлены для прохождения университетского курса наук, что их образование носило преимущественно гуманитарный характер, что они практически не знали таких дисциплин, как математика и физика, что им гораздо труднее по сравнению с университетскими гимназистами давалось изучение химии, натуральной истории. Но в отличие от учеников и выпускников профессиональных школ они не только могли стать студентами университета, но и становились ими, оказав тем самым значительную поддержку Московскому университету, испытывавшему в 18 веке острый дефицит студентов. А особенности полученного в духовных семинариях и академиях образования не помешали многим из них впоследствии стать докторами философии, права или медицины, профессорами Московского университета.

И кто знает, если бы духовные семинарии встали на ноги не в 40-х – начале 50-х годов, а на два десятилетия раньше, может, иначе сложилась бы судьба академического университета в Петербурге. Однако все по порядку...

Несмотря на преимущественную ориентацию Петра на профессиональную школу, первый русский университет обязан своим возникновением именно ему. Правда, основная заслуга Петра в этом начинании сводилась лишь к тому, что он позволил уговорить себя организовать такое учебное заведение и не стал возражать против его открытия. В 20-е годы, когда обсуждались вопросы создания

³¹ Милюков П. Н. Цит. соч.–С.256–257.

университета, великого реформатора в значительно большей степени, а возможно и исключительно, волновала проблема академии наук. Мы не оговорились, не проблема становления русской науки, а именно академии наук как некоего центра, в котором выписанные из-за границы европейские знаменитости совершали бы научные открытия. И факт, что результаты научных исследований волновали Петра куда больше, чем сама наука, подтверждается хотя бы тем, что не с университетов, а именно с академии наук он начал решение этой проблемы. Однако в ходе первых же переговоров с Х.Вольфом о его переезде на любых условиях в Россию для работы над *regretuum mobile* ученый сначала намеками, а затем прямо дал понять Петру, что для России было бы гораздо более перспективным приглашать не знаменитостей для "усовершенствования наук и искусств", а начинающих свою карьеру профессоров для чтения лекций³². Эту мысль Х.Вольфа полностью поддержал и Г.В.Лейбниц, с которым Петр также состоял в переписке. Но тогда, в начале 20-х годов, идея первоочередной организации университета была признана и Петром, и большинством его ближайших сподвижников нецелесообразной и нереальной: "...ибо хотя чрез оную (Академию. – *Авт.*) художества и науки... не скоро в народе розплодятся, а при заведении университетов – и меньше того, ибо когда розсудишь, что еще прямых школ, гимназиев и семинариев нет, в которых бы молодые люди началом обучаться и потом выше градусы наук воспринять и угодными себя учинить могли, то невозможно, дабы при таком состоянии университет некоторую пользу учинить мог"³³.

И все же сомнение в правильности организации только Академии наук у Петра, видимо, возникло. В результате появился подготовленный в 1724 году Л.Л.Блюментростом

³² Там же.–С.258.

³³ Уставы Академии наук СССР.–М.,1974.–С.32.

"Проект положения об учреждении Академии наук и художеств", определявший создание в Петербурге "триединого здания": академия – университет – гимназия.

Однако этот компромисс смог примирить только дискутировавших ученых мужей. Примирить же идею основания элитарного научно-педагогического центра с российской действительностью ему было не под силу. Ни "обучающая" академия, ни университет для того, "чтоб впредь упалые места академиков домашними наполняться могли", ни гимназия для обучения "младых людей в первых фундаментах", выражаясь языком 18 века, "не пошли".

Для академической гимназии не смогли найти русских учителей, и пришлось использовать в этом качестве тех немецких студентов, которые прибыли в Россию вместе с академиками-профессорами³⁴. Такая практика, когда студенты становились преподавателями гимназии, в 18 веке являлась общепринятой. Но немецкие студенты не знали русского языка, а учиться ему не хотели, поскольку ехали в Россию совершенно с иными целями. В результате первый инспектор гимназии академик Т.З.Байер вынужден был разделить ее только на две школы: немецкую и латинскую³⁵. Как следствие успешно изучать начальный курс гимназических дисциплин могли только либо чрезвычайно одаренные, либо уже более или менее знавшие немецкий язык дети. В Петербурге таких детей хватило всего на несколько лет работы гимназии. В первый год (1726) было принято 120 учеников, во второй (1727) – 58, в третий (1728) – уже 26, а в 1730 в гимназию поступило только 14 человек. При этом большинство из поступавших в последующем прерывало обучение. В 1731 году с

³⁴ Кулябко Е. С. Цит. соч.–С.53.

³⁵ Рудаков В. Гимназия//Энциклопедический словарь Ф.А.Брокгауз и И.А.Ефрон.–Т.VIII^a(15).–СПб., 1893.–С.698.

открытием кадетского корпуса гимназия лишилась еще значительной части своих потенциальных учеников – детей дворян. Предпринятые правительством попытки пополнить состав учащихся за счет детей солдат, ремесленников и даже крепостных, естественно, никаких результатов не дали. Рассчитывать на знание, например, сыном ремесленника немецкого языка не приходилось вовсе. Не помогло исправить положение дел и введение казенных стипендий – начиная с 30-х годов были периоды, когда в гимназию по 6–7 лет не поступало ни одного ученика³⁶.

Судьба гимназии позволяет легко предвидеть и судьбу академического университета. Уже в 1733 году он на пять лет остался без студентов, и академики, чтобы оправдать свое профессорское жалованье и выполнять положения устава, сами ходили друг к другу на лекции. При этом успех, да и сама возможность обучения в университете находились также в прямой зависимости от знания языков. Не случайно в числе первых 38 студентов, изучавших науки в период с 1726 по 1733 год, русских было только 7 человек, и при этом трое из них – родственники сотрудников Академии³⁷. Если даже гимназический курс на немецком языке не смогли обеспечить учениками, то надежда отыскать в России русских молодых людей, способных усваивать университетский курс на иностранных языках, была сродни несбыточной мечте.

Другой особенностью академического университета, оттолкнувшей от него студентов, стало распределение учебных дисциплин не по факультетам, как первоначально планировал Л.Л.Блюментрост, а по классам академии. Этот, на первый взгляд, чисто формальный вопрос на деле потребовал от

³⁶ Wiasemsky T. Hauptmomente aus der Geschichte der Kais Moskauer Universität seit ihrer Grundung//Laphysiologiste Russe.–V.6.–M.,1914.–S.24.

³⁷ Кулябко Е. С. Цит. соч.–С.33–36.

поступавших в университет очень солидной не только языковой, но и общеобразовательной подготовки. Определенный начальный уровень знаний по общеобразовательным дисциплинам требовался и для поступления в европейские университеты. Но именно начальный, поскольку задачу серьезной общеобразовательной подготовки решал курс приуготовительных наук философского факультета.

Все вместе взятое поставило под сомнение даже сам факт существования академического университета. В отечественной исторической литературе получило распространение мнение, что университет в составе Академии наук появился лишь после принятия нового Регламента в 1747 году³⁸. Не вдаваясь сейчас в дискуссию по этому вопросу, отметим лишь, что и после 1747 года положение дел с обучением студентов принципиально не изменилось. Введение системы обязательных слушателей полностью повторило эффект аналогичной меры в академической гимназии. После зачисления в университет казеннокоштными студентами 24 выпускников лучших в России духовных семинарий и академий жизнь в нем ожила ненадолго – до времени их выпуска в 1753 году.

Сложившееся, таким образом, к середине 18 века положение в области просвещения, мягко говоря, не благоприятствовало развитию университетского образования в России. Но полноценный университет стране был необходим. Он был необходим для подготовки широко образованных русских людей, способных решать самые разные государственные задачи; для пополнения и окончательного закрепления той крайне тонкой прослойки просветителей, которая возникла в России петровских преобразований; для формирования российской интеллигенции. Наконец, он был необходим для повышения престижа стра-

³⁸ См., например: Кулябко Е. С. Цит. соч.

ны на европейской арене, куда Россия стремительно ворвалась в первой трети 18 столетия.

Сейчас трудно сказать, насколько все это осознавалось теми, от кого зависело принятие окончательных решений. Но отношение правящей элиты русского общества к образованию во времена елизаветинского царствования изменилось весьма существенно. Знание языков, начитанность, умение вести беседу об искусстве, литературе, науках стали неотъемлемыми атрибутами дворцовой жизни. Не случайно наиболее приближенным сановникам Елизавета Петровна поручила решение проблем, связанных с развитием культуры и образования: К.Г.Разумовскому – руководство Академией наук, И.И.Шувалову – кураторство в Московском университете и директорство в Академии художеств.

Состояние просвещения не благоприятствовало развитию университетского образования. Но, несмотря на это, полноценный университет в России все-таки был учрежден. Учрежден в Москве усилиями двух русских людей – И.И.Шувалова и М.В.Ломоносова.

* * *

В начале 18 века Шуваловы не были ни богаты, ни родовиты. Костромские дворяне средней руки. И не попади юные Петр и Александр Ивановичи ко двору полуопальной цесаревны Елизаветы (первый – камер-пажом, второй – камер-юнкером), не стань они активными участниками возведения ее на российский престол, вряд ли поднялся бы этот род, вряд ли оставил бы след в истории.

Но все случилось, как случилось, и оба брата с самого начала елизаветинского правления "попали в случай". Старший – Александр Иванович – возглавил Тайную канцелярию и назначение свое оправдывал: "был, по словам

Екатерины II, грозою всего двора, города и всей империи"³⁹. Петр Иванович был респектабельней, "заплечными делами" не занимался, но взяточничеством и казнокрадством был знаменит, хотя и государственных дел не чурался, обладал не свойственным большинству его современников чувством нового и вообще был деятелем широкого размаха и большой инициативы⁴⁰. "Бешеный прожектер" в прямом, а не в уничижительном смысле⁴¹, он внес ряд полезных усовершенствований в систему налогообложения, финансовую политику, законодательство, хотя каждое его начинание сопровождалось весьма внушительным личным обогащением. Удачно женившись на любимице Елизаветы Петровны – Мавре Егоровне Шепе-

³⁹ Записки императрицы Екатерины II.–М.,1989.–С.356.

⁴⁰ Подробнее см.: А н и с и м о в Е. В. Россия в середине XVIII века. Борьба за наследие Петра I//В борьбе за власть. Страницы политической истории России XVIII века.–М.,1988.–С.84–101, 235–243. "Граф Петр Иванович, – писал С.М.Соловьев,– человек с большими дарованиями, но с очень легкою нравственностью, отличавшийся большим искусством притворяться и меняться по обстоятельствам; полезную деятельность свою он запятнал корыстолюбием" (С. М. С о л о в ь е в. Учебная книга русской истории//Соловьев С.М. Сочинения в восемнадцати книгах.–Кн.XVIII.–М.,1995.–С.429). С.Ф.Платонов, отдавая должное большим способностям П.И.Шувалова "и в сфере управления, и в хозяйственных делах", особо отмечал его "сильное стремление к наживе и крайнее честолюбие", беспринципность и аморальность. "Власголюбивый интриган и нечестный стяжатель затмевали в нем государственного деятеля. ...Лицемерный и умевший примениться ко всяким обстоятельствам, он являлся страшным для всех человеком и по своему влиянию, и по своей мстительности. Вообще П.И.Шувалов был человеком без принципов, без морали и представлял собой темное пятно царствования Елизаветы" (П л а т о н о в С. Ф. Лекции по русской истории//Платонов С.Ф. Собрание сочинений.–Т.1.–Санкт-Петербург,1993.–С.579).

⁴¹ Гордин Я. Наследие Петра и судьбы наследников//В борьбе за власть. Страницы политической истории России XVIII века.–М.,1988.–С.15.

левой – женщине "злой как дьявол и соответственно корыстной", несравнимо уродливой, но доставлявшей императрице "мимолетные и тайные наслаждения", Петр Иванович был полностью защищен и всегда мог рассчитывать на благосклонность государыни⁴². В 1746 году оба брата были пожалованы в обер-камергеры и возведены в графское Российской империи достоинство, позднее стали сенаторами и фельдмаршалами, а Петр Иванович сверх того в течение более десяти лет (1751–1761) возглавлял "тайное правительство".

Конечно, только положение старших двоюродных братьев, помноженное на искусность Мавры Егоровны, вывело на историческую сцену третьего Шувалова, Ивана Ивановича, более знаменитого, более известного потомкам, чем его могущественные родственники. В июле 1749 года двадцатидвухлетний Иван Иванович был представлен Елизавете Петровне. Она следовала из Москвы на богомолье в монастырь св. Саввы через имение князя Н.Ф.Голицына – село Знаменское. А осенью в Новом Иерусалиме (в Воскресенском монастыре), где Елизавета Петровна хотела праздновать свои именины (5 сентября⁴³), И.И.Шувалов был пожалован в камер-юнкеры, и "благодаря этому, – не без яда вспоминала Екатерина II, – его случай перестал быть тайной, которую все передавали друг другу на ухо, как в известной комедии"⁴⁴. Через год он уже камергер и вплоть до кончины Елизаветы Петровны, до 24 декабря 1761 года, один из самых влиятельных людей в империи. Набожная императрица не отказывала себе в скромном.

⁴² Валишевский К. Дочь Петра Великого.–М.,1989.–С.162–163.

⁴³ Соловьев С. М. История России с древнейших времен.–Т.23// Соловьев С.М. Сочинения в восемнадцати книгах.–Кн.ХII.–М.,1993.–С.46.

⁴⁴ Записки императрицы Екатерины II.–М.,1989.–С.164.

По обычаям российского фаворитизма, влияние, а точнее могущество, И.И.Шувалова не соответствовало его официальному положению. "Генерал-адъютант, от армии генерал-поручик, действительный камергер, орденов Белого орла, святого Александра Невского и святой Анны кавалер, Московского университета куратор, Академии Художеств главный директор и основатель, Лондонского королевского собрания и Мадридской королевской Академии Художеств член"⁴⁵ – перечень титулов и званий звучал весьма внушительно, но все же был далеко не достаточен для того всесия, каким реально обладал И.И.Шувалов.

В последние семь-восемь лет правления Елизаветы он был единственным сановником, имевшим свободный доступ к императрице. Даже высшее должностное лицо империи – канцлер М.И.Воронцов – неоднократно обращался к И.И.Шувалову не только по личным делам, но и с просьбами похлопотать об аудиенции. На имя И.И.Шувалова направлялись депеши посланников и рапорты главнокомандующих, а его суждения по государственным делам не вызывали возражений в придворных кругах и воспринимались чуть ли не наравне с указами императрицы. "Он вмешивается во все дела, не нося особых званий и не занимая особых должностей... – писал французский дипломат Ж.-Л.Фавье. – Одним словом, он пользуется всеми преимуществами министра, не будучи им"⁴⁶.

"Особое звание", а лучше сказать, "особая должность", разумеется, у И.И.Шувалова была, хотя и не значилась как таковая в придворном "штатном расписании". Однако от этого она не утрачивала своей значимости и влияния.

⁴⁵ Полный перечень титулов и званий И.И.Шувалова со ссылкой на его переписку с графом М.И.Воронцовым приводит Е.В.Анисимов (Анисимов Е. В. Цит. соч.–С.252).

⁴⁶ Фавье Ж.-Л. Записки секретаря французского посольства в С.-Петербурге//Исторический вестник.–1887.–Т.XXIX.–С.352.

Известна такая должность была и при французском дворе, и Ж.-Л. Фавье, видимо, стремился подчеркнуть исключительность влияния И.И. Шувалова в решении государственных дел по сравнению с официальными должностными лицами. Исключительность даже для фаворита. Но для России могущество фаворитов не было тогда новостью: все еще помнили Э.И. Бирона. Правда, трудно сказать, кто был могущественнее: Э.И. Бирон или И.И. Шувалов? Другое дело, что И.И. Шувалов был не единственным, не вел себя как временщик, не кичился своим всесилием, действовал тоньше, осторожнее, не был столь алчным, стремился принести пользу Отечеству, не причинять зла окружающим. Вообще в череде фаворитов 18 века, бывших и будущих, И.И. Шувалов – фигура необычная и по склонностям, и по поведению.

Мягкий в обращении, начитанный, но "несколько ослабленный" и склонный к созерцательности, самоанализу и меланхолии⁴⁷, И.И. Шувалов разительно отличался от современных ему вельмож и благожелательностью, и скромностью. Он не стремился, подобно Разумовским, своим двоюродным братьям и другим влиятельным особам, извлечь все возможные выгоды из своего положения, а, напротив, нередко публично отказывался от плывущих в руки чинов, званий, денег, деревень с крестьянами. "Могу сказать, что рожден без самолюбия безмерного, без желания к богатству, честям и знатности: когда я, милостивый государь, ни в каких случаях к сим вещам моей алчбы не казал в таких летах, где страсти и тщеславие владычествуют людьми, то ныне истинно и более притчны нет". Эту отповедь И.И. Шувалов направил 10 декабря 1757 года канцлеру М.И. Воронцову в ответ на представленный им проект указа, согласно которому Иван Иванович должен был стать членом Конференции при высочайшем дворе, сенатором, кавалером ордена Андрея Пер-

⁴⁷ Анисимов Е. В. Цит. соч.–С.254.

возванного и владельцем поместий с 10 тысячами крепостных⁴⁸. Этот пример не единственный.

Ряд крупных русских историков весьма позитивно оценивают не только деятельность, но и личные качества И.И.Шувалова. К "лучшим людям эпохи", представителям "новых, лучших понятий и стремлений" относил И.И.Шувалова С.М.Соловьев. В результате преобразовательной деятельности Петра, пояснял свой вывод выдающийся русский историк, постепенно изменялось отношение к просвещению и науке, появилось осознание необходимости "внутреннего", нравственного преобразования человека и общества, убеждение, "что истинное просвещение состоит в ясном понимании обязанностей человека и гражданина, в признании в каждом человеке достоинства человеческого, в обхождении с людьми по-людски...". И если вторая половина 18 века, начиная с елизаветинского царствования, характеризуется "распространением гуманных идей, внутренней людскости", смягчением нравов, выработкой кодекса поведения дворянина, основанного на понятии чести и личного достоинства, то И.И.Шувалов не просто высказывал "эти новые понятия и требования", но примером своей жизни как бы являл образец следования им: "...Ив.Ив.Шувалов, человек, отличавшийся не одним вельможным покровительством просвещению, но особенно тем, что в самом себе показал плоды этого просвещения; Ив.Ив.Шувалов умел не запятнать себя ни корыстолюбием, ни мелким честолюбием, внес в свои отношения с другими эту людскость, или "благородное учтивство", как выражались современники, следствие сознания человеческого достоин-

⁴⁸ Там же.—С.252. См. также Письма И.И.Шувалова к графу М.И.Воронцову//Русский архив.—1870.—Кн.7.—Стб.1396.

ства в себе самом и в других; современники говорят, что к нему подходили с какою-то радостью"⁴⁹.

Характеристика С.Ф.Платонова более восторженная. Подчеркивая полную противоположность Ивана Ивановича его старшему двоюродному брату Петру Ивановичу, он писал: "Ив.Ив.Шувалов, заметная личность в истории русской образованности. Его всегда видели с книгой в руках, он учился для знаний, потому что любил их; наука выработала в нем определенное нравственное мировоззрение и сделала одним из первых пионеров просвещения в России. Он поддерживал русскую науку как мог (вспомним его переписку с Ломоносовым), основал первый в России Московский университет и при нем две гимназии. Будучи камергером и большим любимцем Елизаветы, И.И.Шувалов не стремился, однако, к государственной и политической деятельности и оставался меценатом и куратором Московского университета; на нем не лежит ни одного пятна – напротив, это была личность замечательно привлекательная, представитель гуманности и образованности, лучший продукт петровских преобразований и украшение елизаветинской эпохи"⁵⁰.

Конечно, имя И.И.Шувалова неразрывно связано с развитием российского образования: благодаря его хлопотам были основаны Московский университет, Академия художеств, Казанская гимназия. Бесспорно, он оказывал покровительство отдельным ученым (прежде всего М.В.Ломоносову), литераторам, деятелям театра. Вероятнее всего, его поведение, в смысле учтивости, мягкости в обращении с окружающими, было безукоризненно. Но этим, с нашей точки зрения, следовало бы ограничиться.

⁴⁹ Соловьев С. М. Учебная книга русской истории//Соловьев С.М. Сочинения в восемнадцати книгах.–Кн.XVIII.–М.,1995.–С.429.

⁵⁰ Платонов С. Ф. Цит. соч.–С.579.

У нас нет данных для объективной оценки степени образованности И.И.Шувалова. Его переписка с Вольтером, К. Гельвецием, Ж. Д'Аламбером свидетельствует не столько о глубине мысли и широте познаний, сколько о владении эпистолярным жанром. Нет оснований считать, что представлявшиеся им документы были составлены самостоятельно, к тому же они не отличаются особой глубиной знания и проработки поставленных проблем. Многократно цитируемое наблюдение Екатерины II ("Его всегда видали с книгой в руках...") также не служит доказательством широты образования. И уж, конечно, по уровню образованности И.И.Шувалов несравним с такими, например, сподвижниками Петра I, как Ф.Прокопович, В.Н.Татищев, Л.Л.Блюментрост, или современниками – М.В.Ломоносов, С.П.Крашенинников и даже В.Е.Адоуров, ставший с 1762 года куратором Московского университета. Кстати, вряд ли он был образованнее современных ему государственных деятелей – А.П.Бестужева-Рюмина или М.И.Воронцова. Скорее всего, по уровню образованности И.И.Шувалова нельзя отнести к числу просветителей. "Вельможное покровительство просвещению" – оценка, с нашей точки зрения, наиболее взвешенная.

Утверждение, что И.И.Шувалов "не стремился к государственной и политической деятельности", также достаточно спорно. То есть к "деятельности" он, может быть, действительно не стремился, но нити управления государственными делами держал в своих руках крепко. И даже после кончины Елизаветы Петровны, когда положение его сильно пошатнулось, И.И.Шувалов делал все, чтобы остаться на поверхности.

Не следует преувеличивать и бескорыстие И.И.Шувалова, хотя скорее всего он действительно не был таким алчным и честолюбивым, как большинство вельмож и фаворитов, толпившихся у елизаветинского и екатерининского трона. В течение 12 лет И.И.Шувалов находился

на содержании казны. Жил широко. Иначе при елизаветинском дворе было невозможно. Да и положение обязывало. И все же полученного от Елизаветы Петровны хватило ему еще на 35 лет безбедного существования. В течение 12 лет положение Ивана Ивановича позволяло его двоюродным братьям (особенно П.И.Шувалову) беззастенчиво грабить казну, причем, помогая родственникам устраивать их дела, он не мог не понимать, какой огромный ущерб стране наносило их неумное казнокрадство. И то, что другие делали бы то же самое и, возможно, в более крупных размерах, для честного и бескорыстного человека вряд ли может служить оправданием.

Скромность Ивана Ивановича тоже своеобразная: постоянно подчеркиваемая, громогласная, так сказать "паче гордости". Е.В.Анисимов справедливо отмечал, что "нарочитая скромность" и "формальная незначительность" чинов и званий были для И.И.Шувалова "позицией", "маской лицемерия", неординарной манерой поведения, позволявшей ему не только демонстрировать свою исключительность из ряда титулованных вельмож, но и избегать "ответственности за успех дел, к которым он был причастен, а нередко уклоняться от их решения". По мнению Е.В.Анисимова, внешние формы поведения И.И.Шувалова "перекликаются с идеями, сложившимися в 50-е годы в кружке М.М.Хераскова", где "литературная и аристократическая фронда" провозглашала в качестве идеала тип человека, "презирающего внешние блага, углубившегося в самосовершенствование, в книги, проводящего жизнь среди высоких идей, окруженного избранными и не менее добродетельными друзьями". Такой идеал для фаворита был недостижим, да и вряд ли Иван Иванович стремился осуществить его в полном объеме. Г.А.Гуковский тонко заметил, что образ этот "создавался как бы вне своей личной жизни, как идеальный облик бытового сознания дворянина, правомерно занимавшего высокое положение в сословной лест-

нице и претендующего на самостоятельность"⁵¹. Так что скорее всего не было в И.И.Шувалове ни истинной скромности, ни истинного бескорыстия, а одно лицемерие. Непонятное для многих окружающих, но от этого не превращавшееся ни в скромность, ни в бескорыстие, ни в благородство. Он создавал себе имидж если не просветителя, то по крайней мере просвещенного фаворита, стремившегося использовать свой фавор для процветания российских наук и искусств. Но маска обманывала не всех. Французский посол в России барон Л.-О.Брейтель, например, вспоминая о первой беседе с И.И.Шуваловым, писал: "Камергер не обнаружил в этом разговоре того ума, о котором мне говорили. Я нахожу его легкомысленным, в сущности малообразованным, но стремящимся показаться таковым"⁵².

Легкомысленный, в сущности малообразованный, но стремившийся казаться иным... Печать этих качеств на всех его начинаниях. Собственно начинания по смыслу, значимости грандиозны, но трудно отказаться от впечатления, что все они не были плодом его собственных размышлений, собственных идей. Все было кем-то подсказано, внушено, предложено. Он (слава Богу!) эти предложения поддерживал, помогал претворить в жизнь, обеспечивая положительное решение и в Сенате (у брата), и у императрицы, и тем самым внес большой вклад в развитие русской культуры. Но стремление казаться не тем, кто он есть, не меценатом, а просветителем, основателем и возглавителем, заставляло его брать на себя больше, чем он мог. И вот здесь в полной мере проявлялись и легкость мысли, и недостаточная образованность. Как это ощущается в деле основания Московского университета...

⁵¹ Анисимов Е. В. Цит.соч.-С.253, 254-255; Гуковский Г. А. Очерки по истории русской литературы XVIII в.-М.-Л.,1936.-С.31.

⁵² Цит. по кн.: Валишевский К. Дочь Петра Великого.-М.,1989.-С.169.

Когда состоялось знакомство И.И.Шувалова с М.В.Ломоносовым, точно не установлено, но известно, что уже в 1750 году Иван Иванович нашел повод представить М.В.Ломоносова императрице.

М.В.Ломоносов и И.И.Шувалов

Вероятно, в это же время М.В.Ломоносов начал внушать И.И.Шувалову мысль о необходимости создания в России университета. Поначалу речь, конечно же, шла об академическом в Петербурге, о превращении его в полноценный университет по примеру лучших европейских. Об этом М.В.Ломоносов пекся давно, как полагают многие ис-

следователи, еще с 1743 года, когда составил документ "В высокоучрежденную Следственную комиссию Академии наук нижайшее доказательство о том, что здесь, в Академии наук, нет университета". Подробно написал, как должен быть устроен настоящий университет, какие должен иметь привилегии, как организовано обучение. И о медицинском факультете в его составе не забыл⁵³. Документ важный, свидетельствующий о глубоком знании автором европейской университетской традиции. Но он об университете в целом; о задачах отдельных факультетов в нем ничего нет. Возможно, и не думал М.В.Ломоносов об этом, считал очевидным. Правда, в черновой собственноручной записке, относящейся к 1755 году и озаглавленной "Всенижайшее мнение о исправлении Санктпетербургской Императорской Академии наук", написал, что медицинский факультет создается "для умножения в России российских докторов и хирургов"⁵⁴. Но это только фраза, и нельзя ее понимать буквально как целевую установку университетского медицинского образования. Нет оснований предполагать, что М.В.Ломоносов замышлял создать в Петербурге медицинский факультет, выпускники которого сразу же после окончания, без дополнительной стажировки и формальностей (как это было тогда во всех европейских университетах) приобретали бы право на врачебную практику. Нет оснований предполагать, что он замышлял организовать в университете при Академии наук подготовку хирургов, хотя в формулировке М.В.Ломоносова и слышится скрытое противопоставление университета существовавшей тогда в России системе подготовки хирургов для армии – системе госпитальных школ. А если, паче

⁵³ Кулябко Е. С. М.В.Ломоносов и учебная деятельность Петербургской Академии наук.–М.–Л.,1967.–С.42–49.

⁵⁴ Ломоносов М. В. Всенижайшее мнение о исправлении Санктпетербургской Императорской Академии наук//Ломоносов М.В. ПСС.–Т.10.–М.–Л.,1957.–С.21.

чаяния, замышлял, то либо не знал существовавшей тогда университетской традиции медицинского образования, что маловероятно, либо не представлял себе масштабов того, что необходимо создать для реализации этих идей. Да что об этом говорить: записка была черновиком документа. Позднее, в 1764 году, в соответствии с ордером Президента Академии наук К.Г.Разумовского М.В.Ломоносов подготовил "Предложения об устройстве и уставе Петербургской Академии" и там написал: "Для сохранения людского здоровья и для попечения о нем нужно основать факультет медицинский"⁵⁵.

Но планы планами, внушения внушениями, а дело с созданием полноценного университета в Петербурге не слаживалось. М.В.Ломоносову мешали его академические недруги. Да и трудно сказать, насколько реальной для выполнения была задача радикального реформирования университета при Академии наук. Во всяком случае И.И.Шувалов в этом вопросе долгое время не проявлял особой активности: вмешиваться в дела Академии наук было для него затруднительно из-за деликатных отношений с Разумовскими. Отсюда, возможно, и возникла идея создать университет, независимый от Академии наук, в Москве.

Впрочем, С.М.Соловьев, говоря о причине и обстоятельствах учреждения университета в Москве, взаимоотношений между елизаветинскими фаворитами не касался. «Университет при Академии наук не ладился, – читаем мы в его "Истории России с древнейших времен", – чувствовалась потребность сделать шаг вперед в развитии учебных учреждений, выделить университет из Академии наук, учебное заведение – из ученого. Но для удовлетворения потребностей известного времени нужны люди, "кото-

⁵⁵ Ломоносов М. В. Предложения об устройстве и уставе Петербургской Академии//Ломоносов М.В. ПСС.–Т.10.–М.–Л.,1957.–С.123.

рые по каким бы то ни было побуждениям способны приводить в исполнение требуемое дело". Конечно, Ломоносов, да и не один Ломоносов, мог внушать Ив.Ив.Шувалову, что университет при Академии вследствие беспорядочности ее управления не пойдет, и у мецената, естественно, родилась мысль основать самостоятельный университет, увековечить свое имя и, взявши новое учреждение под свое главное начальство, дать ему надлежащее устройство. Мысль эта могла быть прямо внушена Ломоносовым или поддержана им; по крайней мере Ломоносов говорит, что он "первый причину подал к основанию университета"⁵⁶.

С.М.Соловьев, таким образом, достаточно четко отделяет пшеницу от плевел в отношении причины учреждения Московского университета, а также роли И.И.Шувалова и М.В.Ломоносова в решении этого вопроса. Университет как учебное заведение не может встать на ноги и тем более успешно развиваться, не будучи самостоятельным учреждением, находясь, как это было в России, в составе Академии наук. В этом с С.М.Соловьевым трудно не согласиться: на его стороне многовековой опыт европейских стран, где университеты были не только самостоятельными учреждениями, но и пользовались в вопросах организации внутриуниверситетской жизни известной автономией. Решение Петра I о создании университета с гимназией в составе Академии наук было вынужденным и поначалу себя оправдывало: в Академию приехала зарубежная профессура, что позволило сконцентрировать в одном месте достаточные научные силы, за сравнительно короткий срок удалось создать определенную материально-техническую базу, подготовить хотя и небольшую, но вполне пригодную для исследовательской и педагогической работы группу русских ученых. Далее для создания

⁵⁶ Соловьев С. М. История России с древнейших времен.— Т.23.//Соловьев С.М. Сочинения в восемнадцати книгах.—Кн.ХII.— М.,1993.—С.258.

полноценного университетского образования нужно было "сделать шаг вперед., выделить университет из Академии наук".

Позицию М.В.Ломоносова (а возможно, и других, неизвестных нам и не названных С.М.Соловьевым поборников создания в России полноценного университета) в этом вопросе историк считал недостаточно радикальной: И.И.Шувалову "внушали" мысль, что основным препятствием для превращения академического университета в полноценный, соответствующий европейским стандартам, является "беспорядочность" управления Академией. Судя по сохранившимся документам, в том числе составленным после основания Московского университета, М.В.Ломоносов не имел намерений официально выступать с предложением "выделить университет из Академии наук", хотя его проекты и предусматривали предоставление академическому университету значительной самостоятельности. Иными словами, М.В.Ломоносов допускал возможность коренного реформирования университета при сохранении его в структуре Академии наук, а значит, особой потребности "сделать шаг вперед в развитии учебных заведений..." не чувствовал. Такая позиция, если следовать логике С.М.Соловьева, не позволяет относить М.В.Ломоносова к основателям Московского университета или, используя соловьевскую фразеологию, к числу людей, нужных "для удовлетворения потребностей известного времени", к числу людей, "которые по каким бы то ни было побуждениям способны приводить в исполнение требуемое дело". Реверанс в сторону М.В.Ломоносова («Мысль эта могла быть прямо внушена Ломоносовым или поддержана им... он "первый причину подал к основанию университета"») вступает в противоречие с предшествующим текстом. Да и понятно – подать причину он мог именно тем, что внушал: "университет при Академии наук вследствие беспорядочности ее управления не пойдет...". Так что отмеченное М.А.Рахматуллиным отсутствие "привычного нам

пиетета", при оценке С.М.Соловьевым заслуг М.В.Ломоносова в создании Московского университета, что называется налицо⁵⁷.

Но во всем ли справедлив С.М.Соловьев в отношении М.В.Ломоносова? Можно ли принять его оценку безоговорочно? Ведь позиция М.В.Ломоносова может оцениваться иначе, если менее жестко ставить вопрос о необходимости "выделить университет из Академии наук" и принять во внимание особенности характера М.В.Ломоносова, условия, в которых он работал, и цели, которые он преследовал. Напомним: положение М.В.Ломоносова в Академии наук долгое время было достаточно двусмысленным или по крайней мере не соответствовало его дарованию и научным заслугам. Многие начинания М.В.Ломоносова не только не получали поддержки, но и с помощью бюрократических уловок представлялись в невыгодном свете, а обсуждение их зачастую принимало скандальные формы, в результате чего он подвергался гонениям и унижениям. Отчасти в таком исходе М.В.Ломоносов был повинен сам. Он был резок и нетерпим и, считая себя правым по существу, не очень заботился о соблюдении формы в "ученых спорах" с теми, кого не считал равными себе. Он был амбициозен и честолюбив, что называется знал себе цену и не забывал напоминать об этом другим. Для честолюбия и амбиций (в отличие от многих обладателей этих качеств) М.В.Ломоносов имел основания и, не зная он себе цены, возможно не добился бы того, чего достиг. Он был действительно украшением Петербургской академии наук, великим ученым, подлинным энциклопедистом, истинным патриотом и неутомимым тружеником, стремившимся сделать для отечества как можно больше. Царившая вокруг него обстановка недоброжелательства, а подчас открытой вражды, инспирировалась тогдашними

⁵⁷ Рахматуллин М. А. Комментарии//Соловьев С.М. Сочинения в восемнадцати книгах.—Кн.ХІІ.—М.,1993.—С.642.

фактическими руководителями Академии Шумахером и Тепловым. Борьба с ненавистным Коваркиным (так в некоторых письмах И.И.Шувалову он называл Шумахера), борьба за самостоятельность и рост влияния в Академии отнимала у М.В.Ломоносова много сил, а неудачи порой приводили его в отчаяние. Ведь просил же он И.И.Шувалова незадолго до учреждения Московского университета хлопотать о переводе его из Академии наук "в другой корпус, а лучше в Иностранную коллегию"⁵⁸.

В этих условиях М.В.Ломоносов справедливо связывал возможность принести максимальную пользу отечеству с ростом своего влияния в Академии наук и сменой ее руководства. И, внушая И.И.Шувалову, "что университет при Академии наук вследствие беспорядочности ее управления не пойдет", он прежде всего надеялся, что И.И.Шувалов употребит свое влияние для устранения от руководства Академией Шумахера и Теплова. В этом случае руки у М.В.Ломоносова были бы развязаны, а он чувствовал в себе силы навести порядок и в Академии, и в университете. Именно в Академии и университете – о

⁵⁸ "Ежели невозможно, – писал он И.И.Шувалову, – чтобы я... был произведен в Академии для пресечения коварных предприятий, то всеуниженно ваше превосходительство прошу, чтобы вашим отеческим представтельством переведен я был в другой корпус, а лучше всего в Иностранную коллегию, где не меньше могу принести пользы и чести отечеству, а особливо имея случай употреблять архивы к продолжению российской истории. Я прошу Всевышнего Господа Бога, дабы он воздвиг и ободрил ваше великодушное сердце в мою помощь и чрез вас сотворил со мной знамение во благо, да видят ненавидящим мя и постыдятся: Господь помог ми и утешил мя есть из двух единым, дабы или все сказали: камень его же не брегоша зиждущие, сей бысть во главу угла, от Господа бысть сей; или бы в мое отбытие из Академии ясно оказалось, что оне лишилась, потеряв такого человека, который чрез толь много лет украшал оную и всегда с гонителями наук боролся, несмотря на свои опасности" (Ломоносов М. В. Письмо И.И.Шувалову от 30 декабря 1754 года//Ломоносов М.В. ПСС.–Т.10.–М.,1957.–С.518–519).

меньшем он, видимо, не помышлял. И не только потому, что наука и образование были одинаково дороги его сердцу, но еще и потому, что считал он их неразделимыми и видел основную задачу университета при Академии наук в подготовке национальных кадров ученых, а потом уже высокообразованных специалистов для практической деятельности. И не исключено, что, возможно, опасался отрыва учебного заведения от ученого, поскольку такой отрыв мог неблагоприятно сказаться на качестве обучения. В России всегда ведомственные барьеры были труднопреодолимы, да и профессорами страна не изобиловала. Наверняка М.В.Ломоносов был убежден, что реформировать академический университет проще, чем создавать новый: в Петербурге имелись и профессора, и библиотека, и типография, и лаборатории, и помещения; не хватало лишь желающих учиться. Здесь он мог сам руководить университетом, совмещая педагогическую работу с учеными занятиями. В свои силы он верил и другой, более достойной кандидатуры не знал. И это было справедливо... Но возможность открытия самостоятельного университета вполне допускал и был готов активно участвовать в его создании.

Обращает на себя внимание еще одно обстоятельство: в цитируемом тексте С.М.Соловьев как бы намекает, что М.В.Ломоносов был не единственным, кто стремился привлечь внимание И.И.Шувалова к состоянию дел в академическом университете, а возможно, и побуждал его употребить свое влияние для создания в России полноценного университета ("Конечно, Ломоносов, да и не один Ломоносов, мог внушать Ив.Ив.Шувалову..."). Но если "не один Ломоносов", то кто же еще? С.М.Соловьев на сей предмет безмолвствует, хотя нельзя исключить, что он что-то знал (или, скажем мягче, подозревал), но не счел нужным поделиться своим знанием или подозрением. А может быть, просто высказал предположение:

"Ломоносов", а возможно, "... и не один Ломоносов, мог внушать...".

И все же имеющиеся источники позволяют назвать одну подходящую кандидатуру на роль "союзника" М.В.Ломоносова по формированию у И.И.Шувалова негативного мнения о состоянии дел в академическом университете и в Академии наук в целом. Это Л.Л.Блюментрост – первый президент Санкт–Петербургской академии наук и основной автор ее учредительных документов, отстраненный от руководства Академией при Анне Иоанновне и высланный в Москву, где в 1738–1755 годах состоял старшим доктором Московского военного госпиталя и директором госпитальной школы. После воцарения Елизаветы Петровны опала с Л.Л.Блюментроста была снята. Ему вернули чин действительного статского советника, прибавили 1000 рублей жалованья, но в Петербург не возвратили. Возможно, не было подходящего места: Академию наук отдали К.Г.Разумовскому, медицинским делом командовал Г.Лесток. Но с конца 1752 по май 1754 года двор находился в Москве, в это время и решился вопрос об учреждении Московского университета⁵⁹. Л.Л.Блюментрост, один из немногих оставшихся сподвижников Петра I, наверняка был принят и обласкан, и И.И.Шувалов мог привлечь его для консультаций по университетским делам. Во-первых, создавался известный противовес М.В.Ломоносову. Во-вторых, мнение человека, обучавшегося в трех крупнейших европейских университетах (в Галле, Оксфорде и Лейдене), автора первого проекта самостоятельного университета в России, одного из основателей Академии наук и, следовательно, университета при ней, было не только небезынтересно, но и авторитетно.

Если такие консультации велись, то Л.Л.Блюментрост мог поддерживать перед И.И.Шуваловым мнение о со-

⁵⁹ Пенчко Н. А. Основание Московского университета.–М.,1952.–С.23.

вершенной неразберихе, царившей в управлении Академией. Мог он и подсказать И.И.Шувалову (независимо от М.В.Ломоносова) мысль о создании самостоятельного университета (по примеру иностранных), конечно, дав при этом понять, сколь славно у потомков будет звучать имя его основателя, и об учреждении такого университета в первопрестольной. Последнее должно было особенно заинтересовать Л.Л.Блюментроста: в случае учреждения университета в Москве он с полным правом мог рассчитывать на получение профессуры на медицинском факультете. В этом Л.Л.Блюментрост наверняка считал себя обойденным: его петербургский коллега И.Ф.Шрейбер профессорское звание получил. Конечно, все сказанное – только предположение, не имеющее никакого документального подтверждения. Но почему-то Л.Л.Блюментрост был назначен вторым (наряду с И.И.Шуваловым) куратором Московского университета? А после назначения сразу поставил вопрос об отстранении М.В.Ломоносова от дел, касающихся Московского университета. И Шувалов на это пошел. Правда, спустя несколько лет он добился для М.В.Ломоносова полной самостоятельности в руководстве академическим университетом и гимназией. Но это было позднее, а тогда, в начале 1755 года, М.В.Ломоносова от дел Московского университета отставили, хотя его роль в создании этого университета трудно переоценить. На склоне лет И.И.Шувалов не отрицал роли побуждающих воздействий М.В.Ломоносова на него. Об этом он говорил И.Ф.Тимковскому⁶⁰.

Но вернемся к тексту С.М.Соловьева. Пальму первенства в деле основания Московского университета историк вроде бы отдает И.И.Шувалову, относя его к числу людей, "которые способны привести в исполнение дело", соответствующее потребностям времени. Но, отдавая, огова-

⁶⁰ Записки И.Ф.Тимковского. Сказание в трех частях. Переяславль – Киев и Москва.– И.И.Шувалов//Русская старина.–1884.–Кн.6.–С.1454.

ривается, что основным побуждающим мотивом у И.И.Шувалова было не столько стремление развивать образование в России, сколько чисто амбициозные соображения ("...у мецената, естественно, родилась мысль основать самостоятельный университет, увековечить свое имя..."). И уж конечно, И.И.Шувалов вряд ли чувствовал "потребность сделать шаг вперед в развитии учебных заведений, ...выделить учебное заведение из ученого". Но амбициозные претензии И.И.Шувалова, а самое главное – возможность их осуществить совпали с требованием времени. И он стал не только игрушкой в руках истории, но и ее баловнем. Как тут не вспомнить А.С.Пушкина: "Действия правительства были выше собственной его образованности, и добро производилось не нарочно..."⁶¹.

⁶¹ Пушкин А. С. Заметки по русской истории XVIII века//Пушкин А. С. ПСС в шести томах.–Т.6.–М.,1950.–С.7.

**МЕДИЦИНСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ В "ПРОЕКТЕ
О УЧРЕЖДЕНИИ МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА"**

П

риняв для себя решение, И.И.Шувалов мог действовать быстро и целеустремленно. Он знал способы, как убедить Елизавету Петровну в необходимости срочно учредить университет или сделать что-либо еще чрезвычайно важное для пользы подданных. И не только знал, но, видимо, отлично владел этими способами. Одно требовало объяснения, может быть, не для Елизаветы Петровны, а для возможных оппонентов: почему в Москве? Почему не развивать, не реформировать детище Петра I – университет при Академии наук в Петербурге, узаконенный утвержденным Елизаветой Петровной в 1747 году академическим регламентом? Объяснение быстро нашлось. Шитое, правда, белыми нитками, но формально вполне пристойное. После этого милостивой фразы, разрешающей учредить в Москве университет, И.И.Шувалов добился сравнительно легко, по-видимому, еще до отъезда двора в Петербург. Далее события развивались с несвойственной для России стремительностью...

Вскоре после возвращения в Петербург, примерно в июне – начале июля 1754 года, И.И.Шувалов направил М.В.Ломоносову "черновое доношение Правительствующему Сенату" – документ, не содержащий каких-либо сведений о деятельности будущего университета и, в частности, об организации и содержании учебного процесса в нем. В сопроводительном письме, текст которого не сохранился, И.И.Шувалов, по-видимому, уведомлял М.В.Ломоносова о том, что вопрос об открытии в Москве университета полностью согласован, что все необходимые документы для этого должны быть отправлены в Сенат в чрезвычайно сжатые сроки и что он, И.И.Шувалов, завершает составление "плана" нового университета (впоследствии этот документ был назван "Проектом о Учреждении Московского университета").

Письмо И.И.Шувалова застало М.В.Ломоносова врасплох. Идей и разговоров было много, но какого-либо цельного законченного документа об университете не существовало. В ответном письме М.В.Ломоносов выразил радость ("...к великой моей радости я уверился, что объявленное мне словесно предприятие подлинно в действую произвести намерились..."). Скрыто сетует на поспешность ("Не в указ вашему превосходительству советую не торопиться..."), соглашается с тем, что Московский университет следует учредить "по примеру иностранных", излагает рекомендации, предлагает сотрудничество. М.В.Ломоносова явно беспокоят амбициозные намерения И.И.Шувалова взять на себя роль идеолога российского университетского образования. Он хорошо знал своего покровителя: и свойственную ему легкость мысли, и истинный уровень его образованности. И вроде бы расточая комплименты талантам Ивана Ивановича ("...я ведаю, сколь много природное ваше несравненное дарование служить может, и многих книг чтение способствовать"), М.В.Ломоносов гораздо жестче и откровеннее, чем это позволял придворный этикет, дает понять И.И.Шувалову, что со-

ставление "плана университета" ему не под силу, что это способен сделать лишь он сам. "Однако и тех совет вашему превосходительству не бесполезен будет, – читаем мы в письме, – которые сверх того университеты не токмо видали, но и в них несколько лет обучались, так что их учреждения, узаконения, обряды и обыкновения в уме их ясно и живо, как на картине представляются". А потому он настоятельно просит либо направить ему заверченный И.И.Шуваловым документ ("Того ради... желал бы я видеть план вами сочиненный"), либо дать ему небольшой срок для составления собственного "полного плана" ("Ежели дней полдесятка обождать можно, то я целый полный план предложить могу"). «Но ежели ради кратости времени, или ради других каких причин того не удостоюсь (ознакомления с "планом", составленным И.И.Шуваловым. – *Авт.*), – писал М.В.Ломоносов, – то, уповая на отеческую вашего превосходительства ко мне милость и великодушие, принимаю смелость предложить мое мнение о учреждении Московского университета кратко вообще».

По праву инициатора М.В.Ломоносов настаивает, чтобы его привлекли к работе над "планом" будущего университета, и предлагает три формы своего участия: редактирование и доработка текста И.И.Шувалова, составление собственного "целого, полного плана" и, наконец, использование рекомендаций, изложенных в его письме¹.

Ответное письмо М.В.Ломоносова И.И.Шувалову, пожалуй, единственный документ, не просто подтверждающий участие М.В.Ломоносова в создании "Проекта", но и отражающий его позицию в отношении структуры Московского университета и содержания преподавания на каждом факультете. Рекомендации, содержащиеся в нем, изложены кратко и достаточно императивно. Там самое

¹ Письмо М.В.Ломоносова И.И.Шувалову. Июнь-июль 1754 г.//Ломоносов М.В. ПСС.–Т.10.–М.–Л., 1957.–С.508–514.

важное: напоминание о необходимости, чтобы "план Университета служил во все будущие годы", об организации при университете гимназии и перечень предметов преподавания на каждом факультете. Рекомендации М.В.Ломоносова – своеобразная подсказка составителям плана не только по существу, но и по форме. О последнем свидетельствует изложение предметов преподавания на факультетах. Для юридического каждый предмет кратко, но определен: "Профессор политики, который должен показывать взаимные поведения, союзы и поступки государств и государей между собою, как были в прошедшие веки и как состоят в нынешнее время"². Для медицинского и философского – только названы: "Доктор и профессор химии" или "Профессор физики". Формулировки содержания преподавания даны "кратко вообще", но, видимо, имелось в виду, что каждый предмет каждого факультета должен быть раскрыт, детализирован по тому же принципу, как это сделано для юридического факультета. Иные причины того, что М.В.Ломоносов расшифровал лишь дисциплины юридического факультета, трудно себе представить. Вряд ли, например, он мог считать этот факультет более важным для университета, чем философский или медицинский. Юриспруденция практически не входила в сферу его интересов, во всяком случае в той мере, как курс наук философского и медицинского факультетов, так что он не мог не проявлять излишней заинтересованности в отношении этого факультета, не считать себя более компетентным в юридических науках, чем, скажем, в физике, химии, риторике и т.п. Вообще рекомендации М.В.Ломоносова, и это, по-видимому, сделано сознательно, касались лишь части "плана", да и эта часть нуждалась в доработке или, точнее, в детализации. М.В.Ломоносов ждал, что к нему обратятся вторично...

² Там же.-С.513-514.

Медицинскому факультету в письме М.В.Ломоносова И.И.Шувалову посвящены четыре строки, да и те неполные. В них перечень предметов преподавания для студентов-медиков: "В медицинском 3 же:

Доктор и профессор химии.

Доктор и профессор натуральной истории.

Доктор и профессор анатомии"³.

Химия, натуральная история, анатомия... Перечень чрезвычайно характерен для М.В.Ломоносова, для его понимания сущности и основ медицины. "Великая часть физики и полезнейшая роду человеческому наука есть медицина, которая чрез *познание свойств тела человеческого достигает причины нарушенного здравия* (курсив наш.— Авт.) и, употребляя приличные к исправлению оногo средства, часто удрученного болезнью, почти из гроба восставляет"⁴. Даже понимая, что медицина, ее задачи и содержание никогда не были для М.В.Ломоносова объектом специального исследования и анализа, нельзя не отметить неполноты ломоносовской дефиниции.

С одной стороны, предмет и задачи медицины как естественной науки ("Великой части физики...") сформулированы предельно четко: она "достигает причины нарушенного здравия", для чего исследует (познает) "свойства тела человеческого". Употребляемая М.В.Ломоносовым терминология отличается от современной, но полностью соответствует медико-биологическим представлениям середины 18 века:

³ Там же.—С.514.

⁴ Ломоносов М. В. Слово о пользе химии в публичном собрании Императорской Академии наук сентября 6 дня говоренное Михайлом Ломоносовым//Ломоносов М.В. ПСС.—Т.2.—М.—Л.,1951.—С.357.

Милостивий Гурь Кандрі Шаховалъ

Поздравляю отъ Васіа Пуркохорителъта
 съродомъ допомогилъ Трааителъша въ дѣла
 (кноту и въ великой Мелі разости я дѣлалъ,
 это обидальное дѣло съвѣсно Пуркохоритѣ по-
 лупно въ дѣлаша Трааителъта на дѣлаша
 и въ Пуркохоритѣ кагда, съродомъ и въ великой
 Пуркохоритѣ и съвѣт ослѣсташа. При томъ дѣлашъ
 доволно въ дѣлашъ, свои инов Пуркохоритѣ
 келра великой дѣлалъ съродомъ Мелі, и
 Мелі и новъ дѣлалъ съродомъ. Орман
 и новъ съродомъ Васіа Пуркохорителътау не по-
 мѣнѣ дѣлалъ, которе съродомъ Пуркохоритѣ

нестомно бидали по и аз нилъ пбномно лтън
 обрѣдѣ, тѣмъ іто и аз учреденіи, уванне
 нѣ; обрѣдѣ и обичивеніи аз умъ и аз яко
 и аса канъ на корманъ прудетавлѣтѣ. Тѣмъ
 рази Ежели Московскои Университетъ погрѣбо
 иностранннхъ учредитъ на лѣтѣ етоя, іто всма,
 стѣ вѣдѣва, то бѣлаа би аз умъ планъ,
 вали содиненкои. Но ежели рази праттѣсти
 бѣлѣни, или рази прѣлѣтѣ канъ прѣлѣтѣ ето
 нѣудѣстѣва; то учредитъ на Ордѣлену
 бѣлѣнѣ прѣлѣстѣннѣ ето по канъ мѣстоу и в
 мнорущіе, прѣлѣтѣ ето прѣлѣтѣ ето
 мнѣннѣ о учреденіи: Москвитѣ университетѣ
 праттѣно вѣдѣтѣ.

А) Главнѣе канъ основаніе соединити е вали
 прѣлѣстѣннѣ етоу всѣмъ планѣи рази,
 іто канъ планъ университетѣи стѣлѣтѣ е
 прѣлѣтѣ рази. Тѣмъ рази нѣслѣстѣннѣ ето,
 Ето канъ канъ нѣмъ доавлѣтѣ етоу
 Положити е планъ прѣлѣстѣннѣ и вали
 стѣлѣтѣ доавлѣтѣ етоу. Стѣлѣтѣ ето
 прѣлѣтѣ етоу тѣмъ етоу канъ. Со стѣлѣтѣ е
 нѣмъ канъ канъ етоу. Стѣлѣтѣ етоу
 канъ етоу канъ етоу канъ етоу

участиемъ Будишени; некои зѣтали о нѣ-
судной и ученой Писанъ Писурости у насъ, и
нашъ дошлогодатѣ оной инѣ Писурости. и
Писурости отъбавитъ сумми.

2) Профессоръ въ Писанѣ учившася Писанъ
гидрологичеи свѣдѣнъ не можеть, въ нѣмъ профессоръ:

въ Кривичскомъ нѣ

i. Профессоръ въ Кривичскомъ нѣ, кто
рѣчь гдѣе дождетъ каждаго нѣмъ и нѣмъ
Писанъ, Писанъ и учившася Писанъ
и нѣмъ Писанъ.

ii. Профессоръ въ Кривичскомъ нѣ, кто
рѣчь гдѣе дождетъ каждаго нѣмъ и
Писанъ Писанъ Писанъ Писанъ Писанъ

iii. Профессоръ Писанъ, кто рѣчь гдѣе
вѣдѣнъ Писанъ Писанъ, Писанъ и Писанъ
Писанъ и Писанъ Писанъ, нѣмъ Писанъ
въ Писанъ нѣмъ Писанъ Писанъ Писанъ
и нѣмъ Писанъ.

въ Мезичскомъ нѣ

i. Профессоръ въ Мезичскомъ нѣ.

ii. Профессоръ и профессоръ въ Мезичскомъ нѣ.

iii. Профессоръ и профессоръ въ Мезичскомъ нѣ.

въ Финновскомъ нѣ

i.	Профессоръ	Финновскій.	) 1
ii.	_____	Финновскій.	
iii.	_____	Финновскій.	) 1
iv.	_____	Финновскій.	
v.	_____	Финновскій.	) 1 и 2
vi.	_____	Финновскій и Кривичскій.	

3) При укивчантатъ на добрието дѣла дѣла
 на добрието Панагия, вѣдѣ кончили умилен-
 ностъ, самъ Панагия вѣдѣ Панагия. О ея
 утѣшеніи ханата ѣ и утѣшеніи дѣла вѣдѣ
 на дѣла на дѣла на дѣла на дѣла

Нѣтъ гна Самуилъ Панагия на дѣла
 Самуилъ на дѣла на дѣла: Емъ Панагия на
 Панагия на дѣла. Панагия на дѣла на дѣла
 на дѣла, на дѣла на дѣла на дѣла на дѣла
 на дѣла на дѣла на дѣла на дѣла на дѣла
 Панагия

Самуилъ Панагия на дѣла

Самуилъ Панагия на дѣла
 Самуилъ Панагия на дѣла.

для него "причины нарушенного здоровья" состоят в изменении свойств тела человеческого и прежде всего обеспечивающих нормальную жизнедеятельность параметров внутренней среды организма. Но главное – это состояние внутренней среды. М.В.Ломоносов, по-видимому, разделял многие гуморалистские, а возможно, и некоторые ятрохимические представления своих предшественников и современников. Процессы жизнедеятельности для него в значительной степени – натуральные смещения, происходящие в "жидких материях", от "повреждения" которых возникают болезни. Медицина познает "качества" "составляющих частей жидких материй" организма и их изменения ("полезные и вредные перемены"), выявляет факторы, вызывающие эти изменения и препятствующие им или нейтрализующие их ("производящие и пресекающие их способы") методами химии. И, следовательно, "...медик без довольного познания химии совершенен быть не может, и всех недостатков, всех излишеств от них происходящих во врачебной науке поползновений дополнения, отвращения и исправления от одной почти химии уповать должно". Это М.В.Ломоносов говорил в "Слове о пользе химии..."⁵.

"От одной почти химии..." Оговорка не случайна. Подобно другим выдающимся химикам середины 18 века, которые в отличие от него были еще и крупнейшими врачами своего времени (Г.Бургаве, Ф.Гоффман, Г.Шталь), М.В.Ломоносов – не абсолютный гуморалист. Он разделял точку зрения о том, что жизнедеятельность обеспечивается взаимодействием жидких и твердых сред ("Жидкие твердыми содержатся, твердые от жидких питаются..."), что важнейшими компонентами тела человеческого являются волокна и трубочки, что в последних циркулируют жидкости и мельчайшие частицы твердых тел. «Под органиче-

⁵ Там же.–С.356.

скими телами, – писал он во "Введении в истинную физическую химию", – мы здесь понимаем преимущественно природные тела, именно животного и растительного царств, которых волокна, протоки, пузырьки, соки в них обрашающиеся в своем устройстве обусловлены друг другом»⁶. И все же жидкие среды – главное, от их повреждения болезни происходят "по большей части". Потому "от одной почти химии" врачебная наука может ожидать решения стоящих перед ней задач. И еще: химия – не врачебная наука. И для М.В.Ломоносова это очевидно. Правда, о содержании понятия "врачебная наука" он ничего не говорил. Хотя, может быть, "врачебная наука" для М.В.Ломоносова – синоним понятия "медицина"?

Итак, химия хотя и занимает первое место среди наук, составляющих естественнонаучную основу медицины, хотя и является главным инструментом "познания свойств тела человеческого", все же не обладает в этих вопросах монополией. И в том же "Слове о пользе химии..." М.В.Ломоносов излагает причины такого положения: "Натуральные вещи рассматривая, двоякого рода свойства в них находим, одни ясно и подробно понимаем, другие хотя ясно в уме представляем, однако подробно изобразить не можем. Первого рода суть величина, вид, движение и положение целой вещи... Первые чрез геометрию точно измерить и чрез механику определять можно..., но к точному и подробному познанию какой-либо вещи должно знать части, которые оную составляют. Ибо как можем рассуждать о теле человеческом, не зная ни сложения костей и составов для его укрепления, ни союза, ни положения мышц для движения, ни распространения нервов для чувствования, ни расположения внутренностей для приготовления питательных соков, ни протяжения

⁶ Ломоносов М. В. Введение в истинную физическую химию/Ломоносов М.В. ПСС.–Т.2.–М.–Л.,1951.–С.553.

жил для обращения крови, ни прочих органов его чудного строения?"⁷.

Чудное строение тела человеческого познается анатомией. И М.В.Ломоносов включил ее в число предметов преподавания на медицинском факультете. Но если в отношении анатомии в 1754 году, когда писалось письмо И.И.Шувалову, он стоял на тех же позициях, что и в 1751 году, когда произносилось "Слово о пользе химии..." (а в этом трудно усомниться), то преподавание анатомии замышлялось с целями отнюдь не врачебными. В приведенной цитате, где, кстати, перечисляются все разделы анатомии, ни слова не говорится, что с помощью анатомии можно определить место расположения болезни, что чудное строение тела человеческого нужно знать хирургу. По Ломоносову, анатомия служит базой для "рассуждения о теле человеческого", для познания его "свойств первого рода". Именно базой, потому что сами свойства (величина, вид, движение, положение) размеряются чрез геометрию и определяются чрез механику. Последнее особенно существенно, ибо речь идет о функциях органов и систем организма, об их ятромеханическом описании и о том, что М.В.Ломоносов, вероятнее всего, включал в содержание анатомии (как части медицины) не только сведения о частях человеческого тела, но и о назначении, о функциях этих частей. Позднее это положение М.В.Ломоносов сформулировал более определенно. "Анатомик, сверх своих изысканий и свидетельств тел человеческих, будучи физиолог, должен доходить до подлинных причин состояния здорового и больного человеческого тела"⁸, – напишет он в 1765 году в "Проекте регламента Академии Наук". Анатомия изучает не только строение, но и "назначение", функции человеческого тела. Такое представление

⁷ Ломоносов М. В. Слово о пользе химии...//Ломоносов М. В. ПСС.–Т.2.–М.–Л.,1951.–С.352.

⁸ Ломоносов М. В. Проект регламента Академии Наук//Ломоносов М. В. ПСС.–Т.10.–М.–Л.,1957.–С.148.

о содержании анатомии было широко распространено в Европе середины 18 века, особенно когда речь шла об анатомии как университетском предмете преподавания. Как сегодня называть эту собственно физиологическую часть тогдашней анатомии – функциональной анатомией, экспериментальной физиологией или просто физиологией ("анатомик" он же "физиолог", как писал М.В.Ломоносов в "Проекте регламента Академии Наук"), не суть важно. Достаточно убедительно можно обосновать любое из приведенных названий. Важно, что преподавание на медицинских факультетах некоего морфофункционального предмета, где функциональная (физиологическая) часть излагалась с позиций ятромеханических, было тогда неотъемлемой частью европейской университетской традиции. "Посвятивший себя изучению основ медицины принимается за это так же, как если бы ему предстояло рассмотрение геометрических фигур, тел, тяжестей, скоростей, конструкций, механизмов", – писал за сорок лет до М.В.Ломоносова Г.Бургава в "Медицинских наставлениях"⁹. Так что как в химических, так и в анатомо-физиологических вопросах точки зрения М.В.Ломоносова совпадали с позициями большинства тогдашних светил медицины Европы.

Химия, натуральная история, анатомия... Эти дисциплины традиционно читались на медицинских факультетах европейских университетов, читались как дисциплины прежде всего естественнонаучные, хотя в середине 18 века уже с известной степенью профилизации. Но даже при этом они предназначались в первую очередь для естественнонаучного образования студентов-медиков, составляя группу дисциплин, предназначенную для так называемого специального приуготовления (*praemittenda speciale*). Кроме натуральной истории, химии и анатомии, в эту группу входили еще фармацевтические дисциплины – по-

⁹ БМЭ.–3-е издание.–Т.28.–М.,1986.–С.539.

знание (обозрение, исследование) лекарственных средств (*Cognitio medicamentorum, siue materia medica generalis*)¹⁰.

Но этим программа обучения на медицинских факультетах Европы не ограничивалась. Изучались еще два блока "врачебных наук". Первый: "теоретическая медицина", включавшая физиологию, патологию, терапию, гигиену и(или) диететику. Эти дисциплины могли читаться одним или несколькими профессорами. Второй: медицинская практика, состоящая из клиники (внутренняя медицина), хирургии ("искусство распознавать и лечить наружные болезни" и оказание оперативной помощи), судебная медицина и так называемая казуистика, или консултация (*casuistica, siue consultatoria*). К вопросу о содержании программы обучения на медицинских факультетах мы будем возвращаться еще неоднократно. Сейчас лишь отметим несоответствие предложений М.В.Ломоносова реально существовавшей программе обучения на медицинских факультетах европейских университетов. Отметим прежде всего потому, что намерение И.И.Шувалова учредить "Московский университет по примеру иностранных" М.В.Ломоносов считал "весьма справедливым", и в этой связи высказанные им соображения в отношении перечня предметов преподавания на медицинском факультете Московского университета выглядят, мягко говоря, странно, если не одиозно. В самом деле, как могло случиться, что М.В.Ломоносов, в творчестве которого особенно ярко проявлялось сочетание теоретической глубины и практической устремленности, мог рекомендовать создать медицинский факультет, где не предусматривалось преподавание "врачебных наук"? Что это: результат недостаточной осведомленности М.В.Ломоносова, порожденная поспешностью составления письма И.И.Шувалову, незавершен-

¹⁰ Ludwig Ch. G. *Institutiones Physiologiae cum praemissa introductione in universam medicinam praelectionibus academicis accommodatae.*—Lipsiae, 1752.—P. 17–19.

ность рекомендаций, неполноту которых он собирался восполнить при доработке шуваловского "плана" или составлении собственного, либо позиция, свое видение содержания университетского медицинского образования? Рассмотрим эти три версии по порядку.

Первая. Предполагать, что М.В.Ломоносов был недостаточно осведомлен о содержании университетского медицинского образования в Европе либо не знал о существовании таких дисциплин, как теоретическая медицина или по крайней мере физиология и патология, как практическая медицина или медицинская практика, хирургия, нет никаких оснований. В 1736–1739 годах он учился в Марбургском университете, где, в частности, на медицинском факультете слушал химию у профессора Ю.Дуйзинга, который в те же годы читал в университете публичные курсы теоретической и практической медицины. В академическом университете в Петербурге, как это следует из приводимых Е.С.Кулябко сохранившихся объявлений о "публичных и частных в науках наставлениях", эпизодически читались не только химия, анатомия, ботаника, натуральная история, но и физиология, теоретическая медицина (по "Медицинским наставлениям" Г.Бургаве), медицинская практика, хирургия¹¹. Эпизодически – значит, при наличии соответствующих профессоров. Эти лекции слушали не только студенты, но и петербургские военные лекари. Фамилии многих из них известны. Наконец, в "Список наук в Академии с распределением их на три класса", составленный в декабре 1745 года, М.В.Ломоносов во второй (физический) класс, кроме химии, анатомии и ботаники, включил физиологию, патологию и хирургию¹².

¹¹ Кулябко Е. С. М.В.Ломоносов и учебная деятельность Петербургской Академии наук.–М.–Л.,1962.–С.32–37.

¹² Ломоносов М. В. Список наук в Академии с распределением их на три класса//Ломоносов М. В. ПСС.–Т.10.–М.–Л.,1957.–С.9.

Со второй версией дело обстоит не столь однозначно. В письме И.И.Шувалову лишь намечены контуры отдельных положений будущего университетского "плана". Именно контуры, поскольку каждый из поднятых в нем вопросов нуждается в дальнейшем уточнении и развитии. Это касается и текста, посвященного медицинскому факультету. Возможно, и об этом уже говорилось, М.В.Ломоносов предполагал раскрыть содержание каждого из предметов преподавания медицинского факультета так же, как это было сделано для предметов преподавания факультета юридического. Такое раскрытие могло быть осуществлено двояко.

Во-первых: в описание содержания того или иного предмета преподавания могла быть включена тематика отдельных "врачебных" наук или название этой науки. Планируя создать университет "по примеру иностранных", М.В.Ломоносов не мог не знать, что по некоторым "врачебным" наукам в европейских университетах в первой половине 18 века не было самостоятельной профессуры. Профессорские курсы, которые условно могут быть приравнены к современным кафедрам, представляли собой некий комплекс, состоявший из нескольких дисциплин. Так, например, хирургия в европейских университетах традиционно читалась вместе с анатомией, и многие ведущие анатомы 17–18 веков занимали должность профессора анатомии и хирургии. Не предусматривалось, как правило, самостоятельной профессуры и по практической (внутренней) медицине. Чаще всего она читалась вместе с химией, в курсе химии и практической медицины, куда нередко добавлялись фармацевтические дисциплины. Возможны были и другие сочетания. Поэтому нельзя исключить, что, формулируя в письме И.И.Шувалову предметы преподавания, он "ради кратости времени" в наименование комплексного профессорского курса включил лишь основную, первую науку ("доктор и профессор анатомии", читай: доктор и профессор анатомии и хирургии),

имея в виду полностью раскрыть содержание курса при доработке "плана". Пример такого подхода имеется в письме И.И.Шувалову: "Профессор всей юриспруденции вообще, который учить должен натуральные и народные права, также и узаконения Римской древней и новой империи"¹³. В ряде университетов Европы естественное (натуральное) и римское право читались отдельно, как самостоятельные дисциплины. Маловероятно, чтобы М.В.Ломоносов воспользовался таким приемом, но если и воспользовался бы, то не смог бы с его помощью компенсировать отсутствие теоретической медицины и составлявших ее дисциплин.

Во-вторых, в европейских университетах не позднее начала 18 века был установлен порядок, при котором для избрания на должность профессора медицинского факультета, кроме ученой степени, необходимо было иметь разрешение гражданских властей на свободную врачебную практику. В Европе практикующий доктор медицины (врач-интернист, имеющий университетское образование и докторскую степень) именовался "medicum rigrum". В русском языке слово "доктор" имело два значения, причем вплоть до начала 19 века не только в бытовой лексике, но и в официальных документах, оно чаще всего употреблялось в значении "врач". «Обычно, – читаем мы в статье "Доктор" словаря В.И.Даля, – называют так доктора медицины, а вообще и всякого врача»¹⁴.

В письме И.И.Шувалову, при составлении перечня предметов преподавания и профессорских должностей для всех факультетов будущего Московского университета, М.В.Ломоносов учел сложившийся в европейских университетах порядок. Поэтому в названиях преподавательских должностей для медицинского факультета указал: "доктор и профессор", а для

¹³ Письмо М.В.Ломоносова И.И.Шувалову. Июнь–июль 1754 г./Ломоносов М. В. ПСС.–Т.10.–М.–Л.,1957.–С.513.

¹⁴ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка.–Т.1.–М.,1989.–С.459.

философского и юридического – только "профессор", хотя профессор философского факультета несомненно должен был быть доктором философии, а юридического – доктором права. Так что очевидно: выражение "доктор и профессор" означало, что профессорами медицинского факультета должны быть не просто ученые мужи, но и практикующие врачи.

Не исключено, что такое положение рассматривалось М.В.Ломоносовым как предоставление профессорам медицинского факультета реальной возможности "омедицинить" университетские курсы химии, анатомии и натуральной истории, выделить в них разделы, наиболее важные для медицины или даже ввести материалы чисто медицинского характера. Конечно, теоретически профессор-врач имел возможность построить свой курс таким образом, чтобы он мог послужить реальной естественнонаучной базой для последующего освоения "врачебных" наук. Но это не могло заменить их изучение.

Впрочем, возможно, М.В.Ломоносов и не собирался в должной мере "омедицинировать" программу обучения на медицинском факультете, полагая, что выпускники этого факультета в дальнейшем могут заниматься не только врачебной деятельностью. Такая точка зрения соответствовала существовавшим тогда реалиям: химики и фармацевты, физики и горные мастера, натуралисты и металлурги 18 века, как правило, были питомцами медицинских факультетов, порой сочетавшими свои основные занятия с врачебной деятельностью.

Третья версия требует более обстоятельного рассмотрения. Начнем с небольшого экскурса в историю отечественного университетского образования. В соответствии с "Проектом об учреждении Академии наук и художеств", составленным Л.Л.Блюментростом, в университете предполагалось открыть три факультета: юридический, медицинский и философский. Программа обучения на медицинском факультете предусматривала преподавание трех предметов: химии, анатомии и ботаники¹⁵.

¹⁵ Кулябко Е. С. Цит. соч.–С.47.

Химия, анатомия, ботаника... Поразительное сходство перечня предметов преподавания на медицинском факультете в "Проекте об учреждении Академии наук и художеств" и в письме И.И.Шувалову бросается в глаза. И это не случайное совпадение. М.В.Ломоносов не просто механически перенес в свои рекомендации текст документа тридцатилетней давности, не просто заимствовал мысли несимпатичного ему Л.Л.Блюментроста. В борьбе за создание в Петербурге полноценного университета он постоянно опирался на утвержденный Петром I блюментростовский "Проект...", многие положения которого разделял. В частности, представление об университете как о "...собрании ученых, которые высоким наукам, ...до какого состояния они дошли, молодых людей обучают"¹⁶, по существу соответствовало взглядам М.В.Ломоносова на содержание университетского образования.

В университете должны обучать молодых людей высоким наукам. Но что это значит? «Учением приобретенные познания, – читаем мы в "Слове о пользе химии...", – разделяются на науки и искусства. Науки подают ясное о вещах понятие и открывают потаенных действий и

Лаврентий Лаврентиевич
Блюментрост

¹⁶ Цит. по кн.: Марголис Ю.Д., Тишкин Г.А. Отечеству на пользу, а россиянам во славу: Из истории Университетского образования в Петербурге в XVIII – начале XIX в.–Л.,1988.–С.37.

своих причин; художества к приумножению человеческой пользы оные употребляют... Науки художествам путь показывают...»¹⁷. Медицина, как уже говорилось, для М.В.Ломоносова "полезнейшая" наука, "великая часть физики", но наука лишь в той своей части, в которой она познает "свойства тела человеческого" и на этой основе "достигает причины нарушенного здравия". Именно в этой части медицина подает "ясное о вещах представление" и открывает "потаенных действий и свойств причины". Но отметим, эта часть не включает собственно врачебного дела.

Выше мы, что называется, на полуслове оборвали разговор о неполноте ломоносовского определения медицины. Теперь вернемся к заключительной его части: "...и, употребляя приличные к исправлению одного средства, часто удрученного болезнию, почти из гроба восставляет". Совершенно ясно, что в заключительной части своей дефиниции М.В.Ломоносов пытался раскрыть вторую (практическую) ипостась медицины – врачебное дело (оно в дефиниции не названо и полностью не раскрыто, в чем собственно и состоит ее неполнота). Употребление "приличных к исправлению" нарушенного здоровья средств, по Ломоносову, – результат "достижения причин" этого нарушения. Иными словами, медицина как наука способствует "приумножению человеческой пользы" через врачебное дело, которому она "показывает путь", и, следовательно, в ломоносовской дефиниции содержится мысль о двух ипостасях медицины – научной и практической. Первая часть дефиниции достаточно полно раскрывает предмет медицины как науки, вторая, заключительная, – незавершенная, относится к врачебному делу, характеризуя его как искусство – "художество". Среди предметов преподавания на ме-

¹⁷ Ломоносов М.В. Слово о пользе химии...//Ломоносов М.В. ПСС.–Т.2.–М.–Л.,1951.–С.351.

дицинских факультетах к врачебному делу относились дисциплины, составлявшие блоки теоретической и практической медицины.

Конечно, дисциплины блока теоретической медицины, прежде всего физиология и патология, занимали по отношению к врачебному делу особое положение, хотя и считались "врачебными" науками. Но как раз М.В.Ломоносов мог считать, что основные вопросы физиологии и патологии могли быть рассмотрены в курсах химии и анатомии. Такой вывод можно сделать на основании анализа ломоносовского "Слова о пользе химии...". В самом деле, химия изучает качества и составляющие части жидких материй организма, от повреждения которых по большей части возникают болезни, происходящие в них полезные и вредные перемены, такие важнейшие функции организма, как дыхание и питание. Анатомия – строение, назначение частей человеческого тела, движения, кровообращение... Химия и натуральная история, кроме того, дают обширный материал для освоения *Cognitio medicamentorum (materia medica)*, поскольку "...не токмо из разных трав, но и из недра земного взятых разных минералов приуготовляются полезные лекарства"¹⁸.

Теперь о дисциплинах блока "медицинская практика". М.В.Ломоносов, по-видимому, относил их к "художествам" и считал, что для познания их требуется не университетское (теоретическое, книжное), а практическое обучение: овладение мастерством распознавания болезней и лечения больного под руководством опытных и образованных наставников. Так нужно обучать каждому "художеству". И у М.В.Ломоносова в этом отношении был личный опыт, только не во врачебном, а в горном деле и металлургии. Получив в Марбургском университете философскую и естественнонаучную подготовку, он отправился во Фрейбург овладевать горным делом и металлургией, которые

¹⁸ Там же. – С.357.

относил к "художествам", у известного горного мастера Генкеля. Такой характер подготовки нельзя назвать ремесленным, поскольку, во-первых, овладевал "художеством" человек, изучивший основы философии и прошедший курс всех естественных наук, и, во-вторых, опытный наставник был не ремесленником, а специалистом, овладевшим своей специальностью на базе университетского образования. Кстати говоря, представление о том, что в университете нельзя обучаться собственно врачебному делу, не было чем-то крамольным. Еще один из основоположников клинической медицины Т.Сиденгам, великий врач, прозванный "английским Гиппократом", утверждал: "С таким же успехом можно посылать в университет обучаться врачебному делу, как и сапожному... Вы должны идти к постели больного. Только здесь вы изучите болезнь"¹⁹. Позицию Т.Сиденгама до известных пределов, по-видимому, разделяли многие. Во всяком случае во всех без исключения странах Европы в середине 18 века окончание медицинского факультета само по себе не давало права на врачебную практику. Для получения этого права требовалась стажировка в больнице с последующей сдачей специального экзамена.

Таким образом, позиция М.В.Ломоносова в отношении программы обучения на медицинском факультете Московского университета, скорее всего, состояла в том, что на этом факультете студенты должны получать только естественнонаучную подготовку (обучаться "высоким наукам"), овладеть, говоря современным языком, базовыми знаниями, чтобы в дальнейшем на их основе специализироваться в различных областях практической деятельности (в различных "художествах"), в том числе во врачебном деле. Как мыслил М.В.Ломоносов организовать такую "специализацию" и думал ли он вообще о ее органи-

¹⁹ Бородулин В. И. Очерки по истории отечественной кардиологии.-М.,1988.-С.10.

зации – неизвестно. Не исключено, однако, что в отношении практического обучения будущих врачей могла делаться ставка на госпитальные школы, в которых в 40–50-х годах под руководством П.З.Кондоиди активно проводилось реформирование содержания учебного процесса и которые располагали госпитальной базой для практического обучения. Но последнее – только предположение, которому нет даже косвенных подтверждений, хотя позднее выпускники медицинского факультета Московского университета, пожелавшие получить право на врачебную практику, должны были стажироваться в Московском военном госпитале, а в состав комиссии, экзаменовавшей их после стажировки, как правило, входили профессор Московской госпитальной школы (Медико-хирургического училища, Медико-хирургической академии).

Позиция М.В.Ломоносова в отношении программы обучения на медицинском факультете Московского университета не может быть оценена однозначно. Конечно, для овладения врачебным искусством необходимо практическое обучение. Но идея превращения медицинского факультета в естественный ряд ли может быть признана целесообразной. Слов нет, естественный факультет в университете во второй половине 18 века был уже нужен, и, наверное, он в большей степени, чем медицинский, соответствовал и соответствует идее и формам университетского образования. Но нужно ли решать одно за счет другого? И потом: как быть с подготовкой врачей?

Необходимость практического обучения врачебному делу, преподавания у постели больного была осознана давно, и М.В.Ломоносов в этом не был пионером. Другое дело – возможность организации такого преподавания не вне университета, а в процессе изучения в университете дисциплин блока "медицинская практика". Попытки внедрения преподавания у постели больного предпринимались, начиная со второй половины 16 века, в Падуанском,

Лейденском и ряде других университетов и в конечном счете привели к реформированию университетского медицинского образования, впервые осуществленному в 60-х годах 18 века в Австрии и быстро распространившемуся по всей Европе. Разумеется, такое реформирование стало бы невозможным, если бы дисциплины блока "медицинская практика" не входили в программу обучения на медицинских факультетах. Позднее М.В.Ломоносов изменил свою позицию. В "Предположениях об устройстве и уставе Петербургской Академии" в разделе, посвященном устройству академического университета, он записал: "На Медицинском факультете должны читаться: 1) анатомия с физиологиею; 2) химия; 3) ботаника; 4) практическая медицина"²⁰.

Но это было в мае 1764 года, а летом 1754 года, отправив письмо И.И.Шувалову, М.В.Ломоносов ждал реакции своего покровителя, ждал, что ему по крайней мере пришлют для просмотра или редактирования окончательный вариант проекта университетского "плана". Но то ли "ради кратости времени или ради других каких причин" М.В.Ломоносов этого не удостоился. 19 июля 1754 года в Сенат от имени И.И.Шувалова поступило "покорное доношение" об учреждении в Москве университета и двух гимназий, к которому были приложены за подписью того же И.И.Шувалова "Проект о Учреждении Московского университета" и "Штат" будущего университета. 22 июля учредительные документы Московского университета были утверждены Сенатом, а 12 января 1755 года подтверждены Елизаветой Петровной.

* *
*

²⁰ Ломоносов М. В. Предположения об устройстве и уставе Петербургской Академии//Ломоносов М.В. ПСС.-Т.10.-М.-Л.,1957.-С.123.

«Московский университет, – писала Н.А.Пенчко, – получил с самого начала жизнеспособную и действенную научную организацию». Упомянутые действенность, жизнеспособность и научность определялись "Проектом о Учреждении Московского университета"²¹. Оценка Н.А.Пенчко примечательна не своей оригинальностью или необычностью. Напротив – она типична: ее разделяет подавляющее большинство советских исследователей истории Московского университета. Однако причины такого единодушия кроются, по-видимому, не столько в достоинствах "Проекта", сколько в идеологических позициях авторов соответствующих публикаций. По существу превосходные оценки "Проекта" обосновываются лишь двумя аргументами.

Первое и главное, на чем зиждется убежденность многих исследователей в исключительно высоких качествах "Проекта", – это авторство М.В.Ломоносова, непререкаемый авторитет, магическая сила его разносторонней образованности и гениальности. Обратимся вновь к формулировкам Н.А.Пенчко. В "Проекте" наиболее полно отразились ломоносовские идеи о построении русской высшей школы, а "в постепенном развертывании университета" видна его направляющая рука²². Возможно, сами того не всегда замечая, Н.А.Пенчко, М.Т.Белявский, Е.С.Кулябко и другие авторы при анализе "Проекта" искали не столько соответствия его положений целям и задачам создаваемого университета или состоянию дел в ведущих европейских университетах, сколько прежде всего их совпадений с идеями и текстами М.В.Ломоносова.

²¹ Пенчко Н. А. Основание Московского университета.–М.,1952.–С.17.

²² Там же.–С.17,32.

Второе – известное долгожительство "Проекта". Он был "построен с такой шириной", так продуман в целом и в деталях, настолько учитывал перспективы развития университетского образования в России, что смог столетия служить в качестве университетского устава²³.

Однако оба этих аргумента ненадежны. Конечно, трудно оспаривать, что М.В.Ломоносов был инициатором и главным идеологом создания Московского университета. Но вот что касается собственно "Проекта о Учреждении Московского университета", то здесь достоверно можно говорить лишь о его соавторстве. Бесспорно, М.В.Ломоносову принадлежит текст, перенесенный в "Проект" из его письма И.И.Шувалову. Несомненно, многие положения "Проекта" основаны на идеях М.В.Ломоносова, что подтверждает анализ, проведенный, в частности, Н.А.Пенчко²⁴. Но несомненно также, что с содержанием некоторых параграфов "Проекта" М.В.Ломоносов вряд ли согласился бы и что окончательная редакция этого документа скорее всего принадлежит И.И.Шувалову.

Что касается долгожительства "Проекта", то похоже, что оно обеспечивалось не столько его достоинствами, сколько главным образом определенной инертностью властей, а точнее Екатерины II, интерес которой к Московскому университету и университетскому образованию в России вообще (она одно время собиралась учредить еще три университета) перманентно то усиливался, то исчезал. Но в периоды, когда он усиливался, прежде всего ставился вопрос о замене "Проекта" полноценным уставом. Так было в середине 60-х годов, когда в университет был направлен запрос императрицы "об улучшении состояния университета", а в число документов о создании в России целостной системы образования, составленных профессором Ф.Г.Дильтеем, входил проект университетского устава. Так было в 1775 году, когда в ответ на просьбу Екатерины II зна-

²³ Там же. – С.32.

²⁴ Там же. – С.31–49.

менитый французский просветитель-энциклопедист Д. Дидро составил оригинальный "план университета для русского правительствa, или проект народного образования во всех науках". Так было в 80-х годах, когда в 1783 году проект университетского устава был представлен И.И.Шуваловым, а в 1785 году Екатерина II через посла Российской Империи в Австрии князя Голицына запросила "план австрийской учебной системы"; полученные материалы легли в основу "Проекта Устава российских университетов", представленного в 1787 году в кабинет императрицы членом Комиссии о народных училищах О.П.Козодавлевым²⁵. Ни один из представленных проектов университетского устава не был тогда принят. Причины этого будут обсуждены отдельно. Сейчас лишь отметим, что к этим причинам достоинства "Проекта" не относились.

Настойчивое стремление заменить "Проект" полноценным университетским уставом не было царственной прихотью. Судя по сохранившимся документам, профессора Московского университета тоже считали необходимым внести в него существенные коррективы или во всяком случае привести его в соответствие с европейской университетской традицией. И это отнюдь не было антиломоновской акцией иноземцев, стремившихся сузить широту и уменьшить глубину "Проекта" и тем самым нанести непоправимый ущерб только что родившемуся российскому университетскому образованию. В "Проекте о Учреждении Московского университета" не нашли отражения многие важные вопросы университетской жизни, которые обычно регламентировались уставом (порядок приема и выпуска, выборов профессуры, управление факультетами и т.п.). Это во-первых. А во-вторых, отдельные положения "Проекта", посвященные организации и содержанию учебного процесса, разительно отличались, и отнюдь не в лучшую сторону,

²⁵ Сточик А. М., Пальцев М. А., Затравкин С. Н. Из истории медицинского факультета Московского университета // Вестник Российской Академии медицинских наук. - 1995. - № 8. - С. 64-68.

от состояния преподавания в европейских университетах, "по примеру" которых (как это декларировалось в указе Елизаветы Петровны) создавался Московский университет.

В результате, кроме "Проекта", деятельность университета регулировало значительное число инструкций, "мнений", ордеров, специальных решений Университетской конференции, не только дополнявших его или разъяснявших имевшиеся положения, но и вносящих порой существенные изменения в них. Понадобился и специальный документ, устанавливавший обязанности студента "яко христианина" "относительно к учению" и "относительно к поведению". Но этот документ, получивший в литературе название "Студенческого устава", лишь декларировал определенные положения. Кроме него, существовало несколько инструкций, устанавливавших санкции в отношении студентов, не соблюдавших нормы благопристойного поведения, в том числе упомянутые в "Уставе". В итоге к началу 80-х годов "Проект" мало соответствовал состоянию дел в Московском университете, а сложившиеся в результате тридцатилетнего развития формы университетской жизни, организация учебного процесса, содержание преподавания, порядок зачисления и выпуска студентов были зафиксированы в проекте устава, составленного И.И.Шуваловым в 1783 году.

* *
*

Медицинский факультет представлен в "Проекте" так же скромно, как и в письме И.И.Шувалову, но текст о нем несколько расширен: выполнено не высказанное прямо пожелание М.В.Ломоносова, содержание каждого предмета преподавания раскрыто:

"В Медицинском

1. Доктор и профессор Химии должен обучать химии физической особливо и аптекарской.

2. Доктор и профессор Натурал[ь]ной Истории должен на лекциях показывать разные роды минералов, трав и животных.

3. Доктор и профессор Анатомии обучать должен и показывать практикою строение тела человеческого на Анатомическом театре и приучать Студентов в медицинской практике"²⁶.

По существу по каждому рекомендованному М.В.Ломоносовым предмету преподавания добавлено две-три строчки. Поначалу даже создается впечатление, что только чуть детализирован текст, взятый из письма И.И.Шувалову, что в отношении медицинского факультета ломоносовский замысел полностью сохранен. Но содержательный анализ текстов быстро развеивает эту иллюзию. Становится ясно, что внесенные на первый взгляд незначительные дополнения, которые, несомненно, выражали позицию авторов окончательной редакции "Проекта" в отношении основного содержания и направленности соответствующих профессорских курсов, разрушают ломоносовский замысел фактической замены медицинского факультета естественным.

Разрушали замысел замены медицинского факультета естественным... Но значит ли это, что авторы окончательной редакции "Проекта" сформулировали программу обучения на медицинском факультете, более близкую к декларируемой цели, к европейским образцам университетского медицинского образования? Положительно ответить на этот вопрос у нас нет никаких оснований. Программа обучения на медицинском факультете, зафиксированная в "Проекте о Учреждении Московского университета", особенно в части врачебного дела, ближе к программе обучения в госпитальных школах периода до реформ П.З.Кондоиди, чем к программам европейских университетов. Ближе, с одной стороны, определенной прак-

²⁶ Проект о Учреждении Московского университета//Пенчко Н. А. Цит. соч.-С.144.

тической ориентацией отдельных курсов, с другой – теоретической бедностью как по сравнению с ломоносовскими предложениями, так и особенно по сравнению с программами обучения на медицинских факультетах европейских университетов. Наиболее практически ориентирован курс анатомии. В "Проекте" особо подчеркивался практический характер его преподавания, обязательность демонстраций трупосечения и анатомических препаратов "на Анатомическом театре", которые, вероятнее всего, должен был проводить преподаватель. О самостоятельной работе студентов в анатомическом театре, похоже, вопроса не ставилось, хотя выражение "показывать практикою" допускает различные толкования. Но и просто практической ориентации с систематической демонстрацией трупосечения и анатомических препаратов вполне достаточно для того, чтобы отметить: замысел авторов окончательной редакции "Проекта" в отношении направленности преподавания анатомии – шаг вперед по сравнению со многими европейскими университетами, где в середине 18 века читался обзорный курс, а анатомические демонстрации проводились лишь эпизодически, если не сказать – редко. Однако это несомненное преимущество, этот шаг вперед по сравнению со многими европейскими университетами не могли компенсировать содержательных недостатков замысла авторов "Проекта". Уже говорилось: университетский курс анатомии был курсом морфофункциональным и предусматривал не только изучение "строения тела человеческого" (на чем акцентируется внимание в "Проекте"), но и "назначения" (функции) его частей. При этом морфологическая и функциональная части в университетских курсах анатомии были неотделимы друг от друга и по существу равнозначны.

Преимущественно морфологическое содержание курса невольно превращало основное достоинство замысла авторов окончательной редакции "Проекта" (практическое

преподавание анатомии) в его недостаток, поскольку такое сочетание ориентировало курс анатомии главным образом на нужды операторов. Но эту задачу были призваны выполнять госпитальные школы. Университет же создавался для обучения "высоким наукам". А медицина как наука (об этом справедливо говорил М.В.Ломоносов) предназначена "чрез познание свойств тела человеческого" постигать "причины нарушенного здравия", и анатомия в медицинском образовании (вспомним еще раз М.В.Ломоносова) важна прежде всего потому, что "анатомик... будучи физиолог должен доходить до подлинных причин состояния здорового и больного человеческого тела". Исключение или значительное сокращение функциональной части курса не просто лишало будущего медика необходимой для него информации, но и снижало теоретический уровень образования.

Но, похоже, о теоретическом уровне медицинского образования в Московском университете авторы окончательной редакции "Проекта" думали меньше всего. В результате внесения в ломоносовский текст дополнений в "Проекте" не появилось ни теоретической медицины как синтетического предмета преподавания, ни дисциплин, ее составляющих, хотя постановлением Медицинской канцелярии от 4 июля 1754 года обязательное преподавание физиологии и патологии было введено в госпитальных школах. Более того, раскрытие основного содержания вводимых предметов преподавания осуществлено таким образом, что как будто специально демонстрирует несущественность или, в лучшем случае, второстепенность теоретических сведений как естественнонаучного характера, так и специального медицинского назначения. Мы уже убедились в этом, анализируя курс анатомии.

В еще большей степени это относится к курсу натуральной истории: основную задачу профессора этого курса авторы окончательной редакции "Проекта" усматривали в демонстрации различных минералов, трав и живот-

ных. При этом "Проектом" не оговаривалось, должны ли эти минералы, травы и животные иметь какое-либо отношение к медицине и фармации или нет. Но если даже в "Проекте" речь шла о демонстрации минералов, трав и животных, являвшихся лекарственным сырьем, положение практически не меняется. Подменять в университетской программе основной естественнонаучный курс практическим лекарствоведением было вряд ли целесообразно.

Обратимся теперь к химии. Лейпцигский профессор Х.Г.Людвиг, ориентируясь на установки Г.Бургаве и традиции, сложившиеся в лучших университетах Германии, включал в этот курс общую, так называемую специальную и медицинскую химию. Отдельно предусматривалось преподавание группы фармацевтических дисциплин, уже упоминавшейся *Cognitio medicamentorum*.

Содержание же курса химии, зафиксированное в "Проекте", много беднее. Его основу составили два раздела химии – физическая и аптекарская. Вопрос о содержании первого по меньшей мере спорный. Существует точка зрения, что текст, раскрывавший содержание курса химии в "Проекте" ("физической особливо и аптекарской"), принадлежит М.В.Ломоносову и что, следовательно, "Проектом" предусматривалось преподавание на медицинском факультете Московского университета физической химии, как ее понимал М.В.Ломоносов. С нашей точки зрения, это маловероятно прежде всего потому, что такой крупный знаток химии, каким был М.В.Ломоносов, вряд ли стал бы ограничивать университетский курс химии этими двумя ее разделами, а самое главное, вряд ли поставил бы эти два раздела рядом, как равнозначные. Скорее всего, анализируемый текст внесло лицо, значительно менее сведущее в вопросах химии, чем М.В.Ломоносов, и в термин "физическая химия" было вложено не ломоносовское понимание, а общепринятое тогда его значение: физическая, чистая или теоретическая химия. Иными словами, "Проектом"

предписывалось длительное, тщательное ("особливое") изучение общей химии и так называемых химических операций. Известной профилизацией курса по замыслу авторов окончательной редакции "Проекта", по-видимому, должно было служить включение "аптекарской" химии, которая сама по себе, без других фармацевтических дисциплин и вне связи с ними носила чисто прикладной характер.

Наконец, авторы окончательной редакции "Проекта" не выделили медицинской, или, как ее тогда называли в России, медической, химии, призванной на основе данных химии объяснять сущность процессов, происходящих в организме здорового и больного человека. Этот раздел химии составлял важную часть университетского медицинского образования. К середине 18 века сведениям по медицинской химии посвящались не только обширные разделы в солидных руководствах (например, у Ф.Гоффмана в его *Chimia Rationalis et Experimentalia.*—Geneva, 1748), но и специальные учебники (например, Cartheuser J. *Elementa chimiae medicae dogmatico experimentalis.*—Halle, 1736).

Не совсем ясно изложен в "Проекте" вопрос о преподавании практических "врачебных" наук. В самом деле, использованное в "Проекте" словосочетание "приучать Студентов в медицинской практике" звучит как-то загадочно и по-разному оценивается и интерпретируется исследователями истории медицинского факультета. Одни относятся к этой формулировке осторожно, предпочитая сохранить некоторую таинственность ("...на медицинском факультете университета должно было проводиться преподавание химии, натуральной истории и анатомии в связи с медицинской практикой"²⁷. – Курсив наш. – Авт.); другие трактуют расширительно, смело (на кафедру анатомии «возлагалась обязанность "приучать" студентов к медицинской практике»,

²⁷ Российский Д. М. 200 лет медицинского факультета Московского государственного университета. I Московского ордена Ленина медицинского института.—М., 1955.—С. 11.

т.е. обучать их не только анатомии, но и практической медицине: терапии, хирургии, акушерству и т.д.)²⁸.

Что имел в виду автор под формулировкой "...преподавание... анатомии в связи с медицинской практикой" – прокомментировать затруднительно, а спросить уже не у кого. В отношении же расширительного толкования формулировки "Проекта" ("...т.е. обучать... практической медицине: терапии, хирургии, акушерству и т.д.") можно прямо сказать: оно некорректно.

Некорректно прежде всего потому, что осовременивало формулировку "Проекта", в значительной мере подменяя одни понятия другими. Во-первых, термины "медицинская практика" и "практическая медицина" для медицинской лексики 18 века не были абсолютно синонимичны. Первый, как уже отмечалось, употреблялся для обозначения комплекса (группы) практических "врачебных" наук, включавшего "клинику или внутреннюю медицину", хирургию, судебную медицину и так называемую казуистику. Второй – обычно употреблялся в значении "внутренняя медицина". Так, в частности, было в Московском университете: С.Г.Зыбелин как "Химии и Медицины Практической Профессор" читал (кроме химии) внутреннюю медицину. В этом отношении показательно, что, принимая решения о введении в госпитальных школах единого курса практических "врачебных" наук, включавшего внутреннюю медицину и хирургию, П.З.Кондоиди назвал его *graxix medico-chirurgicum*, а не *graxix medicum* или *medicina practica*²⁹.

Во-вторых, термин "терапия" не употреблялся тогда в значении "клиника внутренних болезней", а только в зна-

²⁸ Бородулин Ф. Р. 200 лет I Московского ордена Ленина медицинского института имени И. М. Сеченова // Очерки по истории I Московского ордена Ленина медицинского института им. И. М. Сеченова. – М., 1959. – С. 6–7.

²⁹ Чистович Я. История первых медицинских школ в России. – СПб., 1883. – С. 309.

чении "лечение". Что же касается терапии как университетского предмета преподавания, то он читался в курсе теоретической медицины. Так было и в европейских университетах, и в Московском университете.

В-третьих, глагол "приучать" не синонимичен, особенно в лексике 18 века, современному глаголу "обучать". В.И.Даль в 80-х годах 19 века, т.е. спустя более века после составления "Проекта", фиксировал два значения глагола "приучать": 1. "давать навык, заставлять, привыкать"; 2. "приохотить, поводить"³⁰. При этом второе значение в 18 веке было более употребимым.

Последнее (в-третьих) весьма существенно, ибо дает нам ключ для расшифровки интересующей нас формулировки "Проекта", позволяет снять с него покров таинственности. Обратимся вновь к В.И.Далю: "Охота, состояние человека, который что-либо хочет, хотенье, желание, склонность или стремление..."³¹. Формулировка "Проекта", таким образом, проясняется: авторы его окончательной редакции ставили перед профессором анатомии задачу вызвать "хотенье", "желание", "стремление" (совр. интерес – "охоту"), заинтересовать ("приохотить") к медицинской практике и, скорее всего, замыслили преподавание на медицинском факультете обзорного, ознакомительного курса, включавшего краткое изложение всех (или большинства) дисциплин, составлявших университетский комплекс "медицинская практика". Подобный опыт имелся в России. В 1742 г. московский штатт-физик И.Ф.Шрейбер был назначен "для обучения в спб. госпиталях учеников и подлекарей анатомии и хирургии" с присвоением ему звания доктора и профессора. Специальной инструкцией, составленной П.З.Кондоиди и подписанной тогдашним руководителем Медицинской кан-

³⁰ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка.– Т. III.–М., 1990.–С.465.

³¹ Там же.–Т. II.–М., 1989.–С.745.

целярии и архиятром графом Г.Лестоком, "профессору хирургии в обоих С.-Петербургских госпиталях доктору Шрейберу" предписывалось преподавать "купно о внутренних и наружных болезнях"³². Название такого сводного курса в инструкции не обозначено, но в результате многолетнего преподавания И.Ф.Шрейбер в 1756 году издал учебник на немецком языке, который был переведен на русский Н.М.Максимовичем-Амбодиком и издан в Петербурге в 1781 году. Учебник И.Ф.Шрейбера назывался "Руководство к познанию и врачеванию болезней человеческих наружных и внутренних, с прибавлением главнейших немощей женского пола и малолетних детей". Судя по учебнику, курс И.Ф.Шрейбера был обзорным, ознакомительным. Ко времени составления "Проекта" И.Ф.Шрейбер читал свой курс, пользовавшийся широкой известностью, 12 лет. Вероятнее всего, его опыт и лег в основу замысла авторов окончательной редакции "Проекта": ознакомить и заинтересовать студентов медицинского факультета "медицинской практикой" с тем, чтобы большинство выпускников пожелали усовершенствоваться во врачебном деле. Как мыслилось такое усовершенствование, в "Проекте" ничего не говорится.

Итак, мы убедились, что окончательный вариант "Проекта" в части, относящейся к медицинскому факультету, был достаточно далек как от ломоносовского замысла, так и от практики, сложившейся в европейских университетах. Трудно сказать, к чему привело бы внедрение предусмотренной им программы обучения. Трудно прежде всего потому, что вскоре она была радикально пересмотрена. Студенты-медики обучались по другой программе.

³² Чистович Я. Цит. соч.—С.158,268.

РОЖДЕНИЕ МЕДИЦИНСКОГО ФАКУЛЬТЕТА

П

осле торжественной инаугурации, состоявшейся 26 апреля 1755 года, занятия в университете начались не сразу. Не случайно "Санктпетербургские Ведомости" назвали московские торжества "инаугурацией при начинании гимназии Московского имп. Университета"¹, а издававшиеся под редакцией санктпетербургского академика Г.Ф.Миллера "Ежемесячные сочинения" об открытии университета в Москве не обмолвились ни словом. Н.А.Пенчко по этому поводу замечает, что 26 апреля 1755 года, как официальная дата открытия Московского университета "не совсем точна", так как тогда "открылся не самый университет, а только его гимназия"². Такой же точки зрения придерживается и Л.А.Турубинер: "На самом деле, за отсутствием подготовлен-

¹ Санктпетербургские Ведомости – 1755, 1 мая.–№39. Примечательно, что в подробной информации "очевидца из Москвы", опубликованной в издававшемся в России французском журнале "Le cameleon litteraire", издатель которого жил в доме И.И.Шувалова, также говорится об открытии только гимназии//Le cameleon litteraire.–1755.–№19.–С.436–439.

² Пенчко Н. А. Основание Московского университета.–М., 1953.–С.127.

Медаль на открытие Московского университета
(лицевая и оборотная стороны)

ных слушателей, в апреле 1755 года были открыты только гимназии³.

Эти замечания нельзя признать безоговорочно. Во-первых, потому что инаугурационные торжества традиционно считались точкой отсчета начала деятельности университета, хотя между днем инаугурации и началом систематических занятий всегда существовал временной разрыв. Для Московского университета инаугурационные торжества были приурочены к годовщине коронации Елизаветы Петровны (25 апреля). Это время, выбранное устроителями, может быть удачно с политической точки зрения, было явно неудобным для начала занятий, поскольку до летних каникул оставалось менее полутора месяцев. Во-вторых, гимназия для Московского университета играла особую роль. В стране не существовало системы среднего образования, и университетская гимназия предназначалась главным образом для подготовки юношества к обучению

³ Турубинер Л. А. История медицинского факультета Императорского Московского университета от основания до первой отечественной войны (1764–1812). – Канд. дисс. – М., 1944. – Т. I. – С. 43.

в университете, замышлялась не как средняя школа при университете, а как его подготовительный факультет. «Намерение при заведении сих Гимназий, – читаем мы в "Регламенте московской гимназии", – состоит в том, чтоб Российское юношество обучить первым основаниям наук, и таким образом приготовить оное к слушанию профессорских лекций в Университете...»⁴. Такой же позиции в отношении роли гимназии для университета придерживался и М.В.Ломоносов: "При Университете должна быть Гимназия, без которой Университет, как пашня без семян"⁵, – писал он в уже цитированном нами знаменитом письме И.И.Шувалову. Если эту позицию основателей университета признать правомерной, дата открытия гимназий вполне может считаться датой открытия университета.

Вместе с тем сохранившиеся документы свидетельствуют о том, что ко времени проведения инаугурации для организации систематических занятий, как с учащимися, так и со студентами, предстояло сделать еще очень многое. Если число записавшихся в гимназии превышало самые оптимистические прогнозы⁶, то штат преподавателей укомплектован не был, не было подготовлено и никаких учебных программ. «На первый случай, – писал И.И.Шувалов директору университета А.М.Аргамакову в "Инструкции", присланной после открытия университета⁷, – имею честь послать к вам сию Инструкцию, которую сколько первая нужда в поведении и кратость времени сделать дозволили, наблюдать извольте до получения вам регламента гимназии, которой не прежде как по основаниям и обстоятельствам происхождения учений сделан

⁴ Пенчко Н. А. Цит. соч.–С.171.

⁵ Ломоносов М.В. ПСС.–Т.10.–М.–Л., 1957.–С.514.

⁶ В 1755 г. в гимназии Московского университета было принято 100 человек.

⁷ Дата документа точно не установлена.

быть должен, ибо многие после обстоятельства окажутся в таком новом здесь учреждении, которых теперь увидеть и предостеречь нельзя. Вам известно, что не могли за скоростию набрать довольное число в гимназии обе учителей; того ради, докуда не будут все сысканы, изволите учредить, чтоб принятые учителя в обеих классах учения производили без остановки учащимся»⁸.

В отношении собственно университета положение было еще сложнее. Обучение в университете начиналось с философского факультета, где студенты в течение трех лет должны были изучать общеобразовательные и естественные науки (философию, логику, математику, физику и др.). Только после этого желающие продолжить свое образование зачислялись на "высшие" факультеты – медицинский или юридический⁹. "Слушать профессорские лекции" могли лишь молодые люди, знающие иностранные языки, прежде всего латинский. Языкам же обучали только в духовных учебных заведениях, и И.И.Шувалов использовал все свое влияние для того, чтобы принудить церковные власти в кратчайшие сроки решить вопрос о направлении в университет семинаристов, "искусных как в латинском языке, так и в знании классических авторов". Подготовленные семинаристы были нужны И.И.Шувалову не только для того, чтобы укомплектовать философский факультет ("с божьей помощью начать Университет"), он надеялся использовать некоторых из них для преподавания в гимназии. Видимо, поэтому и решил увеличить число студентов-стипендиатов

⁸ Пенчко Н. А. Цит. соч.–С.166.

⁹ В отличие от европейских университетов, в Московском не предусматривалось открытие богословского факультета. «Хотя во всяком университете, – говорилось в "Проекте о Учреждении Московского Университета", – кроме философских наук и юриспруденции должно также предлагаться быть богословские знания, однако попечение о богословии справедливо оставляется Святейшему Синоду»/Пенчко Н. А. Цит. соч.– С.144.

до 30 против 20, предусмотренных "Проектом о Учреждении Московского Университета"¹⁰.

6 мая 1755 года Синод решил направить в Московский университет 30 учащихся различных духовных учебных заведений¹¹, а 25 мая директор университета А.М.Аргаматов специальным рапортом доносил о получении из Московской синодской канцелярии указа, "при котором Указе присланы студенты Московской епархии шесть человек да из Крутицкой два человека, и явились в императорском Московском Университете"¹². Это были студенты Славяно-греко-латинской академии Петр Дмитриев (Вениаминов), Семен Герасимов (Зыбелин), Данила Яковлев (Ястребов), Петр Семенов, Василий Алексеев (Тропольский), Иван Алексеев и семинаристы Крутицкой епархии Иван Ильин (Гостунский) и Илларион Мусатов (Садовский)¹³. Честь называться первым студентом Московского университета принадлежит С.Г.Зыбелину, который в

¹⁰ В цитированной выше книге Н.А.Пенчко (С.132) ошибочно указано, что в третьей, окончательной, редакции университетского штата предусмотрено 20 "жалованных студентов". В "Штате Московского университета и гимназии" (3-я редакция) под рубрикой "Философский факультет" записано: "30-и человекам студентам, которые прилежны будут в науках по 40 рублей". Студенты использовались в качестве учителей гимназии. Например, П.Д.Вениаминов – будущий профессор медицинского факультета – в студенческие годы преподавал в гимназии греческий язык. Преподавали также в студенческие годы Д.Аничков, Е.Булатницкий, Ф.Левицкий, А.Любинский, П.Полонский и др.

¹¹ "И по указу ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Святейший Правительствующий Синод ПРИКАЗАЛИ: по вышеозначенному ИМПЕРАТОРСКОГО Московского университета доношением требованию для надлежащего во оный Университет определения отослать из Московской академии из обучающихся ныне в риторике и философии студентов, жития и состояния доброго и к наукам понятных и способных шесть, да из прочих семинарий из таковой же в риторике и философии обучающихся и також де жития и состояния доброго, и понятных, и способных, не посвященных в стихари выслать в Москву, а именно: из Новгородской – трех, из Псковской, из Крутицкой – по два, из Белогородской – двух, из Нижегородской – двух, из Смоленской – двух, из Вологодской – трех, из Тверской – двух, из Свято-Троицкой Сергиевой лавры – шесть, всего – тридцать человек"/РГАДА.–Ф.1183.–Оп.1.–Д.103.–Л.7об.

¹² Там же.–Л.17.

¹³ Там же.–Л.15.

качестве "старшего" получил на руки синодский указ "для подачи в Московский университет, в чем и расписался"¹⁴.

Как осуществлялся выбор кандидатов в студенты Московского университета в духовных учебных заведениях – "самоохотно" или "с принуждением" – точно установить невозможно. Судя по известным нам из литературы порядкам, царившим в духовных семинариях, трудно себе представить, чтобы руководители семинарий активно выявляли среди семинаристов желающих обучаться в светском учебном заведении, хотя с избранными ими кандидатами наверняка беседовали, наставляя и благословляя их к жизни в миру. Л.Б.Хорошилова сообщает, что двое студентов, присланных из Белгородской семинарии, были отправлены из университета обратно с требованием, чтобы были присланы "самоохотные", а не "с принуждением"¹⁵. Вместе с тем из 22 известных нам студентов "первого набора", прибывших в Московский университет в 1755 году из различных духовных учебных заведений, никто впоследствии к духовной службе, даже в качестве преподавателей семинарий, не возвратился.

Точно установить численность "первого набора" также не представляется возможным. Л.Б.Хорошилова утверждает, что по разверстке Синода в университет прибыло не 30, а 25 человек¹⁶. В то же время известно, что с начала октября 1755 года на философский факультет были зачислены и занимались 30 казеннокоштных студентов. *"Студентам тридцати человекам,* – говорится в ордере И.И.Шувалова от 9 октября 1755 года, – *которые лекции математические и*

¹⁴ Пенчко Н. А. Цит. соч.–С.131. При этом Н.А.Пенчко сообщает архивные реквизиты соответствующего документа: РГАДА.–Ф.1183.–Оп.1.–Д.103.–Л.12. По этим реквизитам хранится подлинник доношения ректора Московской Славяно-греко-латинской академии архимандрита Иосафа о направлении в Московский университет шести студентов академии в соответствии с указом Святейшего Синода/Указ. дело.–Л.12–12об.

¹⁵ Университет для России. Взгляд на историю культуры XVIII столетия.–М., 1997.–С.238.

¹⁶ Там же.

философские слушают, вследствие Университетского штата жалованье производить по сороку рублей в год (курсив наш. – Авт.)"¹⁷. Известно также, что в университет в 1755 году было зачислено двое присланных из Киевской академии, неупомянутой в разверстке Синода, и что двое студентов из Харьковского коллегіума прибыли в Москву значительно позднее подписания И.И.Шуваловым упомянутого выше ордера. Таким образом, приступить к "слушанию профессорских лекций" на философском факультете Московского университета в осеннем семестре 1755 года могло от 27 до 32 студентов, и, следовательно, штат казеннокоштных студентов был заполнен практически полностью. Кроме того, трудно не согласиться с Н.А.Пенчко: "Этот первый набор... оказался исключительно удачным..."¹⁸. Заметим: удачным, прежде всего для медицинского факультета. Из этого набора вышли первые профессора-медики Московского университета из природных россиян – П.Д.Вениаминов и С.Г.Зыбелин.

* *

*

Занятия на философском факультете начались скорее всего в июле 1755 года, сразу после летних каникул¹⁹. К этому времени большинство назначенных для обучения в Московском университете студентов и семинаристов уже прибыло, и воспитанники М.В.Ломоносова Н.Н.Поповский и

¹⁷ РГАДА.–Ф.17.–Оп.1.–Д.38.–Л.69об.

¹⁸ Пенчко Н. А. Цит. соч.–С.134.

¹⁹ Н.А.Пенчко, с нашей точки зрения, достаточно убедительно аргументировала, что более поздний срок начала занятий маловероятен (Пенчко Н. А. Цит. соч.–С.134–135). В соответствии с пунктом 12 "Проекта о Учреждении Московского Университета" летние каникулы продолжались с 10 июня по 1 июля. Это положение в дальнейшем было пересмотрено.

А.А.Барсов приступили к чтению лекций²⁰: первый – по основам философии²¹, второй – по арифметике и геометрии. В 1756 году к ним присоединился приглашенный из Тюбингенского университета магистр философии И.Г.Фромман, читавший лекции по логике, метафизике и практической философии, а Н.Н.Поповский был назначен профессором красноречия.

С 31 октября 1756 года лекции по естественному и народному праву и всеобщей истории начал читать Ф.Г.Дильтей, приглашенный для преподавания на юридическом факультете, который должен был открыться в 1758 году. Но И.И.Шувалов спешил, вероятно предполагая, что значительная часть окончивших философский факультет будет использована на государственной службе, и знание юриспруденции, пусть на первых порах в сокращенном объеме, им пригодится. Поэтому и "выписал" Ф.Г.Дильтея заранее и вскоре после его приезда специальным ордером ввел на философском факультете преподавание элементов юриспруденции, которое не было предусмотрено "Проектом о Учреждении Московского Университета". И.И.Шувалов не скрывал, что считает основными задачами университета подготовку молодых людей для педагогической работы и службы в государственном аппарате. Поэтому свободно назначал недоучившихся, но хорошо успевавших студентов учителями гимназий, отзывал наиболее способных для преподавания в Кадетском корпусе. Поэтому писал 21 марта 1762 года: "Факультет философической и юриспруденции нужнее всех в нынешнее время будет по причине полагаемого для штатских особливо учения"²².

²⁰ Вступительная речь Н.Н.Поповского, "говоренная при начатии философских лекций в Московском университете", была опубликована в августе 1755 года// "Ежемесячные сочинения".-1755.-Август.-С.167-176.

²¹ В книге "Университет для России" (С.239) сообщается, что в 1755 г. Н.Н.Поповский читал студентам лекции "по основаниям красноречия и стиля латинского и российского". Этот курс Н.Н.Поповский начал читать студентам с 1756 г., после назначения на должность профессора красноречия.

²² Петров П. Н. Сборник материалов для истории имп. Академии художеств за сто лет ее существования.-Т.1. Приложения.-СПб., 1864.-С.711.

Считая "нужнее всех в нынешнее время" "факультет философической и юриспруденции", И.И.Шувалов в то же время не забывал и о факультете медицинском, который, по-видимому, намеревался "начать", как юридический, в 1758 году. Во всяком случае не позднее первой декады мая 1757 года ему были доложены рекомендации лейпцигского профессора и члена Петербургской академии наук Хайнсинса по поводу приглашения в Московский университет в качестве профессора медицинского факультета И.Х.Керштенса. «В том же письме, – сообщалось, в частности, в рапорте на имя И.И.Шувалова, – г. Хайнсинс рекомендует некого Кирстена, магистра философии²³ <для принятия в Московский университет>²⁴ на случай, если в нем есть надобность, высказываясь на его счет в таких словах: "Г. Кирстен профессиональный медик, и как такового его можно использовать для обучения анатомии, химии, физики. Он знает также математику и французский язык, в котором даже очень силен. Его любимая наука физика, а его знакомство с ремеслами и промышленностью засвидетельствовано книгой, которую он опубликовал и которая встретила признание..."²⁵. Он был библиотекарем у его превосходительства премьер-министра графа Брюля и сейчас находится в Лейпциге"»²⁶. Рекомендация Хайнсинса была принята, а сам И.Х.Керштенс согласился на предложенные ему условия. Не позднее середины ноября 1757 года он прибыл в Пе-

²³ Имеется в виду И.Х.Керштенс, который был не только магистром философии, но и доктором медицины.

²⁴ Помещенное <> – в тексте документа зачеркнуто.

²⁵ Название труда И.Х.Керштенса в тексте документа написано неразборчиво.

²⁶ Петербургский филиал архива Российской академии наук (ПФА РАН).– Ф.11.–Оп.3.–Д.308/29.–Л.6–6об. В другом документе, датированном 23 мая 1757 года, пишется: "Это тот самый г. Кирстен, который был рекомендован ранее г-ном Хайнсинсом как человек очень способный во всех частях медицины, математике, естественной истории, знакомый с промышленностью и искусством механики..."–ПФА РАН.–Ф.21.–Оп.3.–Д.308/29.–Л.1.

тербург²⁷, где встретился с И.И.Шуваловым. "Теперь сюда приехал профессор химии, – сообщал куратор директору университета И.И.Мелиссино 17 ноября 1757 года, – которого скоро отправлю..."²⁸. Вероятно, И.Х.Керштенс произвел на И.И.Шувалова хорошее впечатление, потому что уже 20 ноября²⁹ куратор подписал контракт: И.Х.Керштенс назначался в Московский университет "в качестве профессора химии на 5 лет, обещая преподавать также минералогию и доцимастику"³⁰.

Формулировка контракта с И.Х.Керштенсом очень важна для понимания содержания преподавания на медицинском факультете в 18 веке: она неоспоримо свидетельствует о том, что медицинский факультет предназначался не только для обучения собственно "врачебным" наукам, не только наукам, в знании которых может возникнуть потребность при осуществлении деятельности, связанной с медициной. Более того, эта формулировка наводит на мысль, что уже в 1757 году И.И.Шувалов по меньшей мере допускал возможность использования медицинского факультета для подготовки специалистов по металлургии. Возможность, которая позднее была реализована.

Несмотря на высказанное И.И.Мелиссино намерение, И.И.Шувалов "скоро" новоиспеченного профессора в Москву не отправил. Сначала лично занялся оформлением И.Х.Керштенсу разрешения на право "вольной" медицинской практики без экзамена. Это был несомненный акт особой приязни. Получение права на "вольную" врачебную практику в

²⁷ В "Биографическом словаре профессоров и преподавателей Императорского Московского университета" (Ч.1.–М., 1855.–С.407) ошибочно указано, что И.Х.Керштенс прибыл в Россию в 1758 году.

²⁸ Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века.–Т.1.–М., 1960.–С.100.

²⁹ Чистович Я. История первых медицинских школ в России.–СПб., 1883.–С.СLXXVIII.

³⁰ ПФА РАН.–Ф.21.–Оп.3.–Д.308/29.–Л.2.

Contrat conclu entre Son Excellence Mr. le Chambellan
Iwan Ivanowitch Schouwalow, Curateur de l'Université
de Moscou et Mr. Kistler.

1.
Le dit Sr. Kistler s'engage au service de l'Université
de Moscou en qualité de Professeur de chimie pour
cinq ans, permettant d'enseigner aussi la Minera-
logie et la Docimastique

2.
Ses appointements sont fixés à cinq cents roubles
par an; à compter du ~~1er~~ jour, qu'il se mettra
en voyage.

3.
~~Sur cela~~
On lui accorde pour les frais du voyage cent
cinquante roubles, ^{qui lui seront payés} ~~qu'on lui fera payer~~ ^{à son arrivée.}

4.
À son arrivée à S. Pétersbourg on lui payera
cent roubles d'avance ~~sur~~ ses gages.

5.
Après les cinq ans écoulés il lui sera libre
de demander son congé, qui lui sera donné sans
délai, pour pouvoir retourner, s'il le veut, en sa
Patrie, ou de rester en service, et de conclure
un nouveau contrat.

Фрагмент черновика контракта с И.Х.Кершгенсом

России 18 века было обставлено сложной процедурой. Оно оформлялось именованным указом центрального органа управления медицинским делом от имени императрицы. Соискатель должен был не только предъявить свидетельства об образовании, диплом доктора медицины, рекомендательные письма и другие документы, но и сдать экзамен специально назначенной комиссии. Исключения делались редко. И.И.Шувалов лично обратился к руководителю Медицинской канцелярии П.З.Кондоиди и, ссылаясь на единственный прецедент, просил сделать исключение для И.Х.Керштенса, как доктора медицины, приглашенного на работу в Россию государством. Просьба И.И.Шувалова была уважена, и 27 января 1758 года разрешительный указ от Медицинской канцелярии был подписан³¹. Путь к ординарной профессуре на медицинском факультете Московского университета И.Х.Керштенсу был открыт: без "наличия квалификационного сертификата, полученного от Медицинской канцелярии (до 1763 г. – Медицинской канцелярии)" на должность ординарного профессора тогда не назначали³².

Но и после этого И.Х.Керштенс находился в Петербурге еще не менее двух месяцев. Чем занимался мало кому известный лейпцигский магистр в столице Российской империи, точно не установлено. Существует предположение, что именно тогда решался вопрос о создании в Московском университете химической лаборатории. Подозревают даже, что "советы по организации лаборатории" он "получал непосредственно от М.В.Ломоносова и И.И.Шувалова"³³. Если это так, то именно в начале 1758 года решился вопрос о профиле университетской химической лаборатории и о направленности преподавания химии в первые годы рабо-

³¹ Чистович Я.–Цит. соч.–С.СLXXVIII.

³² Иванов А. Е. Ученые степени в Российской империи. XVIII в.–1917.–М., 1994.–С.27–28.

³³ Университет для России. Взгляд на историю культуры XVIII столетия.–М., 1997.–С.116.

ты медицинского факультета. Примечательно, что многократно цитировавшийся в литературе ордер о создании химической лаборатории ("Лабораторию каменную строить, чтобы она для первого случая не весьма велика была: и сметить оную во что станет, также и план прислать"³⁴) был послан И.И.Шуваловым 30 марта 1758 года буквально вдогонку И.Х.Керштенсу, прибывшему в Москву в конце марта³⁵.

И.Х.Керштенс прослужил в Московском университете 12 лет и не оставил по себе доброй памяти. Каждый, хотя бы случайно занимавшийся историей Московского университета, просто-таки считал своим долгом сказать в адрес первого профессора медицинского факультета что-нибудь недоброе. Даже Ф.А.Петров, стремившийся в своей монографии отрешиться от сложившихся предубеждений и отдать дань уважения работавшим в университете немецким профессорам, не воспользовался имеющимися материалами, чтобы объективно показать роль И.Х.Керштенса в становлении медицинского факультета Московского университета³⁶. Конечно, И.Х.Керштенс не был ни российским патриотом, ни выдающимся ученым, властителем дум или первопроходцем. Конечно, некоторые его поступки, о которых много написано и которые ниже будем обсуждать и мы, без достаточно серьезного анализа причин и ситуации, в которой они совершались, могут быть истолкованы превратно, что делалось и делается многими исследователями. Но даже если признать, что эти поступки оценены правильно, вряд ли справедливо, основываясь лишь на них, давать оценку в целом деятельности И.Х.Керштенса в Московском университете. И.Х.Керштенс был, несомненно, самым образованным профессором медицинского факуль-

³⁴ РГАДА.-Ф.17.-Оп.1.-Д.38.-Л.74.

³⁵ Московские ведомости.-1758, 3 апреля.-№27.

³⁶ Петров Ф. А. Немецкие профессора в Московском университете.-М.,1997.-С.39-40, 42.

тета первого десятилетия его существования, он, несомненно, был лучшим профессором химии Московского университета в 18 веке. Наконец, И.Х.Керштенс внес решающий вклад в приведение учебной программы медицинского факультета Московского университета в соответствие с европейскими стандартами. В ходе дальнейшего изложения сказанное выше будет обосновано. Сейчас лишь отметим: Хайнсинс в своей рекомендации дал объективную оценку способностям и разносторонней образованности И.Х.Керштенса, а И.И.Шувалов не ошибся в выборе первого профессора медицинского факультета.

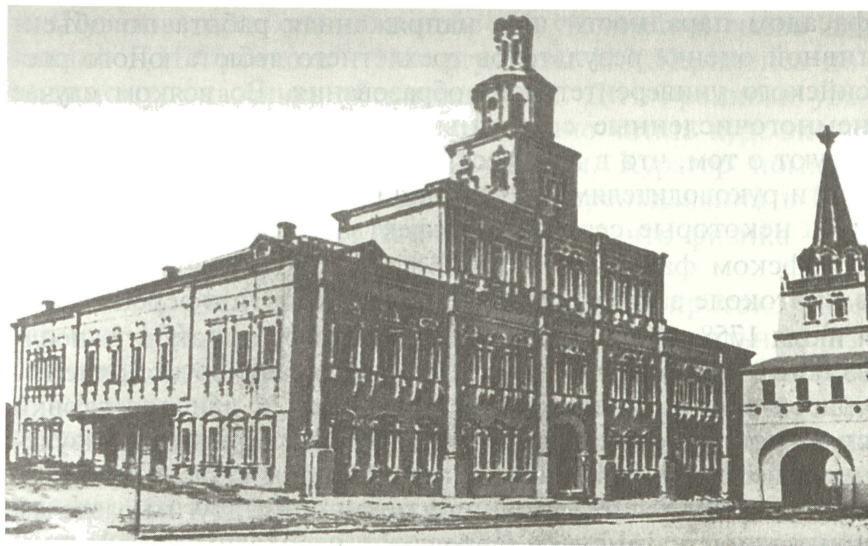
* *
* *

В июле истекал трехлетний срок обучения студентов "первого набора" на философском факультете, отведенный "Проектом о Учреждении Московского Университета" на освоение курса наук³⁷. В преддверии итоговых испытаний в мае были объявлены лучшие студенты по каждому предмету преподавания, кроме класса экспериментальной физики³⁸. К выпускному акту готовились, как к большому торжеству. Разрабатывался сценарий, определялись списки приглашаемых вельмож ("любителей наук") и награждаемых студентов, писались торжественные речи. Все было исполнено в лучшем виде, и «при окончании, – сообщали "Московские ведомости", – играли на трубах и литаврах»³⁹.

³⁷ "Каждый студент, – читаем мы в пункте 22 "Проекта...", – должен три года учиться в Университете, в которое время все предлагаемые во оном науки или по крайней мере те, которые могут служить и будущим его намерениям способно окончать может..." / П е н ч к о Н. А. Цит. соч.–С.155.

³⁸ Прибавления к "Московским ведомостям" от 12 мая 1758 г.

³⁹ Московские ведомости.–1758, 14 июля.–№56.

Первое здание Московского университета у Воскресенских ворот

Хвалебные отзывы, разумеется, не отражали истинного положения вещей. И обилие наград (ими была удостоена почти половина – 12 студентов) не должно вводить в заблуждение. Медали выдавались не потому, что успехи награждаемых были выдающимися, а потому, что "Проектом о Учреждении Московского Университета" предусматривалось их систематическое присуждение "дабы не оставить ничего, что бы могло молодых людей поощрить к наукам". Награждались, конечно, лучшие. Лучшие из тех, кто есть. Впрочем, приличествующая важности события парадность соответствовала духу времени. Эпоха "потемкинских деревень" уже наступила, хотя сам Григорий Александрович был еще университетским гимназистом. Кроме того, некоторое преуве-

личение успехов было уместным. Университет нуждался в рекламе. Желающих обучаться "высшим наукам" было немного, особенно среди дворян.

Университет нуждался в рекламе. Но похоже, что за фасадом парадности шла напряженная работа по объективной оценке результатов трехлетнего дебюта юного российского университетского образования. Во всяком случае немногочисленные сохранившиеся документы свидетельствуют о том, что в процессе экзаменов 1758 года профессорам и руководителям университета удалось выявить и устранить некоторые серьезные дефекты преподавания на философском факультете. "Г. проф. Керштенс, – читаем мы в протоколе заседания университетской Конференции от 4 июля 1758 года, – доложил, что он готов приступить после вакаций к своим лекциям по физике, как во исполнение ордера вашего превосходительства, так и для подготовки студентов, которые пожелают в будущем заниматься изучением медицины. Но, находя, что ни один студент не имеет нужных знаний по основаниям механики и другим разделам прикладной математики, абсолютно необходимых в физике и медицине, он просил Конференцию поручить кому-либо труд по преподаванию этих частей математики"⁴⁰.

Ордер И.И.Шувалова не сохранился, но надо полагать, что он был реакцией куратора на доклад И.Х.Керштенса о состоянии преподавания физики в университете и, главное, об уровне знаний этого предмета, выявленном у студентов в ходе экзаменов. Именно физики, потому что прикладная математика, включая механику, читалась тогда в курсе экспериментальной и теоретической физики. Судя по документам 1757 года, негативная оценка уровня преподавания физики в университете должна была стать для И.И.Шувалова полной неожиданностью. Несмотря на предостережение группы академических

⁴⁰ Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века.–Т.1.–М., 1960.–С.120.

профессоров⁴¹, И.И.Шувалов лично пригласил в качестве лектора по физике бургундского аббата Д.И.Франкози. Вступительная лекция аббата прошла с успехом, "к великому удовольствию собравшихся обоого пола знатных слушателей"⁴², и Шувалов даже ставил вопрос об увеличении часов для лекций Д.И.Франкози⁴³. Но аргументы И.Х.Керштенса по видимому, оказались убедительными. Д.И.Франкози уволили, а И.Х.Керштенсу было предложено читать курс экспериментальной и теоретической физики. Куратор помнил, как, рекомендуя И.Х.Керштенса для преподавания в Московском университете, Хайнсинс писал, что физика – его любимая наука.

Однако, судя по цитировавшейся выше протокольной записи, И.Х.Керштенс предлагал более радикальные изменения. Кроме замены лектора по физике, как общеобразовательной дисциплины, предназначенной для всех студентов философского факультета, он считал необходимым ввести преподавание специального курса физики для подготовки будущих медиков. Эта идея И.Х.Керштенса, несомненно, была новаторской. В европейских университетах, сколько нам известно, подобных обязательных курсов не читалось.

⁴¹ До приглашения в Московский университет Д.И.Франкози был проэкзаменован на квартире у Г.Ф.Миллера профессорами Академического университета, выдавшими ему аттестат о знании латинского языка, элементарной математики и основ физики. Вместе с тем в аттестате указывалось, что он может быть лектором физики при условии тщательной подготовки к каждой лекции (Т а м ж е.–С.380).

⁴² "Вчерашнего дня, – писал 22 мая 1757 г. И.И.Шувалову директор университета И.И.Мелиссино, – при открытии класса экспериментальной физики говорена была от учащего оной аббата Франкозия речь о пользах оной и экспериментах, на французском языке, к великому удовольствию собравшихся обоого пола знатных слушателей" (Т а м ж е.–С.51).

⁴³ Об этом косвенно свидетельствует "Рапорт..." И.И.Мелиссино И.И.Шувалову от 12 июня 1757 г.: "Что до Франкозиева класса касается, то теперь ему часы прибавить неможно, потому что его ученики у других учителей часами заняты. После экзамена учинено будет порядочное росписание часам, тогда он довольное время в учении своим часами занят будет" (Т а м ж е.–С.61).

Место физики во врачебном образовании еще не было определено, хотя в 18 веке ястромеханические представления и концепции составляли значительную часть физиологии. На них базировались практически вся физиология двигательных актов и гемодинамических процессов, представление о рефлексе: достаточно вспомнить работы Дж. Борелли, Дж. Балвиви, Л. Беллини, С. Санторио, У. Гарвея, Р. Декарта. Это осознавалось не только в Европе, но и в России. Не случайно созданную в 1725 году при Академии наук в Петербурге кафедру физиологии возглавляли сначала Д. Бернулли, а затем Л. Эйлер, выполнившие важные исследования по физиологии движений и гемодинамике.

Забегая несколько вперед, сообщим, что И.Х. Керштенс добился своего: специальный курс физики "для приготовления тех, кто медицине обучаться желают" он читал в 1758 и 1759 гг. В дальнейшем о преподавании этого курса в "Реэстрах публичных лекций..." медицинского факультета в 18 веке не упоминается⁴⁴. Однако из этого не следует, что начинание И.Х. Керштенса было быстро забыто. Имеются факты, свидетельствующие о том, что экспериментальная и теоретическая физика продолжала оставаться обязательным предметом преподавания для студентов-медиков. К такому выводу, в частности, приводит анализ "Репортов о успехах, понятии, прилежании и поступках обучающихся в Университете учеников и студентов" за 1766–1768 гг.⁴⁵. В протоколе Конференции от 11 февраля 1766 года приводится заявление профессора И.Ю. Роста, что "1 февраля студенты особенно медики, просили произвести опыты о природе звука (курсив наш.–Авт.)"⁴⁶. Последнее свидетельствует о том, что студенты-медики слушали курс

⁴⁴ Исторический вестник Московской медицинской академии им. И.М. Сеченова.– Т. IV.–1995.–С. 97–158.

⁴⁵ РГАДА.–Ф. 17.–Оп. 1.–Д. 41.–Л. 59–61об., 125–132.

⁴⁶ Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века.–Т. II.–М., 1962.–С. 22.

№ п/п	ИМЕНА	успехи	понятия и прилежание	поступки
7.	Матвеев Александр	1. Медисской Галии и медисской материи. 2. Атомалии, и медисской лигатуральной Нестории. 3. Ботаники. 4. Физиологии. 5. Дисперсиментальной физики. 6. Архитектур и начал медисской Тестисории 7. Нравственной жизни.	Понятие и прилежание.	Поступки и действия.
8.	Евдокимов Степан	1. Медисской Галии и медисской ее материи. 2. Атомалии, и медисской лигатуральной Нестории. 3. Ботаники. 4. Физиологии. 5. Дисперсиментальной физики. 6. Архитектур и начал медисской Тестисории.	Понятие и прилежание.	Поступки и действия.
9.	Журавлев Александр	1. Медисской Галии и медисской ее материи. 2. Атомалии, и медисской лигатуральной Нестории. 3. Ботаники. 4. Физиологии. 5. Дисперсиментальной физики. 6. Тестисории, Прогностисории и Асиметрии.	Архитектур понятий и прилежание.	Поступки и действия.
10.	Земляков Иван	1. Венского праву. 2. Праву публичному, тинде соответствующему и частному. 3. Нестории. 4. Медици и начал медисской Тестисории. 5. Архитектур и начал медисской Тестисории.	Архитектур понятий и прилежание.	Поступки и действия.
11.	Климов Иван	1. Венского праву. 2. Праву публичному, тинде соответствующему и частному. 3. Нестории. 4. Дисперсиментальной физики. 5. Тестисории и начал медисской Тестисории. 6. Физической жизни.	Архитектур понятий и прилежание.	Поступки и действия.

Фрагмент "Репорта о успехах, понятии, прилежании и поступках обучающихся в Университете учеников и студентов" за 1766 год

физики параллельно с предметами медицинского факультета, и косвенно подтверждает точку зрения историка физики профессора А.Ф.Кононкова, что физика в Московском университете в 18 веке была "предметом, числившимся в учебных планах медицинского и философского факультетов"⁴⁷. Известно также, что в 19 веке физика была обязательным приуготовительным предметом для студентов медицинского факультета Московского университета. На физико-математическом факультете читался специальный курс физики для студентов-медиков⁴⁸.

И еще одно важное обстоятельство. Введенный по настоянию И.Х.Керштенса специальный курс физики был первым прецедентом коррекции "Проекта о Учреждении Московского Университета" в отношении перечня предметов преподавания на медицинском факультете. В дальнейшем университетская профессура станет смелее. К 1765 году перечень предметов преподавания на медицинском факультете будет радикально пересмотрен. Об этом Университетская конференция донесет императрице в "Мнении об учреждении и содержании императорского университета и гимназии в Москве". Донесет и сразу внедрит в практику.

Решением вопроса о совершенствовании преподавания физики, значительно усилившим естественнонаучную подготовку студентов Московского университета и сыгравшим важную роль в становлении его медицинского факультета, профессора и руководители университета тогда не ограничились. После экзаменов лета 1758 года была определена группа студентов и учеников гимназии, которая направлялась за границу для продолжения образования и подготовки к профессуре.

⁴⁷ Кононков А. Ф. История физики в Московском университете с его основания до 60-х годов XIX столетия. – М., 1955. – С.33.

⁴⁸ См., например: ЦИАМ.–Ф.459.–Оп.1.–Д.3133.–Л.4–5об.; Сточик А.М., Пальцев М.А., Затравкин С.Н. Медицинский факультет Московского университета в реформах просвещения первой трети XIX века. – М., 1998. – С.76–78.

Это решение не было ни неожиданным, ни скоропалительным. Московский университет создавался для подготовки национальных кадров, в том числе научно-педагогических, и М.В.Ломоносов еще до официального открытия университета рекомендовал И.И.Шувалову не приглашать профессоров из-за границы, а подготовить своих, направив группу талантливых молодых людей для обучения в чужие края. Тогда И.И.Шувалов решил повременить: не было подходящих кандидатур, да и, вероятно, опасался, что это задержит открытие университета на значительный срок. В 1758 году положение изменилось. Университет действовал, и куратор имел основания для оптимистичных прогнозов. Подрастали собственные питомцы, проявлявшие несомненный интерес к наукам. Люди свои, серьезные и надежные, а главное – проверенные и прикипевшие к университету. И, несмотря на финансовые трудности, предстоящее открытие "высших" факультетов, И.И.Шувалов решился.

Как осуществлялся отбор и сколько времени ушло на согласование всех вопросов, связанных с отправкой питомцев университета за границу, не установлено. Но, вероятнее всего, дело решалось быстро. Не позднее июня И.И.Шувалов подписал ордер о направлении трех студентов (П.Д.Вениаминова, С.Г.Зыбелина, Д.Я.Ястребова) и четырех учащихся гимназии (М.Афонина, А.Карамышева, И.Рыбникова и И.Свищова) в Кенигсбергский университет, установив каждому годовое жалованье по 200 рублей⁴⁹. Кенигсберг был тогда оккупирован российскими войсками, и это обстоятельство, по-видимому, предопределило выбор университета.

⁴⁹ Ордер И.И.Шувалова не сохранился. Датировка ("не позднее июня") основана на записи в протоколе заседания конференции от 1 июля 1758 года, где этот ордер впервые упоминается/Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века.–Т.1.–М., 1960.–С.116. Размер жалованья установлен по "Реестру о находящихся студентах в чужих краях" от 28 февраля 1763 года, присланному И.И.Шуваловым В.Е.Адодуру (Петров П.Н.–Цит. соч.–С.712).

О направлении питомцев Московского университета в Кенигсберг написано много. Однако в большинстве литературных источников ошибочно указано, что все семеро до прибытия в Кенигсберг в течение года обучались в Петербурге в Академическом университете, которым тогда руководил М.В.Ломоносов⁵⁰. М.И.Афонин в "Отчете о моей научной работе, которой я занимался с того времени, как мне было дозволено посещать иностранные университеты" от 30 сентября 1769 года сообщал, что он и его сотоварищи прибыли в Кенигсберг 6 сентября 1758 года, а в университет были зачислены лишь на следующий год: "но так как мы не знали немецкого языка, на котором читались лекции, то Кенигсбергский университет не мог принять нас в число студентов. Поэтому для усовершенствования в немецком языке и упражнения в латинском, – писал далее М.И.Афонин, – мы занимались целый год у ректора Надровского по совету губернатора, по истечении же этого срока, по нашей просьбе, нас проэкзаменовал по немецкому и латинскому языкам декан философского факультета Теске, и мы были приняты обычным порядком в число студентов университета"⁵¹.

П.Д.Вениаминов, С.Г.Зыбелин и Д.Я.Ястребов действительно почти на год задержались в Петербурге и, возможно, слушали лекции профессоров Академического университета. Мы говорим "возможно" потому, что в доступных нам источниках не удалось обнаружить ни сведений о том, чем занимались питомцы Московского университета в Академическом университете, ни даже прямого подтверждения фактов пребывания их в этом университете и встреч с

⁵⁰ Виновником этой ошибки скорее всего был И.И.Шувалов, который в уже цитировавшемся нами "Реестре о находящихся студентах в чужих краях", перечислив всех семерых упоминавшихся выше студентов и учеников гимназии, написал на полях: "Все были вместе отправлены в Кенигсберг из С.П.Б. в 1759 году Августа в последних числах".

⁵¹ Пенчко Н.А. Выдающиеся воспитанники Московского университета// Исторический архив.–1956.–№2.–С.179.

М.В.Ломоносовым или присутствия на его лекциях. В этой связи характерно, что в "Записке докторов медицины Зыбелина и Вениаминова об их научных занятиях за границей", представленной университетской Конференции 10 сентября 1765 года, об их пребывании в Академическом университете не упоминается, хотя "занятия" в Московском университете (до отъезда) описаны сравнительно подробно⁵². Не оспаривая версии о почти годичном обучении П.Д.Вениаминова, С.Г.Зыбелина и Д.Я.Ястребова в Академическом университете, "который тогда находился в ведении М.В.Ломоносова", отметим, что при анализе сохранившихся работ П.Д.Вениаминова и С.Г.Зыбелина бесспорного влияния на их авторов идей великого русского ученого и мыслителя обнаружить не удастся. Не исключено, что основной причиной почти годичной задержки П.Д.Вениаминова, С.Г.Зыбелина и Д.Я.Ястребова в Петербурге были возникшие в Московском университете финансовые трудности.

Судьба направленных в чужие края питомцев Московского университета сложилась по-разному. И.Свищов в 1760 году "за худые поступки" был возвращен в Россию и "в его исправление" определен на службу в Академию художеств⁵³. И.Рыбников и Д.Ястребов не позднее конца мая 1762 года по распоряжению И.И.Шувалова, не окончив университета, отбыли в Петербург для преподавания в Кадетском корпусе⁵⁴. Четверо закончили обучение и получили степень доктора медицины: П.Д.Вениаминов и С.Г.Зыбелин в 1764 году, М.И.Афонин и А.М.Карамышев – в 1766 году. По возвращению в Россию А.М.Карамышев был направлен в горное ведомство, стал первым профессором химии и металлургии Петербургского горного училища, членом-корреспондентом Петербургской и Стокгольмской академий наук. Остальные преподавали на медицинском

⁵² Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века.–Т.2.–М., 1962.–С.172–173.

⁵³ Петров П. Н. Цит. соч.–С.705, 712.

⁵⁴ РГАДА.–Ф.25.–Д.204.–Л.88.

факультете Московского университета: П.Д.Вениаминов и С.Г.Зыбелин – с 1765 года, М.И.Афонин – с 1769, и не просто преподавали, а состояли ординарными профессорами и приобрели такую известность, что в 19–20 веках вряд ли вышла хоть одна обстоятельная работа по истории Московского университета или истории российской медицины 18 века без упоминания их имен.

* *
*

Теперь о самом главном событии 1758 года. Отправка группы студентов и учеников гимназии для продолжения образования и подготовки к профессуре в Кенигсберг не означала, что И.И.Шувалов отказался от намерения начать в 1758/1759 учебном году занятия на "высших" факультетах. В отношении медицинского факультета по этому поводу в Российском государственном архиве древних актов хранится исключительно важный документ: "Императорский Московский университет во известие: ...Медицеский факультет снабден, призванным из славного Лейпцигского университета Медицины и Философии Доктором, Иоганном Христианом Керштенсом, в Профессоры Химии, Фармакологии и Минералогии, *которому вследствие этого, в силу Университетских учреждений, первое место в Медической науке поручено, и он в ту порученную должность вступление учинит, по окончании настоящих каникулярных дней, сего августа 13 дня в 10 часу по полуночи, и будет говорить речь на латинском языке, в которой доказывать станет, что Химия есть первое и лучшее средство к совершенству врачебной науки (курсив наш.–Авт.)*"⁵⁵. Смысл приведенного документа предельно

⁵⁵ РГАДА.–Ф.199 (Портфели Миллера).–П.810.–Д.1–34.–Л.17.

ясен: Императорский Московский университет извещал о начале процедуры официального вступления в должность дуайена (старшего профессора) медицинского факультета. "В силу Университетских учреждений" вступлению профессора в должность предшествовала публичная инаугурационная речь⁵⁶.

Официальное вступление дуайена в должность было бы бессмысленным, если бы оно не сопровождалось открытием, началом занятий на факультете. И прямым подтверждением открытия медицинского факультета служат "Реэстры публичных лекций, которые в Императорском Московском университете... продолжаться имеют": с осени 1758 года в них появилась специальная рубрика "Из факультета медицинского"⁵⁷. Так в общем несложная операция – использование в ходе исторического исследования возможно большего массива сохранившихся документов – еще в 1994 году навела авторов настоящей монографии на мысль, что занятия на медицинском факультете Московского университета начались не в 1764 году, как сообщается в подавляющем большинстве наиболее авторитетных, хрестоматийных литературных источников⁵⁸, не в 1765 году, на который

⁵⁶ Извещение о введении "публичных речей" профессоров перед вступлением их в должность было опубликовано Московским университетом 31 октября 1756 г./Летопись Московского университета.–М., 1979.–С.20.

⁵⁷ Исторический вестник Московской медицинской академии им. И.М.Сеченова.–Т.IV.–1995.–С.97–158. Позднее название этого документа неоднократно менялось.

⁵⁸ Многие весьма авторитетные историки медицины не только в юбилейных сборниках, но даже в таком нормативном издании, как "Большая медицинская энциклопедия" (БМЭ), постоянно отмечали, что "занятия на медицинском факультете начались в 1764 году", см.: Страшун И. Д. Медицина/БМЭ.–1-е издание.–Т.17.–М., 1936.–Стб.434; Он же. 175 лет//175 лет Первого Московского государственного медицинского института.–М., 1940.–С.6; Бородулин Ф.Р. 200 лет 1 Московского ордена Ленина медицинского института имени И.М.Сеченова// Очерки по истории 1 Московского ордена Ленина медицинского института имени И.М.Сеченова.–М., 1959.–С.5; Левит М. М. Медицина в феодально-крепостнической России (раздел статьи "Медицина")/БМЭ.–2-е издание.–Т.17.–М., 1960.–Стб.226; Кованов В. В. Московский 1-й медицинский институт//БМЭ.–2-е издание.–Т.19.–М., 1961.–Стб.87; Петров Б. Д. Очерки по истории отечественной медицины.–М., 1962.–С.224;

сориентированы все акты органов государственной власти СССР⁵⁹, а 13 августа 1758 года, когда И.Х.Керштенс, прочитав инаугурационную речь, "учинил вступление" "в профессора Химии, Фармакологии и Минералогии" и дуайена медицинского факультета и вскоре "в особливой для Математических, Физических и Медических лекций учрежденной Аудитории" начал преподавать теоретическую и экспериментальную физику "для предуготовления тех, кои медицине обучаться желают"⁶⁰.

В 1995 году наши соображения по поводу даты начала занятий на медицинском факультете Московского университета были опубликованы⁶¹, а 3 ноября того же года

Мультиановский М. П. История медицины.-М., 1967.-С.103; Бородулин В. И., Заблудовский П. Е., Сточик А. М. Медицина в России в 18 веке (раздел статьи "Медицина")/БМЭ.-3-е издание.-Т.14.-М., 1980.-С.217; Кузьмин М. К. Медицина в феодальной России в XVIII веке//Заблудовский П. Е., Крючок Г. Р., Кузьмин М. К., Левит М. М. История медицины.-М., 1981.-С.109 и др.

⁵⁹ По-видимому, первым 1765 год годом начала преподавания на медицинском факультете Московского университета назвал Д.М.Российский в статье "Медицинское образование" 1-го издания Большой медицинской энциклопедии (Т.17.-М., 1936.-Стб.655). В дальнейшем, руководствуясь этой датой, Президиум Верховного Совета СССР наградил 1-й Московский медицинский институт в 1940 году в связи со 175-летием орденом Ленина (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 11 октября 1940 г.-ГАРФ.-Ф.Р.-7523.-Оп.4.-Д.40.-Л.40), в 1965 году - в связи с 200-летием орденом Трудового Красного Знамени (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 ноября 1965 г.-ГАРФ.-Ф.Р.-7523.-Оп.82.-Д.262.-Л.19). Руководствуясь этой датой, в 1990 году торжественно отмечалось 225-летие института, преобразованного незадолго до юбилея в Московскую медицинскую академию им. И.М.Сеченова.

⁶⁰ «Из факультета медического, - читаем мы в "Реестре публичных лекций, которые в Императорском Московском университете августа с 13 дня продолжаться имеют", - Иоганн Христиан Керштенс, Медицины и Философии Доктор, Химии и Минералогии Профессор, для предуготовления тех, кои медицине обучаться желают, от 8 до 10 часов в особливой для Математических, Физических и Медических лекций учрежденной Аудитории, преподавать имеет Физику Теоретическую и Экспериментальную... А по окончании оной учить будет Минералогии, последуя Картеузеру»//Исторический вестник Московской медицинской академии им. И.М.Сеченова.-Т.IV.-1995.-С.97.

⁶¹ Сточик А. М. О дате открытия медицинского факультета Московского университета//Проблемы социальной гигиены и история медицины.-1995.-№6.-С.58-61; Сточик А. М., Затравкин С. Н. Московский университет и его

после всестороннего обсуждения этого вопроса на совместном заседании Президиума Российской академии медицинских наук и Ученого совета Московской медицинской академии им. И.М.Сеченова было принято решение: "Считать датой открытия медицинского факультета Московского университета, впоследствии Московской медицинской академии И.М.Сеченова, 13 августа 1758 года"⁶².

Установленная нами дата открытия медицинского факультета постепенно входит в научный оборот. Тем не менее встречаются публикации, обычно посвященные общим проблемам истории российской медицины, где указываются прежние даты начала преподавания на факультете – 1764 или 1765 годы. Авторы таких публикаций не вступают с нами в полемику и, возможно, были лишены возможности ознакомиться с нашими работами. В то же время нельзя исключить, что приведенные нами аргументы их не убедили. Поэтому представляется целесообразным подробнее остановиться на проблеме "определения возраста" учреждения культуры (в нашем случае факультета университета). Существует два подхода к решению этой проблемы.

Первый: определение "возраста" на основании учредительных документов, служащих юридической санкцией для создания университета (факультета, медицинской школы), установление даты их учреждения (основания). Этот подход при условии обнаружения соответствующих документов позволяет определить дату учреждения бесспорно и с исчерпывающей точностью. Для медицинского факультета Московского университета – это 12 января 1755 года, когда Елизавета Петровна своим указом подтвердила учредительные документы по созданию Московского универси-

медицинский факультет. 1758 год//Исторический вестник Московской медицинской академии им. И.М.Сеченова.–Т.IV.–1995.–С.41–48.

⁶² Постановление №96/3 совместного заседания Президиума Российской академии медицинских наук и Ученого совета Московской медицинской академии им. И.М.Сеченова от 3 ноября 1995 года. Протокол №22/3.

тета в составе трех факультетов: философского, юридического и медицинского.

Но учреждение, открывая дорогу для выхода на историческую арену, не является началом исторического пути. Принятие решения о создании – не начало воплощения этого решения, юридическая санкция на существование – не есть само существование. Издание учредительного документа завершает период предыстории и не означает, что "рождение" университета (факультета, медицинской школы) обязательно состоится или произойдет в обусловленные сроки. История знает много благих намерений, в том числе и юридически оформленных, оставшихся на бумаге или потребовавших для своего осуществления длительного времени. Например, эдикт короля Владислава, разрешавший преподавать медицину (открыть медицинский факультет) в Виленском университете, был принят 11 октября 1641 года⁶³, а торжественное открытие факультета с последующим началом преподавания состоялось лишь 24 октября 1781 года⁶⁴. Более ста лет отделяют основание медицинского факультета в составе Львовского университета (привелии короля Яна Казимира, 20 января 1661 года) до его реального возникновения в 1784 году⁶⁵. Медицинские факультеты в Казани и Харькове были основаны в составе соответствующих университетов в 1804 году, а фактически начали работу в 1814.

Второй: установление даты "рождения" – события, знаменующего начало реализации решения, изложенного в учредительных документах, точки отсчета начала реального функционирования. Именно начала... Торжественное

⁶³ Academia et universitas Vlnensis.–Vilnius, 1979.–P.28–29.

⁶⁴ Мицельмахерис В. Г. Очерки по истории медицины в Литве.–Л., 1967.–С.99.

⁶⁵ Павловский М. П., Оборин Н.А. Из истории Львовского медицинского института 1784–1984. К 200-летию института//Советское здравоохранение.–1985.–№1.–С.56–57.

открытие состоялось, обучение началось, но преподавание проводится еще не в полном объеме, штаты до конца не укомплектованы, не все учебные и вспомогательные подразделения организованы... Но факультет (медицинская школа) уже живет, делает первые шаги, хотя еще и смотрит снизу вверх на своих "взрослых", прочно стоящих на ногах собратьев. Для окончательного воплощения замысла, изложенного в учредительном документе, потребуется время становления, в течение которого из "новорожденного" сформируется нечто, сначала формально, а затем и фактически соответствующее замыслу, принятому решению, целям, задачам, структуре, функциям, изложенным в учредительном документе. Критериями для установления даты "рождения" учебного заведения (университета, факультета), деятельность которого началась не позднее первой четверти 19 века, служат факт торжественного открытия (инаугурации – на этом критерии настаивал еще М.В.Ломоносов) и официально зафиксированное начало обучения: для университета – на одном из факультетов, для факультета – по одной из профильных дисциплин. Одной из дисциплин потому, что в университетах действовала предметная система обучения, и студент мог поступить в какой-либо университет ради того, чтобы прослушать там курс лекций лишь по одной дисциплине, а затем продолжить образование в других университетах. Такая практика была широко распространена в Европе: причиной ее служило стремление студентов прослушать курсы наук исключительно у тогдашних европейских знаменитостей. Для функционирования факультета преподавания полного курса специальных дисциплин не требовалось. Более того, известны случаи, когда на медицинских факультетах некоторых европейских университетов полный курс врачебных наук не читался годами.

Приведенные критерии установления даты "рождения" университета (факультета, медицинской школы) в целом

согласуются с принятой практикой "определения возраста" медицинских школ. Многие советские историки медицины в публикациях, посвященных истории старейших медицинских вузов бывшего СССР: И.Д.Страшун, Д.М.Российский, Ф.Р.Бородулин, М.М.Левит и др.–1-го Московского медицинского института⁶⁶, В.В.Калнин – медицинского факультета Тартуского (Дерптского) университета⁶⁷; Л.И.Матеюнас, В.Г.Мицельмахерис – медицинского факультета Вильнюсского (Виленского) университета⁶⁸; Н.А.Оборин, М.П.Павловский – Львовского медицинского института⁶⁹, — связывали возраст соответствующих медресе с датой начала преподавания в них курса медицинских дисциплин или одной медицинской дисциплины. Такой же позиции придерживались и придерживаются составители "Всемирного справочника по медицинским школам" ("World Directory of Medical Schools"), периодически издаваемого Всемирной организацией здравоохранения.

Как видно из изложенного выше, только второй подход позволяет определить истинную дату "рождения" и, следовательно, реальный "возраст", так сказать протяженность исторического пути, пройденного медицинским факультетом Московского университета. Этим подходом и воспользовались наши предшественники: Т.И.Вяземский (1914), И.Д.Страшун (1940), Д.М.Российский (1955), Ф.Р.Бородулин (1959), посвятившие истории медицинского факультета Московского университета (1-го Московского медицинского института) достаточно объемные обзорные работы, и Л.А.Турубинер (1944), специально исследовавшая

⁶⁶ См. перечень литературы в сноске 64.

⁶⁷ Калнин В. В. Медицина в Тартуском университете в XVII–XVIII вв.//Из истории медицины: Сборник статей.–Рига, 1983.–С.20–32.

⁶⁸ Матеюнас Л. И. 200 лет медицинскому факультету Вильнюсского государственного университета им. В.Капсукаса.–Вильнюс, 1981.–Л.9; Мицельмахерис В.Г. Очерки по истории медицины в Литве.–Л., 1967.–С.99.

⁶⁹ Павловский М. П., Оборин Н.А. Цит. соч.–С.56–57.

историю медицинского факультета "от основания до первой Отечественной войны (1764–1812)". Приняв за профильную дисциплину анатомию, они пришли к выводу, что занятия на медицинском факультете начались в 1764⁷⁰ или 1765 году – небольшой разброс во времени отражает различия точек зрения в отношении года начала преподавания анатомии. Впрочем, органы государственной власти СССР нашли компромиссное, так сказать общеприимяющее решение: преподавание анатомии на медицинском факультете Московского университета, сообщается в справке Наградного отдела Президиума Верховного Совета СССР от 13 ноября 1965 года, началось в 1764/65 учебном году⁷¹.

Отметим сразу же: никому из перечисленных авторов не был известен цитировавшийся выше документ о вступлении И.Х.Кершета "в Профессоры Химии, Фармакологии и Минералогии" и дуайена медицинского факультета. Но большинство из них знали о факте "деления на факультеты" (который, например, Л.А.Турубинер, подобно И.М.Снегиреву⁷², относил к 1759 году⁷³) и не придавали ему сколько-нибудь существенного значения в определении даты начала занятий на медицинском факультете Московского университета: «...объявление за 1759 год (имеется в виду "Реэстр публичных лекций..." Московского универ-

⁷⁰ Первым начало преподавания на медицинском факультете отнес к 1764 году Я.Чистович на основании переписки Московского университета с Медицинской Коллегией по вопросу назначения И.Ф.Эразмуса профессором анатомии и хирургии Московского университета/Чистович Я. Очерки из истории русских медицинских учреждений XVIII столетия.–СПб., 1870.–С.333.

⁷¹ ГАРФ.–Ф.Р.–7523.–Оп.82.–Д.262.–Л.199.

⁷² Снегирев И. М. Действия Московского Университета в первом периоде его существования (с 1755 по 1762 год)//Ученые записки Императорского Московского Университета.–1834, май.–№XI.–С.339.

⁷³ Л.А.Турубинер, вероятно, не знала, что в 1758 г. "Реэстр публичных лекций..." Московского университета издавался дважды: 17 августа и 3 сентября. Разделение на факультеты отражено во 2-м издании, в то время как она цитировала первое//Исторический вестник Московской медицинской академии им. И.М.Сеченова.–Т.IV.–1995.–С.97–98.

ситета.–Авт.), – писала Л.А.Турубинер, – когда впервые в Университете произошло деление на факультеты, и для сохранения видимости трех факультетов Керштэнс стал числиться с этого времени на факультете "медическом"»⁷⁴. Знали они и о том, что в 1758–1759 годах И.Х.Керштэнс преподавал теоретическую и экспериментальную физику "для предуготовления тех, кои медицине обучаться желают" и минералогию, а позднее, вплоть до 1764/1765 учебного года, химию и минералогию "во-первых для тех, которые впредь к горному и монетному делу определены быть могут". Причем как раз эта информация о содержании преподавания, по их мнению, служила подтверждением того, что медицинского факультета еще не существовало. «На самом деле, – писала Л.А.Турубинер, – вопрос обстоял таким образом: желающих "предуготовляться" к изучению медицины Керштэнсу, очевидно, набрать не удалось, потому что, судя по всем позднейшим каталогам, вплоть до 1763/1764 учебного года Керштэнс, числившийся на факультете "медическом", читает "учение о минералогии с принадлежащей к ней рудоконной и пробирной химией", с указанием, что курс читается для тех, "которые впредь к горному и монетному делу определены быть могут". Из знакомства с каталогами этого периода вытекает представление о том, что никаких специальных медицинских дисциплин до начала 1764/65 учебного года в Московском университете ни Керштэнсом, ни другими профессорами не читалось...»⁷⁵.

На первый взгляд эти аргументы могут показаться убедительными, и кажется, что вопрос о дате "рождения" медицинского факультета Московского университета был решен окончательно и бесповоротно. В самом деле, кто в 20 веке станет отрицать, что анатомия является профиль-

⁷⁴ Турубинер Л.А.–Цит. соч.–Т.1.–С.59.

⁷⁵ Там же.–С.59–60.

ным и основным предметом преподавания для медицинского учебного заведения, кто в 20 веке станет утверждать, что обучение теоретической и экспериментальной физике, минералогии или "генеральной химии" составляет специфику врачебного образования? В 20 веке и даже в середине 19-го, конечно, никто, а в 18-м такое противопоставление, наверняка, вызвало бы по меньшей мере удивление. Удивление потому, что в середине 18 века целевые установки медицинского образования, так же как содержание учебного процесса на медицинских факультетах университетов и отношение к формальным, традиционным процедурам университетской жизни (начало деятельности подразделений, посвящение в студенты, избрание профессоров и их вступление в должность и т.п.), существенно отличались от современных, начавших складываться в Западной Европе в конце 18 века, а в России – с первой трети 19 века. Об этом свидетельствуют и сохранившиеся документы, и обширная литература, посвященная истории университетского образования. Из информации, содержащейся в этих источниках, "вытекают представления", прямо противоположные изложенным Л.А.Турубинер. Обсудим их по порядку.

Первое: в университетах Европы, "по примеру" которых создавался Московский университет, день инаугурации считался датой открытия. Это положение относилось как к университету в целом, так и к отдельным факультетам, где инаугурационной процедурой считалось вступление в должность первого профессора факультета и включение факультета отдельным разделом в каталог публичных лекций, читавшихся в университете. Эта традиция соблюдалась и в случаях, когда реальное преподавание в университете (на факультете) начиналось спустя несколько месяцев после инаугурации. Известно, например, несовпадение дат инаугурации (26 апреля 1755 года) и начала занятий (не ранее июля 1755 года) на философском факультете Московского университета. Тем не менее в полном соответствии с универси-

тетской традицией датой открытия Московского университета считается 26 апреля 1755 года. И никто этого не оспаривает. Известно также, что, если проведению занятий не предшествовала инаугурация, университет не считался действующим.

Второе: утверждение, будто "никаких специальных медицинских дисциплин до начала 1764/65 учебного года в Московском университете... не читалось", следует считать ошибочным. Напомним: согласно "Реэстрам публичных лекций...", И.Х.Керштенс читал в 1758 и 1759 годах физику и минералогию, в 1760 – "генеральную химию", в 1761 – "окончание Генеральной Химии" и химию "Специальную, содержащую Химические Операции"; в 1762/1763 учебном году – "Минералогию с принадлежащею к ней Химиею Металлургическою и Доцимастическою", в 1763/1764 учебном году – "учение о Минералогии с принадлежащею к ней рудокопною и пробирною химиею"⁷⁶.

Согласно уже упоминавшейся нами структуре университетского медицинского образования, обобщенной профессором Х.И.Людвигом (1752, 1766) и отражавшей положение дел в большинстве европейских университетов, программа обучения на медицинском факультете складывалась из трех блоков: "специальное приуготовление" (натуральная история, химия, анатомия и группа фармацевтических дисциплин), "теоретическая медицина" (физиология, патология, терапия, гигиена, диететика) и "медицинская практика" (клиника или внутренняя медицина, хирургия, судебная медицина и ка-

⁷⁶ Исторический вестник Московской медицинской академии им. И.М.Сеченова.– Т.IV.–1995.–С.97–100.

зуистика или консултация). Дисциплины двух последних блоков нередко называют "врачебными" науками. Известно также, что М.В.Ломоносов предлагал преподавать на медицинском факультете Московского университета три профессорских курса – химию, натуральную историю и анатомию.

Натуральная история включала три раздела: ботанику, зоологию и минералогию. В 18 веке в европейских университетах минералогия в полном объеме читалась в составе курса натуральной истории исключительно на медицинских факультетах. Многие известные в Европе минерологи (например, Ю.Г.Валлериус, Ф.А.Картейзер – автор известного в Европе и использовавшегося в Московском университете учебника по минералогии) были не только докторами медицины, но и практикующими врачами.

Что касается химии, то она в 17–18 веках, так же как минералогия, читалась в полном объеме исключительно на медицинских факультетах. И, таким образом, молодой человек, желавший изучать химию, независимо от целей, которые он преследовал, мог пойти только на медицинский факультет. В.В.Марковников справедливо указывал: ученый-химик в 18 веке мог быть либо врачом, либо аптекарем⁷⁷. Примеров тому много. Знаменитые врачи 18 века: Г.Бургаве, Ф.Гоффман, Г.Шталь, Й.Юнкер были крупнейшими химиками своего времени, наиболее известные специалисты по промышленной химии Г.Брандт, К.Шееле, Й.Берцелиус, Т.Бергман – питомцами медицинских факультетов и докторами медицины. М.В.Ломоносов, направленный в Марбургский университет для подготовки по горнорудному делу и металлургии, обучался на философском факультете по общеобразовательным наукам и на медицинском – химии у профессора Ю.Дуйзинга. Слушал лекции по генеральной химии, специальной хи-

⁷⁷ Марковников В. В. Исторический обзор химии в Московском университете.–М., 1901.–С.34.

мии, содержащей химические операции; металлургической и рудопромышленной химии. Других дисциплин медицинского факультета не изучал. Но после сдачи экзамена по химии получил степень кандидата медицины.

Таким образом, минералогия и химия, как и анатомия, в 18 веке были для медицинских факультетов университетов профильными предметами преподавания, составлявшими блок "специального приурочивания", и, следовательно, И.Х.Керштенс в 1758–1764 годах читал в Московском университете специальные (предусмотренные только программой обучения медицинского факультета) медицинские дисциплины.

Третье: утверждение, будто И.Х.Керштенсу не удалось набрать «желающих "предуготовляться" к изучению медицине», по меньшей мере спорно. Ф.Р.Бородулин сообщает, что после экзаменов на философском факультете, состоявшихся летом 1758 года, 9 студентов были зачислены на медицинский факультет⁷⁸. Фамилии студентов Ф.Р.Бородулин не называет, поэтому невозможно точно установить, входили ли в это число отправленные в Петербург, а затем в Кенигсберг П.Д.Вениаминов, С.Г.Зыбелин и Д.Я.Ястребов. Таким образом, если верить сообщению Ф.Р.Бородулина, число «желающих "предуготовляться" к изучению медицине» составляло в 1758 году как минимум 6 и как максимум 9 человек. Для того времени, особенно в условиях России, это была весьма солидная группа. Вероятно, для этих студентов И.Х.Керштенс и читал в 1758–1759 годах специальный курс физики и минералогии, а в 1760–1761 годах – генеральную и специальную химию. Отсутствие фамилий этих студентов не позволило проследить их дальнейшую судьбу. Но не вызывает сомнений, что в группе студентов, изучавших в 1762–1764 годах "учение о Минералогии... во-первых для тех, которые впрямь к гор-

⁷⁸ Бородулин Ф. Р.–Цит. соч.–С.7–8.

ному и монетному делу определены быть могут", они не обучались: перечисленные в представленной Екатерине II "Ведомости студентов, с августа 1763 по 30 июня 1764 года" слушатели лекций И.Х.Керштенса (кроме И.Калиновского) были "произведены в студенты" после 1758 года⁷⁹. Нельзя исключить, что все они по запросу Медицинской Канцелярии были переведены в госпитальные школы. Но это могло произойти не ранее лета 1761 года⁸⁰.

Приведенных аргументов, по нашему мнению, достаточно, чтобы развеять какие-либо сомнения в отношении того, что преподавание на медицинском факультете Московского университета началось в августе 1758 года. Однако остается еще один вопрос, требующий обсуждения: можно ли организовать обучение на факультете при укомплектованности профессорского штата на одну треть? Думается, этот вопрос волновал тех, кто принимал решение об открытии "высших" факультетов, значительно меньше, чем наших современников. Во-первых, потому, что студенты могли прослушать в Московском университете лишь часть предметов преподавания избранного ими факультета, а для завершения образования отправиться в один из европейских университетов. Такая "частичная" подготовка имела свои резоны. Она не только сокращала продолжительность обучения в зарубежном университете и, следовательно, снижала расходы на пребывание за грани-

⁷⁹ Сухомлинов М. И. История Российской академии. Вып.7/Приложение к XLIX-му тому записок Императорской Академии наук.—№6.—СПб., 1885.—С.26; Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века.—Т.1.—М., 1960.—С.338, 356, 371; Т.2.—М., 1962.—С.323, 333. И.Калиновский был принят на философский факультет 10 октября 1757 г. и к лету 1758 года вряд ли мог быть зачислен на медицинский факультет.

⁸⁰ Первая "промемория" Медицинской Канцелярии с требованием отправить "желающих обучаться медикохирургии" была направлена в Московский университет в 1758 г.; "в том же году от одного Университета присланы были разночинной гимназии учеников шесть человек". Второй раз Медицинская Канцелярия обращалась в университет по этому вопросу 3 февраля 1761 г./РГАДА.—Ф.346.—Оп.1.—Кн.268.—Д.47.—Л.730об.—731.

цей, но и позволяла Московскому университету заявить о себе как о полноценном высшем учебном заведении. Во-вторых, наличие одного профессора не означало, что могла преподаваться только одна дисциплина. Университетские профессора 18 века не имели узкой специализации, и профессор медицины мог и должен был читать все дисциплины, преподававшиеся на медицинском факультете. Так было практически во всех европейских университетах: знаменитый Г.Бургаве читал в Лейденском университете почти все предметы, кроме анатомии и хирургии; А.Галлер был в Геттингенском университете профессором анатомии, хирургии, химии и ботаники; лейпцигский профессор Х.Г.Людвиг был автором учебников по большинству предметов, изучавшихся на медицинском факультете. Так было в 18 веке и в Московском университете. С.Г.Зыбелин, например, в разные годы читал курсы "анатомии и хирургии", "теоретической медицины", "химии и практической медицины", П.Д.Вениаминов – "ботаники", "теоретической медицины", "химии и практической медицины".

В-третьих, принимая решение об открытии медицинского факультета, И.И.Шувалов, по-видимому, намеревался использовать его сначала для подготовки специалистов по горному делу и металлургии. Для этого было достаточно одного И.Х.Керштенса. С подготовкой по врачебному делу он, вероятно, решил повременить. Средств не хватало и надо было сосредоточиться на самом существенном для нужд государства. Врачебное дело было, конечно, важным, но горнорудное важнее: подготовка лекарей в России худо-бедно, но существовала, а горных мастеров и металлургов – нет.

Так что не случайно в контракте с И.Х.Керштенсом оговаривался вопрос о согласии его "преподавать также минералогию и доцимастику". Подготовка специалистов "по горному и монетному делу" через медицинский факультет Московского университета не была каким-то вынужденным шагом, связанным только с невозможностью

наладить обучение медиков. И, проводя преподавание по общей и промышленной химии, факультет занимался своим делом. Иными словами, преподавание в 1758–1764 годах минералогии, "генеральной", "специальной", "рудокопной", "пробирной" химии не следует воспринимать как временное перепрофилирование факультета. Факультет работал, занимался своим делом и одновременно готовился к тому, чтобы сделать решающий шаг в своем становлении. Этот шаг был сделан в 1764 году, и с этого времени преподавание "врачебных" наук на медицинском факультете Московского университета не прерывалось.

Глава 4

ПЕРВЫЕ ШАГИ

Итак, история медицинского факультета Московского университета началась 13 августа 1758 года актовой речью профессора И. Х. Керштенса. Последующие пять лет, если судить по данным литературы, не были отмечены сколько-нибудь заметными событиями. Более того, может сложиться впечатление, что жизнь на факультете замерла, так что многие исследователи истории факультета даже не заметили фактов его открытия и существования: факультет к обучению медиков не был готов, преподавания предметов, предусмотренных "Проектом о Учреждении Московского университета", организовать не удалось вплоть до 1764/1765 учебного года.

Причины такого положения большинство исследователей связывают с Семилетней войной (1756—1763), истощившей государственную казну, что вызвало трудности с финансированием университета, и нарушившей связи со странами Западной Европы, прежде всего с государствами

Германии, откуда Россия традиционно приглашала врачей и профессиу¹. Но эта версия противоречит фактам.

Разумеется, всякая война, даже победоносная, обходится дорого. Но во время Семилетней войны положенные университету суммы отпускались из казны исправно. Более того, в самый разгар Семилетней войны, в 1759 году, по ходатайству И. И. Шувалова университету на семь лет вперед были отданы доходы от питейных заведений Петербурга и Москвы, составлявшие 20 тысяч рублей в год².

Таким образом, тяготы войны на финансировании Московского университета не отразились. Другое дело, что денег университету не хватало: первоначально назначенная на его содержание сумма в 15 тысяч рублей в год оказалась явно недостаточной. Это убедительно доказал И. И. Шувалов в официальном доношении в Сенат³. И в этом не следует винить, как это делает Г. А. Новицкий, елизаветинское правительство, якобы не заботившееся о развитии просвещения в России. Университеты в России деньгами не баловали и при других властях. Просто создание и организация работы университета были для России делом новым, и, составляя учредительные документы, И. И. Шувалов не представлял себе масштабов неизбежных затрат. Сенат и без того выделил на содержание университета денег больше, чем

¹ См., например: Бородулин Ф. Р. 200 лет I Московского ордена Ленина медицинского института имени И. М. Сеченова//Очерки по истории I Московского ордена Ленина медицинского института имени И. М. Сеченова. — М., 1959. — С.7—8; Левит М. М. Медицина в феодально-крепостнической России (раздел статьи "Медицина")//БМЭ. — 2-е издание. — Т.17. — М., 1960. — Стб.226.; 225 лет Первому Московскому медицинскому институту им. И. М. Сеченова. — М., 1990. — С.11.

² Турубинер Л. А. История медицинского факультета Императорского Московского университета от основания до первой Отечественной войны (1764—1812). — Канд. дисс. — Т.1. — М., 1944. — С.52.

³ "Издержки Университетские, — писал И. И. Шувалов в Сенат, — сначала велики были в отстройке домов, в заведении библиотеки, в покупке инструментов, классических книг, в учреждении типографии, которая весьма много стоит и окупиться еще времени не имела..."//Сенатский архив. — Т.ХII. — СПб., 1907. — С.322.

испрашивал И. И. Шувалов⁴. Но с самого начала работы университета выявилось столько непредвиденных расходов, что не хватило не только казенных ассигнований, но и крупных пожертвований частных лиц (одни Демидовы подарили университету 7 тысяч рублей сразу после обнародования указа о его учреждении и 14 тысяч после открытия). Так что для того, чтобы сводить концы с концами, первому директору университета А. М. Аргамакову пришлось прибегать к весьма рискованным финансовым операциям. И они до добра не довели: когда А. М. Аргамаков в 1757 году неожиданно умер, касса университета оказалась пустой и никаких отчетных документов обнаружено не было. Докладывая об этом И. И. Шувалову, ассессор М. И. Веревкин достаточно прозрачно намекал на возможность растраты покойным директором казенных денег⁵. Злонамеренной растраты, присвоения казенных денег, как выяснилось позднее, не было, но Т. И. Вяземский имел все основания писать, что двухлетняя деятельность А. М. Аргамакова "превратила университет в руины"⁶.

Сюжет с растратой университетских денег муссировался долго, и хотя в конце концов А. М. Аргамаков был признан

⁴ При рассмотрении в Сенате учредительных документов Московского университета была предложена лишь одна поправка: вместо 10 тысяч, испрашиваемых И. И. Шуваловым, на содержание университета было ассигновано 15 тысяч в год и сверх того выделено одновременно еще 5 тысяч рублей "для покупки книг и прочего"/Пенчко Н. А. Основание Московского университета. — М., 1953. — С. 82.

⁵ "Сколько в приходе было в имп. Московском университете 755, 756 годов при покойном директоре г.Аргамакове, по том при сем приложена ведомость, — доносил М. И. Веревкин И. И. Шувалову 20 марта 1757 года. — По смерти его в наличности ничего не осталось, а куда оные, на что и когда употреблены, о том вашему пр-ву в коротком времени отрепортовать никаким образом невозможно"//Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. — Т. I. — М., 1960. — С. 8.

⁶ Wiasemsky T. Hauptmomente aus der Geschichte der Kais. Moskauer Universität seit ihrer Grundung//Le physiologiste Russe. — М., 1914. — V. 6. — S. 41.

невиновным, ущерб, нанесенного университету, никто не восполнил. Финансовое положение университета было нестабильным независимо от войны.

Не находит подтверждения и положение о имевшем место в годы Семилетней войны нарушении связей между Россией и государствами Германии, помешавшем укомплектовать штат профессоров Московского университета. Вспомним: в течение шести лет русские войска занимали Кенигсберг и при желании имелась возможность направить в Москву из Кенигсбергского университета опытных преподавателей или по крайней мере молодых докторов медицины. Далее: в начале Семилетней войны, в 1757 году, в Россию для работы в Московском университете прибыли И. Х. Керштенс из Лейпцига и И. Ю. Рост из Геттингена. Следовательно, война не полностью нарушила связи между государствами Германии и Россией. Во всяком случае профессора, приглашенные в Московский университет из Германии, в Россию приехать могли. Почему же тогда приглашение профессоров из-за границы прекратилось?

Н. А. Пенчко утверждает, что в Московском университете специально были оставлены "порожние профессорские вакансии" для отечественных специалистов, о быстрой подготовке которых позаботился сам университет, направив в 1758—1759 годах за границу для завершения образования и подготовки к профессуре группу студентов и учащихся гимназии. "В 1765 году, — продолжает Н. А. Пенчко, — молодые специалисты возвращаются в родной университет, чтобы занять в нем пустующие кафедры. Теперь становится вполне понятно, почему Московский университет, выписав только по одному иностранцу на каждый из своих специальных факультетов (юриста Дильтея и медика Керштенса), удовлетворяется этим минимумом вплоть до возвращения из-за границы своих бывших воспитанников"⁷.

⁷ Пенчко Н. А. Цит. соч. — С.36—37.

С утверждением Н. А. Пенчко нельзя согласиться полностью. Справедливо, что в Московском университете с самого начала его существования была принята ориентация на подготовку и использование профессуры "из природных россиян". Но скорее всего для руководства университета это было стратегической целью, а не ближайшей задачей. В противном случае было бы официально отложено открытие "высших" факультетов, а направленным за границу студентам определены жесткие сроки командировки. И уж, конечно, не было никакого резона приглашать в 1756—1757 годах Ф. Г. Дильтея и И. Х. Керштенса: если "высшие" факультеты предполагалось открыть лишь после возвращения отправленных за границу питомцев университета, приглашенным профессорам попросту нечего было бы делать в течение пяти лет, т. е. всего срока, на который был заключен контракт.

Думается, что И. И. Шувалов не был столь наивен и расточителен, как полагает Н. А. Пенчко. Советом М. В. Ломоносова — подготовить для университета профессоров "из природных россиян" — он воспользовался и при первой же возможности отправил наиболее способных студентов и учеников гимназии за границу. Жестких сроков командировки устанавливать им не стал: хотел, чтобы выучились как следует. В то же время понимал, что подготовка их займет длительный срок. Поэтому загодя начал поиск иностранных профессоров с тем, чтобы преподавание на "высших" факультетах началось в 1758/1759 учебном году. В 1756 году заключил контракт с Ф. Г. Дильтеем, в 1757 году — с И. Х. Керштенсом и И. Ю. Ростом. И, вероятнее всего, продолжил бы эту работу, потому что понимал: приглашение иностранцев — дело временное и для своих не помеха. Контракты заключались на пять лет и к возвращению из-за границы молодых российских докторов закончатся. Но именно в конце 1757 года разразилась финансовая катастрофа. Денег на приглашение профессоров не было. Однако в 1758 году И. И. Шувалов все-таки открыл "высшие" фа-

культеты, видимо, рассчитывая быстро найти деньги, с трудом отправил для продолжения образования упомянутую группу питомцев университета. Причем часть из них задержал на год в Петербурге. В 1759 году появились дополнительные деньги от "питейных заведений", но они ушли на отправку задержанных в Петербурге студентов, на типографию, оборудование для учебно-вспомогательных подразделений и т. п. Наконец, огромные средства поглощала гимназия, число учащихся в которой превышало все установленные лимиты⁸. Финансовое положение университета стало более или менее сносным к 1764 году, и тогда уже не И. И. Шувалов, а В. Е. Адодуров сразу же пригласил И. Ф. Эразмуса и вскоре отозвал из-за границы П. Д. Вениаминова и С. Г. Зыбелина с тем, чтобы начать обучение на медицинском факультете по полной программе. Но и в условиях острого дефицита средств дела медленно, но продвигались: начинал организовываться учебный процесс на "высших" факультетах, создавались учебно-вспомогательные подразделения. Факультет жил...

* *
*
*

"Насколько можно судить по расписаниям ("каталогам") лекций, — писала Н. А. Пенчко, — в 1760/61 году студентам читалась только общая химия; лишь во втором полугодии 1761 года профессор Керштенс объявил, что по окончании общей будет читать "специальную часть химии...". Однако с этого времени на Московский университет, наравне со специальными учреждениями, возлагается обязанность давать государству кадры образованных хи-

⁸ В 1762 г. И. И. Шувалов доносил, что университетскую гимназию за 7 лет окончили 1800 учеников, "из которых токмо 300 разночинцев.. и великая часть с хорошими о успехах в учении аттестатами"//Сенатский архив. — Т. XII. — СПб., 1907. — С.319.

миков для развивающейся металлургической промышленности"⁹.

Возлагается обязанность... Действительно, известно, что Екатерина II "повелела" Московскому университету ежегодно готовить по шести человек, "способных к горной науке студентов". Но это "высочайшее соизволение" относится к 1773 году, а "приуготовленные" и "способные к горной науке" студенты должны были направляться "в учрежденное в Санкт-Петербурге Горное училище"¹⁰. Было ли исполнено это "соизволение", а если исполнено, то когда — точно не установлено. Во всяком случае в доношении куратора университета И. И. Мелиссино "О нуждах и недостатках Московского университета" от 3 ноября 1775 года указано, что для выполнения упомянутого выше "соизволения" у университета "надобность и нужда настоит в выписании особого искусного в химии и минералогии профессора"¹¹. Такого в университете не было: И. Х. Керштенс еще в 1770 году оставил Московский университет, химию до 1775 года читал П. Д. Вениаминов, а с 1775 года — С. Г. Зыбелин (его лекции тогда слушали 5 студентов "казенного содержания"), минералогию в составе курса натуральной истории и земледелия — М. И. Афонин (у него занимались 6 студентов)¹². Но, видимо, ни П. Д. Вениаминов, ни С. Г. Зыбелин, ни М. И. Афонин "искусными в химии и минералогии" университетским начальством не почитались. "Выписание особого искусного... профессора" не состоялось из-за отсутствия денег, но в 1779 году "по ордеру господ кураторов Шувалова и Хераскова" в чужие края "для получения докторской степени" были отправлены окончившие медицинский факультет Ф. Г. Политковский и Ф. К. Курика¹³;

⁹ Пенчко Н. А. Цит. соч. — С.119.

¹⁰ РГАДА. — Ф.248. — Оп.64. — Д.5565. — Л.409.

¹¹ Там же.

¹² Там же. — Л.418об. — 419.

¹³ Ордер от 16 июля 1779 года/РГАДА. — Ф.278. — Оп.1. — Д.6060. — Л.36.

по возвращении в Москву они читали в университете (с 1784/1785 учебного года) натуральную историю, в том числе минералогию¹⁴.

Но описываемые события произошли позднее. Что же касается "этого времени" — второго полугодия 1761 года, то никаких документальных подтверждений тому, что тогда на университет была возложена "обязанность давать государству кадры образованных химиков для развивающейся металлургической промышленности", обнаружить не удалось. Тем не менее (и об этом уже говорилось выше) подготовка "тех, которые впредь к горному и монетному делу определены быть могут", на медицинском факультете в 1762—1764 годах проводилась. Однако для этого на университет не нужно было "возлагать обязанность", ибо эта обязанность автоматически устанавливалась фактом существования в составе университета медицинского факультета. В предыдущей главе мы достаточно подробно обсуждали этот вопрос. Добавим лишь один любопытный факт: историк химии и химической промышленности П. М. Лукьянов сообщает об относящейся еще к 1736 году попытке Медицинской канцелярии организовать в госпитальных школах преподавание химии не только в аптекарском, но и в горно-металлургическом ее приложении¹⁵.

Но, хотя подготовка для дальнейшего использования по горному делу и металлургии была для медицинских факультетов университетов, например Швеции и Германии, делом обычным, она всегда совмещалась там с обучением медицине, причем последняя, разумеется, превалировала. В Москве же получилось наоборот: подготовка "по горному и монетному делу" внедрялась, а по врачебному делу — нет.

¹⁴ Исторический вестник Московской медицинской академии им. И. М. Сеченова. — Т.IV. — 1995. — С.109 и далее.

¹⁵ Лукьянов П. М. История химических промыслов и химической промышленности в России до конца XIX века. — Т.I. — М. — Л., 1948. — С.93.

Такая ориентация несомненно требовала специального решения И. И. Шувалова. Во вмешательстве других инстанций не было необходимости хотя бы потому, что до 1762 года в России было трудно отыскать инстанцию выше И. И. Шувалова.

Возможно, что именно такое решение имела в виду Н. А. Пенчко, говоря о возложении на университет обязанности готовить образованных химиков. Но тогда она ошибается в сроках: вопрос о возможности использования медицинского факультета Московского университета для подготовки "во-первых тех, которые впредь к горному и монетному делу определены быть могут" был поставлен и решен не во втором полугодии 1761 года, а раньше. Кроме того, постановка этого вопроса наверняка не исходила от самого И. И. Шувалова, а была инициирована заинтересованными в таком решении влиятельными людьми. Настолько влиятельными, чтобы быть вхожими к И. И. Шувалову. В этой связи определенные подозрения вызывает интерес, который проявил к созданию университета в Москве клан Демидовых. Уже 17 февраля 1755 года Н. А. Демидов объявил о своем решении передать в дар Московскому университету "собрания натуральных и курioзных вещей третью долю славного кабинета господина Генкеля"¹⁶. Кроме того, в течение 1755 года Демидовы пожертвовали университету 21 тысячу рублей — сумму, почти в полтора раза превышающую годовой бюджет университета. В 1757 году университе-

¹⁶ Санктпетербургские ведомости. — 1755, 14 марта. — № 21. Генкель И. Ф. — известный специалист по горному делу и металлургии, содержал горную школу во Фрейбурге, в которой, в частности, обучались М. В. Ломоносов и Д. И. Виноградов. Н. А. Пенчко (Цит. соч. — С.116) ошибочно указывает, что кабинет у Генкеля был приобретен Н. А. Демидовым. Его купил отец дарителя А. Н. Демидов во время посещения Фрейбурга в 1742—1743 гг. После смерти А. Н. Демидова (1745) принадлежавшие ему имущество, недвижимость и капитал по Высочайшему повелению были разделены между наследниками поровну. Поэтому первому дарителю — Н. А. Демидову, младшему сыну А. Н. Демидова, принадлежала лишь треть демидовской минералогической коллекции.

ту были переданы остальные две трети минералогической коллекции.

Как известно, богатые и влиятельные деловые люди делают подарки осмотрительно. Для них это либо форма вложения денег, либо крайняя необходимость: не поделишься — потеряешь больше. Конечно, Демидовы были известными меценатами, но при этом они всегда оставались предпринимателями, цепкими, упорными, не упускающими своего, и их "знаки внимания" университету, т. е. в адрес И. И. Шувалова (он взятки не брал; помощь университету или Академии художеств другое дело), наверняка были не только актами благотворительности. Их заинтересовали шуваловский университет и возможность использования его для обеспечения хорошо подготовленными кадрами своих предприятий.

Не случайно все дело начал Н. А. Демидов, человек образованный и, в отличие от своих единокровных братьев, уделявший много времени собственным заводам. Не исключено, что он и подал И. И. Шувалову мысль о возможности использования университета для подготовки горных мастеров и металлургов при личной встрече, которая состоялась, разумеется, после оказанных "знаков внимания". Не исключено также, что эту "мысль" мог поддержать и М. В. Ломоносов, так сказать не корысти ради, а исключительно радея о судьбе российского горнорудного дела, которое было для него ближе и важнее, чем врачебное. И. И. Шувалова эта "мысль" должна была заинтересовать: уже говорилось, И. И. Шувалов не считал медицину для университета главной.

Для реализации задуманного нужен был подходящий профессор, и И. И. Шувалов подключил к поиску такого Г. Ф. Миллера. Далее появились уже упоминавшаяся нами рекомендация Хайнсинса и черновой вариант контракта с И. Х. Керштенсом, в котором заранее, до приезда И. Х. Керштенса в Петербург и личных переговоров с куратором, оговаривалось его согласие, кроме химии, преподавать так-

же минералогию и доцимастику. Таков был заказ. И. Х. Керштенс не мог не заинтересовать И. И. Шувалова, ибо в сложившейся ситуации был для него прямо-таки находкой. Находкой потому, что, кроме знания медицины, анатомии, химии и физики, был еще знаком с ремеслами и промышленностью. Судя по быстроте подписания контракта, у них не возникло разногласий. И почти пятимесячное пребывание И. Х. Керштенса в Петербурге наверняка было использовано прежде всего для обсуждения и согласования вопросов, связанных с подготовкой студентов, которые могли быть использованы в горнорудном производстве. В процессе этих обсуждений, видимо, и возник вопрос об организации в университете химической лаборатории как учебно-вспомогательного подразделения, как базы для практического преподавания металлургической химии и пробирного анализа.

Кто был инициатором создания такой лаборатории — не установлено. В. В. Марковников, Н. А. Фигуровский с соавторами, Н. Н. Ушакова, посвятившие специальные работы истории химии в Московском университете, этого вопроса не обсуждают. "При Керштенсе в Московском университете была создана химическая лаборатория"¹⁷, — писала Н. Н. Ушакова. "При Керштенсе", а не Керштенсом — должен догадаться читатель. И, чтобы развеять у читателя сомнения в правильности его догадки, на следующей странице своей статьи Н. Н. Ушакова, после описания постановки преподавания химии в Московском университете при И. Х. Керштенсе, заключает: "Было бы неправильно, однако, думать, что такая постановка преподавания в университете являлась заслугой Керштенса. Он был медиком и по образованию, и по занимаемому положению в университете"¹⁸. Но

¹⁷ Ушакова Н. Н. Материалы по истории химии в Московском университете в XVIII веке//Труды Института истории естествознания и техники. — Т.18. — М., 1958. — С.23.

¹⁸ Там же. — С.24.

кем "по образованию" мог быть университетский профессор химии, если не медиком? И чьей заслугой, если не И. Х. Керштенса, могла быть "такая постановка преподавания"? Ведь других, если не химиков, то сведущих в химии профессоров, в Московском университете тогда не было. На эти вопросы Н. Н. Ушакова предпочла не отвечать. Не станем упрекать ее за это: времена и нравы в нашей стране бывали разные.

Н. А. Пенчко более решительно отвергает мысль о том, что инициатором создания университетской химической лаборатории мог быть И. Х. Керштенс. "Устройством химической лаборатории, о которой в контракте Керштенса... ни слова не говорится, — писала Н. А. Пенчко, — университет обязан не хлопотам этого профессора. Только благодаря Проекту Ломоносова Московский университет получил вскоре после открытия лабораторию..."¹⁹. Но ни "Проектом о Учреждении Московского Университета" (именно этот документ Н. А. Пенчко называет "Проектом Ломоносова"), ни "Штатами" университета создание химической лаборатории не предусматривалось. Неизвестно и о каких-либо документально подтвержденных действиях М. В. Ломоносова, инициировавших создание этой лаборатории. Конечно, М. В. Ломоносов мог высказать И. И. Шувалову мысль о необходимости ее организации в университете во время личной встречи. Но тогда почему предписание — "Лабораторию каменную строить..." — И. И. Шувалов направил в Москву после отъезда И. Х. Керштенса?

Больше похоже на правду, что разговор о необходимости организации в Московском университете химической лаборатории неожиданно для И. И. Шувалова начал И. Х. Керштенс. Как человек, не только хорошо знавший химию (а он обучался ей у Ф. Гоффмана и Й. Юнкера в Гальском университете, где промышленной химии уделялось большое внимание), но и искусный в промышленности и ремес-

¹⁹ Пенчко Н. А. Цит. соч. — С.118.

лах, И. Х. Керштенс, видимо, предложил И. И. Шувалову организовать в Московском университете как теоретическую, так и практическую подготовку "тех, которые впредь к горному и монетному делу определены быть могут". Это предложение было если не новым словом, то во всяком случае нестандартным подходом для университетского этапа подготовки "образованных химиков для ...металлургической промышленности". В Европе обычно после изучения химии и минералогии на медицинском факультете университета будущие специалисты стажировались у опытных горных мастеров. Так в конце 30-х — начале 40-х годов 18 века обучались горнорудному делу в Германии М. В. Ломоносов, Д. И. Виноградов и Г. У. Райзер. В качестве базы для наглядного и практического преподавания И. Х. Керштенсу были нужны минералогический кабинет и учебная химическая лаборатория, оснащенная всем необходимым для освоения методов анализа руд и минералов, а также пробирного искусства.

Проводились ли в связи с запросами И. Х. Керштенса консультации с М. В. Ломоносовым, как считают Н. А. Пенчко и И. П. Кулакова, или нет, установить невозможно. Суть не в факте консультаций, а в целях их проведения. Очевидно, что И. Х. Керштенс не особенно в них нуждался. Он знал, что ему нужно, хотя встреча и профессиональная беседа с таким великим ученым и мыслителем, как М. В. Ломоносов, не могла пройти для И. Х. Керштенса бесследно. И. И. Шувалов, по-видимому, сначала сомневался в своевременности организации лаборатории. Потому и распоряжение о ее создании направил уже после отъезда И. Х. Керштенса в Москву. И до принятия окончательного решения мог обратиться за советом к М. В. Ломоносову, который, несомненно, идею создания химической лаборатории в Московском университете должен был поддержать.

Забегая несколько вперед, отметим, что И. Х. Керштенсу удалось осуществить свои педагогические замыслы: в 1762/1763 и 1763/1764 учебных годах преподавание курса мине-

ралогии с металлургической, рудокопной и пробирной химией было организовано так, что половина учебного времени (четыре часа в неделю) посвящалась практическим занятиям студентов в лаборатории²⁰. Четыре часа в неделю в течение двух учебных лет, причем не демонстраций, а практического освоения различных методов химического анализа. Такого объема практического обучения в начале второй половины 18 века не знало большинство европейских университетов. Да и университетских учебных химических лабораторий было еще не так много. По данным Н. А. Фигуровского, химические лаборатории, главным образом научные, при отдельных университетах, научных обществах и академиях наук в Европе начали создаваться только в середине 18 века²¹.

И. Х. Керштенс осуществил свои педагогические замыслы не сразу: обучение "во-первых тех, которые впредь к горному и монетному делу определены быть могут", началось не ранее второй половины 1761 года. Причиной этого, по нашему мнению, стала неподготовленность базы для наглядного и практического преподавания минералогии, горной и металлургической химии, пробирного анализа.

Подаренная Демидовыми минералогическая коллекция прибыла в Москву лишь в 1759 году и поступила в распоряжение И. Х. Керштенса не ранее второй половины 1760 года. Экспонаты было сложно использовать в преподавании: коллекция не имела ни описи, ни помещения для нормального хранения²².

Организация химической лаборатории тоже затянулась. Уже цитировавшееся нами распоряжение И. И. Шувалова

²⁰ Исторический вестник Московской медицинской академии им. И. М. Сеченова. — Т.IV. — 1995. — С.99—100; Ушакова Н. Н. Цит. соч. — С.23.

²¹ Фигуровский Н. А. Первая научная химическая лаборатория в России. — М., 1950. — С.8.

²² Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. — Т.3. — М., 1963. — С.322—323.

от 30 марта 1758 года ("Лабораторию каменную строить, и чтоб она для первого случая не весьма велика была... и, сметив оную, во что станет, также и план прислать...") выполнено не было. Смету и план, возможно, прислали, а вот каменное здание, даже "для первого случая не весьма великое", не построили: видимо, не позволило безденежье. Не нашлось тогда места для лаборатории и в университетском доме у Воскресенских ворот. Содержащееся практически во всех публикациях, посвященных истории Московского университета и истории химии в России в 18 веке, сообщение о том, что химическая лаборатория университета со дня ее открытия располагалась в университетском доме у Воскресенских ворот, ошибочно. Его опровергает недавно обнаруженная нами в Российском государственном архиве древних актов переписка между канцелярией Московского университета, Медицинской канцелярией и Московской медицинской конторой по поводу размещения университетской химической лаборатории, относящаяся к февралю-марту 1760 года²³.

Из имеющегося комплекта документов, включая упомянутую переписку, ясно, что к февралю 1760 года помещение для химической лаборатории найдено не было. Предпринимались ли руководством университета и И. Х. Керштенсом до этого времени какие-либо меры для решения вопроса о размещении лаборатории, не установлено. Однако примечательно, что в сохранившихся протоколах заседаний Университетской конференции, ордерах куратора и рапортах директора университета с апреля 1758 по февраль 1760 года никаких следов обсуждения этого вопроса не обнаруживается²⁴.

²³ РГАДА. — Ф.1295. — Оп.5. — Кн.255. — Д.89. О здании химической лаборатории.

²⁴ Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. — Т.1. — М., 1960. — С. 110—163.

Примерно 20—23 февраля 1760 года директор университета И. И. Мелиссино посетил главного "Директора Медицинской канцелярии и всего медицинского факультета и первого лейб-медика высочайшего двора" П. З. Кондоиди и "именем его превосходительства господина куратора просил о позволении в химической лаборатории, которая имеется во рву позади университетского дома, господину профессору Кестнесу²⁵ давать химический курс и производить к той потребные химические работы..."²⁶. П. З. Кондоиди сразу разрешения не дал, но надежду на возможность положительного решения этого вопроса, вероятно, подал. И 26 февраля 1760 года из университета в Медицинскую канцелярию была отправлена "промемория": "Известно Императорскому Московскому университету, что бывшая лаборатория Медицинской канцелярии, состоящая во рву у Воскресенских ворот, ныне стоит без употребления, а по неокончившемуся ныне в Императорском Московском университете химическому курсу оный дом химической лаборатории нужен, того ради Императорским Московским университетом определено послать в Медицинскую канцелярию промеморию, что означенный дом, что у Воскресенских ворот во рву, соблагоизволено было отдать в означенный Университет для химических эуперментов. Ежели за какими Медицинской канцелярии нужными обстоятельствами всего дома отдать будет невозможно, то хотя несколько покоев"²⁷.

П. З. Кондоиди знал, что представляет собой лаборатория "во рву у Воскресенских ворот" и для чего она используется, но на всякий случай решил выяснить: существуют ли "какие нужные обстоятельства". В письме от 24 февраля и Указе от 28 февраля 1760 года²⁸ он поручил

²⁵ Так в документе. Имеется в виду И. Х. Керштенс.

²⁶ РГАДА. — Ф.1295. — Оп.5. — Кн.255. — Д.89. — Л.356.

²⁷ Там же. — Л.353.

²⁸ Указ Медицинской канцелярии в Московскую медицинскую контору был направлен в связи с получением промемории Московского университета.

московскому штатд-физику А. Де Тейльсу "в канцелярию с первой почтой репортовать, какое в нем строение построено, и сколько и каких покоев и в каком состоянии тот дом находится и какие в нем химические действия производятся и для той главной аптеки надобен ли..."²⁹. В результате выяснилось, что "в показанном рву имеется только издавна построенная деревянная одна под крышкою с малыми печками старая небольшая лаборатория"³⁰ ...в во оной единственно только иногда была гната про казенные аптеки крепкая вотка³¹, чего для способности она была и делана, в случае же нужды во оной за ее ныне худобою и несостоянии кладутся ныне только казенная аптекарская поклажа, а велением времени от дождей и напастья сушатся для армии разные собираемые травы, коренья и прочее, чем по необходимости и занята бывает; и за того ее ныне худобою и несостоянием химические действия к даче лекционов производить в ней никак не способно; к тому же о приче того другого никакого в том рву строения (кроме единой малой старой избы, в которой живет аптекарский работник для сбережения сада) ничего не имеется..."³². Казалось бы, "за худобою", "несостоянием" и "ветхостью" "старую с малыми печками" лабораторию можно без сожаления отдать "означенному Университету". Но не тут-то было. Выяснилось, что для "гнания крепкой вотки", сушки и хранения в летнее время трав и корений эта лаборатория Московской главной аптеке "необходимо потребна". А потому П. З. Кондоиди предложил малую и ветхую лабораторию использовать совместно: "во удовольствие того Императорского

²⁹ РГАДА. — Ф.1295. — Оп.5. — Кн.255. — Д.89. — Л.354об.

³⁰ Во рву у Воскресенских ворот имелся аптекарский огород. В России при аптекарских огородах создавались своеобразные химико-фармацевтические лаборатории для переработки растительного сырья, получения спирта, кислот и т. п. для аптекарских нужд.

³¹ Крепкой водкой называлась азотная кислота.

³² РГАДА. — Ф.1295. — Оп.5. — Кн.255. — Д.89. — Л.357—357об.

Московского университета требования, дабы поблизости одного определенному профессору химическое учение в пользу учащихся иметь было возможно, повеление давать; и ежели от того Университета заблагорассудится, в той ветхой лаборатории какие химические вновь печи и какую пристройку учинить, оные исправлять все от одного Университета; когда ж по необходимости потребно будет от Московской главной аптеки производить гниение крепкой вотки, дабы в том яко казенном и нужном деле остановки быть не могло, оное исправлять по временам, когда та лаборатория от того химического учения свободна состоять будет, ибо химический курс во всех университетах производится зимним временем..."³³.

На том, по-видимому, и порешили: лаборатория начала работать в "доме у рва" не ранее осени 1760 года, а в середине декабря 1760 года ее посетил куратор университета Ф. П. Веселовский, которому демонстрировали там химические опыты³⁴. Не менее года ушло на оснащение лаборатории. В результате специалисты на основе изучения описи лаборатории³⁵, составленной в 1770 году, пришли к заключению, что ее оснащение позволяло проводить практические занятия со студентами "по изучению методов анализа руд, минералов, пробирного анализа"³⁶. Но проводились эти занятия недолго: с 1765 года лабораторию начали перепрофилировать для нужд преподавания врачебных и фармацевтических дисциплин³⁷.

³³ Там же. — Л.360.

³⁴ Московские ведомости. — 1760, 22 декабря. — № 102.

³⁵ Опись химической лаборатории см.: Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. — Т.3. — М., 1963. — С.301—314.

³⁶ Ушакова Н. Н. Цит. соч. — С.24.

³⁷ Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. — Т.3. — М., 1963. — С.437.

Как долго находилась лаборатория в "доме у рва", установить не удалось, но известно, что куратор И. И. Мелисину в доношении Сенату "О нуждах и недостатках Московского университета" (1775) называл химическую лабораторию в числе подразделений, размещенных в университетском доме у Воскресенских ворот³⁸.

Теперь несколько слов о группе студентов, обучавшихся у И. Х. Керштенса минералогии, металлургической, рудокопной и пробирной химии в 1762/1763 и 1763/1764 учебных годах. Их было семеро³⁹, и не один из них (за исключением, может быть, А. Раича, о котором никаких сведений нам разыскать не удалось) в дальнейшем не занимался ни горным, ни монетным делом. Что это: неудача И. Х. Керштенса или, как это часто бывало, следствие изменившихся обстоятельств, — сказать трудно. Подававший большие надежды И. Калиновский неожиданно умер в 1765 году в возрасте 25 лет⁴⁰. Н. Рубиновский остался при университете и с 1 января 1766 года работал корректором Университетской типографии⁴¹. Имена остальных мы встречаем в "Репортах о успехах, понятии, прилежании и поступках в Университете учеников и студентов" за 1766 и 1767 годы⁴². Д. Н. Синьковский стал профессором логики и нравственной философии Московского университета.

³⁸ РГАДА. — Ф.248. — Оп.64. — Д.5565. — Л.409об.

³⁹ Список студентов, обучавшихся у И. Х. Керштенса в 1763/1764 учебном году, опубликован / Сухомлинов М. И. История Российской академии. Вып. 7/Приложение к XLIX-му тому Записок Императорской академии наук. — № 6. — СПб., 1885. — С.26.

⁴⁰ Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. — Т.1. — М., 1960. — С.351. И. Х. Керштенс давал следующую характеристику И. Калиновскому: "...понятен и весьма прилежен; столь изрядные оказал успехи, что если еще один год или два упражняться будет в изучении металлургической и досимастической химии, то не без пользы может употреблен быть к рудным делам"/ Сухомлинов М. И. Цит. соч. — С.26.

⁴¹ Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. — Т.1. — М., 1960. — С.371.

⁴² РГАДА. — Ф.17. — Оп.1. — Д.41. — Л.90—95об., 127—130.

М. Баталзин и Р. Гвоздиковский изучали юридические науки, И. Кудрин — медицину. Все трое образования не закончили: в 1767 году были отозваны в Комиссию уложения.

* *
*

Московский университет был одним из немногих в Европе, где обучались студенты и гимназисты "казенного содержания", причем их обучение приравнивалось к государственной службе. В соответствии с университетским штатом казеннокоштные студенты и гимназисты обеспечивались бесплатным жильем, получали жалованье и сверх того деньги на питание и одежду. Непредусмотренным штатными расходами оставалось лишь обеспечение "пансионеров" бесплатной медицинской помощью в случае болезни.

Это упущение разработчиков учредительных документов было замечено рано, но, по-видимому, уже после подписания Елизаветой Петровной Указа об учреждении Московского университета. Вместе с тем первые меры по обеспечению казеннокоштных студентов и гимназистов бесплатной медицинской помощью были приняты уже в 1755 году. Возможно, этот вопрос впервые обсуждался И. И. Шуваловым и Л. Л. Блюментростом в февралемарте 1755 года во время вызова последнего в Петербург "для обсуждения ...мер к устройству только что учрежденного Московского Университета"⁴³. Однако, судя по сохранившимся документам, вопрос о необходимости организации бесплатной медицинской помощи казеннокоштным студентам и университетским гимназистам был впервые поставлен уже после смерти Л. Л. Блюментро-

⁴³ Чистович Я. История первых медицинских школ в России. — СПб., 1883. — С.СIV.

ста⁴⁴. 29 мая 1755 года, видимо, отвечая на рапорт первого директора университета А. М. Аргамачова⁴⁵, И. И. Шувалов писал: "О больных весьма нужно дабы маленький лазарет сделать, что до аптеки своей, то за нужное весьма не находится в рассуждение великих трудностей к заведению..."⁴⁶.

Но открытие лазарета требовало времени и помещения, поэтому вскоре было решено на первых порах ограничиться "определением" в университет лекаря. "Лекаря Андреяна Татарина, — читаем мы в ордере И. И. Шувалова от 22 декабря 1755 года, — определить при университете и приказать, чтоб смотрение примерное имел за студентами, случающимися в болезнях, только б в опасных случаях сам не отваживался пользоваться без сообщения какому доктору"⁴⁷. Нельзя исключить, что А. И. Татарин рекомендовал И. И. Шувалову Л. Л. Блюментрост во время последнего в своей жизни посещения Петербурга. Я. Чистович сообщает, что А. И. Татарин "в молодости ...пользовался особым покровительством Л. Л. Блюментроста"⁴⁸, а Л. Ф. Змеев прямо пишет, что А. И. Татарин был принят в университет "по протекции Блюментроста"⁴⁹. Ко времени назначения А. И. Татарина имел более чем двухлетнюю хирургическую практику⁵⁰. Для назначения А. И. Татарина И. И. Шувалов воспользовался предоставленным ему Елизаветой Петровной правом вносить дополнения в университетский штат⁵¹; жалованье ему в размере 150 рублей в год выплачи-

⁴⁴ Л. Л. Блюментрост умер в Петербурге 27 марта 1755 года//Чистович Я. Цит. соч. — С.СIV.

⁴⁵ Соответствующего документа не обнаружено.

⁴⁶ РГАДА. — Ф.17. — Оп.1. — Д.38. — Л.69.

⁴⁷ Там же. — Л.69об.

⁴⁸ Чистович Я. Цит. соч. — С.СССV.

⁴⁹ Змеев Л. Ф. Русские врачи-писатели. — Вып. I. — СПб., 1886. — С.127.

⁵⁰ А. И. Татарин был "признан лекарем с правом хирургической практики в Москве" 27 марта 1753 г.

⁵¹ Сенатский архив. — Т. XII. — СПб., 1897. — С.318.

валось из предусмотренной "Штатом" резервной суммы⁵²; в дальнейшем в университетский штат была введена должность штаб-лекаря университетского лазарета с жалованьем 400 рублей в год⁵³.

В ордере И. И. Шувалова от 22 декабря 1755 года обращают на себя внимание два обстоятельства. Первое: А. И. Татаринову вменялось в обязанность лишь "смотрение прилежное... за студентами, случившимися в болезнях". Как мы увидим из дальнейшего, контингент обеспечиваемых в Московском университете бесплатной медицинской помощью будет расширен.

Второе: в ордере специально оговаривается ограниченность полномочий А. И. Татаринова по принятию самостоятельных решений при оказании помощи больным студентам ("...только б в опасных случаях сам не отваживался пользоваться без сообщения какому доктору"). Ограниченность полномочий лекарей по сравнению с "докторами" (врачами-интернистами, имевшими, как правило, университетское образование, защитившими докторскую диссертацию и получившими разрешение на "вольную" практику) была известна. Но поскольку А. И. Татаринов некоторое время был единственным штатным медиком в университете, И. И. Шувалов счел необходимым напомнить об этом как самому А. И. Татаринову, так и университетскому начальству.

Хотя А. И. Татаринов, по-видимому, относился к выполнению своих обязанностей достаточно ревностно (не случайно всего через семь лет службы куратор университета Ф. П. Веселовский ходатайствовал перед Медицинской канцелярией о производстве его в штаб-ле-

⁵² В третьей редакции "Штата Московского университета и гимназии" указано: "Остальные 1680 рублей... на содержание дома, на награждение, на нужные прибавки, и когда по необходимости и жалованью" / Пенчко Н. А. Цит. соч. — С.165.

⁵³ РГАДА. — Ф.17. — Оп.1. — Д.41. — Л.188.

кари⁵⁴), состояние медицинской помощи студентам, ученикам гимназии и преподавателям вызывало у директора университета явную озабоченность. "Ученики и учителя, по всему городу рассеянные, имеют жилище, и для того для осмотра и пользования их надлежит истребовать от медицинской канторы несколько искусных подлекарей и цирюльников, также иметь надлежит нам довольное число хирургических инструментов, — читаем мы в рапорте директора университета И. И. Мелиссино от 22 мая 1757 года. — Записные больные ученики не имеют особливой, кроме общей всем, пищи, а в некоторых болезнях неможно без очевидного вреда употреблять, например, рыбу и мясо соленое, и тому подобное, а чтобы исправить сию неудобность, надлежит иметь особливых приставников, которыми бы больные услужены были. Надобно также для больных построить лазарет, чтоб они, в одних покоях с здоровыми будучи, не заразили их своими болезнями.

Все сие предавая на милостивое вашего превосходительства рассуждение, я за крайнюю должность мою почел прежде всего представить вам о воспитании детей в страхе и в законе божем, и о помощи, какую им случае болезни их подать надлежит..."⁵⁵.

Ответный ордер И. И. Шувалова не сохранился. Но он наверняка был, потому что на подлиннике рапорта И. И. Мелиссино от 22 мая 1757 года имеются достаточно выразительные шуваловские пометы. Пожелания директора "истребовать от медицинской канторы несколько искусных

⁵⁴ Звание штаб-лекаря А. И. Татаринову было присвоено 29 апреля 1763 года. А. И. Татаринов проработал в университете более 20 лет. В 1769 году был удостоен степени доктора медицины от Геттингенского университета (Медицинская коллегия признала его доктором только после сдачи экзамена 7 декабря 1775 г.). В 1776 году перешел на работу в Медицинскую коллегия сначала помощником директора, а с 1779 года — директором экономической канцелярии/Чистович Я. Цит. соч. — С.СССV.

⁵⁵ Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. — Т.1. — М., 1960. — С.52—53.

подлекарей и цирюльников", ввести в университетский штат "особливых приставников, которыми бы больные услужены были" или организовать для больных учащихся "особливое" питание, по-видимому, вызвали раздражение куратора. "О сем никчево", "об евтом тоже", — записал И. И. Шувалов на полях, напротив соответствующих строк директорского рапорта, и, скорее всего, не стал писать об этом в ордере. Но о необходимости учредить в университете лазарет наверняка написал, и обрадованный этим И. И. Меллисино начал искать пути к тому, чтобы лазарет "порядочно учредить".

"Чтобы по соизволению вашему порядочнее учредить лазарет, — писал он И. И. Шувалову 12 июня 1757 года, — необходимо потребен к тому искусный доктор. Я нашел желающего принять на себя сею должность, — здешнего дивизионного доктора г.Люпса. Он требует только одного высокого вашего покровительства и без всякого жалованья обязуется быть университетским доктором, всепокорнейше прося вас только о том, чтоб милостивым старанием вашим он всегда был в Московской дивизии и именовался Университетским доктором, и о всем том снабден был бы указом от медицинской канцелярии"⁵⁶.

⁵⁶ Там же. — С.61.

Люпс Иоганн (1725—1761) — уроженец Москвы, учился в Лейденском университете, где в 1748 году защитил докторскую диссертацию, работал в Голландии, затем изучал акушерство в Париже. 19 марта 1752 года "принят в русскую службу". В связи с подготовкой к Семилетней войне в 1754 году был назначен дивизионным доктором observationalного корпуса в Москве/Чистович Я. Цит. соч. — С.СLLXII. Существует версия, что предложение И. Люпса не было бескорыстным: война началась, и его в любое время могли направить в действующую армию. Опасаясь этого, И. Люпс решил использовать влияние И. И. Шувалова, чтобы остаться дивизионным доктором в Москве. Университетским доктором И. Люпс не стал, и когда в 1760 году ему было приказано отправиться к театру военных действий, он, сославшись на болезнь, отказался, за что был уволен со службы 2 мая 1760 года.

И. И. Шувалов ответил не сразу, но ответ его был достаточно конструктивным. "Лазарет, который необходимо для записных учеников нужен, ежели есть в Репнинском доме излишние и к тому годные покои, отвесь. Буде же нет, то зделав план и смету, в какую цену обоитится может, прислать на рассмотрение, — писал он 25 сентября 1757 года. — Не худо б было, ежели б можно сыскать готовой к тому удобные струбы, почему я думаю, скоряе и дешевле выстроится может на первой случай. Во оном месте необходимо надобно, чтобы порядок и смотрение были должные". Кандидатуру И. Люпса рассматривать не стал и даже не упомянул о нем в ордере, но идею назначения для руководства лазаретом университетского доктора поддержал и даже предложил наиболее экономичную форму решения этого вопроса, которая, однако, откладывала само решение на неопределенный срок: "Как доктор выпишется для лекциев, тот же может и надзирание иметь с прибавкою некоторой за то суммы"⁵⁷.

Следующий документ по интересующему нас вопросу — ордер И. И. Шувалова от 5 марта 1758 года. Куратор направлял в университет второго лекаря и одновременно распорядился расширить контингент лиц, пользующихся в университете бесплатной медицинской помощью. "По прибытии лекаря Гаса в Московский университет, — писал И. И. Шувалов, — объявить ему, чтоб он смотрение имел за больными как студентами и учениками, так и всех чинов людьми к Университету принадлежащими обще с Андреем Татариновым, с такою прилежностью, как должность их требует"⁵⁸.

"Смотрение иметь за больными... с такою прилежностью, как должность... требует". Формулировка такая же, как при назначении А. И. Татаринова. А главное — ни слова о лаза-

⁵⁷ Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. — Т.1. — М., 1960. — С.91.

⁵⁸ РГАДА. — Ф.17. — Оп.1. — Д.38. — Л.73об. — 74.

рете. Если бы лазарет к этому времени был открыт, И. И. Шувалов непременно упомянул бы в ордере об обязанностях нового лекаря в лазарете. И еще: назначен был второй лекарь, а не доктор. Вспомним: и куратор, и директор университета считали, что для "надзирания" за лазаретом "необходимо потребен... искусный доктор". Более того, И. И. Шувалов обещал: "Как доктор выпишется для лекциев, тот же может и надзирание иметь с прибавкой некоторой за то суммы". "Доктор для лекциев" — И. Х. Керштенс — появился в середине ноября 1757 года, но, не без трудностей оформив ему разрешение на "вольную" врачебную практику в России, И. И. Шувалов назначил его университетским доктором лишь спустя три года. Похоже, что решения об открытии лазарета и о назначении университетского доктора были жестко запараллелены друг на друга: нет лазарета, не нужен и доктор.

Из сказанного следует, что по прошествии пяти месяцев после подписания ордера от 25 сентября 1757 года в деле открытия университетского лазарета осуществить свои намерения И. И. Шувалову не удалось. Не удалось прежде всего потому, что финансовое положение университета в это время было катастрофическим, а нерешенных проблем, причем более важных, — очень много. В этих условиях открытие лазарета решили, по-видимому, отложить, что называется, до лучших времен. Во всяком случае в сохранившихся документах последнего квартала 1757 года, а также 1758—1759 годов о лазарете и вообще о медицинской помощи больным учащимся и сотрудникам университета не упоминается.

Некоторое улучшение финансового положения наступило к концу 1759 года, что позволило вернуться к решению вопросов медицинского обслуживания учащихся и сотрудников университета и, в частности, к устройству университетского лазарета. Точная дата его открытия не известна, но сохранилось два документа, позволяющих установить хронологические ориентиры этого события.

Первый: ордер И. И. Шувалова от 20 ноября 1760 года об увольнении "Лекаря Гаса" и назначении университетским доктором И. Х. Керштенса. Сохранилась лишь выписка из этого ордера, а возможно, краткое изложение одного из его пунктов: "На место лекаря Гаса быть доктору Керштенсу с жалованьем по сту рублей на год"⁵⁹. Вводя вместо должности второго лекаря должность доктора, И. И. Шувалов выполнял свое обещание о назначении доктора для руководства лазаретом из числа профессоров медицинского факультета ("доктор для лекций") по совместительству⁶⁰. Открытие лазарета, с нашей точки зрения, должно было совпадать с этим назначением либо немного опережать его. Иными словами, лазарет был открыт не ранее начала 1760/1761 учебного года (13 августа 1760 года) и не позднее декабря 1760 года, поскольку сохранился документ, свидетельствующий о том, что в январе 1761 года лазарет уже существовал.

"К имеющемуся при Университете лазарету для больных под смотрение доктора и лекаря университетских присылаются из здешнего гарнизона цырюльники, из которых большая часть неискусные, к тому же и часто переменяются, от чего в присмотре за больными крайняя есть неспособность; и во избежание оного, для лучшего порядка и способности, определить для лазарета цырюльника особенного, который

⁵⁹ РГАДА. — Ф.17. — Оп.1. — Д.38. — Л.76.

⁶⁰ Примечательно, что в "ведомости, учиненной в силу имянного Ея Императорского Величества повеления для всеподданейшего поднесения Ея Императорскому Величеству, какие теперь непрменные расходы есть и быть должны при Московском университете" (1764), подписанной куратором В. Е. Адодуровым, об оплачиваемой должности доктора при университетском лазарете не упоминается/РГАДА. — Ф.17. — Оп.1. — Д.41. — Л.188—188об. В то же время в донесении Сенату (1766) в связи с требованием профессоров-иностранцев изменить условия контрактов В. Е. Адодуров сообщал, что за работу в лазарете И. Х. Керштенс получает надбавку к жалованью в размере 100 рублей в год//Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. — Т.2. — М., 1962. — С.312.

был бы университетным безпрерывно, с жалованьем по два рубли на месяц"⁶¹. Этот текст ордера куратора Московского университета Ф. П. Веселовского — второго из упоминавшихся выше двух сохранившихся документов — бесспорно свидетельствует о том, что в январе 1761 года университетский лазарет уже существовал. Существовал недавно и еще не был обеспечен персоналом для ухода за больными.

Где располагался лазарет в первые годы своей деятельности, не установлено. Данные М. К. Любавского, повторявшиеся другими авторами, что университетская больница находилась в университетском дворе в двухэтажном каменном доме позади Педагогического института и левого крыла главного корпуса, относятся к 90-м годам 18 века⁶². Поначалу лазарет наверняка разместили в каком-либо временном помещении. "Излишних и к тому годных покоев" в Репнинском доме не нашлось, и рядом с ним, возможно на основе "готового к тому удобного струба", соорудили небольшое деревянное помещение, в котором лазарет находился до 4 ноября 1773 года, когда это помещение сгорело⁶³. Построить новое помещение для лазарета не удавалось сравнительно долго. О необходимости "построить... особый лазарет для тяжелых и прилипчивых болезней" куратор напоминал Сенату в доношении от 3 ноября 1775 года "О нуждах и недостатках Московского университета"⁶⁴. Средства на строительство нового помещения для лазарета сыскались лишь в 1776 году. «Желающих построить деревянный лазарет и другие покои, також поставить потребные к тому материалы, — уведомляли своих читателей "Московские ведомости", — для торгу и договору в цене явиться в Импера-

⁶¹ РГАДА. — Ф.17. — Оп.1. — Д.38. — Л.81.

⁶² Любавский М. К. Московский университет в 1812 году. — М., 1913. — С. 17.

⁶³ РГАДА. — Ф.248. — Оп.64. — Д.5556. — Л.409об.

⁶⁴ Там же. — Л.411.

торского Московского Университета в Канцелярии немедленно»⁶⁵.

Каменное здание для университетской больницы на углу Б. Никитской улицы и Леонтьевского переулка, о котором упоминал М. К. Любавский, было построено не ранее начала 90-х годов 18 века. До 1791 года на этом месте стояла церковь Дионисия Ареопажита⁶⁶.

О масштабах деятельности лазарета никаких документов не сохранилось. Но не исключено, что они были немалыми: во второй половине 60-х годов в штате лазарета, кроме надзирающего доктора, состояли еще лекарь, подлекарь и до 6 служителей; на лекарства расходовалось 200 рублей в год, причем куратор считал, что этих денег недостаточно. Несомненно, лазарет представлял собой небольшой стационар, что само по себе весьма примечательно, так как в 1760 году в Москве имелось лишь одно стационарное лечебное учреждение — Московский военный госпиталь.

* *
*
*
*

Подготовка образованных химиков для горнорудного производства не могла быть основной задачей медицинского факультета. Между тем создается впечатление, что в конце 50-х — начале 60-х годов университетское начальство не предпринимало сколько-нибудь эффективных мер для организации подготовки медиков. Одного профессора наняли, факультет открыли. Семь человек отправили доучиваться в чужие края, из которых двоих примерно в 1762 году ориентировали на изучение медицины, и вроде успокоились: медицина для университета — не главное. Подготовкой лекарей для государственной службы занимались госпитальные школы, состоящие в ведении Медицинской

⁶⁵ Московские ведомости. — 1776, 14 июня. — № .48 (14 июня).

⁶⁶ Паламарчук П. Г. Сорок сороков. — Т.IV. — М., 1995. — С.500.

канцелярии (после ноября 1763 года — Медицинской коллегии).

Руководителей медицинского ведомства такая позиция университетского начальства наверняка должна была устраивать. Устраивать прежде всего потому, что хотя бы временно исключала конкуренцию и позволяла монопольно использовать ресурсы, выделяемые государством на подготовку медицинских кадров, а также не делиться с университетом полномочиями в вопросах их распределения и аттестования. Это, казалось бы, могло долго поддерживать баланс интересов. Но, похоже, Медицинской канцелярии перечисленных явных выгод показалось мало: то, что в университете не было организовано обучение по медицине, не полностью устраняло конкуренцию между ним и учебными заведениями Медицинской канцелярии. Чтобы "все гошпитали снабдевать способными к той требуемой к пользе службы Ее Императорского Величества нужной науки", Медицинской канцелярии требовался постоянный источник пополнения госпитальных школ лекарскими учениками, которыми могли быть молодые люди, "обучившиеся уже грамматике, ее частей, и хотя риторике несколько, философии" и, главное, знающие латинский язык⁶⁷. Таковых можно было получить только из духовных учебных заведений.

Однако Синод, поначалу исправно снабжавший госпитальные школы семинаристами, со временем стал выполнять эту повинность все более и более неохотно. По мере роста количества учебных заведений Медицинской канцелярии потребность в лекарских учениках возрастала; число ведомств, желающих пользоваться плодами трудов духовных учебных заведений, тоже увеличивалось (студентов и семинаристов отзывали в Петербург в Академический университет, позднее — в Московский университет). И Синод, ссылаясь на ограниченное число "самоохотно пожелавших изучать медикохирургию", не только не увеличивал, а даже

⁶⁷ РГАДА. — Ф.346. — Оп.1. — Кн.268. — Д.47. — Л.730.

сокращал квоту направляемых в госпитальные школы студентов и семинаристов. Предпринимавшиеся Медицинской канцелярией попытки найти другие источники укомплектования госпитальных школ лекарскими учениками оказывались безуспешными: "в рассуждении недостатка при госпиталях и аптеках учеников о изыскании способных, хотя по наличии и из [чиновничьих] детей, — читаем мы в одном из документов Медицинской канцелярии, датированном 3 февраля 1761 года, — ...по каковой настоящей нужде ныне через печатавшиеся ведомости объявлено, что желающие сыновей своих определить в лекарские и аптекарские ученики представляли с надлежащими о том прошения, но никто еще не явился"⁶⁸.

В этих условиях Медицинская канцелярия решила обратиться в Московский университет, где студенты философского факультета знали латинский язык, изучали философию, риторику и даже физику, а в гимназии имелся латинский класс. Первое такое обращение относится к 1758 году, и хотя переписки по этому вопросу обнаружить не удалось, из других источников известно, что "в том же году от одного Университета присланы были разночинной гимназии учеников шесть человек, и по освидетельствовании в латинском языке один из них способный к науке принят, а прочие, кои тогда нетвердо еще в латинском языке обучались, и за малолетство обратно отосланы с требованием, чтоб отпущены были впредь для такого определения понатвержении в латинском языке"⁶⁹. Вероятнее всего, остальные пять человек спустя год или два были отправлены в распоряжение Медицинской канцелярии.

Хотя, как говорится, улов был невелик, Медицинская канцелярия в 1758 году выяснила для себя главное: университет в принципе готов "отпускать самоохотно желающих обучаться медикохирургии" и "не худо разумеющих латин-

⁶⁸ Там же. — Л.730об. — 731.

⁶⁹ Там же. — Л.730об.

ский язык" в госпитальные школы и, следовательно, организовывать в ближайшее время преподавание врачебных наук не собирается. Этим обстоятельством можно было воспользоваться для набора лекарских учеников в генеральные госпитали. И повторное обращение по этому вопросу не заставило себя долго ждать.

"Понеже для обучения медикохирургии при Петербургском генеральном сухопутном и Адмиралтейском и адмиралтейском Корондштатском, а в Москве при Генеральном сухопутном гошпиталях на случившиеся [вакансии] завсегда требуются ко определению в комплекте по несколько лекарских учеников, дабы основательно и с хорошим успехом выученными по достоинству в лекари и подлекари., — писали фактические руководители Медицинской канцелярии И. Я. Лерхе и Д. Синопиус, — ...того ради сего 1761 года февраля 3 дня по указу ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОГО величества Медицинская канцелярия приказали: в канцелярии ИМПЕРАТОРСКИХ Академии наук и Московского университета послать промеморию, почтенно требовать, дабы благоволено было в рассуждении о пользе службы ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА из обучающихся во оных Академии и Университете способных, кто самоохотно пожелает, ко обучению медикохирургии способны, прислать для определения в гошпитали; а ежели возможно, во-первых, для укомплектования нынешних вакансий от Академии здесь в Медицинскую канцелярию до пятнадцати, а от Университета в Москве в Медицинскую контору тридцать человек, которые по склонности их к науке с надлежащим жалованьем и определены быть имеют"⁷⁰.

Академия наук делиться учениками не пожелала. В промемории от 22 февраля 1761 года, адресованной Медицинской канцелярии, сообщалось, "что из находящихся при

⁷⁰ Там же. — Л.730—731.

Академии на казенном коште учеников для обучения медикохирургии никто охоты не имеет"⁷¹.

Университет отнесся к просьбе Медицинской канцелярии более благожелательно. "Присланною промеморию из медицинской канцелярии требуется, — писал И. И. Шувалов директору университета 12 февраля 1761 года, — чтоб знающих латинский язык учеников, которые б годны могли быть к изучению медикохирургии, человек до тритцати, и для того изволите объявить в университете, не сыщутся ли к той науке охотники из вольных или содержащихся и на казенном содержании, но чтоб из таких, которые б не худо разумели латинской язык, и о том, сколько оных охотников сыщется и кто имяны, репортовать ко мне немедля"⁷². Сколько "оных охотников" сыскалось и кем они были, не установлено: ответ Московского университета на промеморию Медицинской канцелярии от 3 февраля 1761 года обнаружить не удалось. Однако содержание более поздних документов дает основание считать, что "охотники" нашлись и были отправлены в распоряжение Медицинской канцелярии. Более того, нельзя исключить, что тогда же Медицинская канцелярия получила и шесть студентов, прослушавших полный курс наук философского факультета и лекции И. Х. Керштенса по физике "для предуготовления тех, кои медицине обучаться желают", минералогии, "генеральной" и "специальной" химии. Так что в Медицинской канцелярии должны были быть довольны если не количеством полученных лекарских учеников, то перспективой постепенно превратить университет в постоянный источник комплектования госпитальных школ. Не случайно в представленном Екатерине II в конце января 1763 года "Плане, сочиненном в Медицинской Кан-

⁷¹ Там же. — Л.734.

⁷² Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. — Т.1. — М., 1960. — С.198.

целярии..."⁷³ особо отмечалось, чтобы в госпитальные школы "из учрежденных в Российской Империи университетов, академиев, семинариев и гимназиев отпускать повсягодно или в случае восстребования от Медицинской канцелярии по несколько человек желающих и обученных в латинском языке"⁷⁴. Конечно, в 1761 году так жестко вопрос еще не ставился. Но все шло к этому. Руководство университета складывающейся ситуацией, видимо, не было обеспокоено: медицина для университета — не главное, а отдавая Медицинской канцелярии "самоохотно желающих к обучению медикохирургии", он вроде бы участвовал в подготовке для службы Ее Императорского Величества медицинских кадров. Кроме того, во главе университета стоял всемогущий И. И. Шувалов, так что в случае чего все будет как надо...

Но время переменчиво, а случай ненадежен. И после смерти Елизаветы Петровны могущество И. И. Шувалова вскоре растаяло, как летошний снег. От университета его фактически отрешили. То есть куратором университета он формально оставался, но решать уже ничего не мог. К тому же назначенный куратором ставленник Екатерины II В. Е. Адодуров возбудил в Сенате расследование деятельности И. И. Шувалова, обвинив его в различных злоупотреблениях. И расследовали, так что еще недавно всесильному И. И. Шувалову приходилось хотя и с достоинством, но оправдываться, объясняться по поводу несовершенных прегрешений. Тут уж, как говорится, никуда не денешься: на кого Бог, на того и люди... Новый куратор по влиятельно-

⁷³ "План, сочиненный в Медицинской Канцелярии в силу Высочайшего Ее Императорского Величества имянного указа... о содержании при армии Ее Императорского Величества в мирное и военное время докторов, лекарей и протчих медицинского чина служителей, також полевых аптек и принадлежащими служителями"/Семека С. А. Медицинское обеспечение русской армии во время Семилетней войны. — М., 1951. — С. 252—253.

⁷⁴ Цит. по кн.: Мирский М. Б. Медицина России XVI—XIX веков. — М., 1996. — С.124.

сти с И. И. Шуваловым елизаветинских времен, что называется, рядом не стоял. Но был человеком дельным, лично известным императрице, обладал умением вести интригу. Это-то умение ему скоро и понадобилось для решения судьбы медицинского факультета.

Более чем тридцатилетнее царствование Екатерины II ознаменовано многими важными реформами, но первой из них была реформа управления медицинским делом. "Недавно прошедшая война (прусская), — писала императрица 9 ноября 1762 года, — (является) живым доказательством, что от недостатка в армии докторов, а в полках лекарей и искусных подлекарей и лекарских учеников, претерпевали раненые излишние мучения и увечья, а многие, ...может быть и живота безвременно лишились. В таком ужасном случае, где роду человеческому поневоле делается истребление, стараться надобно... оное уменьшать всеми способами, дабы без призрения пострадавший не оставался на совести нашей, почему и лекарское вспоможение есть тут великой важности, которая в армии несколько пренебрежена.

...О сем надобно от Медицинской Канцелярии потребовать план и к таковым случаям сочинить инструкцию, служащую им правилом, а комиссия потому и содержание их двоякое, то есть на мирное и военное время, изыскать и определить имеет... И что Медицинская Канцелярия сочинит, а Комиссия о том определит, то представить к нам на рассмотрение и конфирмацию"⁷⁵.

План от Медицинской канцелярии был представлен в конце января 1763 года, но Екатерина от дальнейшей работы его составителей, по-видимому, отстранила, поручив подготовить проект реформы барону А. И. Черкасову, человеку независимому в суждениях и европейски образованному. В результате 12 ноября 1763 года императрица подписала указ, которым учреждался новый орган государственного

⁷⁵ РГВИА. — Ф.23. — Оп.18. — Д.21. — Л.4—4об. Полностью документ опубликован: Мирский М. Б. Цит. соч. — С.123—124.

управления медицинским делом — Медицинская коллегия. "Коллегия, — отмечалось в указе, — устанавливается с такими преимуществами, на каких все наши государственные коллегии основаны, и имеет власть делать распоряжки, касающиеся до врачевания во сей империи и до распространения науки медицинской, хирургии и всех частей к тому принадлежащих в государстве нашем... В протчем оной коллегии в нашем особливом ведении и протекции"⁷⁶. В соответствии с подписанной в тот же день "Инструкцией Коллегии" одной из двух "главных" задач новой государственной структуры было "Заведение российских докторов, лекарей, операторов и аптекарей", обеспечение высокого качества подготовки национальных медицинских кадров⁷⁷. Основная ставка при этом делалась на госпитальные школы, где предполагалось повысить уровень как практической, так и теоретической подготовки. Для этого, в частности, предполагалось ужесточить требования как к поступающим, так и к выпускникам. В "Инструкции", например, прямо указывалось, чтобы "учеников принимать знающих уже латинский язык", а в подлекари и лекари "производить... по прямым достоинствам, и по строгим экзаменам всею коллегиею"⁷⁸. Правительство сознавало необходимость повысить требования к общеобразовательному уровню поступающих в госпитальные школы. Выпускники университетской гимназии и тем более студенты философского факультета Московского университета в этом отношении были идеальным контингентом. Видимо, поэтому уже упоминавшейся "Инструкцией" Медицинской коллегии предлагалось "...изобрести способы чрез сношение с Московским университетом, чтоб из подданных российских воспитывать и обучать как теории, так и практике докторской... И еще будет со временем сохранением излишних денежных расхо-

⁷⁶ ПСЗ. — Т.16. — № 11964.

⁷⁷ Чистович Я. Цит. соч. — С. LI.

⁷⁸ Там же. — С. LIV.

дов в государстве, которые теперь издерживаются на то, что посылают на двойном или тройном коште в чужие университеты, а притом и избежанием, чтоб не принимать без разбору чужестранцев достойных и недостойных, к чему теперь нужда приводит"⁷⁹.

Через сношение с Московским университетом изобрести способы... Достаточно гибкая формулировка "Инструкции" позволяет понять лишь главную цель: наладить подготовку докторов не хуже, чем в европейских университетах. Далее — допустимы толкования. Возможно, авторы "Инструкции" имели в виду, что под влиянием требований Медицинской коллегии на медицинском факультете Московского университета сразу же будет организована и теоретическая, и практическая подготовка медиков. Возможно, ставился вопрос о разграничении сфер влияния: в университете проводится обучение общеобразовательным и естественным наукам, а в учебных заведениях Медицинской коллегии — врачебным с преподаванием у постели больного. Наконец, наиболее вероятно, что конкретного смысла в это выражение не вкладывалось: предполагалось, что Медицинская коллегия и Московский университет, так сказать *ex consilio*, "изобретут способы" совместного выполнения повеления императрицы.

Но президент Медицинской коллегии А. И. Черкасов, видимо, не надеясь, что "сношения с Московским университетом" окажутся плодотворными, решил использовать "онный Университет" для комплектования госпитальных школ хорошо подготовленными учащимися. В письме В. Е. Адодурову от 22 марта 1764 года, процитировав полностью приведенный выше пункт "Инструкции", он предложил куратору сообщить "сколько из Московского Университета молодых студентов из разночинцев, и желающих учиться медицине и хирургии, а латинский язык уже достаточно разумеющих, можно в непродолжительном

⁷⁹ Там же. — С. LI.

времени отпустить для определения в разные генеральные госпитали"⁸⁰.

Тон письма вежливый, но повелительный был избран не случайно. А. И. Черкасов явно превышал данные ему полномочия: такой формы "сношения с Московским университетом" императорская "Инструкция" не предусматривала. С другой стороны, вступать с университетом в длительные обсуждения возможных способов исполнения монаршего повеления, видимо, считал несвоевременным. Университет начнет разговор об организации на медицинском факультете преподавания врачебных наук, потребует для этого денег, учеников для госпитальных школ не отдаст и в результате на несколько лет перетянет одеяло на себя. А. И. Черкасов же хотел для начала хотя бы укомплектовать госпитальные школы приличными учениками. И, отправив письмо, ждал. Быстрого ответа не последовало. Это должно было успокоить А. И. Черкасова (значит, сразу не отказывают: побаиваются или раздумывают) и позволило повторить свое требование, добавив металла в голосе: "Каково письмо я к Вашему Превосходительству от 22 дня минувшего марта писал, с оного при сем прилагаю копию, — писал он В. Е. Адодурову 22 апреля 1764 года. — Всепокорно Ваше Превосходительство прошу мне на оное поскорее ответствовать. Дело такой важности для пользы обществу не должно терпеть пренебрежено быть"⁸¹.

Требование А. И. Черкасова, по-видимому, застало В. Е. Адодурова врасплох. Об указе от 12 ноября 1763 года он, конечно, знал, но, возможно, не знал об "Инструкции" и об упоминании в ней Московского университета. Ему необходимо было сориентироваться. Он все-таки пребывал в Москве, и дворцовые веяния доходили до него не сразу. Из полученного письма он прежде всего понял, что А. И. Черкасов хочет отодвинуть университет и, следовательно, его "в

⁸⁰ РГАДА. — Ф.344. — Оп.1. — Ч.1. — Кн.3. — Д.142. — Л.181.

⁸¹ Там же. — Л.182.

деле важном для пользы обществу" (читай: состоящим ныне под личным контролем Государыни) на второй план. Такое положение В. Е. Адодурова вряд ли устраивало, но инициатива была упущена, крыть нечем. И он решил до времени смириться или прикинуться смирившимся. А там, как говорится, что бог даст. "Что я на почтеннейшее Вашего превосходительства письмо от 22 минувшего марта, полученное мною 29, с которого и дубликат при особом письме Вашего Превосходительства получен минувшего апреля 29 чисел, поныне не мог служить должным ответом, — писал В. Е. Адодуров А. И. Черкасову 4 мая 1764 года, — тому единственно причиною только то, что Ваше Превосходительство изволили требовать о студентах из разночинцев, желающих учиться медицине и хирургии, а латинской язык уже достаточно разумеющих, которых бы из здешнего университета для определения в разные генеральные гошпитали в непродолжительном времени отпустить можно было, тогда же охотников к тому из таковых никого не оказывалось, и для того надобно было им изъяснить как общую, так и их собственную в том пользу, и через то в них охоту к тому возбудить, почему и начали некоторые из них у меня являться, показывая свою склонность к медицине, которых по 3 число сего месяца явилось из разночинцев студентов восемь, учеников четырнадцать человек, итого двадцать два человека... да из бедных дворян — студентов двое... ученик из дворян же... — всего и с разночинцами двадцать пять человек. Каким же они сверх латинского языка обучались наукам, о том Вашему Превосходительству с будущей почтою прислан бу-

Василий Евдокимович
Адодуров.

дет обстоятельный реестр"⁸². 10 мая В. Е. Адодуров направил А. И. Черкасову обещанный "Реестр Императорского Московского университета студентам и ученикам казенного содержания, желающим обучаться медицине и хирургии"⁸³.

Двадцать пять человек из тридцати востребованных. Думается, А. И. Черкасов не ожидал такого успеха. Не ожидал настолько, что у него возникло опасение: не пытается ли университет всучить ему некачественный товар. Уж слишком поспешно и безропотно В. Е. Адодуров отдавал свое, за что должен был бы бороться. "Господин барон Аш, — писал А. И. Черкасов 13 мая 1764 года руководителю Московской медицинской конторы, — из приложенной при сем копии с письма Василья Евдокимовича Адодурова ко мне писанного, вы увидите, что в Московском университете нашлось несколько студентов и учеников, которые охотниками объявились медицине и хирургии учиться, для того по получении сего извольте от его превосходительства господина Адодурова потребовать, чтоб их вам в университете показать приказал, и вы увидев их, можете некоторым образом предузнать, которые из них наиспособнейшие быть могут к получению реченных наук с успехом, и о том меня немедленно уведомьте"⁸⁴. П. Аш проверил всех лично, произвел "разведание стороною пристойным образом" и 24 мая 1764 года направил А. И. Черкасову адодуровский список со своими пометами и комментариями⁸⁵. Он признал способными к изучению медикохирургии пятнадцать человек: восьмерых студентов и семерых учеников. Переписка между А. И. Черкасовым и П. Ашем по этому вопросу продолжалась почти до середины июня 1764 года.

⁸² Там же. — Л.183—183об.

⁸³ Там же. — Л.185—189об.

⁸⁴ Там же. — Л.184.

⁸⁵ Список представленным от Его Превосходительства Василия Евдокимовича Адодурова из Московского имп. Университета желающим к определению в медико-хирургическую науку студентам и ученикам/Там же. — Л.191—193об.

Пока А. И. Черкасов и П. Аш обсуждали детали характеристик предложенных В. Е. Адодуровым студентов и учеников, в самом университете произошло событие, сыгравшее важную роль в судьбе медицинского факультета, событие, которое условно можно назвать бунтом профессоров. Собственно бунта в прямом значении этого слова, разумеется, не было. Но ситуация, при которой подчиненные прямо указывают высшему начальству на ошибочность и пагубные последствия уже принятого им решения, для России 60-х годов 18 века по меньшей мере экзквизитная. И хотя на самом деле состоялся лишь обмен бумагами, содержащими достаточно почтительно составленный текст, за вежливыми выражениями чувствуется такой накал страстей, что иначе как бунтом это не назовешь.

Когда по запросу А. И. Черкасова В. Е. Адодуров начал активные поиски тридцати "самоохотно желающих изучать медикохирургию" и не в университете, а в госпитальных школах, профессора, по-видимому, первыми осознали опасность создавшегося прецедента.

"Читано на Конференции в присутствии г. директора и всех членов заявление, составленное с общего согласия, по поводу того, что ордером г. куратора предложено [отослать] в Медицинскую коллегияу 30 студентов, — записано в протоколе Конференции от 8 мая 1764 года. — Ввиду того, что г. директор посоветовал обождать с представлением г. куратору этого [заявления], его копия передана г. директору, оригинал же будет храниться при протоколе"⁸⁶. Таинственно угрожающий тон протокола интригует и вызывает интерес к упоминавшемуся заявлению. Но документ не сохранился, и может быть, поэтому кажется, что составлен он был в ультимативном тоне. Настолько резко и бескомпромиссно, что директор не решился направить его куратору. "Обождите с ультиматумом, — как бы слышится за строка-

⁸⁶ Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. — Т. I. — М., 1960. — С. 287—288.

ми протокола голос директора, — я попробую еще раз снестись с его превосходительством, доложить ваше мнение и истинное положение дел”.

Посылал или не посылал директор университета М. М. Херасков куратору копию профессорского заявления, точно сказать нельзя, хотя о настроении профессоров сообщить был должен. По-видимому, поначалу В. Е. Аодуров не придал особого значения "корабельному бунту" и подтвердил свое распоряжение в достаточно бестактной форме. "Дежурный офицер Гинцель, посланный г. директором к г. куратору за ордером по поводу 25 студентов и гимназистов, которых надлежит отправить в Медицинскую коллегия на основании одного лишь словесного распоряжения и записки без подписи, бывшей, как говорят, от его превосходительства г. куратора, — читаем мы в протоколе Конференции от 22 мая 1764 года, — названный офицер донес, что его превосходительством был повторен на словах тот же самый приказ об их отправлении". Но директор и профессора продолжали упорствовать. Они заявили, что в случае выполнения распоряжения куратора:

"1. Не будет никакой возможности провести экзамены в высших классах, так как лучших учеников в них не станет.

2. Не будет возможности провести производство в студенты". Кроме того, исчезает "надежда, которую мы возымели несколько лет назад об обеспечении высших факультетов студентами", а "университет и профессора в силу этого снова станут подвергаться упрекам, столь несправедливым, сколь необоснованным, будто они не готовят вовсе студентов, и это после того, как у них отнимали уже несколько раз студентов точно таким же образом. Представляя об этих затруднениях, Конференция стремилась только защитить университет от упреков, которые могут быть сделаны в будущем"⁸⁷.

Подвергаться упрекам... Если говорить о профессорах, то в нескольких сохранившихся протоколах заседаний Конфе-

⁸⁷ Там же. — С.289—290.

ренции видны их следы. Мы говорим "следы", потому что конкретное содержание этих упреков и форма, в которой они были высказаны, от нас скрыты: соответствующие ордера куратора не сохранились. Но судя по ответам, можно предположить, что профессоров упрекали в медлительности и недостаточной эффективности обучения. Профессора с негодованием отвергали обвинения, угрожали отставкой⁸⁸ и в свою очередь упрекали руководство Университета, что оно потворствует "преждевременному выходу" гимназистов и студентов из университета, что "препятствует его преуспеянию"⁸⁹. Действительно, протоколы заседаний Конференции буквально пестрят сообщениями о "преждевременном выходе" с выдачей "выходившим" аттестатов. Конференцию такое положение особенно беспокоило. "1. Конференция, — заявляли профессора 2 июня 1759 года, — постановила донести вашему превосходительству о том, что, поскольку каждый ученик может выйти из университета, когда ему вздумается, а университет вынужден записывать [всех] молодых дворян, являющихся с требуемым паспортом, — то отсюда следует, что большая часть поступает только до срока, означенного в паспорте, и остается лишь на малое время для сокрытия своей отлучки с царской службы.

⁸⁸ "1. По прочтении во всеуслышание ордера его превосходительства г. куратора, — читаем мы в протоколе от 2 сентября 1759 года, — конференция сочла своим долгом ответить; 2. что никто из профессоров не признает за собой вины, навлекшей нареkania, и если они чувствуют себя задетыми, то лишь постольку, поскольку им известно, что подобных нареkanий они отнюдь не заслужили; 3. что, если успехи сказываются не столь быстро, как это могло бы быть, то не они тому виною, а более всего недостаток желания и знаний у тех, кто посещает их лекции; 4. что если только его превосходительство соизволит назвать по отдельности тех, кто подразумевается в его обвинении, таковые тотчас же удалятся со всею почтительностью и покорностью, с какой обязаны и всегда будут относиться к его повелениям"//Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. — Т.1. — М., 1960. — С.154.

⁸⁹ Там же. — С.125.

2. Что успехи такого рода лиц не могут быть очень значительными, коль скоро они поступают только с целью утаить свое нежелание [служить].

3. Поскольку же эти ученики по выходе из университета не могут принести ему ничего, кроме бесчестия, вследствие своего глубокого невежества, то было бы весьма желательно, чтоб он [университет] мог принимать какие-либо меры против такого неподобающего [положения]⁹⁰.

Упреки, конечно, раздавались и в адрес университета: досрочно получившие аттестат зачастую не блистали образованностью, университет существовал, но его "высшие" факультеты как бы бездействовали. И, может быть, отголосками этих упреков были указ Екатерины II от 29 ноября 1763 года о ежегодном представлении куратором университета "Репорта о успехах, понятии, прилежании и поступках обучающихся в Университете учеников и студентов"⁹¹, запрос императрицы "об улучшении состояния университета" и тому подобное. Екатерину II положение дел в Московском университете явно не удовлетворяло. И эта неудовлетворенность, во многом справедливая, формировалась главным образом под влиянием "докладов" приближенных. Не исключено, что к числу их принадлежал и барон А. И. Черкасов. У него в этом деле были свои интересы.

У медицинской коллегии были свои интересы. Аналогичные в ближайшее время могли возникнуть и у других ведомств. Профессора это понимали. Потому и писали не о медицинском факультете, а о "высших" факультетах в целом, потому так четко обозначали конечную цель своего за-

⁹⁰ Там же. — С.150—151.

⁹¹ Первый такой рапорт был подан в 1764 году. Он состоял из двух частей: записки — направления со ссылкой на указ и "ведомости", содержащей фамилии всех студентов и учащихся гимназии, время их поступления, перечень предметов, которые изучал каждый из них в отчетном году, оценку "успехов, понятия, прилежания и поступков". Такие рапорты направлялись Екатерине II до 1768 года//РГАДА. — Ф.17. — Оп.1. — Д.41.

явления: защитить университет... В документе поражает жесткость формулировок при внешней вежливости тона и недвусмысленность обвинения куратора в вольном или невольном участии в разрушении еще неокрепшего университета. При систематическом откомандировании хорошо подготовленных ("лучших") и "желающих обучаться медикохирургии" студентов и учеников в распоряжение Медицинской коллегии, читается между строк протокола, медицинский факультет никогда не сможет начать обучение по медицине или будет готовить таких, которые "кроме бесчестия" университету ничего не принесут, так что этот факультет для подготовки российских врачей может и не потребоваться. Что же касается университета в целом, то он может быть низведен до положения "общеобразовательного придатка" госпитальных школ.

Профессора не преувеличивали опасности. Хотя по документам в Московском университете в 1764 году обучалось 48 казеннокоштных и своекоштных студентов⁹², "высшими" науками (праву у Ф. Г. Дильтея, минералогии и металлургической химии у И. Х. Керштенса) занимались лишь восемь⁹³. Студентов "высшим" факультетам не хватало и в дальнейшем. Не случайно И. И. Шувалов в 1783 году, направляя проект университетского устава, писал о необходимости предоставления студентам льгот с тем, чтобы стимулировать их интерес к обучению на "высших" факультетах: "Одобрение необходимо надлежит избрать для студентов, ибо труднее их достать в Университет, нежели профессоров". И с горечью отмечал: "...противно совсем состояние других Европейских Университетов, где великое число уча-

⁹² См.: "Ведомость Императорского Московского Университета о Студентах казенного содержания 1764 года" и "Ведомость Императорского Московского Университета о Студентах, которые за неимением вакансий состоят на казенном ученическом содержании, и о Студентах на своем содержании обучающиеся, 1764 года"/РГАДА. — Ф.17. — Оп.1. — Д.41. — Л.1—8об., 9—15об.

⁹³ Турубинер Л. А. Цит. соч. — Т.2. — Приложение 9.

щихся за свои деньги училища наполняют, а здесь и на казенное содержание с трудом сыскать можно, ибо и без наук разные пути к своему счастью находят"⁹⁴. Без науки находили пути к счастью не потому, что сознавали: от многого знания — многие печали. Этой мудрости познать не могли: "многих знаний" не имели. В стране не было еще создано системы просвещения, национальная интеллигенция только начала формироваться, а это значит, что стремления к знанию, культуре, образованности в обществе еще не могли проявиться в полной мере. Образование насаждалось сверху, и каждый желающий учиться был буквально на вес золота. Остальных набирали зачастую "с бору по сосенке", абы были рекрутскими наборами, обещаниями будущих благ. Откуда в этих условиях получить нужное число студентов, в особенности для длительного обучения...

Возможно, профессорский демарш подействовал на В. Е. Адогурова, и он принял меры к тому, чтобы не отдавать лучших студентов и учеников Медицинской коллегии: возможно, возникли какие-то способствующие этому обстоятельства — установить не удалось, но студенты и ученики были сохранены. Во всяком случае из 15 человек, отобранных П. Ашем, 12 обнаруживаются в документах университета за 1765—1767 годы. Так что летом 1764 года профессора торжествовали победу.

* *
*

Хотя основное условие для организации подготовки медиков было выполнено — студентов факультет получил, — дел еще оставалось много. Предстояло заполнить штаты преподавателей, построить анатомический театр, закупить медицинскую, главным образом учебную, литературу, анатомические и хирургические инструменты. Конечно, все

⁹⁴ Турубинер Л. А. Цит. соч. — Т.1. — С.41.

это следовало бы сделать раньше, университет существовал уже девять лет, и к обучению медиков нужно было готовиться. Да и медицинский факультет не был беспризорным: пусть один, но профессор там имелся. Правда, бросить за это камень в И. Х. Керштенса было бы несправедливо. Преподавание химии и минералогии в материально-техническом отношении было обеспечено, а остальное — не его дело, остальное — дело начальства. Начальство же российское, как известно, не торопится, ждет, пока гром грянет... Да и причина была — финансовые трудности. В самом деле: нет студентов — зачем профессора? Нет студентов — зачем книги, зачем инструменты? Только перевод деньгам. Вот и получилось: студенты появились, а дел скопилось невпроворот. И все неотложные.

Но был один важнейший вопрос, решение которого не требовало затрат: чему нужно обучать медиков? Похоже, что этот вопрос занимал университетскую профессуру. И решение его, хотя и медленно, продвигалось вперед.

"Проект о Учреждении Московского университета", подтвержденный указом Елизаветы Петровны 12 января 1755 года, был составлен наспех и содержал немало дефектов, но, что самое главное, предусмотренная им программа обучения не соответствовала европейской традиции университетского медицинского образования. Это не осталось незамеченным. И профессора Московского университета сделали все от них зависящее, чтобы привести программу обучения на медицинском факультете в соответствие с европейскими стандартами.

Конференция занималась составлением университетского регламента несколько лет⁹⁵, но, по-видимому, у профессоров не было единого мнения в отношении перечня предметов преподавания на медицинском факультете. Во вся-

⁹⁵ Обсуждение Регламента началось 4 ноября 1760 года//Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. — Т.1. — М., 1960. — С.179.

ком случае известны два документа, ревизующих "Проект о Учреждении Московского университета" и представленных в кабинет Екатерины II в середине 60-х годов 18 века. В каждом из них содержится свой перечень предметов преподавания на медицинском факультете. Первый, так называемый проект Дильтея⁹⁶, посвящен созданию в России целостной системы народного образования, поэтому в нем рассматривались вопросы "устройства" не только университетов, но также средних и низших учебных заведений. В отношении медицинского факультета проект Дильтея предусматривал введение трех профессорских должностей и следующее распределение читаемых на факультете курсов: "1) Анатомия и хирургия, 2) Химия и материя медицинская, 3) Ботаника и фармацевтика"⁹⁷. Второй — "Мнение об учреждении и содержании Императорского Университета и гимназий в Москве" — составлен группой университетских профессоров по запросу Екатерины II "Об улучшении состояния университета". "В Медицинском факультете, — писали императрице профессора, — иметь быть три Ordinарных Профессора, из которых первый обучать имеет практической медицине и химии, второй анатомии и хирургии, третий теоретической медицине и ботанике"⁹⁸.

Хотя упомянутые документы относятся к середине 60-х годов, ревизия "Проекта о Учреждении Московского Университета" в части внесения изменений в перечень предметов преподавания на медицинском факультете реально начала осуществляться с 1758 года и практически завершилась к 1765 году. Изменения вносились, по-видимому, решения-

⁹⁶ Подробно о проекте Дильтея см.: Рождественский С. В. Очерки по истории системы просвещения в России XVIII—XIX веков. — СПб., 1912. — С.456—473; Сточик А. М., Пальцев М. А., Затравкин С. Н. Из истории медицинского факультета Московского университета//Вестник РАМН. — 1995. — № 8. — С.65.

⁹⁷ Рождественский С. В. Цит. соч. — С.469.

⁹⁸ Чтение в Обществе истории и древностей российских. — 1875. — Кн.1. — С.190.

Въ высочайшій Кабинетъ Ея Императорскаго Величества
Императорскаго Московскаго Университета отъ Про-
фессоровъ

Почтеннѣйшій Репортъ

Ея Императорскаго Величества высочайшее повелѣніе
о сочиненіи нами поному Императорскаго Московскаго уни-
верситета покоренію и содѣланію штатна, объявленное нами
письменно отъ Его Пресвѣдѣтельнаго Тайнаго Свѣтлина
Сенатора и Оудна саятаго Александра Кашлера Адама Ва-
сильевича Олуфьева, отъ 29. Ян. минушаго Ноября итмже
имѣли шастіе мѣ получить вчерашняго числа; и изъ того уа-
ставля со вѣрующаго благодарностію всемілостивѣйше
Ея Императорскаго Величества намъ пообще, по урѣдѣнію уни-
верситета намъ и по особности нѣ намъ веподданнѣйшихъ
ребамъ благоволеніе, крѣзъ сіе имѣемъ вестъ довести, что для
надлежащаго по оному исполненія покореню мѣжду нами бытъ
ежедневный собраніи, почему мы пономѣ угодимъ въ состоя-
ніи бытъ помянутой штатѣ въ предписанное оныи повелѣніе
тѣхнедѣльное время сочинитъ, и для поднесенія Ея Император-
скому Величеству оной Его Пресвѣдѣтельному Тайному Свѣ-
тлинну Сенатору и Оудна саятаго Александра Кашлеру Адаму
Васильевичу Олуфьеву представитъ.

Доидеръ и Профессоръ Логанъ Христианъ Герштенъ.

Профессоръ Антонъ Барсовъ

Каллевинои Свѣтлинъ и Профессоръ Иванъ ростъ
Профессоръ Логанъ Тотъ Фридрихъ Рейхъ
Профессоръ и Овокъ дивжаліи Викторъ Юлианъ Матвей Шазенъ
Профессоръ Карлъ Генрихъ Ангелъ
Доиторъ и Профессоръ Логанъ Фридрихъ Эрнстъ

Аннблв. 9. Дня
1765 года.

Рапорт профессоров Московского университета о начале работы над составлением проекта университетского устава (1765).

ми Университетской конференции и находили отражение в "Реэстрах..." или "Объявлениях о публичных лекциях, преподаваемых в Императорском Московском Университете". Первая попытка внести такие изменения относится к 1758 году: И. Х. Керштенс, как уже упоминалось, в течение двух лет "для предуготовления тех, кои медицине обучаться желают" на медицинском факультете читал курс теоретической и экспериментальной физики. Следующие изменения относятся к 1759—1764 годам: в "Реэстре" за 1759 год И. Х. Керштенс фигурирует уже не как "Химии и Минералогии Профессор" (что соответствовало хотя бы заключенному с ним контракту), а как "Медицины, Химии и Минералогии Профессор", за 1760—1764 годы — как "Медицины Доктор и Профессор", за 1764/1765 учебный год — как "Практики и Химии Профессор"⁹⁹. Суть метаморфоз, происходивших с университетским статусом И. Х. Керштенса, по-видимому, состояла в том, чтобы постепенно ввести профессорский курс практической медицины и химии, как это было во многих европейских университетах. Вероятнее всего, эти, как впрочем и последующие, изменения в программе обучения на медицинском факультете вводились по инициативе самого И. Х. Керштенса. Больше инициативу проявить было некому, на факультете он был единственным профессором.

Известны и другие факты, свидетельствующие о стремлении И. Х. Керштенса сделать все возможное, чтобы программа обучения на медицинском факультете Московского университета хотя бы формально соответствовала европейским стандартам. Так что вряд ли был объективен В. В. Марковников, когда характеризовал И. Х. Керштенса как "просто наемника, исполнявшего только то, к чему его обязывал контракт"¹⁰⁰. Наверняка И. Х. Керштенс был строптив и

⁹⁹ Исторический вестник Московской медицинской академии им. И. М. Сеченова. — Т. IV. — 1995. — С. 98—100.

¹⁰⁰ Марковников В. В. Исторический обзор химии в Московском университете. — М., 1901. — С. 25.

заносчив, подобно многим иноземным профессорам и врачам, относился с недоверием к способности России и русских в короткий срок преодолеть имевшееся культурное отставание. Но как бы это ни задевало наши национальные чувства, не следует забывать, что с И. Х. Керштенса в Московском университете началось не только преподавание химии, но и "врачебных" наук.

"Г. директор предложил на Конференции, — читаем мы в протоколе заседания Университетской конференции от 7 августа 1764 года, — г. профессору Керштенсу приступить к преподаванию медицины, он обещал сообщить свое мнение по этому поводу через неделю"¹⁰¹. Сейчас трудно сказать, что имел в виду директор университета М. М. Херасков под достаточно загадочным выражением "приступить к преподаванию медицины". Может быть, речь шла о преподавании практической медицины, может быть, И. Х. Керштенсу просто предлагалось прекратить занятия по горному делу и металлургии и приступить к чтению любого курса из "врачебных" наук. Вероятнее всего, второе, потому что, дав согласие, он объявил о преподавании с осени 1764 года «...materiem medicam... и соблюдения правил здоровья, как это предписывает Цельс в первой книге (труда) "О медицине"»¹⁰².

Следующим серьезным изменением программы обучения на медицинском факультете стало формирование профессорского курса анатомии и хирургии: в августе 1764 года И. Ф. Эразмусу была предложена соответствующая профессорская должность. Наконец, в "Объявлении о публичных лекциях, преподаваемых в Императорском Московском университете от 1 августа 1765 по 26 июня 1766 года" фигурируют четыре профессорских курса (практики и химии;

¹⁰¹Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. — Т.1. — М., 1960. — С.292.

¹⁰²Исторический вестник Московской медицинской академии им. И. М. Сеченова. — Т.IV. — 1995. — С.100.

анатомии, хирургии и повивального искусства; теоретической медицины; ботаники)¹⁰³, перечень и содержание которых соответствуют европейской традиции университетского медицинского образования. Этот перечень мы уже встречали в "Мнении об учреждении и содержании Императорского университета и гимназий в Москве", и, следовательно, "Мнение" в части, относящейся к медицинскому факультету, не содержало новых предложений, а лишь констатировало факт ревизии "Проекта о Учреждении Московского университета", ревизии, уже внедренной в учебный процесс. Профессорам хотелось получить санкцию на изменения перечня предметов преподавания, но они ее не получили: официального ответа на посланный ими документ не последовало.

Тем не менее вопрос о приведении программы обучения медиков в соответствие с европейскими стандартами, во всяком случае по перечню предметов преподавания, был, хотя и явочным порядком, но решен. Но для вновь организуемых курсов были нужны профессора. И этот вопрос решался сложнее.

* *
*
* *

Примерно в то же время, как И. Х. Керштенсу было поручено приступить к преподаванию медицины, В. Е. Адодуров вел переговоры с И. Ф. Эразмусом, которому предлагалась должность профессора анатомии и хирургии. Судя по письму И. Ф. Эразмуса в Медицинскую коллегию от 16 августа 1764 года, переговоры с ним завершились 14 августа 1764 года. В протоколе заседаний Университетской конференции от 17 августа 1764 года о приглашении И. Ф. Эразмуса говорится как о свершившемся факте¹⁰⁴. Однако на деле все оказалось сложнее.

¹⁰³Там же. — С.100—101.

¹⁰⁴Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. — Т.1. — М., 1960. — С.293.

С 1757 года И. Ф. Эразмус состоял профессором Повивальной школы в Москве и, следовательно, находился в подчинении Московской медицинской конторы. Имея в виду совмещение двух профессорских должностей, он, однако, не стал согласовывать этот вопрос с руководством Московской медицинской конторы, а лишь поставил в известность о принятом им решении президента Медицинской коллегии А. И. Черкасова. Письмо И. Ф. Эразмуса даже по нынешним временам звучит нагло: "Я же не могу высокоучрежденной Медицинской коллегии сим не донести, что я представленную мне пред недавним временем от здешнего Университета должность профессора анатомии, хирургии и бабичьего искусства на себя принял третьего дни, — информировал И. Ф. Эразмус А. И. Черкасова, — которую должность на себя принять тем меньше усумнился, что рассудил, что мне можно ее весьма способно отправлять и с прежнею моею должностию, ибо назначенные к лекциям часы не токмо разные, но сие профессорское место мне и подает случай учинить больше мое знание в бабичьем искусстве анатомическим разобраньем большого числа тел, и случаев, даваемых студентам в бабичьем искусстве наставление, да употреблением находящихся в университетской библиотеке изрядных книг: и тем могу себя учинить больше и больше удобным к тому, что касается к славе высокоучрежденной Медицинской коллегии и к моей собственной, и к оказыванию полезных услуг всему Российскому государству"¹⁰⁵.

Может быть, А. И. Черкасова возмутило дерзкое поведение его подчиненного, а может, он решил использовать бесцеремонность И. Ф. Эразмуса, чтобы взять реванш за "отбитых" у него студентов, точно сказать трудно. Хотя, конечно, второе вероятнее: с подчиненным можно было разобратся всегда. Толк в придворных интригах он знал и понимал, что назначение И. Ф. Эразмуса для университета

¹⁰⁵РГАДА. — Ф.344. — Оп.1. — Ч.1. — Кн.5. — Д.275. — Л.342—343об.

дело срочное. Не получив разрешения Медицинской коллегии, университет не сможет заключить с И. Ф. Эразмусом контракт, выплачивать ему жалованье, а без жалованья никто работать не станет. И университет начать в этом году подготовку медиков не сможет. А там уже можно посетовать матушке-императрице: "Вот, Адодуров-то и сам дела наладить не может, и другим, кто со рвением указы выполнять стремится, палки в колеса вставляет. Ну, истинно, собака на сене!". Глянь, и студентов вернуть удастся, и противника посрамить...

Наверное, В. Е. Адодуров такое развитие событий предвидел или, во всяком случае, не исключал, потому что, не дождавшись ответа А. И. Черкасова на письмо И. Ф. Эразмуса, за два месяца направил президенту Медицинской коллегии, по данным Я. Чистовича, пять писем. Амбиции в карман убрал, вежливо просил, даже подобострастно, или, во всяком случае, как младший старшего, хотя по положению был равным: "Прошедшего октября 11 и 21 и ноября 22 чисел имел я честь писать до Вашего превосходительства с просьбою о уведомлении меня, может ли господину доктору Эразмусу, как состоящему в ведомстве Медицинской коллегии, от Вашего превосходительства дозволено быть, чтобы он при нынешней своей должности мог на себя принять и при Университете профессию анатомии и хирургии. И хотя я себя и ласкал, что Ваше превосходительство по склонности Вашей к распространению в здешней империи полезных наук, меня в том без ответа оставить не изволите, почему и каталог университетских лекций по сие время публикованием в народ удержат принужден был, в уповании в том, что с дозволения Вашего и реченного Эразмуса профессором анатомии и хирургии принять и в свой каталог вместе с прочими университетскими профессорами под тем названием включить можно будет. Но как и поныне на то не получил никакого уведомления, то чрез сие осмеливаюсь Ваше превосходительство утруждать моею просьбою, чтобы меня приказать уведомить, может ли оный господин

Эразмус в число здешнего Университета профессоров быть принят или нет"¹⁰⁶. Но тон письма не должен нас обманывать. Свою интригу В. Е. Адодуров вел и, продолжая "ласкать себя" надеждой, что барон не оставит его просьбу без удовлетворения, он одновременно позаботился о том, чтобы И. Ф. Эразмус как можно скорее приступил к работе в университете. В сентябре 1764 года единоличным решением допустил его к исполнению профессорских обязанностей, ввел в состав Университетской конференции, разрешил прочитать пробную лекцию, опубликовать в "Московских ведомостях" объявление, чтоб в университет явились мастера, желающие сделать "столярною работою анатомический театр...". В "Объявление о публичных лекциях..." на 1764/1765 учебный год курс И. Ф. Эразмуса не включил и в штат его не зачислил — зачем гусей дразнить. Но работать И. Ф. Эразмус начал, и этого было более, чем достаточно.

Видимо, А. И. Черкасов узнал, что И. Ф. Эразмус фактически работает в университете, а может быть, счел, что выдержал достаточную паузу, но 2 декабря 1764 года ответил на третье письмо В. Е. Адодурова. Приведя адресату полностью послание И. Ф. Эразмуса на немецком языке, А. И. Черкасов писал: "Из сего Ваше превосходительство изволите видеть, что он (Эразмус) на третий день по принятии предложенного ему от университета профессорства анатомии, хирургии и повивального дела о том токмо коллегия уже уведомял, а не просил от оной позволения; когда же он думал, что может в другой команде службою обязаться не спросясь с тем местом, от которого зависит, то не вижу, чтобы Медицинской коллегии нужно было не токмо ему теперь позволить на то, что уже без ее позволения сделал, но ниже о том знать. Я буду радоваться, ежели Ваше превосходительство будете довольны исправностью его (Эразмуса) в порученном ему от университета деле, а притом постараюсь, чтобы он не упустительно исправлял должность,

¹⁰⁶ Там же. — Л.347.

порученную ему от Медицинской коллегии, за что он и не малое жалованье получает. Опасаюсь, однако, чтобы ему не быть в случае собаки, за многими зайцами вдруг гонящейся, несмотря на сходство профессий, упоминаемое в письме Вашего Превосходительства от 11 дня октября. Простите мне, что давно о сем Вашему превосходительству не писал: о неприятной материи и писать не охотно"¹⁰⁷.

Даже в обращении к человеку своего круга А. И. Черкасову не удастся скрыть ни раздражения, ни разочарования. Слышатся даже угрозы, облеченные, правда, в форму предостережения. Небрежное объяснение, почему не отвечал на предыдущие письма. Но самое главное: о согласии Медицинской коллегии на совмещение И. Ф. Эразмусом двух профессорских должностей прямо ничего не говорится. В. Е. Адодурову как бы давался шанс отказаться от своего предприятия. Причем А. И. Черкасов и его сотрудники были убеждены, что В. Е. Адодуров отступится. Даже дело завели под названием "Письмо от г. Президента барона А. И. Черкасова к Московскому университетскому куратору Адодурову, что он г-н Президент не согласен доктору Эразмусу дать позволение читать в университете профессию анатомии и хирургии".

Руководство же университета решило истолковать письмо президента Медицинской коллегии как косвенное согласие и на этой основе довести дело до конца. В адрес Медицинской коллегии направляется официальная промемория. От прежнего "искательного" тона писем к А. И. Черкасову не остается и следа: "...в канцелярии Императорского Московского университета определено: В Государственную Медицинскую Коллегию послать промеморию и требовать, чтобы она коллегия с определением одного доктора Эразмуса в университет профессором анатомии и хирургии, содержанием им притом под введением Медицинской коллегии при повивальном искусстве, докторского места собла-

¹⁰⁷Там же. — Л.346—346об.

говорила объявить свое согласие"¹⁰⁸. Согласие Медицинской коллегии последовало 24 февраля 1765 года. В нем, правда, звучали и угрожающие нотки ("...но с тем, чтобы по должности его при повивальном деле и прочем, что Коллегия заблагорассудит ему приказать ни малейшего в чем упущения не было и в том от медицинской конторы иметь должное за ним смотрение")¹⁰⁹, но на угрозы никто внимания не обратил, и в марте по распоряжению В. Е. Адодурова с И. Ф. Эразмусом был заключен контракт "с того числа, как он при университете начал читать лекции"¹¹⁰. И, следовательно, контракт оформлялся задним числом.

Точная дата начала преподавания курса анатомии и хирургии в Московском университете не установлена. Контракт с И. Ф. Эразмусом не сохранился, в "Объявление о публичных лекциях..." его курс попал только с 1765/1766 учебного года¹¹¹. И хотя причиной этого, вероятнее всего, послужила затянувшаяся тяжба с Медицинской коллегией, некоторые историки относят начало педагогической деятельности И. Ф. Эразмуса в Московском университете к 1765 году. С такой точкой зрения нельзя согласиться, и документальным опровержением ее служит "Доношение о состоянии Московского университета и двух при нем гимназий", поданное куратором университета Екатерине II в 1776 году: "По проекту и штату хотя и положен профессор анатомии, но оно и потребного к сим лекциям анатомического театра до

¹⁰⁸РГАДА. — Ф.344. — Оп.1. — Кн.6. — Д.51. — Л.456.

¹⁰⁹Там же. — Л.487.

¹¹⁰Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. — Т.2. — М., 1962. — С.5.

¹¹¹И. Д. Страшун (175 лет//175 лет Первого Московского государственного медицинского института. — М., 1940. — С.6) и Д. М. Российский (200 лет медицинского факультета Московского университета I Московского медицинского института. — М., 1955. — С.29) сообщают, что в "Реестре публичных лекций..." за 1764/1765 учебный год упоминается курс И. Ф. Эразмуса. Ссылки на источник при этом не дается. В известном нам и другим авторам опубликованном варианте "Реестра..." за 1764/1765 учебный год курс И. Ф. Эразмуса не упоминается.

1764 года не было, а в этом году куратором Ададуровым принят и содержится профессор анатомии и учрежден анатомический театр¹¹². Другое дело, что ни в 1764/1765, ни в 1765/1766 учебных годах преподавания анатомии должным образом организовать не удалось, и, видимо, поэтому этот курс не сразу попал в "Репорта о успехах, понятии, прилежании и поступках обучающихся в Университете учеников и студентов", направлявшиеся ежегодно в кабинет Екатерины II. Обращая на это внимание, Л. А. Турубинер справедливо отмечает, что по "Репортам..." можно более объективно, чем по "Объявлениям о публичных лекциях...", судить о том, какие предметы реально преподавались в истекшем учебном году. В отличие от "Объявления...", "Репорта.." отражали не планируемое, а осуществленное¹¹³. Но в то же время "Репорта..." составлялись по итогам испытаний, которые в первые годы проводились не по всем предметам преподавания.

С приходом в Московский университет И. Ф. Эразмуса связано еще одно событие. В августе 1764 года к В. Е. Адодурову с просьбой о переводе в Московский университет на должность прозектора при анатомическом театре обратился выпускник Московской госпитальной школы Ф. Ф. Керестури. Куратор не возражал и 24 августа сообщил об этом в письме А. И. Черкасову¹¹⁴. Последний ответил незамедлительно: переход Ф. Ф. Керестури в Московский университет возможен лишь в случае увольнения его со службы в ведомстве Медицинской коллегии. Процедура увольнения "по болезни" заняла около 3 месяцев. Вскоре после получения соответствующего свидетельства, в январе 1765 года, Ф. Ф. Керестури был принят в университет прозектором при профессоре И. Ф. Эразмусе¹¹⁵.

¹¹²Российский Д. М. Цит. соч. — С.27.

¹¹³Турубинер Л. А. Цит. соч. — Т.1. — С.54.

¹¹⁴РГАДА. — Ф.344. — Оп.1. — Ч.1. — Кн.11. — Д.12. — Л.174—174об.

¹¹⁵Молнар Л. В. Венгерский ученый Ф. Ф. Керестури (1738—1811) в Московском университете//Вестник Московского университета. — Сер.8. — 1994. — № 6. — С.64.

Кто рекомендовал Ф. Ф. Керестури в университет, точно не установлено. Л. В. Молнар считает, что Ф. Ф. Керестури "во многом помог... его покровитель, куратор университета В. Е. Адодуров"¹¹⁶. Документов, подтверждающих личное знакомство и факты "покровительства" В. Е. Адодурова в отношении Ф. Ф. Керестури, не обнаружено. Вместе с тем Я. Чистович сообщает, что Ф. Ф. Керестури обращался к В. Е. Адодурову с просьбой помочь ему "поступить в Московский медицинский факультет прозектором"¹¹⁷. Известно, что В. Е. Адодуров отнесся благосклонно к идее перехода Ф. Ф. Керестури в университет. "Благосклонность" А. Е. Адодурова могла быть связана с рекомендациями И. Ф. Эразмуса. На эту мысль наводит совпадение дат приглашения И. Ф. Эразмуса в университет и обращения Ф. Ф. Керестури к В. Е. Адодурову. Ф. Ф. Керестури проработал в университете почти 40 лет, стал ординарным профессором анатомии и хирургии, одним из самых популярных в Москве частнопрактикующих врачей.

По-видимому, И. Ф. Эразмус еще в 60-х годах смог разглядеть в нем способного человека и пригласил его к себе в помощники.

Деятельность И. Ф. Эразмуса в Московском университете оценивается исследователями в основном негативно. Л. А. Турубинер, например, сообщает, что до прихода в Московский университет у И. Ф. Эразмуса сложилась устойчивая "репутация: хорошего практического врача и небрежного, даже недобросовестного преподавателя". "У нас нет оснований думать, — продолжает Л. А. Турубинер, — что Эразмус с большим рвением относился к своим занятиям со студентами в университете"¹¹⁸. Тем не менее известны факты, свидетельствующие о его попытках, хотя и не всегда успешных, наладить преподавание своего предмета на достаточно высоком уровне.

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ Чистович Я. Цит. соч. — С. CLXXV.

¹¹⁸ Турубинер Л. А. Цит. соч. — Т. I. — С. 124—126.

Вскоре после того, как под руководством И. Ф. Эразмуса было закончено строительство анатомического театра, 23 марта 1765 года Конференция рассмотрела и постановила "исполнить" просьбу И. Ф. Эразмуса о переводе с немецкого на латинский язык анатомических таблиц А. Шааршмидта¹¹⁹. И хотя переводчиком, причем по личной инициативе, был назначен И. Ю. Рост, переводом и подготовкой рукописи к печати пришлось заниматься самому И. Ф. Эразмусу. И при этом он не только перевел, но и, если можно так выразиться, сконструировал новое издание. Не случайно немецкие биографические словари наряду с А. Шааршмидтом называют И. Ф. Эразмуса автором московского издания (1767)¹²⁰.

Работа по переводу и изданию таблиц А. Шааршмидта требовала времени, а учебники, руководства, так же как хирургические и анатомические инструменты, были необходимы немедленно — студенты, зачисленные на факультет, уже приступили к изучению медицинских дисциплин. И вновь И. Ф. Эразмус сам берется за решение этих вопросов. "Недостаток в медицинских книгах, равно как и в хирургических и анатомических инструментах, — заявил он на заседании Университетской конференции 11 июня 1765 года, — больше всего препятствует увеличению числа студентов медицинского факультета" и предложил свои услуги по их закупке через иностранных профессоров и доставке в Россию. По его мнению, это был самый быстрый и дешевый способ приобрести необходимые учебные пособия и оборудование. Указание куратора о выдаче И. Ф. Эразмусу требуемой суммы было получено лишь спустя полтора месяца (27 июля) и только после повторного обращения И. Ф. Эразмуса¹²¹.

¹¹⁹Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. — Т.2. — М., 1962. — С.79.

¹²⁰Biographisches Lexikon der hervorragenden Arzte aller Zeiten und Völker. — 2 eb. — Berlin, Wien. — Bd 5. — S.47.

¹²¹Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. — Т.2. — М., 1962. — С.148.

Однако вскоре куратор изменил свое решение и поручил осуществить закупку заказанной профессорами медицинского факультета литературы книготорговцу Х. Л. Веверу. Казалось бы, вопрос решается, найден другой исполнитель — чего еще можно желать? Но И. Ф. Эразмус счел это решение ошибочным и, по-видимому, не мог в такой ситуации молчать. "На выписывание же книг через Вевера, — собственноручно записал И. Ф. Эразмус в протокол заседания Конференции от 20 августа 1765 года, — я никакой веры не имею, а также опасуюсь, что это будет сопряжено с обманом и ущербом для студентов, [ибо] он до сих пор не выдал книг, которые должен был выписать еще год тому назад. Время пропадет, а на благо студентов внимание не обращается, и если они не обнаруживают никакого успеха из-за отсутствия книг, то вину легко свалить на профессоров. Чужую же вину принять на себя ни один честный человек не согласится"¹²². Справедливости ради необходимо отметить, что в другом, не менее важном вопросе о приобретении инструментов здравый смысл уступил амбициям, и И. Ф. Эразмус заявил о своем отказе принимать участие в закупке столь необходимого для анатомического театра оборудования. Университетская конференция полностью поддержала мнение И. Ф. Эразмуса в отношении Х. Л. Вевера и, как показали дальнейшие события, совершенно справедливо. Доставленные им в январе 1766 года книги либо не соответствовали тому, что заказывали профессора, либо были закуплены в недостаточном количестве. "В самом деле, — записано в протоколе от 18 февраля 1766 года, — вместо тридцати экземпляров, которые профессора требовали для своих слушателей, поступило только пять. Остальные книги, которые они тогда же требовали, отсутствовали совсем, и вместо них были другие, конечно, полезные, но сейчас не столь необходимые..."¹²³. Судя по неодно-

¹²²Там же. — С.164—165.

¹²³Там же. — С.232—234.

кратным обращениям И. Ф. Эразмуса к руководителям университета с просьбами обеспечить доставку в анатомический театр трупов, этот вопрос также встречал серьезные препятствия или не решался вовсе. И тем не менее И. Ф. Эразмус вновь и вновь обращался через Университетскую конференцию к куратору.

Наверняка И. Ф. Эразмус предполагал, что его профессорство продлится в университете долго. В решении всех вопросов, связанных с обустройством своего курса, он был настойчив и основателен. Но сработаться с руководством не смог. Практически все исследователи пишут о нем как о высокомерном и заносчивом человеке, постоянно создающем конфликты с окружающими. Очередной конфликт и послужил причиной его ухода из университета в 1768 году.

* *
*

Приглашение И. Ф. Эразмуса и Ф. Ф. Керестури не решало всех кадровых проблем медицинского факультета: вместе с И. Х. Керштенсом они обеспечивали преподавание лишь двух профессорских курсов. В соответствии же с замыслом руководства университета и профессоров таких курсов должно быть три. Курс теоретической медицины и ботаники оставался вакантным, и профессора для его преподавания не искали. Видимо, решили поручить его чтение посланным еще в 1759 году за границу П. Д. Вениаминову и С. Г. Зыбелину.

Решение это было достаточно рискованным. Напомним: И. Х. Керштенс был приглашен в Московский университет в 1757 году, докторскую диссертацию защитил в 1749 году и в дальнейшем более семи лет преподавал в Лейпцигском университете, имел в Лейпциге врачебную практику; И. Ф. Эразмус защитил диссертацию в 1747 году и до приглашения в Московский университет семь лет преподавал в Повивальной школе в Москве, имел большой опыт практи-

ческой врачебной деятельности. П. Д. Вениаминов и С. Г. Зыбелин были направлены за границу после окончания философского факультета Московского университета. Им предстояло прослушать полный курс медицинского факультета, защитить докторскую диссертацию, подготовиться к профессуре. Они обучались в Кенигсбергском университете до июня 1763 года. Завершили медицинское образование в Лейденском университете, где в середине 1764 года защитили докторские диссертации. Таким образом, профессию по теоретической медицине и ботанике собирались поручить в буквальном смысле вчерашним студентам. Пусть способным или даже талантливым, но не имевшим опыта ни педагогической, ни врачебной деятельности. Причем каких-либо отзывов об особых успехах П. Д. Вениаминова и С. Г. Зыбелина ни из Кенигсбергского, ни из Лейденского университетов не имелось. Это ли не риск?

Конечно, подобные случаи — после студенчества докторская диссертация, а затем сразу профессура — имели место, и не только в России. Да и риск в известном смысле был оправданным. С. П. Шевырев сообщает, что руководство университета относилось с недоверием к профессорам-иностранцам, считая их временщиками, не заинтересованными в развитии просвещения русского народа: "...видя как непрочны профессуры иностранцы для Университета (В. Е. Адодуров. — *Авт.*), обратил внимание на русских молодых ученых, которые или учились за границей или успевали в Московском университете"¹²⁴. Думается, С. П. Шевырев здесь преувеличивает. Причин для особого недоверия у В. Е. Адодурова не было. Но создавать профессуру "из природных россиян" было нужно. А если нужно, то зачем держать молодых докторов в подмастерьях. Пусть доучиваются в деле. А чтобы уменьшить риск, прежде чем допустить к

¹²⁴Шевырев С. П. История Императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею. — М., 1855. — С.134.

профессорской работе, их нужно хорошенько проверить. В конце концов должность одна, а их двое. Имелся выбор...

Для начала решили провести экспертизу диссертаций. По запросу В. Е. Адодурова диссертации П. Д. Вениаминова и С. Г. Зыбелина были присланы в Москву и направлены на заключение И. Х. Керштенсу. И. Х. Керштенс пытался уклониться от выполнения поручения куратора, но В. Е. Адодуров настаивал. "От профессора и доктора Керштенса, которому докторов Вениаминова и Зыбелина отданы от меня для рассмотрения присланные диссертации, — писал куратор университета в ордере от 3 февраля 1765 года, — требовать, ежели оные им рассмотрены, чтоб с общением своею о них рассуждения, и нет в них каких погрешностей и в чем оные состоят, представил Вам для пересылки ко мне, которое об них известие немедленно и прислать"¹²⁵. Но, несмотря на неоднократные напоминания куратора, И. Х. Керштенс экспертировать диссертации П. Д. Вениаминова и С. Г. Зыбелина не стал. "...Никакого определенного заключения или утверждения об эрудиции названных студентов сделать нельзя, — заявил И. Х. Керштенс на заседании Конференции 2 марта 1765 года, — ибо такого рода диссертации и специальные работы могли быть написаны другими докторами или профессорами от имени студентов, чему имеется немало примеров"¹²⁶. Заявление И. Х. Керштенса комментировалось многими отечественными историками. Все сходятся в одном: оно беспрецедентно и имело целью "бросить подозрительную тень на будущих своих конкурентов"¹²⁷.

Бросить тень на будущих конкурентов... Но если И. Х. Керштенс был настолько самоуверен, что позволил себе бездоказательно предъявить столь серьезные обвинения, то спо-

¹²⁵Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. — Т.2. — М., 1962. — С.40.

¹²⁶Там же. — С.62.

¹²⁷Марковников В. В. Цит. соч. — С.26—27.

собен ли он был увидеть во вчерашних студентах реальных конкурентов? Здесь, возможно, были и другие мотивы. Либо И. Х. Керштенс был непомерно нагл, уверен в своей безнаказанности и к тому же попросту не умен (в конце концов опытный профессор всегда сумеет представить ту или иную работу в невыгодном свете, соблюдая при этом необходимые приличия), либо он что-то знал или по меньшей мере содержание и оформление диссертаций давали основания для серьезных подозрений. Наконец, недоверие у И. Х. Керштенса могло сформироваться в связи со сложившимся негативным отношением к русским студентам и сравнительной непродолжительностью пребывания П. Д. Вениаминова и С. Г. Зыбелина за границей.

В непомерной наглости и глупости И. Х. Керштенса заподозрить трудно. Конечно, ничего особенно выдающегося он собой не представлял, но был достаточно образован, званию и должности своей соответствовал, а покинув Россию в 1770 году, более 30 лет служил ординарным профессором медицины в Кильском университете. Глупого наглеца там вряд ли бы держали: университет был не из последних. В Киле И. Х. Керштенс тоже ничего выдающегося вроде бы не совершил, но в 1772 году был избран членом Кайзеровской академии естественных наук¹²⁸. А в остальном — рядовой профессор, каких много и кого считают наиболее надежными...

Мог ли И. Х. Керштенс что-либо знать о работе и поведении в Лейдене П. Д. Вениаминова и С. Г. Зыбелина, точно сказать нельзя. Но источник информации был. В 1761—1766 годах в Лейденском университете проходили стажировку и готовили докторские диссертации русские лекари — группа из десяти человек, направленная Медицинской канцелярией. Надзор за группой осуществлял тайный советник Гросс, состоявший в приятельских отношениях с Г. Ф. Мил-

¹²⁸Lexikon der jetztlebenden Schleswig-Holsteinischen und Eutinischen Schriftsteller von Berend Kordes. — Schleswig, 1797. — S.186.

Studiosum nobilem Dⁿⁱ Alexand. de Karamy-
 shew, ~~Antilemum~~, superius ingenii juvenem,
 meo sub moderamine Dissertationem de Ne-
 cessitate promovendae historiae naturalis, die 16
 Maji hujus anni, e cattedra Academia Upsal-
 liensis publica, coram frequenti Auditorum
 corona, non modo promulgasse, sed et defendisse
 ha, ut ne verbum addere mihi opus fuerat,
 testor Upsalia 1766
 20 Julii C. Linn. v. Linnae Equ.
 Arch. & Prof. R. Usp.

Свидетельство К. Линнея о защите диссертации А. М. Карамышевым (автограф).

лером, участвовавшим в приглашении И. Х. Керштенса в Московский университет. Не исключено, что Гросс в личных письмах сообщал Г. Ф. Миллеру о занятиях и поведении в Лейдене посланных университетом П. Д. Вениаминова и С. Г. Зыбелина. Это во-первых.

Во-вторых, в отношении русских, приезжавших за казенный счет в европейские университеты для подготовки и защиты докторской диссертации, существовал порядок, при котором один из профессоров университета как бы руководил, точнее — курировал докторанта. Обычно профессор-куратор направлял (или выдавал на руки) отзыв о защищенной диссертации. Известно, что такие отзывы представили М. И. Афонин и А. М. Карамышев, Ф. Г. Политковский и Ф. К. Курика, С. Е. Десницкий и др. «Настоящим я свидетельствую, — писал, например, К. Линней 10 июня 1766 года, — что сего 17 мая благородный русский студент господин Матвей Афонин уверенно защитил в Упсальской

академии [подготовленную] под моим научным руководством диссертацию "О применении естествознания в общественной жизни"¹²⁹ и что он защитил ее при единогласном одобрении и рукоплесканиях всей аудитории. И я искренне желаю, чтобы этот нелегкий труд принес ему законную награду»¹³⁰. О наличии отзывов по докторским диссертациям П. Д. Вениаминова и С. Г. Зыбелина ничего не известно. Более того, имеются сведения, что диссертация П. Д. Вениаминова не была опубликована¹³¹. Такое положение могло насторожить И. Х. Керштенса.

Далее: обращает на себя внимание еще одно обстоятельство. Заявление И. Х. Керштенса ("*...такого рода диссертации и специальные работы могли быть написаны другими докторами или профессорами от имени студентов, чему имеется немало примеров*". — Курс. наш. — Авт.) не вызвало ни удивления, ни возражения других профессоров — членов Конференции и руководителей университета. По-видимому, такие "примеры" были известны не только И. Х. Керштенсу. И, следовательно, добывание хлеба насущного написанием "диссертаций и специальных работ", так сказать, под различными псевдонимами — не изобретение новейшего времени.

Наконец, об отношении И. Х. Керштенса к русским студентам. Оно было неоднозначным, но, вероятнее всего, преимущественно негативным. Для такого отношения имелись основания. Вернемся к горьким признаниям И. И. Шувалова: "...противно совсем состояние других Европейских Университетов, где великое число учащихся за свои деньги училища наполняют, а здесь и на казенное содержание с трудом сыскать можно: ибо без наук разные пути к своему

¹²⁹Точное название диссертации М. И. Афонина: "De usu Historiae naturalis in vita communi".

¹³⁰Исторический архив. — 1956. — № 2. — С.176.

¹³¹Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета. — Ч.1. — М., 1855. — С.153.

счастью находят". Теперь представим себе состояние сорокачетырехлетнего профессора, согласившегося покинуть Лейпциг ради работы в Москве. Пусть небескорыстно, хотя 500 рублей в год (около 42 рублей в месяц) были в елизаветинские, а тем более в екатерининские, времена не бог весть какие деньги: пуговица на камзоле или пряжка на башмаке вельможи стоила значительно дороже.

Наверняка И. Х. Керштенс был наслышан об этой "ди-кой", но богатой России. Но то, с чем он столкнулся, могло превзойти все его ожидания. Вместо аудиторий, заполненных жажущими знаний молодыми людьми, он встретил небольшую группу студентов, значительная часть которых пришла в университет отнюдь не добровольно, была недостаточно подготовлена к восприятию университетского курса и относилась к знанию, мягко говоря, без должного благоговения. Вместо свобод, привычных для университетских корпораций Европы, — жесткую регламентацию поведения студентов, подкрепленную системой унижительного надзора, штрафов и оскорбительных наказаний, включая телесные.

О системе ограничений и наказаний отдельный разговор. По этому вопросу существовали специальные инструкции, написанные со знанием дела. Здесь же нам важно отметить, что разнообразие и изощренность наказаний пугали далеко не всех. Пьянство, драки, самовольные отлучки, отнесенные Инструкцией в разряд наказуемых, не были редкостью. Но, пожалуй, самое главное заключалось в том, что все это не оказывало позитивного влияния ни на понятливость студентов, ни на их прилежание, хотя в отношении последнего действовала специальная "шестиградусная" система "штрафов" — от замечания до телесных наказаний, помещения в тюрьму и исключения из университета¹³².

Но, возможно, больше всего его поражали не оскорбительные наказания, а система унижения казеннокоштных студентов, доходящая порой до абсурда. "Когда вчера, 20

¹³²Турубинер Л. А. Цит. соч. — Т.1. — С.81—82.

числа этого месяца, я собирался начать свою лекцию, — писал И. Х. Керштенс Университетской конференции 21 октября 1769 года, — я заметил, что из числа моих слушателей отсутствуют двое — студенты Иван Орлов и Петр Ани-тов, недавно переведенные со стипендии гимназической на студенческую, оба прилежные. Тогда я спросил у других, их товарищей, о причине этого отсутствия и получил ответ, что они не могут явиться, так как у них отобрали платье, которое они до сих пор носили, так что они остались раздетыми. Не поверивши этому, я велел их привести. Они пришли, одетые, один — в какую-то шерстяную рубаху, другой — в кожух, одолженный у крепостного истопника. На мои расспросы, по чьему приказу, кем и почему у них отобрана их обычная одежда, они ответили, что это сделано по приказу ассессора канцелярии Татаринова лицом, выполнявшим эти распоряжения, а снятое с них платье отдано их преемникам по гимназической стипендии. Я потребовал, чтобы они являлись, одетые так же, как и другие студенты, состоящие на университетском казенном содержании, но они возразили, что у них нет платья и, так как мне хорошо известно, что состоящие на ученической стипендии не получают денег, то у них нет ни копейки на покупку такового, в деньгах же на это начальство до сих пор им отказывает.

Я не знаю, заслуживают ли доверия эти рассказы, или нет, ибо это черезчур нелепо, и мне кажется, что здесь скорее имело место какое-то недоразумение, ибо даже и подумать невозможно, что университетское начальство могло или хотело лишить их одежды, пожалованной им самой августейшей монархиней, прежде чем они будут обеспечены другим платьем. Если же то, что они рассказывают, правда, и чего отрицать я не смею, так как уже слыхал о таких фактах, то покорнейше прошу высокопочтенную Конференцию, дабы она сооблаговолила устроить так, чтоб этих двух студентов снабдили необходимым верхним платьем, и отсутствие такового не служило долее препятствием к посе-

щению ими лекций"¹³³. Конференция поддержала И. Х. Керштенса, и 23 октября 1769 года "...г. директор приказал... сообщить канцелярии университета, чтоб студентам Ивану Орлову и Петру Анитову без замедления или отдано было от них отобранное платье или были выданы деньги для искупления оног..., понеже не наблюдая сего, должен неотменно произойти великий урон, как общей университета пользе, так и успехам студентов казенного содержания"¹³⁴. Хороши объяснения: получается, что, если бы не "урон... успехам", директор спокойно оставил бы студентов поздней осенью без верхней одежды, которую университет по штату обязан регулярно выдавать своим казеннокоштным питомцам. И еще: ни тени возмущения по поводу подлинного издевательства над студентами. И то, что потрясло уже выдавшего виды И. Х. Керштенса, для директора — рядовое канцелярское недоразумение: чиновники не подумали, что своей "бережливостью" наносят "урон... успехам студентов". Только и всего. Можно ли уважать того, кто не уважает самого себя?

Удивляет и другое. Раздетыми студенты И. Орлов и П. Анитов, конечно же, не посещали лекции и других профессоров — П. Д. Вениаминова, С. Г. Зыбелина. Но никто, кроме И. Х. Керштенса, не придавал этому значения. Вряд ли профессора "из природных россиян" не обратили на отсутствие на своих лекциях двух студентов. А если обратили внимание, то причину их отсутствия наверняка знали. Знали, но не возмутились и даже не попытались вступить за своих питомцев. Возможно, считали сложившееся положение нормальным. Выходит, что права русских студентов в российском университете отстаивал иностранец—"наемник" и чуть ли не русофоб И. Х. Кирштенс. Это ли не поразительно?..

¹³³Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. — Т.3. — М., 1963. — С.246—247.

¹³⁴Там же. — С.249.

Справедливости ради следует напомнить, что успехи студентов поощрялись награждением медалями, эстампами, книгами. Однако, судя по сохранившимся документам, даже медалисты далеко не всегда были безупречными, и в их характеристиках нередко встречается формулировка: "Понятия и прилежания посредственного". Так что в целом ряде (если не в большинстве) случаев не помогали ни кнут, ни пряник.

Конечно, среди учащихся и студентов первого десятилетия существования Московского университета были и способные, и талантливые молодые люди, были искренне стремившиеся к знаниям. Но таковые тогда не составляли большинства, и обобщенный образ российского университетского студенчества конца 50-х — начала 60-х годов 18 века, мягко говоря, не был особенно привлекательным. Правда, к концу века положение значительно изменилось. Но И. Х. Керштенс этого уже не застал: в 1770 году он покинул Московский университет. А когда он работал в университете, многие из студентов не могли вызывать у него особой симпатии и оптимизма. Но при том, что И. Х. Керштенс приехал в Россию отнюдь не с альтруистическими целями и наверняка не хотел делать большего, чем от него требовал контракт, свои обязанности он стремился выполнять добросовестно. А обязанности его как профессора состояли прежде всего в том, чтобы обучить поступающих в университет юношей химии, минералогии, *materia medica*. Обучить, как говорится, по последнему слову науки. Обучить так, чтобы сам он мог поручиться за своих питомцев, чтобы уровень их знаний соответствовал мировым стандартам, чтобы Московский университет по качеству подготовки не уступал европейским. Требовательность и объективность в оценке "понятия, успехов и прилежания" студентов для этого были необходимы: плодить дипломированных невежд не только бесперспективно, но и опасно. И еще: для того чтобы уровень подготовки в Москве был не хуже, чем в Европе, нужна была

опытная образованная профессура. П. Д. Вениаминов и С. Г. Зыбелин в 1765 году, возможно, в чем-то не соответствовали его представлениям об уровне образованности университетского профессора.

Не похоже, чтобы И. Х. Керштенс проявлял какую-то особую, нарочитую необъективность при оценке знаний и прилежания русских студентов. Известно, например, что он высоко оценивал способности и прилежность студента И. Калиновского, рекомендовал допустить к преподаванию в университете и присвоить докторскую степень И. А. Сибирскому¹³⁵. Но в целом к интеллектуальным возможностям русских студентов И. Х. Керштенс, вероятнее всего, относился сдержанно, с недоверием и, уж конечно, не видел в них конкурентов. Не то чтобы он, подобно некоторым иноземным профессорам, считал русских попросту неспособными к образованию, к занятию науками. Но, очевидно, полагал, что получение университетского образования и тем более подготовка к профессуре требуют для русского большего времени и большего прилежания, чем для обычного европейца. В связи с этим срок пребывания П. Д. Вениаминова и С. Г. Зыбелина за границей (примерно пять с половиной лет; сам И. Х. Керштенс потратил на образование и подготовку к профессуре — пятнадцать) мог представляться ему недостаточным. Для уже упоминавшихся целей их заграничной командировки такой срок действительно был невелик. Например, группа дипломированных лекарей, направленная для стажировки и подготовки докторских диссертаций в Лейденский университет, пробыла за границей шесть лет. Только на пятом году пребывания ими были представлены к защите докторские диссертации. М. И. Афонин, посланный в 1758 году за границу Московским университетом, подобно П. Д. Вениаминову и С. Г. Зыбелину, для завершения образования и подготовки к профессуре, вернулся в Россию

¹³⁵Там же. — С.358.

лишь в 1769 году. Правда, Ф. Г. Политковский и Ф. К. Курика пробыли за границей чуть более четырех лет, но ведь они были командированы только для подготовки к профессуре уже после окончания медицинского факультета...

Мы привели здесь несколько версий не для того, чтобы оправдывать И. Х. Керштенса. Нас интересовали мотивы его поступка, и мы не можем согласиться с нашими предшественниками в том, что эти мотивы могли быть лишь низменными и корыстными. Во всяком случае распространенное в литературе объяснение мотивов некоторых поступков И. Х. Керштенса: он, подобно другим профессорам-иностранцам, не хотел и боялся допускать русских к профессуре, видя в них конкурентов, — обосновано не более, чем изложенные выше версии. Но если даже заявление И. Х. Керштенса о диссертациях П. Д. Вениаминова и С. Г. Зыбелина было продиктовано самыми благородными мотивами, все равно он не имел ни юридического, ни морального права обвинять фактически в подлоге авторов рецензируемых им работ, а своих лейденских коллег — в недобросовестности, не приводя при этом веских и достоверных доказательств. Не имел права, даже если из неофициальных источников получил какие-либо настораживающие его сведения.

* *
*

Отказ И. Х. Керштенса объективно оценить содержание диссертаций П. Д. Вениаминова и С. Г. Зыбелина не изменил намерений В. Е. Адодурова и М. М. Хераскова привлечь молодых русских докторов к преподавательской работе в университете. В соответствии с ордером от 31 августа 1765 года только что прибывшим в Москву П. Д. Вениаминову и С. Г. Зыбелину назначался экзамен, состоявший из пробной лекции по афоризмам Гип-

пократа¹³⁶ и коллоквиума. Назначенный экзамен В. Е. Адодуров считал, по-видимому, чисто формальной акцией, потому что этим же ордером распорядился принять П. Д. Вениаминова и С. Г. Зыбелина в число доцентов Московского университета, "читающих публичные лекции на медицинском факультете"¹³⁷.

Экзамен состоялся 3 сентября 1765 года. Университетская конференция собралась в полном составе. Председательствовал В. Е. Адодуров, коллоквиум по его поручению проводили И. Х. Керштенс и И. Ф. Эразмус. Прослушав пробные лекции, "г-да д-ра и профессора Керштенс и Эразмус, — сообщается в протоколе Конференции, — учинили с каждым из них в отдельности коллоквиум по поводу упомянутых афоризмов, но касаясь все время различных частей теоретической медицины, и это испытание продолжалось более двух часов. Далее перешли было к естественной истории, главным образом — ботанике и минералогии. Но поскольку и тот, и другой объявили, что в ботанике они не слишком сильны, также не очень хорошо распознавали показанные им минералы, то экзаменаторы тут же отказались от этого намерения. На вопрос же его превосходительства г. куратора, какого мнения профессора медицинского факультета об успехах того и другого и можно ли им поручить преподавание теоретической медицины и естественной истории в университете, названные профессора меди-

¹³⁶Эти афоризмы составляют: "разд[ел] V, афоризм 24 и раздел VI, афоризм 18" (Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. — Т.2. — М., 1962. — С.168). Таким образом, П. Д. Вениаминову и С. Г. Зыбелину назначались темы: первая — "Все холодное, например, снег, лед, вредно для груди, возбуждает кашель, производит кровотечение и катарры"; вторая — "У кого ранен мочевого пузырь, или мозг, или сердце, или грудобрюшная преграда, или какая-либо из тонких кишек, или желудок, или печень, — все это смертельно" (Гиппократ. Избранные книги/Пер. с греческого проф. В. И. Руднева. — М., 1936. — С.717, 723).

¹³⁷Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. — Т.2. — М., 1962. — С.202.

цины (И. Х. Керштенс и И. Ф. Эразмус. — *Авт.*) ответили немедленно: г. д-ру Зыбелину можно поручить преподавание отдельных предметов теоретической медицины в качестве экстраординарного профессора..., но д-р Вениаминов не кажется им способным к занятию должности доцента, поскольку он и даром слова не обладает, и на предложенные вопросы отвечал экзаменаторам не всегда хорошо"¹³⁸. Куратор и директор не могли полностью согласиться с экзаменаторами: экзаменуемые уже были зачислены доцентами медицинского факультета. И они пытались объяснить свое поспешное решение: "...г. д-р Вениаминов может, занимаясь преподаванием, приобрести большее знание медицины и навык к преподаванию, в особенности если он, как на то надобно надеяться, постарается хорошо готовиться к своим лекциям, занявшись чтением хороших книг..."¹³⁹. С учетом мнения куратора и директора Конференция пришла к компромиссу: П. Д. Вениаминову "...остается лишь одна область, которую ему можно пока поручить, а именно — ботаника, ибо зимой он может составить для себя записки по теоретической ботанике и преподавать последнюю, а потом летом при составлении гербария приобрести больше знаний. С этим предложением согласился и его превосходительство куратор, по приказанию которого им было тут же поручено чтение экстраординарных лекций в университете, а именно: г. Зыбелину — по теоретической медицине, а г. Вениаминову — по ботанике"¹⁴⁰. Куратор также немедленно распорядился о включении экстраординарных лекций П. Д. Вениаминова и С. Г. Зыбелина в "Объявление о публичных лекциях..." на 1765/1766 учебный год¹⁴¹.

¹³⁸ Там же. — С.168—169.

¹³⁹ Там же. — С.169.

¹⁴⁰ Там же.

¹⁴¹ Исторический вестник Московской медицинской академии им. И. М. Сеченова. — Т.IV. — 1995. — С.101.

Так была решена судьба первых профессоров медицинского факультета "из природных россиян". На большее профессора не пошли, и когда спустя несколько месяцев директор университета М. М. Херасков поставил вопрос о том, чтобы П. Д. Вениаминову и С. Г. Зыбелину "были ... даны звания и достоинство профессоров", Конференция дала ему решительный отпор. "Было бы несвоевременным, — читаем мы в протоколе Конференции от 10 декабря 1765 года, — при этих обстоятельствах, если бы Конференция представила его превосходительству г. куратору прошение о том, чтобы она хочет уже теперь отличить почетным званием профессоров упомянутых двух докторов. Ибо помимо прочих, относящихся сюда соображений, о которых, если потребуется, будет доложено после, это воспрещается настоящим университетским уставом..."¹⁴². Дальнейшего "нажима" не последовало, и, стало быть, директор университета признавал справедливость профессорского решения.

Правда, точно сказать, какие уставные требования университета, не имеющего устава, воспрещали "отличить почетным званием профессоров П. Д. Вениаминова и С. Г. Зыбелина", сказать трудно. А. Е. Иванов справедливо отмечает: "Первоначально решение о возведении в профессорское достоинство было фактически безраздельной прерогативой куратора университета", возможность "вторгаться в решение вопроса о присвоении профессорского звания" у Конференции появилась не ранее конца 80-х годов¹⁴³. Другое дело, что существовала традиция: звание ординарного профессора медицинского факультета присваивалось только лицам, получившим от медицинского ведомства разрешение на "вольную" врачебную практику. М. И. Афонин, произведенный в "звание ординарного профессора Натураль-

¹⁴²Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. — Т.2. — М., 1962. — С.202—203.

¹⁴³Иванов А. Е. Ученые степени в Российской Империи. XVIII в. — 1917 г. — М., 1994. — С.29.

ной истории и Земледелия" в 1774 году, но не имевший сертификата на врачебную практику, получил это звание только потому, что его курс формально числился по философскому факультету. Но "профессорское достоинство" могло быть и экстраординарным, и во время экзамена профессора обмолвились, что это звание может быть присвоено С. Г. Зыбелину. В. Е. Адодуров на это не отреагировал, оставил в силе свой ордер о назначении П. Д. Вениаминова и С. Г. Зыбелина доцентами. Так что, видимо, М. М. Херасков решил использовать Конференцию, чтобы иметь возможность ходатайствовать перед куратором о возведении П. Д. Вениаминова и С. Г. Зыбелина в "профессорское достоинство". Но профессора не поддались. Спустя три года, когда П. Д. Вениаминову и С. Г. Зыбелину Медицинская коллегия разрешила "вольную" врачебную практику, звание ординарных профессоров им было присвоено без согласования с Конференцией. "Ордером его превосходительства господина куратора Василья Евдокимовича Адодурова от мая 8 дня, — сообщается в протоколе заседания Университетской конференции от 17 мая 1768 года, — предписано, дабы находящихся при университете докторов медицины Вениаминова и Зыбелина., в рассуждении их порядочного и с успехом своих должностей отправления произвести: ...ординарными... профессорами, почему оным профессорам, как и прочим, иметь место в конференции..."¹⁴⁴.

Сложность возникла и с предоставлением П. Д. Вениаминову и С. Г. Зыбелину права врачебной практики. Лицензия на практику выдавалась Медицинской коллегией после сдачи экзамена специально назначенной комиссии. Это положение выполнялось неукоснительно: даже возвратившийся в Россию с должности профессора медицины Кильского университета И. А. Полетика (первый русский, ставший профессором европейского университета) был

¹⁴⁴Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. — Т.3. — М., 1963. — С.142—143.

подвергнут "ученому собеседованию". Вместе с тем известно, что по просьбе И. И. Шувалова без экзамена право врачебной практики получил И. Х. Керштенс. Видимо, решив воспользоваться этим прецедентом для повышения престижа преподавателей университета, М. М. Херасков 10 декабря 1765 года обратился к Университетской конференции с предложением "позаботиться или же, по крайней мере, обсудить вопрос о том, чтоб господам докторам Вениаминову и Зыбелину, принятым в силу ордера его превосходительства г. куратора от 31 сего августа в число доцентов, читающих публичные лекции на медицинском факультете, ...было предоставлено право заниматься медицинской практикой по ходатайству перед Медицинской коллегией его превосходительства г. куратора". Конференция отказала. По мнению профессоров, П. Д. Вениаминов и С. Г. Зыбелин должны сами просить Конференцию о таком ходатайстве: "Конференции и сейчас еще недостаточно известно, желают ли упомянутые доктора уже теперь заниматься медицинской практикой, да и прежде (имеется в виду заседание Конференции 3 сентября 1765 года. — *Авт.*) они не выказывали виду, что собираются тотчас за нее приняться. По крайней мере об этом своем намерении они прошения не подавали, а привилегии не могут навязываться"¹⁴⁵. В случае письменного обращения Конференция не откажет П. Д. Вениаминову и С. Г. Зыбелину в их просьбе. Но, вероятно, профессора относились скептически к возможности добиться у Медицинской коллегии привилегий для университета. Прошение в Конференцию П. Д. Вениаминов и С. Г. Зыбелин написали, Конференция ходатайствовала перед куратором¹⁴⁶, но в Медицинскую коллегию В. Е. Адодуров обращаться не стал. Промеморию университета от 30 января 1766 года подписал М. М. Херасков. С. Г. Зыбелин и П. Д. Вениаминов, сообщалось в промемории, "в 1759 го-

¹⁴⁵Там же. — Т.2. — М., 1962. — С.202.

¹⁴⁶Там же. — С.211—212.

ду... отправлены были в чужестранные государства", где "получили достоинства докторов медицины..., а по возвращении их в Россию... профессорами медицинского факультета экзаменованы и найдены достойными обучать медицине, и оную отправлять в практике". На этом основании в канцелярии Университета было "определено... требовать, чтоб об отправлении оным докторам той практики, и об отпуске по их рецептам лекарств, куда надлежит от той Коллегии сообщено было Указами"¹⁴⁷. Хотя промемория М. М. Хераскова бы-

Михаил Матвеевич Херасков.

ла написана в достаточно энергичных тонах, каких-либо убедительных аргументов с точки зрения действовавшего законодательства она не содержала. Университетские профессора к аттестованию медицинских кадров никакого отношения не имели. В соответствии с упоминавшейся уже "Инструкцией для Коллегии", подписанной Екатериной II 12 ноября 1763 года, "долг коллегии есть: ...Всех докторов, операторов, лекарей и аптекарей экзаменовать с всякою строгостью по науке их в коллегии"¹⁴⁸. Сославшись на этот пункт "Инструкции", А. И. Черкасов предложил "вышеозначенным Докторам Зыбелину и Вениаминову" прибыть в "Санкт-Петербург для экзамена их по Медицинской науке в Медицинской коллегии", а далее все зависит от результа-

¹⁴⁷РГАДА. — Ф.344. — Оп.1. — Ч.1. — Кн.18. — Д.84. — Л.399.

¹⁴⁸Чистович Я. Цит. соч. — С.11.

Responsiones Doct Zebelin ad quaestiones
Doct. et Physico. Kinderi propositar.

4. Bonumne Sigmoid praebet urina post 5 diem multum Dimenti deponens. R. Indicat talis urina materia stagnantis resolutionem et coctionem idioque futuram crivint
5. Diarrhoea ab initio morbi superveniens quae ratione iudicanda R. non censenda bona
6. Ergo concludere possumus purgantia in initio morbi non convenire R. minime quia fluida detrahunt, et sanguinem magis inspissant.
7. Quibus anni temporibus graevatur morbi pleuritici. R. tempora autumnali, vernali et hiemali.
8. Observantur ne interdum pleuritides epidemicae, et a quibus causis oriuntur. R. exp: Observantur inprimis vere et autumno et ab extraordinaria et in cuncta aetate temporum constitutione contingere solent.
9. Dic rationem quare ii qui acidum nec tant, minus pleuritide laborant. R. quia habent vasa debilia, sanguinemque viscosum, fluidum nec facilem inflamari
10. Conducitne campliciora in pleuritide R: Conducit ubi resolutio adhuc tentanda nemp in principio morbi
11. Si post primam vel secundam q: s: aegroti de dolore Scapularum, clavicularum atque etiam dorvi conque- runtur, quid hoc praesagit R. bonum eventum praesagit.
12. Quas ob rationes R. Indicat enim materiam pleuriticam quae hactenus in thorace infigebatur

Фрагмент протокола экзамена С. Г. Зыбелина на получение права вра-
чебной практики.

тов экзамена, "а без того таковая практика им не позволяется"¹⁴⁹.

Но Университет не сдавался, и дело дошло до Екатерины II. Императрица не стала изменять привилегии Медицинской коллегии, но и университету вроде бы навстречу пошла. "Ее Императорское Величество высочайше указать соизволила, — писал А. И. Черкасову 8 марта 1767 года статс-секретарь Екатерины II Г. Н. Теплов, — Медицины Докторов Петра Вениаминова и Семена Зыбелина экзаменовать в Медицинском факультете Московского университета; для сего (Ее Величество) и повелеть изволила, чтоб Ваше Превосходительство определили из здешних докторов двух человек к тому экзамену, и ежели по экзаменам окажутся они достойными, то и к практике их допустить... (курс. наш. — Авт.)"¹⁵⁰. Вопрос был решен. И 2 апреля 1767 года члены назначенной А. И. Черкасовым комиссии московский штатдт-физик А. А. Риндер и доктор П. И. Погорецкий сообщали, что П. Д. Вениаминов и С. Г. Зыбелин были экзаменованы ими "из всех Медицины частей, так Хирургии и Фармации.., и по тому экзамену оказали они себя в знании тех наук искусными и по мнению нашему об отправлении в Россию Медической практики позволить им можно"¹⁵¹.

* *
*

Сюжет с экзаменами, сложности с получением П. Д. Вениаминовым и С. Г. Зыбелиным профессорского звания и права врачебной практики в литературе обычно трактуются как попытка профессоров-иностранцев не допустить талантливых и европейски образованных молодых русских

¹⁴⁹РГАДА. — Ф.344. — Оп.1. — Ч.1. — Кн.18. — Л.400—400об.

¹⁵⁰Там же. — Л.403.

¹⁵¹Там же. — Л.407. Протокол экзаменов П. Д. Вениаминова и С. Г. Зыбелина. — Там же. — Л.408—418 об.

ученых к научной, педагогической и врачебной деятельности у себя на родине. «Чтобы получить кафедру в Московском университете, — писал И. А. Пионтковский, — С. Г. Зыбелину пришлось вести упорную борьбу и проявить большую настойчивость, так как иностранные профессора, имевшие большинство в "конференции" университета, отнеслись очень враждебно к русскому ученому». И далее: "Реакционно настроенные иностранцы видели в выдвижении молодых русских ученых большую опасность для себя. Это им грозило потерей всех привилегий"¹⁵². Редактор "Документов и материалов по истории Московского университета второй половины XVIII века" профессор Г. А. Новицкий оценивает проведенный коллоквиум как "далеко не беспристрастный", а признание экзаменуемых, "что в ботанике они не слишком сильны", — как вполне резонное возражение, поскольку они не могли заниматься этими специальными предметами (ботаникой и минералогией. — *Авт.*)"¹⁵³. Перечень обличителей иностранной профессуры можно продолжить.

Но всегда ли объективны их суждения? О настроенном отношении профессоров-иностранцев к молодым русским докторам, обучавшимся в зарубежных университетах, мы уже говорили. Оно было не всегда справедливым, но, к сожалению, небеспочвенным. Однако проведение испытаний в Конференции само по себе не может рассматриваться как выражение предвзятого, заведомо недоброжелательного отношения к П. Д. Вениаминову и С. Г. Зыбелину. «В сущности, — отмечал А. Е. Иванов, — защита диссертации и обретение ученой степени в одном из европейских университетов воспринималось членами Конференции профессоров Московского университета как право на преподава-

¹⁵²Пионтковский И. А. Семен Герасимович Зыбелин//С. Г. Зыбелин. Избранные произведения. — М., 1954. — С.16.

¹⁵³Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. — Т.2. — М., 1962. — С.8.

тельскую должность. Профессорское звание в глазах профессоров возвышалось над званием ученым. Поэтому первостепенное значение для них имели публичные испытания заграничного стипендиата в России с целью выявления уровня его подготовленности к преподаванию в университете. Испытания в Конференции были актом научно-аттестационной конфирмации, т. е. приема в российское академическое "подданство"¹⁵⁴. Иными словами, добавим от себя мы, испытания в Конференции близки, а может быть были предтечей современной конкурсной системы замещения преподавательских должностей в высших учебных заведениях, с той лишь разницей, что конкурсный отбор проводился однократно. Испытанию в Конференции, кстати говоря, подвергались все возвращавшиеся после учебы в зарубежных университетах, и не только для проверки готовности к преподаванию в университете. На их обучение из казны тратились немалые деньги, и, судя по сохранившимся документам, далеко не всем удавалось уберечься от соблазнов вольной жизни в чужих краях.

Далее: после приглашения И. Ф. Эразмуса основные предметы преподавания на медицинском факультете были распределены. Оставался лишь курс теоретической медицины и ботаники, который, по-видимому, по договоренности между руководством университета и профессорами, решили поручить отзываемым из-за границы молодым русским докторам медицины. И в этой связи коллоквиум проводился целенаправленно в рамках тематики предметов, преподавание которых им собирались поручить ("...по поводу содержания упомянутых афоризмов, но касаясь все время различных частей теоретической медицины..." и естественной истории, главным ботаники и минералогии).

Задававшиеся вопросы до нас не дошли, но наверняка они не были чересчур каверзными. В. Е. Адодуров и М. М. Херасков присутствовали на Конференции и допро-

¹⁵⁴Иванов А. Е. Цит. соч. — С.21—22.

са с пристрастием не допустили бы. Если судить по тексту протокола (а других источников нет, и никто из присутствовавших на этом заседании, включая П. Д. Вениаминова и С. Г. Зыбелина, позднее не высказывался по поводу объективности проведенного коллоквиума), обстановку экзамена можно назвать достаточно спокойной и даже доброжелательной. Вспомним: как только экзаменуемые "объявили, что в ботанике они не слишком сильны", опрос по этому предмету был прекращен. Причем в протоколе не содержится никаких комментариев по этому поводу. Похоже, что П. Д. Вениаминов и С. Г. Зыбелин были не очень хорошо подготовлены по предметам опроса, а возможно, их подготовка к профессуре попросту еще не была завершена. И вряд ли в этом следует винить "боявшихся конкуренции и утраты привилегий" И. Х. Керштенса и И. Ф. Эразмуса, которые, скорее всего, пытались выяснить, насколько экзаменуемые ими соответствуют званию университетского профессора. Кроме того, создается впечатление, что ни П. Д. Вениаминов, ни С. Г. Зыбелин не отличались ни в Кенингсберге, ни в Лейдене особыми успехами и прилежанием. В этих случаях, кроме официального университетского аттестата, соответствующие профессора направляли (или выдавали) персональные свидетельства. В отношении М. И. Афолина и А. М. Карамышева¹⁵⁵, например, из Упсальского университета были присланы свидетельства пяти профессоров, в том числе знаменитых К. Линнея и Ю. Валлериуса¹⁵⁶. Ф. Г. Политковский и Ф. К. Курика по возвращении также представили "лестные отзывы" от знаменитых профессоров¹⁵⁷. Список можно продолжить. О поступлении подобных документов по поводу П. Д. Вениаминова и С. Г. Зыбелина ничего не известно. Более того, в "Записке докторов Зыбелина и Вениаминова об их научных занятиях"¹⁵⁸, составленной ими по предписанию Конференции и поданной 10 сентября 1765 года, упоминается лишь "официальное свидетельство... за печатью", выданное в Кенингсберге¹⁵⁹. Создается впечатление, что из Лейдена (кроме докторских

дипломов) и Берлина (там был только С. Г. Зыбелин) никаких документов об их обучении представлено не было.

Официальное свидетельство Кенигсбергского университета составлено достаточно кратко. По его содержанию трудно судить об успехах и прилежании первых русских профессоров медицинского факультета. Но сохранилась и

¹⁵⁵Афонин Матвей Иванович (1739—1810) — воспитанник гимназии Московского университета (1755—1758), в 1758 году направлен за границу для подготовки к профессуре, учился в Кенигсбергском (1758—1761) и Упсальском (1761—1769) университетах; в последнем в 1766 году под руководством К. Линнея защитил докторскую диссертацию. По возвращении 13 октября 1769 года сдал экзамен Университетской конференции. "Из ответов г. экзаменуемого явствует, что он занимался названными разделами естествознания с достойным хвалы прилежанием", — таков был вердикт Конференции. С 1769 года экстраординарный, а с 1774 года — ординарный профессор натуральной истории и земледелия. С 1777 года работал в военной коллегии, преподавал в Горном училище в Петербурге (Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. — Т.1. — М., 1960. — С.10, 113, 115, 311, 336—337; Т.3. — М., 1963. — С.5—8, 12—15, 24—29 и др.; Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета. — Ч.1. — М., 1855. — С.42—49).

Карамышев Александр Матвеевич (1744—1791) — выдающийся русский естествоиспытатель, химик, специалист по горному делу, член-корреспондент Петербургской АН и Стокгольмской академии. Закончил дворянскую гимназию Московского университета (1758). Вместе с М. И. Афониним учился в зарубежных университетах. В 1766 году в Упсальском университете защитил докторскую диссертацию "Necessitates historiae naturalis Rossiae" ("О необходимости изучения натуральной истории России"). После возвращения назначен на службу по горному ведомству, был первым преподавателем химии и металлургии Горного училища в Петербурге (Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. — Т.1. — М., 1960. — С.10, 14, 113, 115, 351—352; Хабаков А. В. Очерки по истории геолого-разведочных знаний в России. — Т.1. — М., 1950. — С.144—145).

¹⁵⁶Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. — Т.3. — М., 1963. — С.6.

¹⁵⁷Там же. — Т.2. — М., 1962. — С.172—173.

¹⁵⁸Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета. — Ч.II. — М., 1855. — С.281.

¹⁵⁹Этот документ хранится в Архиве внешней политики Российской Империи Министерства иностранных дел РФ. — АВПРИ ИДД МИД РФ. — Ф.2. — ВКД. — Оп.2/6. — Д.1750. — Л.12—12об.

опубликована упоминавшаяся выше "Записка...". Этот документ почему-то не заинтересовал историков медицины, в том числе писавших о медицинском факультете и о первых русских профессорах-медиках. Единственный историк, упомянувший о "Записке...", — Г. А. Новицкий — не анализирует ее, а лишь пересказывает содержание документа. Между тем анализ "Записки..." дает возможность объяснить некоторые детали коллоквиума и сделать достаточно обоснованные предположения о том, какие знания приобрели в чужих краях П. Д. Вениаминов и С. Г. Зыбелин.

Начинаем с коллоквиума. Теоретическая медицина как университетский предмет преподавания, независимо от того, читалась она одним или несколькими профессорами, представляла собой группу дисциплин (физиология, патология, терапия, диететика и гигиена), постепенно обретавших самостоятельность. Судя по "Записке...", ни в одном из университетов П. Д. Вениаминов и С. Г. Зыбелин такого полного курса теоретической медицины не изучали. И в Кенигсберге, и в Лейдене они слушали физиологию и патологию. Что же касается терапии, гигиены и диететики, то их как самостоятельные дисциплины П. Д. Вениаминов и С. Г. Зыбелин не изучали. Последнее не означает, что с терапией, гигиеной и диететикой они не познакомились вовсе. В Кенигсберге курс практической (клинической) медицины М. Ф. Гартман читал по руководству Ф. Гоффмана. Знаменитая "*Medicina rationalis systematica*" Ф. Гоффмана содержала обширные сведения по генеральной и специальной терапии и практической диететике. Разумеется, они были изложены в свойственной Ф. Гоффману манере жесткой увязки всех сведений с принципами его "динамического" учения. Но Ф. Гоффману было также свойственно давать в своих трудах обширные обзоры, в которых излагались позиции его коллег и оппонентов. Кроме того, в Лейдене они слушали "клиническую практику" по руководству Г. Бурга-

ве¹⁶⁰, в котором также подробно рассматривались вопросы терапии и диететики. Однако и у Ф. Гоффмана, и у Г. Бургаве основное внимание уделялось прикладным аспектам этих дисциплин, а это не могло заменить изучения терапии, гигиены и диететики как составных частей теоретической медицины. По-видимому, в процессе экзамена вопросы, относящиеся к этим разделам теоретической медицины, П. Д. Вениаминову и С. Г. Зыбелину задавались, и ответы на них не полностью удовлетворили экзаменаторов. Скорее всего поэтому в протоколе Конференции оговаривается, что "г. д-ру Зыбелину можно поручить преподавание отдельных предметов теоретической медицины", а не всего курса. Эта рекомендация была, однако, нарушена уже в 1765/1766 учебном году¹⁶¹. Что касается П. Д. Вениаминова, то он, вероятно, отвечал хуже, а может быть, менее бойко, чем С. Г. Зыбелин, и Конференция не рекомендовала его для педагогической работы, поскольку предложить ему для преподавания было нечего.

Теперь о ботанике. Теоретический курс ботаники П. Д. Вениаминову и С. Г. Зыбелину в Кенигсберге читал И. Х. Боль по безнадежно устаревшему к тому времени руководству некогда знаменитого парижского профессора Ж. Турнефора¹⁶². В 90-х годах 17 века он предложил принцип систематики растений, который вплоть до К. Линнея пользовался всеобщим признанием. Вышедшая в свет "Philosophia botanica" (1751) К. Линнея с середины 50-х годов 18 века стала основным руководством по ботанике в большинстве университетов Европы. Впрочем, у руководства Ж. Турнефора было одно преимущество: в нем были приведены под-

¹⁶⁰Имеется в виду: Н. Boerhaave. *Institutiones medica in usus annuae exercitationis domesticos digestae*. — Lugduni, 1708, 1752.

¹⁶¹Исторический вестник Московской медицинской академии им. И. М. Сеченова. — Т.IV. — 1995. — С.101.

¹⁶²Имеется в виду J. Tournefore. *Elements de botanique, on methode pour connaitre las plantes*. — V.1—3. Paris, 1694.

D. Simeon Libelin et Petrus Veniaminow Mosco-
vicensis ex Academia Ierosolymitica, ubi a juventute
tum studiis gymnasticis, tum praeceptis Philosophiae
quodammodo imbuti fuerunt, et ea mandata, tum insti-
tuta a sacrosancta Synodo designati in Universitate
Caesarea anno 1755, qui fundata erat, recepti, ubi
primum post institutum examen ad instruendam iam
formandamque juventutem in lingua Latina Legatis
sex mensium adhibiti fuerunt. Tandem ad Lectiones
D. Professoris Popowitzi adonisi, qui pari cum industria,
tum in praeceptis Eloquentiae, tum utroque stylo la-
tino nempe, atque Auxilio sedulo instruebat, ac denique
tum temporis Magistri, nunc vero Clar. Professoris Ela-
quentiae D. Barosow lectiones arithmeticas et Geo-
metricas audiverunt, et insuper Celeb. Philosophiae
Professoris D. Frommann praedicationibus in Logicam
Metaphysicam, et partem Philosophiae morali inter-
orant. Neque Doctorem juris et Professorem Wilthey
legentem jus naturae, jus gentium, instituta, histo-
riamque universalem praetermisissent. Ibi quoque spe-
cimina quaedam, quae a Universitate novit, posuere
nec praemiis omnibus, quae quocumque tempore distri-
buebantur, destituti fuerant. Praeterea D. Veniaminow
laugente similitudine Magistri D. Pappaphili Legatis
sex mensium in Graecia lingua supplens defectum,
informaverat nec non initia in lingua Gallica.
D. Praeceptoris Labeaum utroque posuere. Tandem
ex Instituto Domini Excellentissimi Curatoris

робные описания лекарственных растений. В Лейдене они занимались в университетском ботаническом саду под руководством А. Руайена-младшего, известного знатока ботаники и прекрасного педагога. Если после кенигсбергского курса П. Д. Вениаминов и С. Г. Зыбелин могли и не получить достаточных, а главное современных знаний по ботанике, то занятия под руководством А. Руайена должны были исправить это положение. Должны были, но не исправили. И причин этому могло быть две: краткость времени и (или) недостаточное прилежание. Не случайно в "Записке..." они оговаривались: "Насколько хватало времени, посещали также ботанический сад...". Стало быть, не предполагали, что одному из них могут предложить доцентуру по ботанике.

Другие дисциплины, составлявшие курс теоретической медицины (физиология, патология), изучались П. Д. Вениаминовым и С. Г. Зыбелиным более основательно. Правда, И. Х. Боль из Кенигсберга и особенно Б. Альбинус-старший (Лейден) приобрели широкую известность благодаря своим анатомическим исследованиям. Но, как известно, университетские профессора в 18 веке не имели специализации и могли читать все факультетские курсы. Однако именно потому, что И. Х. Боль и Б. Альбинус-старший профессионально занимались анатомией, существует вероятность, что в читавшихся ими лекциях наряду с традиционной для 18 века умозрительной физиологией, предметом которой являлось "рассуждение о составе твердых и свойствах жидких частей человеческого тела", излагались сведения по экспериментальной физиологии, развивавшейся тогда в рамках курса анатомии.

Наибольший интерес у П. Д. Вениаминова и С. Г. Зыбелина должны были вызвать лекции по патологии И. Д. Гауба ученика и наследника кафедры Г. Бургаве. Он был тогда в расцвете сил. В 1758 году вышел в свет его знаменитый "Institutiones pathologiae medicinales" — первый всеобъемлющий труд по патологии, где она представлена в виде закон-

ченной системы. Хотя в своей "системе" И. Д. Гауб, по словам Т. Мейер-Штейнега, удачно "привел к общему знаменателю" самые различные теории, основу ее составляли учение Г. Бургава и физиологические представления А. Галлера. Труд И. Д. Гауба, руководствуясь которым он читал лекции по патологии, приобрел широкую известность и оказал большое влияние на современников. Несомненно, П. Д. Вениаминов и С. Г. Зыбелин должны были получить у И. Д. Гауба основательную подготовку по патологии. В связи с этим остается не до конца ясным, почему С. Г. Зыбелин, став профессором теоретической медицины, читал патологию не по "Институциям" И. Д. Гауба, а по краткому и безликому учебнику лейпцигского профессора Х. Г. Людвига¹⁶³. Не исключено, что этот вопрос решила Конференция, даже без учета мнения С. Г. Зыбелина, руководствуясь соображениями удобства организации учебного процесса. Х. Г. Людвиг создал в полном смысле слова систему учебников, основанную на концепциях Г. Бургава. Используя его учебники, можно было добиться методического и содержательного единства в преподавании курса теоретической медицины и даже состыковать его с курсом практической медицины. К тому же основные учебники Х. Г. Людвига (по физиологии, патологии, терапии, практической медицине) ко времени начала педагогической деятельности С. Г. Зыбелина университетом были уже закуплены.

Изучая "Записку..." П. Д. Вениаминова и С. Г. Зыбелина, нетрудно заметить, что теоретическая медицина не относилась к числу особенно интересовавших их предметов. Не слишком интересовала их, по-видимому, и натуральная история, обширный курс которой они слушали в Лейдене у

¹⁶³Имеется в виду: Ludwig Ch.G. Institutiones pathologiae praelectionibus academicis accommodatae. — Lipsiae, 1767; учебник переведен на русский язык студентом медицинского факультета Ф. П. Ершовым, издан в 1790 году в типографии Московского университета под названием "Патология, или Полезные наставления о существе, причинах, припадках и знаках болезней, в человеческом теле случающихся".

Аллемана (Лаллемана), использовавшего при чтении весьма солидные руководства. Сверх того, С. Г. Зыбелин в Берлине посещал лекции по минералогии К. Брандеса. Больше всего времени они уделили изучению анатомии, практической (клинической) медицины и фармацевтических дисциплин.

С анатомией им явно повезло. В Кенигсберге они слушали лекции известного анатома К. Бютнера, читавшего по знаменитому и неоднократно переиздававшемуся "Compendium anatomicum" Л. Гейстера, и сверх того "занимались вскрытием трупов". Секционные занятия с К. Бютнером не только способствовали закреплению и углублению анатомических знаний, освоению методов вскрытия и препарирования. Они должны были оказать позитивное влияние на мировоззрение русских студентов. По-видимому, К. Бютнер интересовался патологической анатомией: фиксировал патологические отклонения, детально описывал и публиковал "анатомические наблюдения". В Лейдене П. Д. Вениаминов и С. Г. Зыбелин "посещали лекции Альбина младшего, демонстрировавшего вскрытия трупов". Анатомическая школа Лейденского университета относилась к числу крупнейших в Европе, туда приезжали многие специально для углубленного изучения анатомии, и Ф. Б. Альбинус-младший был известным анатомом, хотя и менее знаменитым, чем его старший брат. С. Г. Зыбелин, сверх того, почти полгода слушал в Берлине лекции И. Ф. Меккеля-старшего, ученика А. Галлера и одного из крупнейших европейских анатомов второй половины 18 века. Таким образом, П. Д. Вениаминов и С. Г. Зыбелин слушали не сокращенный курс анатомии и изучали ее не только теоретически (с голоса, по учебникам или таблицам, как это еще практиковалось в ряде университетов), а сами проводили вскрытия, наблюдали анатомические демонстрации и, следовательно, должны были приобрести весьма основательные знания в этой области. Однако в дальнейшем, получив ординарную профессию по анатомии и хирургии, С. Г. Зыбелин не по-

следовал примеру своих учителей и читал анатомию преимущественно теоретически, не особенно заботясь о демонстрациях.

С практической медициной, или "клинической практикой" (как называют П. Д. Вениаминов и С. Г. Зыбелин эту дисциплину в своей "Записке..."), на первый взгляд, им повезло меньше. В Кенигсберге в этот период не преподавали сколько-нибудь известные клиницисты — сторонники обучения у постели больного. И. Г. Вернер, учившийся у многих тогдашних знаменитостей в Кенигсберге, Берлине, Галле, Йене и Лейпциге, закончил свое образование в 24 года (в 1739 году он защитил в Галле докторскую диссертацию и получил должность приват-доцента в Кенигсберге) и до конца жизни отличался крайним консерватизмом. Приватный курс, который он в течение примерно года читал П. Д. Вениаминову и С. Г. Зыбелину по руководству Шульца, вряд ли принес им большую пользу. Видимо, поэтому они решили повторно прослушать "клиническую практику" у семидесятивосьмилетнего М. Ф. Гартмана, знатока и большого поклонника "динамического" учения Ф. Гоффмана. У М. Ф. Гартмана П. Д. Вениаминов и С. Г. Зыбелин проучились чуть больше года — срок, явно недостаточный для того, чтобы основательно проштудировать 9-томную гоффмановскую "*Medicina rationalis systematica*".

Лейденский университет, куда П. Д. Вениаминов и С. Г. Зыбелин направились из Кенигсберга, в 60-е годы 18 века уже перестал быть Меккой для европейского медицинского мира, а жил главным образом за счет былой славы. После смерти Г. Бургаве преподавание у постели больного в Лейдене прекратилось. Ведущие клиницисты — Г. Ван-Свитен и А. де Гаен уехали в Вену, куда переместился центр европейской клинической мысли. Ближайший ученик Г. Бургаве, оставшийся в Лейдене, — И. Д. Гауб — клинической медициной интересовался мало. П. Д. Вениаминов и С. Г. Зыбелин в Лейдене изучали "клиническую практику" по Г. Бургаве у Д. Руайена-старшего. Если о

И. Д. Гаубе Г. Бургаве говорил, что он "больше химик, чем врач", то о Д. Руайене можно сказать, что он больше ботаник. Тем не менее в Лейдене он в течение тридцати с лишним лет читал "клиническую практику". Собственных идей в этой области Д. Руайен не имел, так что точно и без искажений доносил до своих слушателей идеи великого Г. Бургаве. Делал он это, видимо, талантливо и вообще подобно своему племяннику, уже упоминавшемуся А. Руайену-младшему, был прекрасным педагогом. Во всяком случае не без влияния Д. Руайена они, особенно С. Г. Зыбелин, прониклись идеями Г. Бургаве на всю жизнь. Прониклись, ибо выбор между Ф. Гоффманом и Г. Бургаве сделали сами. Гоффмановская обстоятельность и логичность привлекательны. В учениях Ф. Гоффмана и Г. Бургаве многое близко. Они по существу никогда не конкурировали и относились друг к другу с уважением: Г. Бургаве даже написал блестящую рекомендацию Ф. Гоффману для прусского короля. Но в вопросах терапевтической тактики они отличались весьма существенно. Это, вероятно, и определило выбор П. Д. Вениаминова и С. Г. Зыбелина. Выбор, которому они следовали все годы своей профессорской и врачебной деятельности.

Сказанное не означает, что С. Г. Зыбелин (П. Д. Вениаминов мало что успел из-за ранней смерти) всю жизнь был банальным эпигоном Г. Бургаве. У С. Г. Зыбелина было и свое, особенно в сфере того, что позднее назовут общественной гигиеной. Кроме того, русская медицина только зарождалась, и строить ее предстояло нескольким поколениям российских врачей и ученых. Идеи и наследие Г. Бургаве были для этого не самым ненадежным фундаментом.

Но вернемся к пребыванию П. Д. Вениаминова и С. Г. Зыбелина в чужих краях. С. Г. Зыбелин пробыл в Лейдене чуть больше года и вскоре после защиты докторской диссертации уехал в Берлин, где, в частности, занимался в одном из лучших лечебных учреждений Европы — больнице Шарите, и там готовился к клинической практике. П. Д. Ве-

ниаминов остался в Лейдене. Он, по-видимому, был менее любознательным... Но по практической медицине хорошо подготовлены были оба. Об этом, в частности, свидетельствует их успешная врачебная практика в Москве.

При чтении "Записки..." может создаться впечатление, что фармацевтическими предметами П. Д. Вениаминов и С. Г. Зыбелин занимались немного. Они упоминают лишь "фармакологию"¹⁶⁴ Фогеля у д-ра и профессора Тизена" в Кенигсберге. О Р. Тизене нам ничего интересного разыскать не удалось. Что же касается "фармакологии Фогеля", то, несомненно, имеется в виду "Historia materiae medicae ad novissima tempora producta" геттингенского профессора Р. А. Фогеля, впервые изданная в Лейдене и Лейпциге в 1758 году и переиздававшаяся в 1760, 1764 и 1774 годах. Это был современный учебник, сочетавший доступность изложения с высокой насыщенностью фактическим материалом. Очевидно, этот учебник оставил у них сильное впечатление. Заняв ординарную профессуру по химии и практической медицине, С. Г. Зыбелин для "изъяснения Материи, так называемой Лекарственной" постоянно следовал "Фогелевой истории материи медицинской"¹⁶⁵.

Но этим изучение фармацевтических вопросов не ограничивалось. В Кенигсбергском университете П. Д. Вениаминов и С. Г. Зыбелин слушали химию у И. Х. Лаубмайера — сторонника теории флогистона, читавшего курс по руководству Й. Юнкера "Конспект теоретической и практической химии, составленный в форме таблиц"¹⁶⁶. "Конспект..." Й. Юнкера был популярнейшим руководством по

¹⁶⁴Здесь, видимо, неудачный перевод в латинском подлиннике: "*ac materiam medicam Vogelii...*" (курс. наш. — *Авт.*). (Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. — Т.2. — М., 1962. — С.172).

¹⁶⁵Исторический вестник Московской медицинской академии им. И. М. Сеченова. — Т.IV. — 1995. — С.105.

¹⁶⁶J u n c k e r J. Conspectus chemia theoretico-practice in forma tabularum repraesentatus. — Halle, 1730.

химии, в полном смысле этого слова настольной книгой химиков многих стран Европы. Й. Юнкер, как последовательный сторонник идей Г. Штала, много сделал для пропаганды теории флогистона. Но в его руководстве основной упор делался на эмпирические данные, а теория флогистона служила лишь неким идеологическим обрамлением. При этом руководство содержало обширный и конкретный материал по медицинской и фармацевтической химии, *materia medica*, т. е. было до известных пределов профилировано с учетом нужд медицины и фармации. Как использовал руководство Й. Юнкера И. Х. Лаубмайер и на каких вопросах сосредоточивал внимание студентов в своих лекциях — неизвестно. Но "заразить" русских студентов теорией флогистона даже с помощью руководства Й. Юнкера ему не удалось. Возможно, воздействие Й. Юнкера и И. Х. Лаубмайера было развеяно в Лейдене, где идущая от Г. Бургаве традиция неприятия теории флогистона была очень сильна.

В Лейдене химию читал уже упоминавшийся И. Д. Гауб. По всей вероятности, он пользовался тремя основными источниками: знаменитым "Элементы химии..." своего учителя Г. Бургаве, "Институциями..." уже известного нам Р. А. Фогеля и собственным сочинением¹⁶⁷. "Элементы химии" Г. Бургаве — фундаментальное руководство, содержащее обширные сведения по "генеральной" и "специальной химии". "Инструкции..." Р. А. Фогеля были строго профилированы, прежде всего в направлении фармацевтической химии. Руководство И. Д. Гауба было по существу первым, а возможно, единственным трудом, содержащим рецептурные формулы и правила составления сложных лекарств. Этим трудом И. Д. Гауба, как, впрочем, и "Институциями..." Р. А. Фо-

¹⁶⁷Имеются в виду: Н. Voerhaave. *Elementa Chemiae guae anniversaria labore decuit.* — Leyden, 1732; R. A. Vogel. *Institutiones Chemiae ad lectiones Academicis Accomodate.* — Leyden, 1757; Н. Gaubus. *Libellus de methodo concinnandi formulas medicamentorum.* — Leyden, 1739.

геля, С. Г. Зыбелин постоянно пользовался при чтении курса химии и практической медицины. Вероятно, П. Д. Вениаминов и С. Г. Зыбелин серьезно относились к занятиям по химии и *materia medica*, а значит, могли получить хорошую химико-фармацевтическую подготовку.

Наконец, в Кенигсберге они слушали хирургию у Россия. Но ни о самом профессоре, ни об источниках, которыми он пользовался для преподавания, нам ничего выяснить не удалось.

* *
*

Сопоставление информации, полученной в результате анализа "Записки докторов Зыбелина и Вениаминова об их научных занятиях", с событиями, предшествовавшими ее составлению, наводит на серьезные размышления. Напомним: структура учебного процесса, основанная на ревизии "Проекта о Учреждении Московского университета" и приведении перечня предметов преподавания на медицинском факультете в соответствие с университетской традицией медицинского образования, сложилась не позднее августа 1764 года. Именно тогда И. Х. Керштенсу было предложено "приступить к преподаванию медицины". Именно тогда И. Ф. Эразмус был приглашен в университет на должность профессора анатомии и хирургии. Именно тогда должен был возникнуть, а возможно, и получил разрешение вопрос о том, чтобы поручить П. Д. Вениаминову и С. Г. Зыбелину (а может быть, одному из них) преподавание теоретической медицины и ботаники. Но на основании чего принималось это решение и были ли поставлены о нем в известность П. Д. Вениаминов и С. Г. Зыбелин? "Записка..." об их научных занятиях была представлена по предписанию Конференции лишь 10 сентября 1765 года, т. е. через неделю после коллоквиума, и, похоже, до ее прочтения никто из решавших их судьбу не знал, чему собственно обучались в чу-

жих краях молодые русские доктора. Неизвестно даже, были у них куратор, регулярно наблюдавший за ходом их подготовки. Маловероятно, что в Кенигсберге им был фон Клингштедт, составивший 7 мая 1762 года в ответ на запрос для губернатора Кенигсберга Н. И. Панина "Представление... о русских студентах, обучавшихся в Кенигсбергском университете"¹⁶⁸. Скорее всего, он был чиновником, выполнившим разовое поручение. О каких-либо других документах в отношении студентов, обучавшихся в Кенигсберге, подписанных фон Клингштедтом, неизвестно. Да и кандидаты на профессорские должности, видимо, не знали, что им предстоит преподавать.

Наверное, куратор и директор университета должны были заблаговременно поинтересоваться состоянием подготовки П. Д. Вениаминова и С. Г. Зыбелина, запросить мнения профессоров из Кенигсберга и Лейдена. Ведь, нанимая иностранных врачей и профессоров, от них требовали не только документы, подтверждающие окончание университета и присвоение докторской степени, но и рекомендации. Правда, ордером от 3 февраля 1765 года В. Е. Адодуров поручил М. М. Хераскову: "О находящихся же в чужих краях студентах и из них произведенных докторов показать имянно, когда и с какими науками и откуда в университет вступили, чему, будучи в университете, обучались, когда ж и по каким указам или ордерам и куда сначала отправлены и с каким жалованьем, где и чему ныне действительно обучаются, как далеко в науках пришли, по чему ныне жалованья в год получают, и то которое время оное им произведено, и на получение докторских градусов..."¹⁶⁹. Но, во-первых, это распоряжение не относилось персонально к П. Д. Вениаминову и С. Г. Зыбелину. Во-вторых, оно прямо не предусматривало направление запросов в университеты, где

¹⁶⁸ Исторический архив. — 1956. — № 2. — С.161—162.

¹⁶⁹ Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. — Т.2. — М., 1962. — С.40.

обучались питомцы Московского университета. И, наконец, в-третьих, нет никаких данных о том, что в отношении П. Д. Вениаминова и С. Г. Зыбелина это распоряжение было выполнено. Более того, упоминавшееся предписание Университетской конференции от 3 сентября 1765 года ("...чтоб они представили... докладную записку...") свидетельствует, что никакой информации о том, "какими науками и в какой последовательности они занимались", ни профессора, ни руководство университета не располагали.

А между тем, логично было бы запросить отчет молодых докторов до назначения их доцентами. Хотя надеяться на критичное отношение П. Д. Вениаминова и С. Г. Зыбелина к себе, к своим знаниям трудно: ведь не написали же они в "Записке...", что "не очень сильны в ботанике", хотя за неделю до этого сами сделали такое заявление. Восемнадцатый век вообще в большей степени был веком амбиций, нежели веком сомнений и критичного отношения к себе. Здесь же заметим, что наши суждения, приведенные выше о дисциплинах, по которым П. Д. Вениаминов и С. Г. Зыбелин "должны были получить основательную подготовку", следует понимать буквально: должны были — не значит получили, все зависело от прилежания.

Похоже, что не все предметы изучались ими с одинаковым успехом, что науки, непосредственно необходимые для врачебной практики, а также анатомия, почтение к которой им сумели внушить, интересовали их больше. И в этой связи создается впечатление, что эти науки они изучали основательно. С другой стороны, при анализе "Записки..." трудно отделаться от мысли, что образование их (не как студентов, а как профессоров) не было завершено, и главными причинами этого были отсутствие организующего (направляющего и контролирующего) начала в их обучении и недостаточный срок пребывания за границей. Руководство Московского университета передоверилось своим иностранным коллегам, для которых образование — частное дело каждого студента. Сами же студенты, как бы талантли-

вы они ни были, далеко не всегда способны решить, что в программе обучения главное, а что — второстепенное.

Невредно было и заблаговременно поставить в известность П. Д. Вениаминова и С. Г. Зыбелина о намерениях руководства университета или по крайней мере предложить им сосредоточить внимание на предметах теоретической медицины и на ботанике. Диссертации П. Д. Вениаминова и С. Г. Зыбелина были запрошены не позднее конца 1764 года, а возвратились в Москву молодые доктора в конце августа 1765 года. Шесть-восемь месяцев для способных людей — срок немалый. Можно было сделать многое. Во всяком случае им не пришлось бы конфузиться на экзамене, а историкам — искать виновных в этом...

Но все вышло как вышло. Было принято достаточно нелепое решение: С. Г. Зыбелину поручили чтение курса, который он освоил лишь частично, П. Д. Вениаминову — предмета, в котором он, по собственному признанию, был "не слишком силен". Правда, Г. А. Новицкий утверждает, что со временем П. Д. Вениаминов "много сделал для изучения растительного мира Центральной России". "Наиболее интересная из печатных работ доктора Вениаминова, — продолжает Г. А. Новицкий, — относится также к области ботаники ("О свойствах и пользе растений". — М., 1767)"¹⁷⁰. Здесь не место обсуждать немногочисленное научно-литературное наследие П. Д. Вениаминова. Скажем лишь одно: историки ботаники, даже в публикациях 40—50-х годов 20 века, не относили эту работу к числу сколько-нибудь заметных достижений русской науки. Первый профессор ботаники Московского университета ботаником не был. Но он был блестящим врачом и, по-видимому, стал настоящим профессором, когда ему поручили читать курс химии, *matētia medica* и практической медицины.

Итак, можно констатировать два важных, с нашей точки зрения, положения. Первое: сюжет с экзаменами П. Д. Ве-

¹⁷⁰Там же. — С.8.

ниаминова и С. Г. Зыбелина, трудности с получением ими профессорского звания и права на врачебную практику — результат естественного развития событий, а не каких-либо русофобских настроений иностранных профессоров, работавших в университете.

Второе: П. Д. Вениаминов и С. Г. Зыбелин, по-видимому, первоначально по уровню образованности не в полной мере соответствовали статусу университетских профессоров. В этом не было их вины, и руководство университета приняло правильное решение, допустив их к педагогической работе. Правильное в принципе, а не в частностях, поскольку предметы для преподавания были избраны им, мягко говоря, неудачно. Правильное в принципе потому, что в 60-х годах 18 века русская медицинская наука только начала заявлять о себе. И единственному в России университету предстояло сыграть в ее развитии выдающуюся роль. Этим прежде всего определялась важность подготовки профессоров "из природных россиян".

П. Д. Вениаминов и особенно С. Г. Зыбелин оправдали возлагавшиеся на них надежды. Они много работали и быстро заняли в университете ключевые позиции. Главным объектом применения их творческих возможностей стал учебный процесс. Здесь, судя по сохранившимся документам, они стремились и содержательно, и методически усилить практическую ориентацию медицинского образования. Особенно преуспел в этом вопросе С. Г. Зыбелин. В начале 80-х годов "под его смотрением и руководством" началось практическое преподавание "аптекарского искусства". Именно он значительно расширил преподавание практической медицины. Яркие и содержательные лекции С. Г. Зыбелина пользовались успехом у слушателей.

На первый взгляд мы достаточно скромно оцениваем заслуги первых русских профессоров медицинского факультета. Но так ли это? Конечно, значительно эффектнее называть С. Г. Зыбелина, например, создателем первой русской терапевтической школы, основоположником профилактики

ческого направления отечественной медицины, первым русским педиатром и "прочая, прочая, прочая". Но эффектнее не означает правдивее. И мы не поем им дифирамбы не потому, что скуповаты. Просто нам представляется, что истинные заслуги первых русских профессоров-медиков, особенно С. Г. Зыбелина, перед российским просвещением и перед российской медициной столь велики, что они не нуждаются в мнимых. На их плечи легли тяжкие заботы о сохранении и развитии российского университетского медицинского образования. И они сделали для этого все, что могли, терпеливо и талантливо готовя своих студентов к тому, чтобы они превзошли своих учителей. Им было безмерно трудно, но они не роптали, с достоинством и великим трудолюбием несли свой крест, думая больше не о собственном успехе, не о собственной славе, а о будущем Отечества. Вечная им за это память и слава.

ОРГАНИЗАЦИЯ И СОДЕРЖАНИЕ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА НА МЕДИЦИНСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ

В отечественной историко-медицинской литературе сложилась устойчивая традиция рассматривать историю медицинского факультета Московского университета прежде всего с позиций его вклада в развитие российской и мировой науки. Однако, хотя медицинские факультеты университетов действительно являлись крупными научными центрами, они в первую очередь были учебными заведениями. Обучение студентов — вот та основная и наиболее значимая роль, которую играли и по сей день играют университеты в развитии культуры. Поэтому любые попытки объективного воссоздания истории того или иного университета без тщательного анализа вопросов организации и содержания учебного процесса попросту обречены на неудачу.

Определяющую роль в становлении учебного процесса на медицинском факультете Московского университета сыграла многовековая европейская традиция университетского медицинского образования. Отрицать или даже преуменьшать ее влияние крайне непросто. Ведь если можно не обратить внимания на содержащиеся в указе Елизаветы

Петровны слова "О учреждении ... в Москве Университета для дворян и разночинцев по примеру Европейских университетов..."¹, можно не цитировать и, следовательно, не обсуждать то место из письма М. В. Ломоносова И. И. Шувалову, где прямо говорится о его согласии организовать Московский университет "по примеру иностранных"², можно бездоказательно обвинять иностранных профессоров, приглашенных для работы в университете, в стремлении недопустить русских к "высоким наукам"³, то не заметить того, что практически все русские профессора Московского университета либо обучались, либо стажировались в университетах Европы, что все они читали свои дисциплины по западным учебникам и руководствам, можно только намеренно уклоняясь от попытки проанализировать вопросы организации и содержания учебного процесса.

Что же представляла собой европейская университетская традиция в 18 веке в целом и особенно в той ее части, которая касалась университетского медицинского образования.

Университеты в 18 веке являлись подконтрольными государству высшими учебными заведениями с ограниченным самоуправлением, особой юрисдикцией и привилегиями как для профессоров, так и для студентов⁴.

Высшим органом самоуправления был Совет университета, на заседаниях которого избирались ректор универси-

¹ [Указ] об учреждении Московского университета и двух гимназий с приложением высочайше утвержденного проекта по сему предмету/ ПСЗ. — Т.14. — № 10346.

² Письмо М. В. Ломоносова И. И. Шувалову. Июнь — июль 1754 г./ Ломоносов М. В. ПСС. — Т.10. — М. — Л.,1957. — С.509.

³ Пионтковский И. А. Семен Герасимович Зыбелин/Зыбелин С. Г. Избранные произведения. — М.,1954. — С.16—19; Российский Д. М. 200 лет медицинского факультета Московского государственного университета I Московского ордена Ленина медицинского института. — М.,1955. — С.28; Белявский М. Т. М. В. Ломоносов и основание Московского университета. — М.,1955. — С.118.

⁴ Университет//Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. — Т.XXXIV^А(68). — СПб.,1902. — С.751—803.

тета и деканы факультетов. Факультетов было, как правило, четыре: философский, богословский, юридический и медицинский, являвшиеся структурными подразделениями университета, достаточно четко организационно выделенными и имевшими значительную самостоятельность. И хотя в 18 веке факультеты уже не издавали своих статутов, не имели собственной печати, большинство хозяйственных и учебных вопросов решалось деканами и советами факультетов с последующим утверждением этих решений Советом университета.

Все студенты, поступившие в университет, вне зависимости от того, желали ли они изучать право, медицину или богословие, обязаны были прослушать курс наук философского факультета. Изучение в течение 2—3 лет физики, математики, философии, логики, иностранных языков (в том числе латинского и греческого) — дисциплин, читавшихся на философском факультете, должно было, во-первых, способствовать формированию определенной мировоззренческой позиции; во-вторых, обеспечить широкую общеобразовательную и языковую подготовку и, в-третьих, "приготовить" слушателей к восприятию наук трех других, как их называли в то время "высших", факультетов.

Основной формой обучения на всех факультетах являлись лекции и диспуты. Лекции представляли собой изложение и профессорское "толкование" определенного руководства или учебника, избранного в качестве основы для преподавания данного курса и утвержденного на заседании Совета факультета. В 18 веке лекции, особенно по естественнонаучным дисциплинам, уже нередко читались профессорами и адъюнктами в лабораториях, музеях, анатомических театрах и сопровождались демонстрациями опытов, специально приготовленных препаратов, различных коллекций. Из лекций студенты получали основной объем сведений по предмету. Диспуты проводились значительно реже и посвящались обсуждению и разбору наиболее важных вопросов лекционного курса. На диспуте от студентов тре-

бовалось точно сформулировать, обосновать и защитить то или иное положение в соответствии с заданием, полученным от профессора.

Основным средством контроля за освоением слушателями учебных дисциплин служили экзамены. Экзамены принимались профессорами университета как по какой-то одной из дисциплин, так и по полному курсу наук какого-либо из факультетов. В университетах 18 века действовала предметная система обучения, согласно которой студенты могли слушать в том или ином университете только одну дисциплину. В этом случае по результатам экзамена профессор выдавал свидетельство об успехах своего слушателя, которое обязательно визировалось деканом и подтверждалось печатью университета. Экзамены же по полному курсу наук того или иного факультета предусматривали в случае их успешной сдачи присвоение испытываемому ученого звания — бакалавра или кандидата. Сдать такой экзамен можно было и не обучаясь в данном университете. Для этого необходимо было представить свидетельства других университетов, подтверждавшие успехи соискателя в тех дисциплинах, знание которых требовалось для присуждения звания бакалавра или кандидата.

Нам не удалось достоверно выявить перечень учебных предметов, знание которых требовалось для получения звания кандидата медицины. Вероятнее всего, этот перечень включал в себя и общеобразовательные, и естественнонаучные, и собственно врачебные дисциплины.

Медицинские факультеты европейских университетов в начале 18 века представляли собой центры широкого естественнонаучного образования, одним из направлений профилизации которого являлось образование врачебное. И хотя это направление было безусловно приоритетным, но все же — одним из нескольких. На медицинские факультеты поступали не только затем, чтобы впоследствии стать врачом. Здесь получали образование и необходимую научную подготовку будущие химики и металлурги, ботаники и ми-

нерологи. Каких-то строгих, универсальных программ обучения не существовало. Конечно, число и перечень предметов преподавания, которые требовалось изучить для того, чтобы стать практикующим врачом и металлургом, существенно отличались. Но определялось это не университетской профессурой, а требованиями тех инстанций, которые являлись конечными потребителями "продукции" медицинских факультетов.

Что же касается врачебного образования, то оно, хотя и предусматривало обязательное изучение всех дисциплин, читавшихся на медицинском факультете, являлось лишь одним из этапов в формировании врача. Звание кандидата медицины не давало выпускникам медицинских факультетов права на врачебную практику, которое можно было получить, как правило, только после стажировки в лечебных учреждениях под руководством опытных наставников и сдачи специальных экзаменов либо в органах территориального управления, либо в органах управления медико-санитарным делом.

Курс наук медицинского факультета был ориентирован на освоение студентами той научной базы, которая позволила бы желавшим заниматься врачеванием в дальнейшем приобрести необходимые для этого практические навыки. Преподавание практических медицинских дисциплин в подавляющем большинстве университетов Европы велось сугубо теоретически. Лишь после окончания университета желавшие заниматься практическим врачеванием, как правило вне университета, приобретали навыки работы с больным, овладевали врачебным искусством под руководством опытных профессоров.

Таким образом, подготовка врача, пригодного для медицинской практики, складывалась из двух этапов. Первый — теоретическое обучение в университете, второй — практическая подготовка на базе университетского образования под руководством опытного врача. Такую модель подготовки врача мы будем условно называть двухэтапной.

На протяжении 18 столетия европейская традиция университетского медицинского образования претерпела существенные изменения. Суть этих изменений сводилась главным образом к тому, что вместо широкого естественнонаучного образования, профилированного в сторону врачебного дела, медицинские факультеты европейских университетов, начиная приблизительно со второй четверти 18 века, стали постепенно переориентироваться на собственно врачебное образование.

Причиной тому послужил естественный ход развития науки и медицины. Схоластика и отвлеченное умозрительное теоретизирование в объяснении известных процессов и явлений в 18 веке уступили место эмпирическому знанию и логическим построениям, основанным на результатах экспериментов и достоверных наблюдениях. Это не только способствовало значительному обогащению химии, ботаники, зоологии, минералогии и других естественных наук новыми данными, но и в конечном итоге привело к окончательному выделению их в самостоятельные научные дисциплины. Резко увеличился их объем и как следствие объем преподавания соответствующих учебных предметов. Бурное развитие получили разделы этих дисциплин, не имевшие прямого прикладного значения для медицины. В результате уже в середине 18 столетия начинается постепенное обособление естественнонаучных дисциплин от собственно врачебных с последующим, на рубеже 18—19 веков, переносом их преподавания на другие факультеты.

По мере приобретения естественными науками все большей независимости от медицины и ее потребностей, выделения их в самостоятельные области научного знания усиливались процессы перемещения сведений прикладного характера из естественных в собственно врачебные дисциплины. Это в свою очередь привело к значительному расширению и обогащению теоретических основ медицины и определило окончательное разделение единого и неделимого здания галеновской медицины на теоретическую медицину

и медицинскую практику. И хотя появившиеся в этот период медицинские системы, носившие наддисциплинарный теоретико-практический характер, создавались главным образом с целью сохранения единства медицины, опережающее развитие теоретической медицины, в значительно большей степени использовавшей новые научные подходы и данные естественных наук, не позволило это сделать. Уже в середине 18 столетия началась дифференциация и теоретической медицины. На медицинских факультетах европейских университетов преподавание единого профессорского курса теоретической медицины сменилось чтением сразу нескольких отдельных дисциплин, выходом в свет специальных учебников и руководств по физиологии, патологии, терапии, диететике.

Сложившееся, таким образом, резкое увеличение объема преподавания собственно врачебных дисциплин, его усложнение в свою очередь также способствовали осознанию нецелесообразности и даже невозможности сохранения прежнего положения дел, при котором врачебное образование было лишь одним из направлений профилизации более широкого естественнонаучного образования.

Следует также отметить, что значительно расширилось и преподавание практических медицинских дисциплин, которые стали читаться на медицинских факультетах как самостоятельные учебные предметы. Интересы государства способствовали введению преподавания акушерства, заставили пересмотреть отношение врачебного сословия к хирургии, что в свою очередь привело к кардинальным изменениям как объема, так и содержания этих учебных дисциплин. На протяжении 17—18 веков неоднократно предпринимались и в конечном итоге увенчались успехом попытки реформировать преподавание практической медицины.

Переходный от широкого естественного к чисто врачебному характеру университетского медицинского образования, сложившийся на медицинских факультетах европейских университетов к середине 18 столетия, наиболее полно

отражен в трудах профессора Лейпцигского университета Х. Г. Людвига⁵.

Согласно разработанной им структуре медицинского образования, университетский цикл подготовки врача должен был складываться из 4 последовательных этапов обучения. Первый представлял собой так называемое "общее приуготовление" и содержательно соответствовал перечню учебных дисциплин философского факультета, освоение которых, как уже указывалось выше, являлось обязательным условием поступления на медицинский факультет. Следующий этап также являлся "приуготовительным", но применительно к целям медицинского образования носил уже специальный характер⁶. Здесь должны были изучаться естественные (ботаника, зоология, минералогия, анатомия, включая и сравнительную анатомию животных, общая и специальная химия) и фармацевтические науки.

Выделение Х. Г. Людвигом естественных наук в блок учебных "приуготовительных" предметов преподавания и их объединение с фармацевтическими дисциплинами свидетельствуют об окончательном признании во второй половине 18 века самостоятельности и независимости естествознания от медицины. Тот же факт, что это "приуготовление" названо Х. Г. Людвигом "специальным", отражает процесс формирования качественно новых вертикальных связей естественных наук с медициной. Изучение студентами медицинских факультетов естественных наук рассматривалось им уже не как элемент собственно врачебной подготовки, а как освоение некой необходимой базы, только на основе которой возможно было приступить к познанию врачебных дисциплин. При этом обособление естественных и фарма-

⁵ Ludwig Ch. G. *Institutiones Physiologiae cum praemissa introductione in universam medicinam praelectionibus academicis accommodatae*. — Lipsiae, 1752; Ludwig Ch. G. *Methodus doctrinae medicae universae praelectionibus academicis accommodata*. — Lipsiae, 1766.

⁶ Ludwig Ch. G. *Methodus doctrinae medicae universae...* — Lipsiae, 1766. — P.32.

цветических наук в отдельный учебный блок означало также и то, что на этом этапе студент медицинского факультета мог закончить свое обучение в университете. Два последних этапа предназначались только для тех, кто желал посвятить себя врачебной деятельности. Первый из них предусматривал освоение студентами теоретических медицинских дисциплин — физиологии, включавшей в себя, по Людвигу, и диететику; патологии и терапии; второй — практических: клинической или практической медицины, хирургии, судебной медицины и казуистики⁷. Отсутствие упоминания у Людвига акушерства связано скорее всего с тем, что в 50—60-е годы 18 века эта дисциплина читалась, за исключением, пожалуй, Геттингенского университета, в рамках курса хирургии.

Мы привели здесь структуру университетского медицинского образования, разработанную профессором Лейпцигского университета Х. Г. Людвигом, не случайно. Таково было состояние этого вопроса ко времени открытия медицинского факультета Московского университета.

* *
*
*
*

Московский университет с первых лет своего существования был, в отличие от университетов Европы, не просто подконтрольным государству, а сугубо государственным учебным заведением, находившимся в прямом подчинении Правительствующему Сенату. Вся полнота власти в университете принадлежала назначавшимся Сенатом и(или) императрицей кураторам. Совет университета — Университетская конференция — представлял собой лишь совещательный орган, который в лучшем случае мог выразить несогласие с тем или иным решением куратора. Все решения Конференции в обязательном порядке направлялись кураторам

⁷ Там же.

и вступали в силу только после их рассмотрения и одобрения. Выборная должность ректора не предусматривалась. Вместо этого была введена должность директора университета, на которую назначался хотя и образованный, но чиновник.

О какой-либо самостоятельности факультетов вообще говорить не приходится, так как они не только не были организационно выделены, но не предусматривались даже должности деканов⁸. Фактически все вопросы, касавшиеся того или иного факультета, рассматривались на заседаниях Университетской конференции и в конечном итоге решались кураторами. Отсутствие в Московском университете богословского факультета также может служить одним из доказательств того, что он являлся сугубо государственным учебным заведением. После отделения Петром I церкви от государства богословское образование оказалось за пределами интересов государственной власти, и об этом со всей определенностью было заявлено в "Проекте о Учреждении Московского университета": "Хотя во всяком университете... должно также предлагать быть богословские знания, однако попечение о богословии справедливо оставляется Святейшему Синоду"⁹.

Но такая четкость формулировок, ясность позиции прослеживаются в "Проекте" только в отношении вопросов управления Московским университетом. Что же касается регламентации основной функции университета — обуче-

⁸ Единственное указание на существование в Московском университете в 18 веке декана какого-либо из факультетов удалось обнаружить лишь в биографии профессора А. А. Барсова, помещенной в "Биографическом словаре профессоров и преподавателей Императорского Московского университета", где говорится о том, что А. А. Барсов являлся (без указания срока) деканом философского факультета. Однако ни в одной из биографий профессоров, преподававших на философском факультете в период с 1791 по 1801 год, указаний на наличие декана этого факультета более не встречается.

⁹ Проект о Учреждении Московского университета/Пенчко Н. А. Основание Московского университета. — М., 1952. — С.144.

ния студентов, то ни о порядке приема, ни о выпуске из университета, ни о последовательности прохождения факультетов, ни об экзаменах не говорится ни слова.

Все эти вопросы были решены уже в ходе работы университета усилиями его первых профессоров и руководителей и нашли отражение в протоколах заседаний Университетской конференции, ордерах кураторов и в так называемом Студенческом уставе¹⁰. Время появления этого документа точно не установлено. Известные экземпляры относятся к периоду царствования Павла I¹¹, но, вероятнее всего, он был введен в Московском университете гораздо раньше¹².

Согласно "Студенческому уставу", поступить в Московский университет мог любой молодой человек, предъявивший руководству университета свидетельства "О благонаравии", "О праве на законную свободу и исключение из подушного оклада", а также доказавший "в открытом заседании Конференции при директоре Университета" удовлетворительное знание "свободных наук и возможность по-Латине свободно и вразумительно изъясняться словом и письмом"¹³. Это последнее положение устава определило тот факт, что студентами Московского университета становились, как правило, либо слушатели духовных академий или семинарий, либо выпускники гимназии при Московском университете.

¹⁰ Точное название документа — "Устав, к наблюдению которого все Университетские Студенты обязуются письменно".

¹¹ Шевырев С. П. История Императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею. — М., 1855. — С. 268—269.

¹² В отпечатанном типографски и подписанном студентом Чеботаревым и директором университета Иваном Тургеневым экземпляре "Устава", хранящемся в Отделе редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ им. М. В. Ломоносова (Инв. 345764), на листе 1 заметна сделанная от руки правка: вместо "Ея Императорского Величества" — "Его Императорского Величества"; вместо "Ея Императорскому Величеству" — "Его Императорскому Величеству"; вместо "Августейшей своей Монархине" — "Августейшему своему Монарху". Это наводит на мысль, что "Устав" был введен по меньшей мере в период царствования Екатерины II.

¹³ Устав, к наблюдению которого все Университетские Студенты обязуются письменно. — Л. 1.

Гимназический курс обеспечивал наиболее полную подготовку молодых людей к обучению в университете. И перечень учебных предметов (латинский и русский языки, арифметика, геометрия, история и пр.), и характер преподавания в гимназиях были ориентированы главным образом на обеспечение необходимого для восприятия профессорских лекций багажа знаний. Разделение всех предметов преподавания на три класса: низший, средний и высший (или ректорский), перевод учеников из одного класса в другой по результатам ежегодных экзаменов и, наконец, то обстоятельство, что выпускные экзамены принимались профессорами и директором университета, призвано было обеспечивать отбор именно тех учеников, которые, по мнению самих преподавателей и руководителей университета, были лучше подготовлены к изучению наук университетского курса. Уровень подготовки слушателей духовных учебных заведений был далеко не одинаков. Одни сразу же зачислялись студентами, другие — по результатам предварительного собеседования направлялись для "доучивания" в тот или иной (чаще всего ректорский) класс гимназии.

Осенью на одном из актов, проводившихся в университете, молодые люди, представившие все необходимые свидетельства и отобранные по результатам предварительного собеседования (либо по результатам выпускных экзаменов в гимназии), в торжественной обстановке посвящались в студенты и получали из рук директора или куратора шпагу, символизировавшую их новый социальный статус. Студентам вручался также "Студенческий устав", в котором подробно излагались обязанности студента Московского университета "относительно к учению и поведению". Подпись под этим документом должна была служить формальным обещанием "как Христианина и честного человека, во всем поступать по силе данного ему Устава"¹⁴.

¹⁴ Там же. — Л.3.

Все зачисленные в Московский университет студенты обязаны были прослушать приуготовительный курс наук философского факультета. Это важнейшее положение европейской университетской традиции, олицетворявшее собой саму идею университетского образования, также было закреплено в Московском университете не "Проектом", а "Студенческим уставом" и решениями Конференции. Прежде чем "избрать по склонности своей и способности известный род учения", каждый студент принимал на себя обязательства "предварительно успеть в так называемых Словесных Науках, состоящих особливо в знании Латинского, Греческого и Российского языка [присовокупя к оным Немецкой и Французской], Истории, Географии, Древностей, Митологии, чистой Математики, Физики и Логики"¹⁵.

Правда, окончательно решить этот вопрос удалось в Московском университете только к началу 70-х годов и не без определенных усилий со стороны профессуры и руководства университета. Имевшие место в 60-х годах неоднократные отзывы студентов, обучавшихся на философском факультете, на государственную службу определяли постоянный дефицит слушателей на "высших" факультетах. Профессора юридического и медицинского факультетов в результате оказывались попросту без работы. С другой стороны, студенты также стремились как можно скорее попасть на "высшие" факультеты с тем, чтобы уменьшить время, потраченное на обучение, и не отстать, таким образом, от своих сверстников, поступивших на службу непосредственно из родительского дома. И в этих условиях надо отдать должное В. Е. Адодурову и работавшим в 60-е годы профессорам за то, что столь последовательно и непреклонно они проводили в жизнь свою позицию, позицию, не позволившую превратить Московский университет в еще одну профессиональную школу. "Студенты, не зная логики, фи-

¹⁵ Там же. — Л.2.

зики, математики и нравственных наук, — читаем мы в протоколе заседания Университетской конференции от 2 августа 1768 года, — приступают к высшим наукам, именно — юридическим и медицинским, якобы с нечистыми руками"¹⁶. Этот вопрос обсуждался на заседаниях Конференции неоднократно. Мы привели здесь выдержку из протокола, датированного 1768 годом, в связи с тем, что проблема перевода студентов на высшие факультеты в этот год стояла особенно остро. В 1768/1769 учебном году на юридическом и медицинском факультетах не оказалось ни одного слушателя. И все же студенты не были допущены к изучению наук "высших" факультетов. "Профессора полагают, — записано далее в цитированном выше протоколе, — чтоб студенты... остались на философском факультете еще год и выполнили, по крайней мере, двухгодичный срок, назначенный его превосходительством г. Куратором до того, как приступят к изучению юриспруденции или медицины — о каком решении надлежит послать его превосходительству господину Куратору доношение"¹⁷.

В дальнейшем вплоть до времени принятия Университетского устава 1804 года минимум двухлетняя подготовка на философском факультете стала обязательной только для студентов, желавших изучать юридические науки. Будущим медикам в 70-е годы было разрешено приступать к изучению медицинских дисциплин после года обучения на общеобразовательном факультете, "как из него (медицинского факультета. — *Авт.*) за окончанием курса отпускались на практику" в Московский военный госпиталь¹⁸.

¹⁶ Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. — Т.3. — М., 1963. — С.155.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Тимковский И. Ф. Памятник Ивану Ивановичу Шувалову, основателю и первому куратору Императорского Московского университета//Московитянин. — 1851. — № 9—10. — С.32.

Основным источником, позволяющим с достаточной достоверностью реконструировать объем, порядок и содержание учебного процесса на медицинском факультете Московского университета, служат расписания лекций, читавшихся на факультете в 18 веке ("Реестры публичных лекций...", "Объявления о публичных лекциях...", "Объявления о публичных учениях...")¹⁹.

Во-первых, потому что в 18 веке лекции являлись основной формой обучения. Имевшие место демонстрации "разъятий трупов", "анатомо-физиологических экспериментов", химических опытов и различных способов приготовления лекарств не имели в тот период статуса практических или лабораторных занятий, а составляли часть лекционных курсов соответствующих дисциплин и объявлялись в расписаниях лекций. Диспуты на медицинском факультете Московского университета проводились крайне редко в связи с малым числом студентов.

Во-вторых, потому что расписания лекций представляют собой, пожалуй, единственный из дошедших до нас источников, в котором нашли отражение не только замыслы и идеи, но и реальные события, связанные с преподаванием на медицинском факультете в 18 веке. В них содержатся перечень и краткие описания всех действительно читавшихся в то время дисциплин, приводятся учебники и руководства, действительно служившие основой преподавания того или иного предмета. Изложенные в них "программы" преподавания практически всегда выполнялись. А если не выполнялись, то в расписании следующего года обязатель-

¹⁹ Обнаруженные расписания лекций, читавшихся на медицинском факультете в 18 веке, опубликованы нами с комментариями и вступительной статьей в "Историческом вестнике Московской медицинской академии им. И. М. Сеченова" (Т.IV. — 1995. — С.83—128).

но указывалось: "...продолжать будет натуральную Историю простых лекарств аптекарских, чего прежде за пространством оной науки окончать не мог...", или "...сверх сего опыты Химические, которых в прошлом году делать не мог, показывать будет..." и т. п.²⁰.

В-третьих, в сохранившихся других документах содержатся лишь отдельные факты, относящиеся к организации и содержанию учебного процесса на медицинском факультете Московского университета в 18 веке и, что особенно важно, лишь за весьма короткий период времени. Так, протоколы заседаний Университетской конференции, ордера кураторов и другие источники, опубликованные в трехтомном сборнике "Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века", относятся почти исключительно к 50—60-м годам. "Рапорты о успехах, понятии, прилежании и поступках, обучающихся в Университете учеников и студентов" составлялись только в 1764—1768 годах.

Расписание лекций — не вновь обнаруженный источник, — исследователи истории Московского университета, высшего образования в России, отечественные историки медицины давно обратили на него внимание. Вместе с тем ни в одной из известных публикаций нам не встретилось попытки собрать и проанализировать все сохранившиеся расписания лекций как единый документ. Они использовались, как правило, лишь для "иллюстрирования" частных положений: в связи с деятельностью кого-либо из профессоров цитировался соответствующий отрывок из расписания его лекций или приводилось, причем зачастую описательно, расписание за определенный год полностью с целью показать перечень читавшихся дисциплин или количество профессоров в университете в этот год. Такой подход не только не позволял исследователям выявить существо-

²⁰ Исторический вестник Московской медицинской академии им. И. М. Сеченова. — 1995. — Т.IV. — С.101,102.

вавший на медицинском факультете порядок преподавания и объективно оценить содержание и научную направленность учебного материала, но и нередко приводил их к ошибочным выводам. Так, Г. А. Колосов прямо указывал, что "определенного выработанного плана преподавания" на факультете в 18 веке не было²¹. В. В. Марковников отмечал, что невозможно точно определить, в какие годы читалась химия и почему в расписаниях лекций ряда лет эта дисциплина отсутствует²². На основании материалов, изложенных в монографии Д. М. Российского²³, невольно приходишь к выводам, что различные предметы читались одним и тем же лицом или одна и та же дисциплина преподавалась в разные годы чуть ли не всеми профессорами факультета. А поскольку при этом никак не оговариваются причины такого положения дел, то складывается впечатление о полном хаосе в организации учебного процесса на медицинском факультете в 18 веке.

Однако вспомним, что учебные медицинские дисциплины в тот период читались не самостоятельно, а в рамках комбинированных профессорских курсов. На медицинском факультете Московского университета до 1790 года таких курсов было четыре: химия и практическая медицина; анатомия и хирургия; натуральная история; теоретическая медицина, а позже, с введением преподавания акушерства, — пять.

Предпринятая попытка наложить все обнаруженные расписания лекций за период с 1765 по 1803 год на "матрицу" четырех либо пяти профессорских курсов позволила установить, что на медицинском факультете Московского университета в 18 веке существовал достаточно строгий поряд-

²¹ Колосов Г. А. Медицинский факультет Московского университета в XVIII веке//Советская клиника. — Т.XVII. — № .2—3. — 1932. — С.136.

²² Марковников В. В. Исторический обзор химии в Московском университете. — М.,1901. — С.27,28.

²³ Российский Д. М. Цит. соч. — М.,1955. — С.21—27.

док преподавания. Во-первых, каждый профессорский курс был рассчитан на три года, и в целом на протяжении 18 века начало и окончание циклов каждого из курсов совпадали между собой, что составляло трехлетний цикл обучения на факультете. Кажущееся нарушение этого порядка в отношении курса химии и практической медицины, в котором, начиная с 80-х годов, в первый год нового трехлетнего цикла читалась не только химия, как было ранее, а полгода посвящались завершению преподавания практической медицины²⁴, на наш взгляд, не является таковым, а представляет собой вновь установившийся порядок сочетания профессорских курсов между собой в пределах трехлетнего цикла обучения на медицинском факультете.

Во-вторых, преподавание дисциплин, составлявших тот или иной профессорский курс в пределах одного цикла, имело установленную последовательность. Из сказанного не следует делать вывод, что на протяжении всех 40 лет последовательность изложения отдельных предметов в пределах каждого из курсов не менялась. Так, в 80-х годах наметилась тенденция увеличения объема преподавания практических медицинских дисциплин, четко прослеживаемая по расписаниям лекций. Профессор С. Г. Зыбелин в рамках этой тенденции предпринял попытку найти иную последовательность изложения дисциплин, входивших в читаемый им курс химии и практической медицины, для усиления его практической ориентации. И хотя в результате к началу 90-х годов прежняя последовательность (химия — фармацевтические дисциплины — практическая медицина) была им восстановлена, но, во-первых, в пределах курса за счет химии (время преподавания сокращено до одного семестра) до полутора лет был увеличен срок обучения практической медицине и, во-вторых, сформировался иной, как было отмечено выше, порядок сочетания трехлетнего курса химии

²⁴ Исторический вестник Московской медицинской академии им. И. М. Сеченова. — 1995. — Т.IV. — С.105—129.

и практической медицины с другими профессорскими курсами медицинского факультета.

Наиболее наглядно трехлетние циклы преподавания отдельных профессорских курсов и последовательность изложения дисциплин, входивших в каждый из них, можно показать на порядке чтения курсов теоретической медицины, химии и практической медицины. В качестве примера приведем выдержки из расписаний лекций за период с 1792/1793 по 1796/1797 учебный год²⁵, расположив материал в виде таблицы (табл.1).

Таблица 1

Учебный год	Профессор и читавшийся им курс	
	С.Г.Зыбелин. "Химия и практическая медицина"	М.И.Скиадан. "Теоретическая медицина"
1792/1793	"...изъяснять будет правила Медицины Практической, по руководству г. де Меза, называемому сокращением Медицины Практической, следуя притом как великому Бургаву, так и другим новым изобретениям прославившимся в оной части мужам..."	"...кончит наперед Патологию..., будет толковать в нынешнем году по руководству славнейшего Бургава и прочие части наставлений медицинских, а именно, Гигиену, или науку о сохранении здоровья, Семиотику, преподающую о признаках здоровья и болезней, и наконец Терапию предлагающую способ и правила о пользовании болезней"
1793/1794	"...по окончании правил Медицины Практической, приступит к изъяснению химии по руководству Фогеля, присоединяя притом по своим местам разные из оной опыты..."	"...будет толковать физиологию по руководству Галлера"

²⁵ Там же. — С.119—125.

Учебный год	Профессор и читавшийся им курс	
	С.Г.Зыбелин. "Химия и практическая медицина"	М.И.Скиадан. "Теоретическая медицина"
1794/1795	"...изъяснять будет во-первых о силе простых лекарств, действующих различным образом в теле человеческом, следуя Фогелевой Истории Материи Медицинской, с показанием притом и новых изобретений славнейших мужей; потом присоединит к сему предписываемые в употребительных здесь фармакопеех составления лекарств сложенных с их употреблением; и ежели время позволит, не преминет показать и способ, как должно предписывать лекарства..."	"...будет преподавать Физиологию по Галлерову, а Патологию по Бургаву руководству"
1795/1796	"...изъяснять будет правила Медицины Практической по руководству г. де Меца, называемому сокращением Медицины Практической, следуя притом как великому Бургаву, так и другим новым изобретениям прославившимся в оной части мужам..."	"...окончив прежде начатую уже Патологию, будет изъяснять потом все прочие части теоретической медицины, как-то Гигиену, Семиотику и терапию, по руководству Бургавову"
1796/1797	"...по окончании правил Медицины Практической, приступит к изъяснению Химии по руководству Фогеля, присоединяя при том по своим местам разные из оной опыты".	"...по предварительном изъяснении как Истории Медицинской, так и введения, показывающего свойство, употребление и связь различных наук, составляющих круг врачебного наставления, преподавать будет Физиологию по руководству Галлерову"

Из таблицы видно, что 1792/1793 и 1795/1796 учебные годы завершали трехлетние циклы, т. е., говоря современным языком, в эти годы на медицинском факультете учились студенты последнего курса. Соответственно 1793/1794 и 1796/1797 учебные годы представляли собой начало новых циклов обучения на факультете.

Выявленные, таким образом даты начала и завершения трехлетних циклов обучения совпали с датами зачисления на медицинский факультет и выпуска из университета известных в настоящее время воспитанников медицинского факультета Московского университета. Так, в 1793 году на медицинский факультет были приняты И. А. Двигубский и И. П. Воинов, а Ф. И. Барсук-Моисеев завершил обучение. В 1796 году поступил М. Я. Мудров, а И. А. Двигубский, И. С. Андреевский и И. Ф. Венсович окончили медицинский факультет²⁶. Иными словами, прием и выпуск на медицинском факультете в 18 веке осуществлялись не чаще чем раз в три года, а именно в годы начала (прием) и завершения (выпуск) профессорских курсов. Пропущенный по той или иной причине предмет студент мог прослушать лишь спустя три года, что влекло за собой увеличение срока обучения.

Установленная последовательность изложения дисциплин в пределах профессорских курсов не менялась в случае смены профессора, читавшего тот или иной курс. В качестве обоснования этого положения рассмотрим последовательность преподавания предметов, входивших в курс теоретической медицины. На протяжении 18 века число профессоров, читавших данный курс, было наибольшим, а установившаяся уже в 60-х годах последовательность преподавания основных дисциплин этого курса: 1-й год — физиология (иногда к ней добавлялась история медицины); 2-й год — физиология и патология; 3-й год — патология и терапия, сохранялась неизменной (табл. 2).

²⁶ См. соответствующие биографии в кн.: Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета. — М., 1855.

Таблица 2

Профессора, читавшие курс теоретической медицины	Предметы, составлявшие курс теоретической медицины в трехлетнем цикле преподавания на медицинском факультете		
	Физиология	Физиология и Патология	Патология и Терапия
С. Г. Зыбелин	1765/1766	1766/1767	1767/1768*
И. А. Сибирский	1769/1770**	1770/1771**	1772/1773
И. И. Вечь, И. А. Сибирский	—	1777/1778	1778/1779
М. И. Скиадан	1779/1780	1780/1781	1781/1782
	1783/1784	1784/1785	1785/1786
	1786/1787	1787/1788	1788/1789
	1789/1790	1791/1792	1792/1793
	1790/1791	1794/1795	1795/1796
	1793/1794		
М. И. Скиадан, Ф. И. Барсук- Моисеев	1796/1797	—	1798/1799
	1799/1800	1800/1801	—

Примечание. Прочерки означают отсутствие в нашем распоряжении расписаний лекций или каких-либо данных о преподавании на медицинском факультете за данный учебный год.

*Данные о преподавании взяты из монографии С. В. Рождественского "Очерки по истории системы просвещения в России XVIII—XIX веков". — СПб., 1912. — С.242—246.

**Данные о преподавании взяты из монографии С. П. Шевырева "История Императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею". — М., 1855. — С.147.

Сопоставление расписаний лекций позволило выявить и отдельные исключения из принятого порядка. Так, четырехлетним стал цикл обучения на медицинском факультете с 1789/1790 по 1792/1793 учебный год, что, по-видимому, было вызвано выделением с 1790/1791 учебного года акушерства в самостоятельный профессорский курс: это привело к продлению сроков обучения на факультете до завершения трехлетнего цикла преподавания акушерства.

Особо необходимо отметить, что в течение ряда лет преподавание на медицинском факультете Московского университета не велось. Так, в 1771/1772 учебном году лекции в Московском университете не читались из-за свирепствовавшей в Москве с сентября 1771 по апрель 1772 года чумы. Как известно, и С. Г. Зыбелин, и П. Д. Вениаминов, на которых в те годы лежал основной объем преподавания, приняли активное участие в ликвидации эпидемии и не могли совмещать эту работу с проведением занятий в университете.

Как уже указывалось выше, в результате решения Университетской конференции о запрещении перевода студентов, не прослушавших как минимум двухлетний курс наук философского факультета, на высшие факультеты, не велось преподавание медицинских дисциплин и в 1768/1769 учебном году.

Из-за отсутствия студентов не читались лекции на медицинском факультете в 1802/1803 учебном году. Об этом, в частности, свидетельствует отчет первого попечителя Московского университета М. Н. Муравьева министру народного просвещения, в котором говорилось, что в 1802/1803 учебном году "Медицинский факультет... оставался без действия, по малой склонности студентов к сему учению"²⁷. Также, по-видимому, из-за отсутствия студентов, не велось преподавание и в 1782/1783 учебном году, который должен был стать первым годом нового трехлетнего цикла. Расписаний лекций за этот год нам обнаружить не удалось и никто из историков Московского университета на них не ссылается. При этом перечень учебных предметов, объявленных для преподавания в следующем 1783/1784 учебном году, соответствовал перечню предметов первого года обучения на медицинском факультете.

В конце каждого полугодия и по итогам учебного года по всем прослушанным за истекший период времени дис-

²⁷ Шевырев С. П. Цит. соч. — С.329.

циплинам студенты обязаны были сдавать экзамены Университетской конференции. Результаты экзаменов, или, как их тогда называли, "испытаний", направлялись кураторам университета, а в 60-х годах даже императрице.

По окончании полного курса обучения и успешного прохождения "испытаний" по всем читавшимся дисциплинам выпускник медицинского факультета до назначения на какую-либо должность или получения медицинского звания (доктор медицины, лекарь, подлекарь) продолжал именоваться студентом²⁸.

Это звание само по себе не открывало каких-либо серьезных перспектив для медицинской, ученой или педагогической карьеры и при поступлении на службу не давало сколько-нибудь ощутимых преимуществ по сравнению с теми, кто завершал свое образование окончанием философского факультета или не прошел полного курса наук медицинского

²⁸ Так, например, в документе Сената от 4 апреля 1773 года окончившие полный курс медицинского факультета и направляемые для стажировки в "Московский главный гофшпиталь". В. Ключарев, И. Орлов, Д. Иванов и П. Анитов (Турубинер Л. А. История медицинского факультета Императорского Московского университета от основания до первой Отечественной войны (1764—1812). — Канд. дисс. — Т.2. — М., 1944. — Приложение 26). Даже удостоенные после сдачи экзамена степени кандидата медицины до назначения на должность продолжали упоминаться в документах как студенты или как медицины (медицинского факультета) студенты и кандидаты. Так, например, в протоколах Университетской конференции и ордерах куратора И. А. Сибирский вплоть до окончания испытаний на разрешение читать лекции именовался студентом медицинского факультета ("Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века". — Т.3. — М., 1963. — С.256, 357, 359, 362, 381, 382). Студентами в документах называли даже питомцев университета, возвратившихся из "чужих краев" с докторскими дипломами, до прохождения ими процедуры признания их докторской степени в России. Студентом В. Е. Адогуров в ордерах от 3 сентября и 3 декабря 1769 года называл возвратившегося из Швеции с дипломом доктора медицины М. И. Афонина (Там же. — С.222, 252). Как студент подписал М. И. Афонин "Отчет о моей научной работе, которой я занимался с того времени, как мне было дозволено посещать иностранные Университеты" (Там же. — С.230—232).

факультета. Из окончивших полный курс медицинского факультета в 18 веке известны лица, которые по невыясненным обстоятельствам не стали заниматься ни медициной, ни естественными науками. Так, Е. Винчевский, окончивший полный курс медицинского в 1773 году, был "оставлен в университете с награжденным чином коллежского переводчика" и, кроме того, обучал "высший арифметический класс"²⁹.

Единственной привилегией студента, прошедшего полный курс обучения на медицинском факультете, была возможность дальнейшего усовершенствования. Вариантов такого усовершенствования было несколько. Во-первых, сразу после завершения обучения выпускник мог в университете сдать экзамен на звание кандидата медицины. Процедуру и объем такого экзамена установить не удалось. Но известно, что его принимала университетская Конференция с разрешения куратора. Кандидат медицины мог быть оставлен при университете в качестве помощника профессора медицинского факультета и даже преподавать. И. А. Сибирскому, например, было дозволено "читать курс теоретической медицины; в 1778 году он был назначен экстраординарным профессором"³⁰. Но кандидат медицины, как и студент, прошедший полный курс обучения на медицинском факультете, права на медицинскую практику не имел. И в отношении получения этого права у кандидата медицины не было никаких преимуществ перед студентом.

Во-вторых, подавляющее большинство окончивших медицинский факультет студентов (как удостоенных, так и неустоенных степени кандидата медицины) направлялись в "Московский главный гофшпиталь" для стажировки в практических врачебных науках, после которой они могли сдавать лекарский экзамен и получить право лекарской практики.

²⁹ Там же. — С.449—450.

³⁰ Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета. — Ч. II. — М., 1855. — С.414.

В-третьих, наиболее отличившиеся и удачливые из числа окончивших студентов (или кандидатов медицины) за счет Московского университета направлялись для продолжения образования и подготовки к профессуре в зарубежные университеты. Попасть для продолжения образования "в чужие края" можно было не только непосредственно из Московского университета. Известны случаи, когда питомцы медицинского факультета направлялись в зарубежный университет после стажировки в Московском главном госпитале за счет Медицинской коллегии. В этом отношении примечателен случай с окончившими медицинский факультет в 1733 году В. Ключаревым, И. Орловым, Д. Ивановым и П. Анитовым. Сенат направил их в Московский главный госпиталь, но после стажировки лекарского экзамена они не сдали. Тем не менее в мае 1775 года они были направлены для продолжения образования в Страсбургский университет, откуда В. Ключарев и Д. Иванов возвратились с докторскими дипломами³¹.

Наконец, оставшиеся при университете или при Московском госпитале могли подготовить и защитить докторскую диссертацию в Москве. В 1764 году право присвоения степени доктора медицины было дано Медицинской коллегии, в 1791 году — Московскому университету. В 90-х годах более 10 выпускников медицинского факультета подготовили и защитили докторские диссертации в России.

* *
*

Теперь несколько слов о профессорах, преподававших на медицинском факультете Московского университета в 18 веке. Среди публикаций, так или иначе касающихся истории медицины в России, крайне сложно отыскать работу, в которой не упоминались бы их имена. Описания отдельных

³¹ П. Анитов и И. Орлов умерли по дороге в Страсбург.

фактов из общественной, литературной, педагогической деятельности профессоров с общей позитивной оценкой составляют основу большинства работ по истории медицинского факультета Московского университета (особенно в отношении 18 века)³². Имена С. Г. Зыбелина, Ф. Г. Политковского, В. М. Рихтера неизменно фигурируют в связи с историей отечественной клинической медицины и русской медицинской науки³³. Помимо этого, существует целый ряд работ, включая отдельную монографию³⁴, посвященных заслугам первого русского профессора медицинского факультета С. Г. Зыбелина — "ученика М. В. Ломоносова". Терапевты (Д. М. Российский³⁵) называют его первым русским терапевтом и основателем клинической школы Московского университета; педиатры (Е. Д. Заблудовская³⁶) пишут о нем как о первом детском враче; гигиенисты считают, что С. Г. Зыбелин был одним из первых медиков, поднимавших проблемы профилактики в России³⁷.

Вместе с тем нам не встретилось ни одной публикации, в которой давалась бы оценка деятельности первых профессоров медицинского факультета с точки зрения основной функции университета — обучения студентов. В большинстве известных литературных источников сообщается глав-

³² См., например: Российский Д. М. Цит. соч.; 225 лет Первому Московскому медицинскому институту им. И. М. Сеченова. — М., 1990. — С.5—106.

³³ См., например: Лушников А. Г. Клиника внутренних болезней в России первой половины XIX века. — М., 1959. — С.21—32; Побединский Н. И., Степанов Л. Г. Клиника акушерства и женских болезней/175 лет Первого Московского государственного медицинского института. — М., 1940. — С.251—252.

³⁴ Пионтковский И. А. Семен Герасимович Зыбелин/Зыбелин С. Г. Избранные произведения. — М., 1954. — С.5—59.

³⁵ Российский Д. М. Первый русский профессор терапии С. Г. Зыбелин//Советская медицина. — 1948. — № 4. — С.38—40.

³⁶ Заблудовская Е. Д. С. Г. Зыбелин — один из первых педиатров России//Педиатрия. — 1951. — № 1. — С.42—46.

³⁷ Лотова Е. И. Идеи профилактики в трудах С. Г. Зыбелина// Советское здравоохранение. — 1952. — № 3. — С.50—56.

ным образом лишь перечень дисциплин, читавшихся тем или иным профессором, и этот перечень в отношении большинства из них охватывает чуть ли не все предметы, преподававшиеся на медицинском факультете в 18 веке. указывается, например, что П. Д. Вениаминов читал химию, "медицескую материю", практическую медицину, ботанику, И. А. Сибирский — физиологию, патологию, терапию, гигиену, диететику; те же предметы, кроме ботаники, но включая еще анатомию с хирургией, преподавал С. Г. Зыбелин. Чаще всего причины такого положения дел не оговариваются, реже делается уже упомянутый вывод об отсутствии на медицинском факультете Московского университета в 18 веке какого-либо установленного порядка преподавания³⁸. Приведенный выше анализ расписаний лекций показал ошибочность такой оценки. Верно другое — первые профессора медицинского факультета не являлись специалистами в области читавшихся ими дисциплин, а потому в зависимости от ситуации курсы преподавания легко передавались от одного профессора другому. Само по себе это не являлось тогда чем-то из ряда вон выходящим. И в европейских университетах, и в отечественных госпитальных школах профессорам часто меняли курсы преподавания, им приходилось даже читать несколько совершенно различных курсов одновременно. Достаточно вспомнить перечень дисциплин, читавшихся И. Г. Редерером в Геттингенском университете (акушерство, анатомия, хирургия, физиология, судебная медицина)³⁹, И. З. Платнером — в Лейпциге (анатомия, хирургия, физиология, патология, терапия)⁴⁰, К. И. Щепиным — в Московской госпитальной школе, Н. М. Максимовичем-Амбодиком, А. М. Шумлянским, М. М. Тереховским — в Петербургских генеральных

³⁸ Колосов Г. А. Цит. соч. — С.127—140.

³⁹ Biographisches lexikon der hervorragenden Ärzte aller Zeiten und Völker. — 2 eb. — Berlin, Wien. — Bd.4. — S.845—846.

⁴⁰ Там же. — S.626—627.

госпиталях⁴¹. Малая дифференциация медицинских дисциплин и широкое университетское образование позволяли профессорам преподавать несколько различных предметов или даже курсов, например теоретической медицины (включавшей физиологию, патологию, терапию) и анатомии с хирургией.

Но при этом профессора как европейских университетов, так и отечественных госпитальных школ, как правило, являлись специалистами в одной из читаемых ими дисциплин. Так, например, И. Г. Редерер был известнейшим в Европе акушером; И. З. Платнер специализировался в области хирургии и подготовил по этой дисциплине фундаментальное руководство, выдержавшее несколько изданий; в России: А. М. Шумлянский и Н. М. Максимович-Амбодик были известными акушерами, М. М. Тереховский — крупным специалистом в области ботаники. В 18 веке в числе профессоров медицинского факультета Московского университета таких специалистов не было. Лишь профессор В. М. Рихтер, известный своей блестящей акушерской практикой и научными работами в области акушерства, являлся специалистом по одному из предметов, которые преподавал. Более того, В. М. Рихтер — единственный из профессоров медицинского факультета — подготовил учебное пособие и учеников, успешно преподававших акушерство: в Московском университете — А. И. Данилевский, В. И. Ризенко, М. В. Рихтер; в Московской медико-хирургической академии — Д. И. Левитский.

Наиболее отчетливо отсутствие профессионалов среди профессуры медицинского факультета обнаруживается на примере анатомии — одной из немногих медицинских дисциплин, представлявших собой в 18 веке окончательно сформировавшуюся науку со своим предметом и методами изучения. Как следствие и в Европе, и в России преподава-

⁴¹ См. соответствующие биографические справки в кн.: Чистович Я. История первых медицинских школ в России — СПб., 1883.

ние анатомии в 18 веке стало постепенно переходить к профессионалам-анатомам. В европейских университетах Б. Альбинус и Дж.Морганьи, А. Галлер и И. Гассер, Я. Винслоу и Л. Калданий, А. Шааршмидт и Л. Гейстер, И. Меккель и др. были не только профессионалами-анатомами, но и внесли весомый вклад в развитие анатомии как науки. В России профессионально занимались анатомией профессора университета при Петербургской академии наук Й. Вейбрехт и А. П. Протасов, Петербургской медико-хирургической академии — П. А. Загорский. В Московском университете после И. Ф. Эразмуса вплоть до 10-х годов 19 века не было ни одного профессионального анатома. Поэтому не случайно, что первая в России анатомическая школа сложилась не в Московском университете, а в Петербургской медико-хирургической академии (П. А. Загорский). Ф. Ф. Керестури, около 30 лет читавший курс анатомии на медицинском факультете, не подготовил ни одного учебника или руководства. В Москве он был известен как превосходный частнопрактикующий врач, а отнюдь не как анатом⁴².

Не только Ф. Ф. Керестури, но и все без исключения профессора медицинского факультета за время работы в университете в 18 веке не составили ни одного учебника, ни одного руководства. Преподавание велось только по европейским источникам. Основными работами профессоров медицинского факультета явились переводы иностранных руководств и публикации произнесенных ими актовых речей ("Слов"). При этом отметим, что по темам своих выступлений профессора, как правило, каких-либо самостоятельных специальных исследований не проводили. В лучшем случае из текстов "Слов" мы можем узнать собственный взгляд автора на ту или иную проблему, частный вопрос, но, обычно, акты речи представляли собой лишь обзор литературы, причем в ряде случаев основательно устарев-

⁴² Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета. — М., 1855. — Т. I. — С. 404—406.

шей. В связи с этим нам представляются не вполне оправданными выводы о том, например, что С. Г. Зыбелин был первым отечественным педиатром и основоположником профилактического направления в русской медицине, сделанные на основании отдельных цитат из его речей, в которых он ратовал за необходимость борьбы с детской смертностью, проведения широких гигиенических мероприятий, поднимал вопросы о важности ухода за детьми, правильного кормления и воспитания.

В то же время преподаватели госпитальных школ — медико-хирургических училищ явились авторами целого ряда учебных пособий и вполне самостоятельных научных разработок. Н. М. Максимович-Амбодик составил учебники по акушерству и врачебному веществословию, И. Ф. Шрейбер — по клинической практике, М. И. Шеин подготовил и опубликовал анатомический атлас и т. д.⁴³.

Помимо отсутствия самостоятельных оригинальных исследований, еще одним свидетельством того, что профессора медицинского факультета Московского университета не являлись специалистами ни в одной из областей естествознания, теоретической или практической медицины, служит то обстоятельство, что никто из них в течение 18 века не подготовил ни учеников, ни преемников. Половину профессоров факультета в 18 веке составили выпускники медицинских факультетов европейских университетов (И. Х. Керштенс, И. Ф. Эразмус, С. Г. Зыбелин, П. Д. Вениаминов, М. И. Скиадан, И. И. Вечь), а ставшие ординарными профессорами выпускники медицинского факультета Москов-

⁴³ Максимович-Амбодик Н. М. Искусство повивания или наука о бабичьем деле. — Ч.1—6. — СПб.,1784—1786; Он же. Врачебное веществословие или описание целебных растений во врачестве употребляемых, с изъяснением их пользы и употребления оных. — Кн.1—3. — СПб.,1783—1789; Шрейбер И. Ф. Руководство к познанию и врачеванию болезней человеческих наружных и внутренних... — СПб.,1781; *Syllabus, seu index omnium partium corporis humani figuris illustratus.* — Petropoli,1744.

ского университета собственно подготовку к профессуре проходили под руководством европейских специалистов. Лишь И. А. Сибирский и Ф. И. Барсук-Моисеев не стажировались в зарубежных университетах, но ординарными профессорами не стали.

О какой клинической школе Московского университета, основателем которой был С. Г. Зыбелин, можно говорить⁴⁴, если за 37 лет работы в университете он не подготовил себе даже преемника. Ф. Г. Политковский, читавший после С. Г. Зыбелина практическую, а затем клиническую медицину, по окончании медицинского факультета стажировался за границей главным образом по предметам натуральной истории⁴⁵. Получившее широкое распространение в отечественной историко-медицинской литературе мнение, что М. Я. Мудров (действительно один из основоположников клинической медицины в России) был учеником Ф. Г. Политковского, попросту противоречит фактам. Во-первых, во время обучения М. Я. Мудрова в университете Ф. Г. Политковский читал курс натуральной истории; а во-вторых, основной сферой интересов М. Я. Мудрова до его возвращения из-за границы являлась хирургия. Желая посвятить себя хирургической практике, он после окончания университета прошел годичную стажировку в Московском военном госпитале и сдал экзамен на звание кандидата хирургии; именно с этой целью он в 1801 году отправился за границу⁴⁶.

Большинство профессоров, преподававших на медицинском факультете Московского университета в 18 веке, заняли свои должности сразу после окончания университета и

⁴⁴ Лушников А. Г. Мироззрение И. Е. Дядьковского/Дядьковский И. Е. Сочинения. — М., 1954. — С. 27.

⁴⁵ Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета. — М., 1855. — Т. 2. — С. 280—287.

⁴⁶ Колосов Г. А. Профессор М. Я. Мудров. Его личность, научно-общественная деятельность и значение для русской медицины. — Пг., 1915.

непродолжительной стажировки, не успев ни стать специалистами в какой-нибудь области, ни приобрести собственный опыт педагогической работы. В этих условиях единственно возможным был путь использования прежних источников преподавания прежних, уже отработанных методических приемов. Об этом свидетельствуют те немногие изменения, которые произошли в преподавании на медицинском факультете в 18 веке: они связаны с именами профессоров, проработавших в университете более 10 лет и, следовательно, имевших возможность приобрести необходимый опыт.

Все вместе взятое, конечно же, не могло не отразиться на содержании учебного процесса. И здесь вновь основным источником, анализ которого позволяет судить о том, что же собственно преподавалось в рамках того или иного курса, являются расписания лекций, поскольку, во-первых, конспекты лекций, если они, конечно, велись, не сохранились, а во-вторых, есть достаточно оснований полагать, что указанные в расписаниях лекций учебники и руководства действительно служили основой преподавания. Европейская университетская традиция предусматривала обязательное утверждение Университетской конференцией выбранного тем или иным профессором основного источника преподавания. В этом плане параграф восьмой "Проекта о Учреждении Московского университета" выглядит еще более категорично: "Никто из профессоров не должен по своей воле выбрать себе системы или Автора и по оной науку свою слушателям предлагать, но каждый повинен последовать тому порядку и тем Авторам, которая ему Профессорским собранием и от кураторов предписаны будут"⁴⁷.

Таким образом, объявленные в расписаниях лекций учебники и руководства были своеобразной программой преподавания по данной дисциплине. Безусловно, за про-

⁴⁷ Проект о Учреждении Московского университета/Пенчко Н. А. Цит. соч. — С.145.

фессорами сохранялась возможность по своему усмотрению определять объем преподавания как отдельных дисциплин в рамках целого курса, так и каких-то разделов в пределах одной дисциплины; изменять последовательность изложенного в руководстве материала, даже в некоторых частных вопросах отходить от назначенного источника, комментируя или иллюстрируя те или иные его положения. Однако, если можно так выразиться, идеология преподавания той или иной дисциплины, его направленность, перечень обязательных для изложения и рассмотрения вопросов жестко определялись избранным источником. При этом еще раз подчеркнем, что среди источников, по которым велось преподавание, нет учебников или руководств, составленных профессорами Московского университета.

Содержанию преподавания каждой из читавшихся на факультете дисциплин посвящены отдельные главы. В настоящем разделе мы остановимся лишь на более общих вопросах, характеризующих содержание учебного процесса на медицинском факультете Московского университета в целом.

В этой связи обращают на себя внимание два обстоятельства. Первое заключается в том, что профессорам Московского университета не удалось добиться оптимального сочетания в преподавании естественных и врачебных наук. Важнейший для университетов Европы вопрос о постепенной переориентации медицинских факультетов от широко естественного образования, профилированного на нужды медицины, в сторону образования чисто врачебного в Московском университете был решен по известному принципу: "одно за счет другого". Вместо увеличения объема преподавания естественных дисциплин с последующим выделением и переносом этих курсов на другие факультеты в Московском университете чтение естественных наук на медицинском факультете было сокращено до минимума. Начиная с 70-х годов курсы общей и "специальной" химии вообще перестали читаться. В 80-х вдвое уменьшился объем преподавания даже "медицинской" химии.

В течение ряда лет на медицинском факультете Московского университета не велось преподавание натуральной истории. Конечно, можно говорить о том, что на протяжении 18 века медицинский факультет испытывал значительные сложности, не хватало профессоров. Но ведь именно в этих условиях курс теоретической медицины, хирургия или практическая медицина читались неизменно. При этом преподавание теоретических врачебных наук вели несколько профессоров. Надо полагать, что здесь имели место другие причины. Во второй половине 18 века преподавание естественнонаучных дисциплин должен был осуществлять специалист. Уровень развития этих наук требовал, чтобы, например, химию в университете читал не просто широко образованный медик, а химик; натуральную историю — специалист, профессионально изучавший ботанику, минералогию и зоологию. Ведь не случайно в европейских университетах второй половины 18 века эти дисциплины читались отдельно: слишком велик стал их объем для того, чтобы один профессор мог одинаково хорошо знать все разделы натуральной истории. В Московском же университете таких специалистов не было, а пригласить из-за границы, видимо, не хватало средств.

В преподавании медицинских дисциплин также видны существенные недостатки. Анализ расписаний лекций и использовавшихся в преподавании источников показал, что в соответствии с требованиями времени читались только те дисциплины, в которых в тот период не произошло значительных изменений. Наиболее показательным в этом плане является чтение курсов анатомии и физиологии, преподавание патологии, практической медицины. Здесь отставание от передовых университетов Европы особенно заметно.

Что же касается хирургии, акушерства, группы фармацевтических дисциплин, терапии и, возможно, диететики, то уровень их преподавания в целом вполне соответствовал требованиям времени. А это совсем не мало, если принять во внимание, что работать первым профессорами пришлось

в условиях крайне слабого материально-технического обеспечения учебного процесса, низкого жалования (некоторые профессора по несколько лет работали, даже не получая его), малого числа слушателей, уровень подготовки которых подчас не соответствовал уровню студента университета, приобретая необходимый опыт по ходу работы. И тем не менее они смогли в течение четырех десятилетий 18 века не только подготовить около 30 выпускников, ставших впоследствии докторами медицины, но и внедрить на русскую (в целом неподготовленную) почву европейскую традицию университетского медицинского образования, создать ту основу медицинского факультета, которая позволила в начале 19 века, в основном силами его же выпускников, успешно провести реформу преподавания.

Глава 6

ПРЕПОДАВАНИЕ АНАТОМИИ, ХИРУРГИИ И АКУШЕРСТВА

Из всех профессорских курсов, читавшихся на медицинском факультете Московского университета в 18 веке, связи между составлявшими их дисциплинами наиболее очевидны и понятны для современного врача, пожалуй, лишь в отношении курсов анатомии и хирургии, хирургии и повивального искусства. В самом деле, кто из медиков сегодня не сможет объяснить, например, важность анатомии для хирургии или назвать точки соприкосновения хирургии и оперативного акушерства. Однако, хотя связи между анатомией, хирургией и повивальным искусством в 18 веке и существовали, носили они во многом иной характер, что было обусловлено в первую очередь тем, что каждая из названных дисциплин и как наука, и как предмет преподавания на медицинских факультетах университетов в то время не соответствовала ее сегодняшнему содержанию. Различия, причем подчас весьма значительные, касались либо основных мотивов и движущих сил развития, либо занимаемого той или иной из этих дисциплин места в системе

медицинских знаний, либо целей их изучения, что не могло не отразиться на отличной по сравнению с сегодняшним днем направленности и ориентации их преподавания на медицинских факультетах университетов в 18 веке.

* *

*

Другие по сравнению с современными мотивы развития наиболее отчетливо видны при анализе состояния анатомии, которая во многом благодаря особенностям этих мотивов занимала на протяжении большей части 18 столетия иное, чем ныне, положение в системе медицинских знаний.

Так, в начале 18 века анатомия и как наука, и как университетский предмет преподавания представляла собой сугубо естественнонаучную дисциплину, связи которой с врачеванием еще не были обозначены так четко, как век спустя. Тому было несколько причин. Прежде всего не следует забывать, что возникновение и дальнейшее развитие новой анатомии не были непосредственно связаны с запросами и потребностями медицины. Являясь одним из наиболее ярких феноменов культуры Возрождения, она возникла как результат устремленности человека Возрождения к Богу, к прекрасному и к знанию. Познание строения человеческого тела и взаимодействия его частей раскрывало великие тайны, позволяло постичь внутреннюю организацию существа, созданного по образу и подобию божию, подлинную гармонию, возникшую и существующую благодаря божественному вдохновению Творца. Гармония строения и движений человеческого тела стала идеалом прекрасного. Не случайно же революцию в анатомии подготовили не столько врачи, сколько живописцы и скульпторы, более чем за столетие до А. Везалия порвавшие с традициями плоскостного, статичного изображения человека, чтобы показать его в жизни, в движении, в радости или страдании. Еще не полностью востребованная медициной анатомия начала бурно

развиваться, самим фактом своего развития подтверждая непреложность принципа самооценности знания.

О познании мудрости Создателя как стимуле развития и одновременно важнейшей задаче новой анатомии неоднократно говорил ее основоположник А. Везалий. «Различные исследования тела, — писал он, например, в предисловии к "Эпитоме", — о гармонии которого мы постоянно возвещаем и которое самому человеку совершенно неизвестно, пишутся нами, чтобы рассмотреть по божественному вдохновению соединения не органов, а соединения неизмеримых деяний Творца, назначению которых мы удивляемся»¹. Именно этот стимул, этот мотив определили и опережающий по сравнению с медициной характер развития анатомии в 16—18 веках, и известную независимость его от потребностей практической медицины и хирургии.

Вместе с тем с конца 16 века анатомическими исследованиями занимались главным образом врачи, совмещавшие эти занятия с медицинской практикой. У многих из них постепенно накапливался материал, свидетельствовавший о важности анатомических знаний для понимания сущности болезней и функционирования организма человека. С их деятельностью связаны попытки сблизить анатомию с тогдашней теоретической и практической медициной.

На протяжении 17 — первой половины 18 веков наибольшее значение в этом плане имели работы, связанные с ятрофизическими, в частности ятромеханическими, представлениями. Стремление объяснить все процессы и явления, наблюдаемые в организме человека, на основе законов механики неизбежно привело к необходимости точного знания морфологического субстрата изучаемых процессов и явлений.

Исследования и открытия в области изучения кровообращения (Ф. Вальверде, Р. Коломбо, У. Гарвей, М. Мальпиги, Дж. Борелли) и лимфатической системы (Г. Азелли,

¹ Везалий А. Эпитоме. — М., 1974. — С.22.

Т. Бартолин), пищеварения и дыхания (Г. Бургаве), нейромышечной передачи (Ж. Сваммердам, дю Верни, А. Монпелье, А. Галлер и др.), а также попытки ряда авторитетных врачей (Г. Бургаве, Ф. Гоффман) объяснить наблюдаемые на практике нарушения тех или иных функций с позиций уже установленных функциональной анатомией механизмов жизнедеятельности здорового организма привели к пересмотру целого ряда положений прежней умозрительной физиологии и патологии и тем самым показали врачам путь использования анатомических данных для совершенствования и развития теоретических основ медицины. О признании в 18 веке функциональной анатомии, осознании ее важности для врачебной деятельности свидетельствует также организация на медицинских факультетах европейских университетов сначала отдельных профессорских курсов анатомии и физиологии, а затем и кафедр. Кафедра анатомии и физиологии была открыта и в России в Академии наук (1725).

Другим направлением использования анатомических данных для нужд теоретической и практической медицины явилось сопоставление обнаруживаемых в ходе вскрытий отклонений от нормального строения органов и частей человеческого тела с проявлениями заболеваний, приведших к смерти больного. Само название этого направления, возникшего в 17 веке, — медицинская, или врачебная, анатомия, — как бы подчеркивало его важность для медицины. Однако влияние таких исследований на массовое сознание врачей вплоть до конца 18 века ограничивалось лишь рамками отдельных клинических случаев. Дать им оценку, понять до конца значимость этих наблюдений и метода клинико-анатомических сопоставлений, а тем более сформулировать обобщающие выводы было в тот период под силу лишь выдающимся мыслителям и ученым.

По-видимому, первым это удалось сделать Ф. Бэкону, который прямо заявлял, что проведение анатомических исследований с целью установления клинико-морфологических

параллелей должно стать одним из основных средств изучения болезней и разработки методов их эффективного лечения². Идеи Ф. Бэкона полностью разделял его друг, ученик Г. Фаллопия, У. Гарвей. Он не только повторил призыв Ф. Бэкона в отношении занятий анатомией, но и своими как экспериментальными, так и морфологическими исследованиями подтвердил правильность такого взгляда на значение анатомии для медицины. "В моей медицинской анатомии, — писал он в письме к одному из своих основных оппонентов декану медицинского факультета Парижского университета Ж. Риолану-младшему, — я излагаю на основании многочисленных вскрытий трупов лиц, умерших от серьезных и страшных болезней, какие изменения претерпевают внутренние органы в отношении объема, структуры, консистенции, формы и других свойств сравнительно с их естественными свойствами и признаками и к каким разнообразным и замечательным недугам ведут эти изменения. Ибо как рассечение здоровых и нормальных тел содействует успехам философии и здоровой физиологии, так изучение больных и худосочных объектов содействует философской патологии"³.

Однако вплоть до первой четверти 19 века, пока врачебная (медицинская) анатомия не превратилась в патологическую анатомию — науку, изучающую структурные основы патологических процессов, — пока идея первичности повреждения по отношению к симптомам болезней не овладела умами врачей, эти призывы оставались гласом вопиющего в пустыне, а потребности практической медицины в знании строения человеческого тела ограничивались рамками достаточно общей схемы⁴.

² Бэкон Ф. О достоинстве и приумножении наук//Бэкон Ф. Сочинения в 2 томах. — Т.1. — М.,1977. — С.300—306.

³ Гарвей У. Анатомическое исследование о движении сердца и крови у животных. — М., 1948. — С.175.

⁴ Сточик А. М., Пальцев М. А., Затравкин С. Н. Патологическая анатомия в Московском университете в первой половине XIX века. — М., 1999. — С.7—29, 90—98.

Причины такого отношения врачей 17 и большей части 18 столетия к анатомии крылись в том, что, несмотря на определенные успехи функциональной и патологической анатомии, теоретической основой практической медицины продолжали оставаться прежние во многом умозрительные физиология и патология, строившиеся на традиционных представлениях гуморальной и(или) солидарной теорий. Для подавляющего большинства врачей представления о болезни, механизмах ее развития и, следовательно, о научном подходе к лечению были связаны с нарушением взаимодействия в организме человека жидких и твердых его частей, отклонениями от нормального соотношения соков и т. п. Не случайно один из крупнейших патологов первой половины 18 столетия Г. Шталь прямо заявлял, что медицина не нуждается в анатомии⁵.

Существование, таким образом, на протяжении большей части 18 века двух различных взглядов на значение анатомии для медицины и врачебного образования определило в свою очередь существование и двух подходов к ее преподаванию на медицинских факультетах европейских университетов. В отношении того, как велось преподавание анатомии, все университеты Европы можно условно разделить на две группы. Первая включает университеты, которые являлись центрами ее развития, где анатомия преподавалась в возможно полном объеме и главным образом практически; вторая — медицинские факультеты университетов, где анатомия читалась как одна из дисциплин, составивших естественнонаучную подготовку медика, в объеме, соответствовавшем потребностям в анатомических данных теоретической и практической медицины того времени.

К первой группе относились университеты, в которых профессора анатомии сами занимались научными исследова-

⁵ Куприянов В. В. Андрей Везалий в истории анатомии и медицины. — М., 1964. — С.99.

дованиями в этой области и считали анатомию одной из важнейших теоретических основ медицины (Ф. Рюйш в Амстердаме, И. Дювернуа и Я. Винслоу в Париже, Б. Альбинус в Лейдене, А. Вальсальва в Болонье, Дж.Б. Морганьи в Падуе, А. Галлер в Геттингене). С их приходом в тот или иной университет анатомические театры переставали испытывать недостаток в трупах, систематически вне зависимости от установок общества начинали проводиться вскрытия, создавались богатейшие анатомические коллекции. Вполне естественно, что и преподавание анатомии в таких университетах приобретало преимущественно практический характер, лекции сопровождалась демонстрациями вскрытий и анатомических препаратов; студентам были предоставлены возможности для изучения анатомии на трупах.

Но таких университетов было меньшинство. Не случайно желавшие изучать анатомию стремились именно в эти университеты, не случайно так тесно переплетены судьбы крупнейших анатомов 18 столетия (А. Галлер — ученик Б. Альбинуса и учитель И. Меккеля, А. Вальсальва также учился у Б. Альбинуса и впоследствии стал учителем Дж. Б. Морганьи и т. д.). Другое дело, что об этих университетах, ставших крупнейшими центрами изучения анатомии, известно все или почти все. Только о них идет повествование в контексте истории развития анатомии, и на основе ознакомления с историко-медицинской литературой складывается впечатление, что практическое преподавание анатомии на трупе в 18 веке являлось уже устоявшейся нормой.

Возможно, именно поэтому исследователи истории медицинского факультета Московского университета избрали в качестве основного критерия высокого уровня преподавания анатомии в 18 веке введение практических занятий со студентами в анатомическом театре на трупах. Во всех известных нам публикациях, посвященных этому вопросу, анатомия в 18 веке определяется как "одна из основных ме-

дицинских дисциплин", игравших чуть ли не ведущую роль в подготовке врача⁶.

Как следствие основной проблемой, решавшейся авторами этих публикаций, стало определение времени начала секционных занятий. И только здесь мнения исследователей расходятся. Одни считают, что преимущественно теоретический характер преподавания анатомии в Московском университете сохранялся вплоть до принятия Университетского устава 1804 года, и тем самым дают низкую оценку его уровню⁷. Другие отмечают, что, несмотря на трудности, с которыми пришлось столкнуться первому профессору анатомии Московского университета, практическое преподавание этой дисциплины было введено уже И. Ф. Эразмусом⁸. Третьи, ссылаясь на расписания лекций Ф. Ф. Керестури, указывают, что секционные занятия по анатомии были введены в последнем десятилетии 18 века⁹.

Ниже мы еще вернемся к этому вопросу. Сейчас же отметим, что в подавляющем большинстве европейских университетов на протяжении почти всего 18 столетия курс анатомии читался в объеме, соответствовавшем запросам практикующего врача того времени и, следовательно, был ориентирован лишь на ознакомление студентов с этой от-

⁶ См., например: Вавилов С. Г. Кафедра нормальной анатомии// Очерки по истории I Московского ордена Ленина медицинского института им. И. М. Сеченова. — М., 1959. — С.86; Бочаров В. Я. К истории развития анатомического музея кафедры анатомии человека I ММИ им. И. М. Сеченова//Архив анатомии, гистологии и эмбриологии. — 1979. — № 10. — С.74—81; Карузин П. И. Краткая история анатомических институтов при I Московском государственном университете// Отд. отг. из Отчета I МГУ за 1925—26 год. — М., 1927.

⁷ Колосов Г. А. Медицинский факультет Московского университета в XVIII веке//Советская клиника. — 1932. — № 2—3. — С.137.

⁸ Вавилов С. Г. Цит. соч. — С.87—89.

⁹ Российский Д. М. 200 лет медицинского факультета Московского государственного университета. I Московского ордена Ленина медицинского института. — М., 1955. — С.30; Успенский К. П. Кафедра нормальной анатомии//175 лет Первого Московского государственного медицинского института. — М., 1940. — С.65.

раслью естествознания. Основной формой преподавания являлись лекции, на которых, судя по использовавшимся на медицинских факультетах учебникам, давались краткие описания строения важнейших органов и частей тела. Анатомические демонстрации, работа со студентами в анатомическом театре носили эпизодический характер¹⁰.

Широкое внедрение в педагогическую практику на медицинских факультетах европейских университетов секционных занятий относится только к последним десятилетиям 18 века, когда уже большинством врачей и университетской профессуры было осознано значение анатомии как одной из важнейших теоретических основ и хирургии, и внутренней медицины.

Сохранившиеся документы свидетельствуют о том, что первоначально создатели Московского университета и первый профессор анатомии медицинского факультета И. Ф. Эразмус полагали необходимым следовать, условно говоря, первому подходу. Высочайше утвержденный "Проект о Учреждении Московского университета" ориентировал профессора анатомии на необходимость практического преподавания этой дисциплины ("...обучать... и показывать практикою строение тела человеческого на Анатомическом театре..."). И хотя руководители и профессора медицинского факультета, определяя содержание профессорских курсов, не всегда следовали параграфам "Проекта", это положение сыграло определенную роль. Именно благодаря ему анатомический театр Московского университета был построен в кратчайшие для России сроки — в течение нескольких месяцев после прихода в университет профессора И. Ф. Эразмуса в 1764 году¹¹. Возможно также, что часто упоминаемые в литературе и подтвержденные документально обращения

¹⁰ Мейер-Штейнег Т., Зудгоф К. История медицины. — М., 1925. — С. 348, 400.

¹¹ Рихтер В. М. История медицины в России. — Ч. III. — М., 1820. — С. 559.

D. AVG. SCHAARSCHMIDT

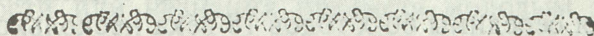
TABVLAE
ANATOMICAE

- I. OSTEOLOGICAE
- II. SYNDESMOLOGICAE
- III. MYOLOGICAE
- IV. SPLANCHNOLOGICAE
- V. ADENOLOGICAE
- VI. ANGIOLOGICAE et
- VII. NEUROLOGICAE.

IN VSVM

PRAELECTIONVM ANATOMICARVM

LATINE REDDITAE

Typis CAESARAE MOSCVENSIS
VNIVERSITATIS, 1767

Титульный лист "Анатомических таблиц" А. Шааршмидта, переведенных на латинский язык и изданных в Москве И. Ф. Эразмусом.

И. Ф. Эразмуса к руководству университета с просьбой обеспечить анатомический театр трупами и закупить необходимый для секционных занятий инструментарий были вызваны стремлением исполнить обязанности профессора анатомии, записанные в "Проекте".

И вместе с тем к И. Ф. Эразмусу не следует относиться только как к послушному исполнителю чужой воли. Примеры его творческой самостоятельности уже приводились. Актовая речь И. Ф. Эразмуса "О противностях Анатомического учения, увеселением и великою онаго пользою несравненно превышаемых" (1765) позволяет утверждать, что и в отношении того, как надо читать курс анатомии, он имел свою совершенно независимую от положений "Проекта" точку зрения. И. Ф. Эразмус определял анатомию как естественнонаучную дисциплину, которая "показывает всех частей человеческого тела вид, положение, соединение, строение и употребление"¹². Он прямо указывал, что ее изучение является чрезвычайно важным для дальнейшего развития естествознания, хирургии, судебной медицины, физиологии и даже, хотя и весьма осторожно, определял значение анатомии для практической деятельности врачей-интернистов: "Ибо как в лечении внутренних болезней анатомическое познание тела человеческого Медику в разных случаях спомоществует, так и Хирургу без онаго никаким образом обойтись не можно, разве он человеческим здоровьем, по обычаю площадных врачей, играть хочет"¹³. Безусловно, И. Ф. Эразмуса не следует ставить на один уровень с выдающимися анатомами 18 столетия. И все же его взгляды на роль и место анатомии среди медицинских дисциплин для середины 60-х годов 18 века несколько выходили за рамки существовавших во врачебной среде представ-

¹² Эразмус И. Ф. Слово о противностях Анатомического учения, увеселением и великою онаго пользою несравненно превышаемых. — М., 1765. — С.16.

¹³ Там же. — С.17.

лений. Более того, есть все основания полагать, что он хорошо знал эту дисциплину. Причем настолько хорошо, что оказался в состоянии высказать свои соображения по вопросам, в которых был не согласен с известным немецким анатомом и хирургом А. Шааршмидтом — автором переведенных и изданных им в Москве в 1767 году анатомических таблиц¹⁴.

И. Ф. Эразмус считал основой преподавания курса анатомии практические занятия со студентами на трупах. Не случайно вскоре после перехода И. Ф. Эразмуса в Московский университет, еще до его официального вступления в должность, вероятнее всего по его рекомендации, был приглашен прозектор — будущий профессор анатомии Ф. Ф. Керестури.

Однако И. Ф. Эразмусу не удалось реализовать свои замыслы. В 1768 году в связи с возникшим конфликтом с руководством университета он оставил медицинский факультет, и преподавание анатомии перешло к С. Г. Зыбелину.

Конечно, это был в значительной степени вынужденный шаг. С. Г. Зыбелин в отличие от И. Ф. Эразмуса специально анатомией не занимался и не имел такого опыта практической и педагогической работы. Однако во время обучения за границей он получил весьма солидную подготовку в этой области у ведущих европейских анатомов. Это обстоятельство наряду с тем, что в его подчинении находился прозектор, позволяет утверждать, что совершенные им преобразования в преподавании анатомии на медицинском факультете Московского университета не были результатом неопытности или незнания предмета молодым профессором, а явились следствием его позиции в отношении того, как и что должно читаться в рамках университетского курса анатомии.

¹⁴ Турубинер Л. А. История медицинского факультета Императорского Московского университета от основания до первой Отечественной войны (1764—1812). — Канд. дисс. — Т.1. — М., 1943. — С.128—130.

С Л О В О
 НА
 ВЫСОКОТОРЖЕСТВЕННЫЙ ДЕНЬ
 ВОЗШЕСТВІЯ
 на
 Всероссійскій Императорскій
 П Р Е С Т О Л Ъ
 ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА,
 БЛАГОЧЕСТИВѢЙШІЯ
 ВЕЛИКІЯ ГОСУДАРЫНИ
 ИМПЕРАТРИЦЫ
ЕКАТЕРИНЫ II.
 САМОДЕРЖИЦЫ ВСЕРОССІЙСКІЯ,
 и прочая. и прочая. и прочая.
 говоренное

Іюня 30. дня, 1765. года

ІОГАННОМЪ ФРИДЕРИКОМЪ ЭРАЗМУСОМЪ,

Медицины Дѣкторомъ, Анатоміи, Хирургіи и повивальнаго
 искусства публичнымъ и ординарнымъ
 Профессоромъ

*О протипностяхъ Анатомическаго ученія упеселені-
 емъ и препеликою онаго пользою не-
 срапненно препышаемыхъ.*

Перепедено съ Латійскаго.

Печашано при Императорскомъ Московскомъ
 Университетѣ.

Титульный лист актовой речи И. Ф. Эразмуса.

С. Г. Зыбелин безусловно понимал, что избранный им в качестве основы курса анатомии¹⁵ многотомный прекрасно иллюстрированный учебник Я. Винслоу¹⁶, одного из крупнейших анатомов 18 столетия, не мог заменить проведения секционных занятий. Вместе с тем о попытках организовать такие занятия со стороны С. Г. Зыбелина ничего не известно. Надо полагать, что он исповедовал иной подход к преподаванию анатомии, характерный для большинства университетов Европы и заключавшийся в чтении ознакомительного теоретического курса.

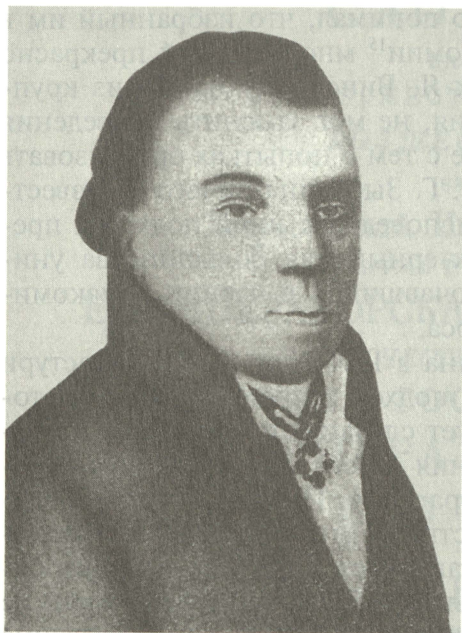
Сменивший С. Г. Зыбелина в 1775 году Ф. Ф. Керестури сначала использовал тот же подход к преподаванию анатомии. Об этом свидетельствует сделанный им выбор основного источника для изложения своего курса. Им стал учебник австрийского профессора И. Я. Пленка — автора системы учебников и руководств практически по всем медицинским дисциплинам, читавшимся в 18 веке в университетах Европы¹⁷. Сравнительно небольшой объем, краткие описания, отсутствие иллюстраций, да и само название учебника — "Сокращение анатомии..."¹⁸ — являются безусловными показателями того, что он представлял собой пособие для преподавания лишь обзорного курса. Руководство Я. Винслоу он использовал только для преподавания неврологии и спланхнологии, что, с одной стороны, служит еще одним доказательством ориентации его курса на потребности в анатомических знаниях практикующего врача того времени, с другой — свидетельствует об интересе, который проявлял Ф. Ф. Керестури к вопросам неврологии и,

¹⁵ Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета. — Т.1. — М.,1855. — С.343.

¹⁶ Winslow J. B. Exposition anatomique de la structure du corps humain. — Paris,1732.

¹⁷ Biographisches Lexikon der hervorragenden Ärzte aller Zeiten und Völker. — 2eb. — Berlin, Wien. — Bd.4. — S.631—632.

¹⁸ Plenk I. I. Primae lineae anatomes in usum praelectionum. — Wien,1775.

Франц Франциевич Керестури.

выражаясь современным языком, нейровисцеральных связей. В 60—70-е годы в связи с появлением ряда медицинских теорий, строившихся на принципах раздражимости и возбудимости, именно эти разделы анатомии стали представлять наибольший интерес для практической медицины. Ф. Ф. Керестури же читал анатомию по Винслоу как раз на третьем году обучения, т. е. в то время, когда студенты приступали к изучению практической медицины. Исследователи творчества Ф. Ф. Керестури счита-

ют, что проблемы неврологии были сферой его особых интересов, и в этой связи обращают внимание на произнесенную им 22 апреля 1778 года "Речь о том, как сохранить здоровье и как поправить пошатнувшееся здоровье, а также о необходимых и полезных для человека ощущениях"¹⁹. Это сообщение Керестури, — пишут, например, венгерские историки медицины Э. Шулейтис и Л. Тарди, — относится по существу к области нейро- и психофизиологии. ...Сопоставив "Oratio" с трудами известных нейрофизиологов того времени (немецких ученых Thasc и Unzer, англичанина Cullen), можно констатировать, что этот труд был написан на том же научном уровне и достойным образом представ-

¹⁹ Oratio de sensationibus tam in tuenda sanitate, quam in corrigenda ab-versa valetudine, homini mecessaria et amica auxilia praebentibus.

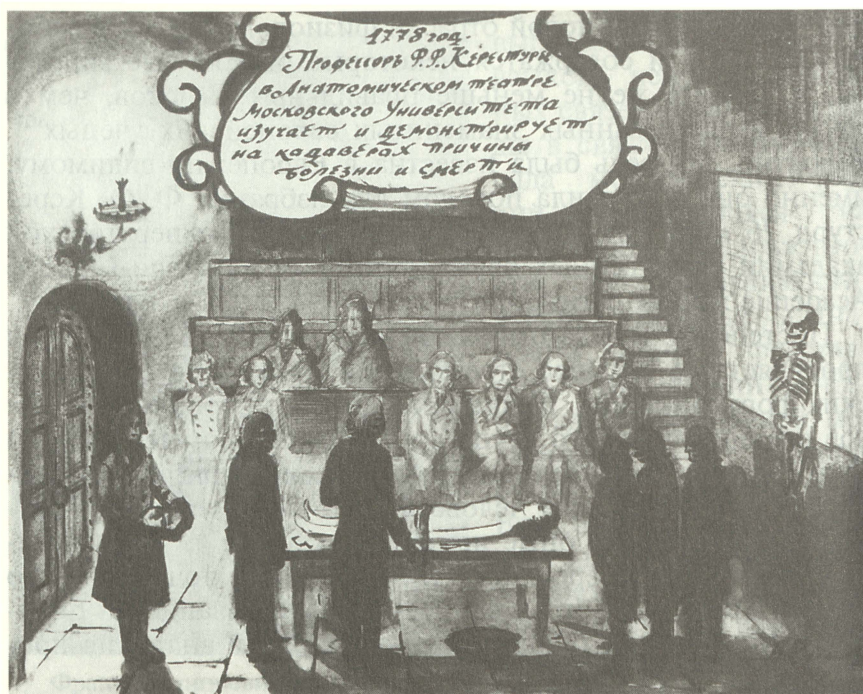
лял Россию в этой новой отрасли физиологии. Хотя в работе Керестури и содержатся некоторые ошибочные гипотезы, в ней все же не меньше правильных выводов, чем в трудах вышеуказанных знаменитых европейских ученых"²⁰. Вероятно, эта речь была известна в Европе: по-видимому, именно она послужила поводом для избрания Ф. Ф. Керестури 26 мая 1781 года почетным членом Императорской академии естественных наук (*Imperialis Leopoldino-Caroline Academia naturae curiosorum*)²¹.

Постепенно в педагогической практике Ф. Ф. Керестури проявляет все большее стремление к внедрению практических форм обучения. Начиная со второй половины 80-х годов в расписаниях его лекций содержатся прямые указания на то, что он "будет изъяснять Анатомию и показывать удивительный состав тела человеческого над трупами, разнимаемая и приуготовляя оные искусным образом"²². И этим искусством Ф. Ф. Керестури, вероятно, достаточно хорошо владел. Напомним, что медицинское образование он получил в Московской госпитальной школе, где анатомия пре-

²⁰ Шулейтис Э., Гарди Л. Главы из истории русско-венгерских связей. — М., 1976. — С.131, 134. О научной ценности "Oratio de sensationibus..." писали многие исследователи. См.: Бородулин Ф. Р. Роль Московского университета в развитии отечественной медицинской науки//Советское здравоохранение. — 1955. — № 3. — С.38—40; Громбах С. М. Материалистические взгляды русских врачей XVIII века//Клиническая медицина. — № 3. — С.17—23; Гурова Р. Г. Передовая психологическая мысль в Московском университете в XVIII века//Советская педагогика. — 1952. — № 6. — С.62—69; Коштоянц Х. С. Очерки по истории физиологии в России. — М.—Л., 1946. — С.86; Молнар Л. В. Венгерский ученый Ф. Ф. Керестури (1738—1811) в Московском университете//Вестник Московского университета. Серия 8. История. — 1944. — № 6. — С.65—66 и др.

²¹ РГАДА. — Ф.344. — Оп.3. — Кн.274. — Д.1. — Л.9. Императорская академия естественных наук (позднее — академия Леопольдина) была основана в 1652 году по инициативе врача И. Л. Бауша и считалась в 18 веке авторитетным международным медико-естествоведческим обществом.

²² Исторический вестник Московской медицинской академии им. И. М. Сеченова. — Т.IV. — 1995. — С.111—127.

Занятия в анатомическом театре Московского университета. 1778 год.

подавалась главным образом практически, а затем в течение 15 лет исполнял обязанности прозектора и оператора. Скорее всего, упоминаемые М. Я. Мудровым влажные препараты, хранившиеся в анатомическом театре Московского университета, были выполнены именно им²³. Но демонстрациями на лекциях "искусно приуготовленных" анатомических препаратов Ф. Ф. Керестури не ограничился. Считая анатомию наукой морфофункциональной (о строении и предназначении частей человеческого тела), он в лекционном курсе, по-видимому, в известной мере использовал уже

²³ Письма М. Я. Мудрова к М. Н. Муравьеву//Чтения в обществе истории и древностей российских. — 1861. — Кн.3. — С.25.

накопившийся к тому времени обширный материал исследований анатомо-физиологических корреляций применительно к проблемам действия двигательных сил" и гемодинамики. Видимо, лекции по этим вопросам, начиная с 1792/1793 учебного года, сопровождались демонстрациями "Анатомико-физиологических экспериментов" с "рассечением живых животных"²⁴. С этого же времени "для рассмотрения тончайшего строения мельчайших частей" Ф. Ф. Керестури ввел на лекциях микроскопические демонстрации²⁵. Эти педагогические новации свидетельствуют о том, что Ф. Ф. Керестури постоянно следил за развитием медицинской науки в целом и анатомии в частности. Не случайно М. Я. Мудров характеризовал его как человека "глубоких сведений"²⁶.

Таким образом, можно говорить, что на протяжении 25 лет профессор Ф. Ф. Керестури в преподавании анатомии стремился следовать тому подходу, который был принят в большинстве европейских университетов, и в рамках этого подхода менять объем, содержание и даже характер преподавания в зависимости от развития анатомии и осознания ее места в системе медицинских знаний. Однако полностью реализовать свои планы Ф. Ф. Керестури не смог. По свидетельству М. Я. Мудрова, обучавшегося на медицинском факультете Московского университета во второй половине 90-х годов, реальное положение дел значительно отличалось от деклараций, содержащихся в расписаниях лекций. И у нас нет оснований не доверять его словам. Во-первых, в отличие от Н. И. Пирогова и И. М. Сеченова, также критиковавших своих педагогов и учителей,

²⁴ См. "Объявления о публичных учениях..." за 1792/1793 — 1799/1800 учебные годы//Исторический вестник Московской медицинской академии им. И. М. Сеченова. — Т.IV. — М., 1995. — С.118—127.

²⁵ Там же. Соболев С. А. История микроскопа и микроскопических исследований в России в XVIII веке. — М.—Л., 1949. — С.366.

²⁶ Письма М. Я. Мудрова к М. Н. Муравьеву//Чтения в обществе истории и древностей российских. — 1861. — Кн.3. — С.25.

М. Я. Мудров писал не спустя десятилетия. Во-вторых, нелицеприятной критике он подверг не давно ушедших из жизни людей, а действовавших на момент написания письма профессоров. И, наконец, в-третьих, письмо, составленное им в Париже в марте 1805 года, носило характер не воспоминаний или частной переписки, а было ответом на официальный запрос попечителя Московского университета М. Н. Муравьева. Все высказанные в нем претензии могли быть легко проверены, и вряд ли молодой ученый, посланный за границу от университета, осмелился бы клеветать на своих учителей. Более того, Ф. Ф. Керестури он был лично многим обязан.

Из текста письма М. Я. Мудрова можно сделать вывод, что Ф. Ф. Керестури читал только теоретический курс. Практическое преподавание было им полностью передано в 1796 году прозектору и адъюнкту И. С. Андреевскому, который не только не исполнял своих непосредственных обязанностей, но даже мешал студентам самим заниматься анатомией. "Г. Прозектор Андреевский, — читаем мы в письме М. Я. Мудрова, — приготавливал для лекций весьма мало... Кроме скелетов не делал никаких препаратов. Один его ангиологический препарат более вреден для учащихся, нежели полезен. Ибо он имел идею отпрепарировать артерии из тела и растянуть их на белой доске...

Упражнения в препарировании трупов (что есть главная вещь в анатомии) было для нас самою трудною вещию. Мы хотели тем вознаградить недостатки нашего Прозектора. Его должность была показывать нам способ препарирования. Но он не только сего не делал, но еще препятствовал нам заниматься рассеканием, или давал протухлые трупы, или не впускал в Анатомию, или ее не топил, или не давал инструментов для наливания сосудов, или поздно требовал трупов из Полиции. Ножи всегда были старые, а самим купить было не на что". Подаренная Московскому университету в 1797 году графом Строгановым коллекция анатомических препаратов в учебном процессе не использовалась.

"Он (И. С. Андреевский. — *Авт.*) вовсе не думал об умножении Анатомического Кабинета, который одолжен своим началом Его Сиятельству, Графа Строганова, — писал Мудров. — Сверх того мы не знали, что за цель сих препаратов? Да и он того не ведал. Не делал оным никакого описания: он употребил прекрасные банки вместо шпалеров в Анатомическом театре"²⁷.

И, конечно же, в таком положении был виноват и Ф. Ф. Керестури. Но ему, видимо, попросту не хватало сил организовать преподавание таким образом, как он сам считал нужным и объявлял в расписаниях лекций. М. Я. Мудров отметил также, что и теоретический курс анатомии читался не в полном объеме. Судя по тому, что хирургические и анатомические инструменты, впервые закупленные в 1766 году по инициативе И. Ф. Эразмуса, более не обновлялись, в 70—80-е годы практические занятия по анатомии проводились также крайне редко. И надо полагать, что чем старше становился Ф. Ф. Керестури, тем все меньше и меньше из задуманного ему удавалось воплотить в жизнь.

Таким образом, если пытаться дать оценку преподаванию анатомии на медицинском факультете Московского университета в 18 веке, то прежде всего необходимо отметить, что тот или иной его характер не может служить для этого основным критерием, поскольку характер преподавания в 18 веке являлся лишь следствием избранного подхода к изложению курса анатомии. В этой связи преимущественно теоретический характер преподавания анатомии на медицинском факультете Московского университета в 18 веке свидетельствует лишь о том, что в преподавании анатомии С. Г. Зыбелин и Ф. Ф. Керестури придерживались наиболее распространенного в европейских университетах подхода, согласно которому курс анатомии был ориентирован на потребность в анатомических данных практикующих врачей. Только в отношении последнего десятилетия 18 ве-

²⁷ Там же.

ка, когда уже было осознано значение анатомии для практических медицинских дисциплин и курс этой науки стал читаться в большинстве университетов преимущественно практически (а, судя по расписаниям лекций, профессор Ф. Ф. Керестури это знал), можно говорить о низком уровне преподавания анатомии в Московском университете.

* *
*

Хирургия 18 века разительно отличается от того, что мы называем хирургией сегодня. И речь идет не о возможностях хирургического лечения, не об уровне развития. Изменилось само понятие, содержание термина. Пренебрежение большинства отечественных историков медицины этим обстоятельством и как следствие попытки дать оценку состояния и развития хирургии в России в 18 веке, исходя из современных представлений, согласно которым: "Хирургия — область клинической медицины, изучающая болезни и травмы, для лечения которых применяются оперативные методы, разрабатывающая эти методы и регламентирующая условия их эффективного и безопасного применения"²⁸, явились причиной того, что хирургия 18 века рассматривается в литературе главным образом как сфера практической оперативной деятельности, а научные исследования в этой области — как средство ее обеспечения. В результате данные о преподавании хирургии на медицинском факультете Московского университета в 18 веке, даже в специальных публикациях, посвященных истории этого учебного заведения, почти полностью отсутствуют. В самом деле, что можно сказать о чтении курса хирургии, который, по мнению авторов, должен был обеспечивать студентам навыки оказания оперативной помощи, если в университете отсутствова-

²⁸ Энциклопедический словарь медицинских терминов. — Т.3. — М., 1984. — С.253.

ла хирургическая клиника, а профессора факультета научными изысканиями не занимались? Если же вопрос о преподавании в Московском университете в 18 веке хирургии все-таки рассматривается, то его обсуждение сводится, как правило, к двум основным "проблемам": оценке роли клинической палаты Е. О. Мухина или М. Х. Пекена, якобы открытой при университете в 1797 году, и анализу версии о возможных демонстрациях хирургических операций при изложении курса анатомии²⁹. Представления врачей и хирургов изучаемой эпохи игнорируются при этом полностью. Между тем на протяжении почти всей первой половины 18 века хирургии как единой научно-практической медицинской дисциплины попросту не было. Анализ учебных пособий, по которым велось преподавание хирургии в 18 веке как в университетах, так и в специальных хирургических школах, позволяет сделать вывод о существовании в тот период двух вполне самостоятельных и даже в определенной степени противостоявших друг другу "хирургий": практической, или "рукодеятельной", и "медицинской"³⁰.

"Рукодеятельная" хирургия представляла собой набор средств, приемов и методов как "рукою исцеление приносить" (заметим, что к ней относилась не только оперативная помощь), являлась ремеслом и на медицинских факультетах европейских университетов не преподавалась. Подав-

²⁹ См., например: Колосов Г. А. Кафедры хирургии в Московском университете за первое столетие его существования//Вестник хирургии им. Грекова. — 1940. — № 5. — С.478—487; Баженова А. П. Кафедра общей хирургии//Очерки по истории I Московского ордена Ленина медицинского института имени И. М. Сеченова. — М., 1959. — С.427—428; Фрейдберг С. А. Факультетская хирургическая клиника//175 лет Первого Московского государственного медицинского института. — М., 1940. — С.191.

³⁰ Платнер И. З. Основательные Наставления хирургические медицинские и рукопроизводные в пользу учащихся с прибавлением к тому изобретенных некоторых инструментов или орудий и других вещей к лекарскому искусству принадлежащих/Пер. с лат. М. Шейн. — СПб., 1761. — С.1—3.

ляющее большинство хирургов-практиков готовились в порядке цехового обучения в мастерских банщиков и цирюльников, где в ходе постоянных упражнений они приобретали, а затем совершенствовали навыки в выполнении существовавших тогда простейших операций, наложении разного рода повязок, вправлении вывихов и т. п. Кроме сугубо практических знаний и умений, эти лица никакого медицинского образования не получали. В их задачи входило лишь исполнение предписаний врача³¹.

Врачи же "рукодеятельной" хирургической помощи больным, как правило, не оказывали. Занятие ремеслом считалось недостойным высокого звания "medicum rigum", присваивавшегося только лицам, окончившим медицинские факультеты университетов. К обязанностям врача относились лишь постановка диагноза и назначение того или иного вида лечения. Если назначенное лечение предусматривало оказание "рукодеятельной" хирургической помощи, то ее осуществление отводилось оператору. Очень немногие из окончивших медицинские факультеты университетов, рискуя потерять уважение в глазах коллег, посвящали себя хирургической практике³².

"Медическая" хирургия представляла собой по существу университетский курс "наружных" болезней, в котором наряду с собственно хирургическими заболеваниями в современном их понимании, включая офтальмологические, оториноларингологические, травматологические и урологические формы патологии, рассматривались болезни, изучаемые ныне в рамках дерматологии, в клинике внутренних и инфекционных болезней. Основное содержание курса составлял подробный разбор вопросов их диагностики, прогноза, вариантов течения, неоперативных методов лечения (прежде всего лекарственных и диететических); показания для проведения тех или иных хирургических вмешательств.

³¹ Мейер-Штейнег Т., Зудгоф К. Цит. соч. — С.403.

³² Там же. — С.345.

Сами приемы и методы оказания практической помощи, в том числе и оперативной, если и разбирались, то лишь теоретически и в самом общем виде³³.

Такое разделение хирургии на практическую ("рукодейтельную") и "медицескую", сохранявшееся в некоторых европейских странах, например в Германии, даже во второй половине 18 века, наиболее ярко характеризует Л. Гейстер в предисловии к своему руководству по хирургии. Рассматривая существовавшие тогда учебники, он отмечал: «Современные... "Хирургии" написаны либо медиками, которые сами не делают операций и потому ничего не могут сказать, исходя из собственного опыта, либо хирургами, которые ничему не учились, не знают ни анатомии, ни причин хирургических заболеваний»³⁴.

Такое положение не только не могло способствовать развитию хирургии, но в 18 веке начало вступать в противоречие с потребностями государства. Цирюльники³⁵, имевшие крайне низкий уровень общеврачебной подготовки, уже перестали удовлетворять запросам армий большинства европейских стран в квалифицированных полковых хирургах. Кроме того, было невозможно влиять ни на качество, ни, что особенно важно, на количество подготавливаемых цеховым методом хирургов-практиков. Выход был найден в организации специальных учебных заведений — медико-хирургических академий. на протяжении 18 века такие академии были созданы в Швеции, Германии, Дании, России, Австрии³⁶.

³³ См., например: Ludwig Ch. G. Institutiones chirurgiae praelectionibus academicis accommodatae. — Lipsiae, 1764; Callisen H. Institutiones chirurgiae hodiernae. — Hafniae, 1777.

³⁴ Оборин Н. А. Н. Л. Бидлоо и его "Наставление для изучающих хирургию в анатомическом театре"/Н. Л. Бидлоо. Наставление по хирургии. — М., 1979. — С.408.

³⁵ От того времени до наших дней сохранился термин "фельдшер" (от нем. Feldscheerer), что в дословном переводе означало "полевой цирюльник" (Гезер Г. Исторический обзор хирургии. — Спб., 1880. — С.49).

³⁶ Гезер Г. Цит. соч. — С.49.

Основу обучения в медико-хирургических академиях составляли обширный секционный курс анатомии; практическая ("рукодеятельная") хирургия, постепенно разделявшаяся на три самостоятельные дисциплины — оперативную хирургию, учение о повязках и учение об инструментах; и "медическая" хирургия, или курс "наружных" болезней. Совместное преподавание этих дисциплин в рамках учебных заведений, выпускники которых были уравнены в правах с дипломированными врачами, положило начало сближению практической и "медической" хирургий со всеми вытекающими из этого последствиями. Значительно увеличилось число хирургов-практиков, имевших солидный багаж знаний в области анатомии. Грыжесечения, боковая литотомия, симфизэктомия, новые приемы ампутаций — прямые следствия этих процессов³⁷.

Отметим, что попытки организовать подготовку хирургов, владевших не только ремеслом, но и необходимыми знаниями в области анатомии, "медической" хирургии, предпринимались и ранее: специальные школы при больницах, Сент-Комский колледж, курсы для хирургов при медицинском факультете Парижского университета и т. п.³⁸. Однако вплоть до середины 18 века достичь реальных успехов в этом направлении так и не удалось. Отношение врачей к этим так называемым высшим хирургам оставалось пренебрежительным. Лишь немногим из них (А. Паре, Ж. Пти, П. Дезо), благодаря природным дарованиям и выдающимся достижениям в ремесле оператора, удавалось занять высокое положение в обществе, став городскими хирургами или даже лейб-хирургами. Причиной служило явное или скрытое противодействие со стороны медицинских факультетов университетов. Достаточно вспомнить о демонстрации профессоров и студентов медицинского фа-

³⁷ Там же. — С.53.

³⁸ Ковнер С. История средневековой медицины. — Киев, 1897. — С.591—592.

культета Парижского университета в 1660 году в знак протеста против разрешения Сент-Комскому колледжу присваивать докторские степени³⁹.

Начиная с 18 века медицинские факультеты университетов постепенно включаются в процессы пересмотра отношения к практической "рукодеятельной" хирургии. Университеты не только сняли табу с занятий хирургической практикой для своих выпускников, но и изменили ориентацию университетского курса хирургии. Во второй половине 18 века его целью становится создание необходимого теоретического фундамента, который позволил бы выпускникам медицинских факультетов после непродолжительной стажировки самим успешно практиковать в качестве хирургов. Увеличился объем преподавания хирургии. Наряду с "медицинской" хирургией в университетский курс подготовки стали вводиться различные сведения из оперативной хирургии, "учений" о повязках и инструментах. Эти сведения начали включаться и в учебники по "медицинской" хирургии.

Неизменным на протяжении 18 века остался лишь теоретический характер преподавания. Но этот вопрос лежал уже в иной плоскости, нежели пересмотр отношения к хирургии и хирургической практике, — в плоскости целевых установок университетского медицинского образования. Только в Австрии, где в 50—70-х годах 18 столетия была проведена реформа медицинского образования и целью университетской подготовки стал выпуск практикующего врача, при университетах с середины 80-х годов начали организовываться хирургические клиники⁴⁰.

Однако значение медицинских факультетов в развитии хирургии в 18 веке этим не ограничилось. К середине века

³⁹ Мирский М. Б. Хирурги в эпоху средневековья//Клиническая медицина. — 1984. — № 2. — С.144—147.

⁴⁰ Сточик А. М., Пальцев М. А., Затравкин С. Н. Медицинский факультет Московского университета в реформах просвещения первой трети XIX века. — М., 1998. — С.150—151.

хирургия продолжала представлять собой лишь набор эмпирически накопленных сведений без достаточного их теоретического осмысления. Медико-хирургические академии, особенно на первых этапах своего развития, в силу сугубо практической направленности преподавания, стремления обучать как можно большее число слушателей, а также в связи с тем, что среди преподавателей наряду с выдающимися деятелями медицины 18 века (Ж. Пти, А. Монро, П. Потт и др.) большинство составляли бывшие хирурги-практики, не могли обеспечить необходимой естественнонаучной и общеврачебной подготовки будущих хирургов. Только благодаря обращению университетской профессуры и выпускников медицинских факультетов к вопросам и проблемам хирургии удалось установить органическую взаимосвязь хирургии не только с анатомией, но и со всем комплексом бурно развивавшихся в то время естественных и теоретических медицинских дисциплин, прежде всего с физиологией и патологией.

Результаты этих процессов не замедлили сказаться на развитии хирургии как научно-практической дисциплины. Коренному пересмотру подверглись даже давно и, казалось бы, тщательно разработанные вопросы, такие, например, как методы остановки кровотечений, лечение ран. Успехи физиологии в области изучения гемостаза привели к осознанию бесполезности прежних весьма травматичных методов, к тому, что в большинстве случаев для остановки кровотечения вполне достаточным является "ручное прижатие" или тампонада. С этой точкой зрения в конечном итоге согласился даже изобретатель винтового турникета для остановки кровотечений — Ж. Пти. Показаниями к трепанации черепа стали считаться не повреждения, а их последствия. На основе достижений теоретической и практической медицины Дж. Гунтер (J. Hunter) сформулировал основы современного учения о ранах, высказав положение о заживлении ран первичным натяжением и нагноением⁴¹.

⁴¹ Гезер Г. Цит. соч. — С.53.

Именно медицинским факультетам принадлежит основная заслуга в том, что уже к концу 18 века хирурги стали не столько операторами, сколько прежде всего врачами.

Тенденции в изменении преподавания хирургии на медицинских факультетах европейских университетов в 18 веке, о которых говорилось выше, прослеживаются и в Московском университете. Преподавание хирургии на медицинском факультете Московского университета в 18 веке носило также сугубо теоретический характер, причем оно велось не только без клинических демонстраций, но и, по видимому, без демонстраций хирургических операций на трупах. Об этом свидетельствуют расписания лекций медицинского факультета. Лишь в двух из них (за 1778/1779 и 1785/1786 учебные годы) содержится указание на то, что профессор в ходе изложения курса хирургии будет "...показывать самые действия Хирургические, каким образом оные разными орудиями и способами производятся..."⁴². Даже если считать, что Ф. Ф. Керестури воплотил эти намерения в жизнь, они являлись скорее исключением, нежели правилом. Еще одним, хотя и косвенным, доказательством могут служить содержащиеся в расписаниях лекций указания на то, что курс хирургии почти всегда читался в летнее время. Это обстоятельство является чрезвычайно важным, если принять во внимание, что речь идет о 18 веке, т. е. о времени, когда анатомы еще не располагали консервантами для хранения трупов. В актовой речи "О противностях анатомического учения, увеселением и великою онаго пользою несравненно превышаемых" (1765) первый профессор анатомии и хирургии Московского университета И. Ф. Эразмус особо подчеркивал, что заниматься препарированием и изучением анатомии на трупах возможно лишь в зимнее время, поскольку даже весной и осенью трупы крайне быстро приходят в негодность. Поэтому указания на

⁴² Исторический вестник Московской медицинской академии им. И. М. Сеченова. — 1995. — Т. IV. — С. 104—105; 109—110.

то, что лекции по хирургии планировались на летнее время, могут одновременно служить свидетельством того, что они не сопровождалась демонстрациями в анатомическом театре, в котором в это время года попросту не было трупов. Конечно, нельзя исключить, что какие-то вопросы, связанные с выполнением хирургических операций, обсуждались в ходе изложения курса анатомии. Однако вряд ли такие разборы, если даже они и проводились, носили подробный характер. На значительный по объему курс анатомии и без этого зачастую не хватало времени, да и занятия со студентами в анатомическом театре на протяжении 18 века проводились лишь эпизодически.

Такое положение дел сохранялось вплоть до начала 19 века, даже после того, как преподавание хирургии и повивального искусства было выделено в самостоятельный профессорский курс. Об этом, в частности, свидетельствует М. Я. Мудров в уже упоминавшемся письме М. Н. Муравьеву: "Г. Профессор Рихтер, коего достоинства, способности и сведения превышают всякую похвалу, читал хирургию превосходно: но можно ли тому поверить, что он не показал ни одной операции ни на живом, ни на кадавере? И мы ни одной не сделали. Можно ли тому поверить, что он учил словами и мелом делать операции, не показав строения оперируемой части на кадавере? И мы учились танцевать, не выдавши, как танцуют. Он не интересовался операциями, кои иногда совершали в Госпиталях: и мы того не видали"⁴³.

О том, что же собственно читалось студентам медицинского факультета Московского университета в курсе хирургии, мы можем судить лишь по указанным в расписаниях лекций источникам преподавания. Таких источников на протяжении 18 века было три: учебники Х. Г. Людвига, Г. Каллизена и И. З. Платнера. Что использовал в качестве

⁴³ Письма М. Я. Мудрова к М. Н. Муравьеву//Чтения в обществе истории и древностей российских. — 1861. — Кн. III. — С. 27.

основы для изложения курса хирургии И. Ф. Эразмус, установить не удалось.

Все учебники представляли собой пособия для изучения медицинской хирургии⁴⁴. Какие вопросы разбирались в рамках этого раздела хирургии, мы уже указывали выше. Сведений, которые относятся к оперативной хирургии, учениям о повязках и инструментах, в них, за исключением учебника И. З. Платнера, содержится крайне мало. Во второй половине 18 века по этим разделам хирургии существовала специальная литература, использовавшаяся в преподавании главным образом в учебных заведениях, готовивших хирургов.

Из названных учебных руководств первым на медицинском факультете Московского университета начал использоваться учебник Х. Г. Людвига. Профессор Х. Г. Людвиг не специализировался в этой области и, следовательно, относился, по словам Л. Гейстера, к числу авторов, "которые сами не делают операций и потому ничего не могут сказать из собственного опыта...". Таким образом, его учебник не мог относиться к числу лучших европейских руководств для изучения хирургии, и, трудно сказать, почему С. Г. Зыбелин избрал именно его. Возможно, это было связано с тем, что читавшийся С. Г. Зыбелиным в 60-х годах курс теоретической медицины строился на других учебниках Х. Г. Людвига и, сменив предмет преподавания, С. Г. Зыбелин, также не являвшийся профессионалом в области хирургии, остался верен тому автору, творчество которого уже хорошо знал.

Свидетельством в пользу такой точки зрения может служить тот факт, что как только преподавание хирургии перешло к Ф. Ф. Керестури, значительно более подготовленному в этой области, он сразу же взял в качестве основы курса другой источник. Им стал учебник Г. Каллизена, вышедший в свет в 1777 году и уже успевший завоевать популярность во многих европейских университетах. Г. Каллизен

⁴⁴ Хелиус М. И. Хирургия. — Ч. I. — Спб., 1839. — С. XV—XXIX.

был не только образованным врачом, доктором медицины и профессором университета, но и опытным хирургом. Первоначальную подготовку он получил в мастерских цирюльников, затем учился хирургии в Париже и Лондоне⁴⁵. Его учебник почти втрое превосходил по объему учебник Х. Г. Людвига; в нем значительно полнее описаны различные патологические состояния, предложена более удачная по сравнению с учебником Х. Г. Людвига классификация хирургических болезней.

Сейчас можно только предполагать, почему после того, как преподавание хирургии перешло к В. М. Рихтеру, вместо учебника Г. Каллизена стал использоваться учебник И. З. Платнера, впервые вышедший в свет в 1745 году⁴⁶. Для первой половины века он заслуженно считался одним из лучших учебников по хирургии, однако к 90-м годам уже сильно устарел.

Но, по-видимому, выбор учебника И. З. Платнера не был ошибкой молодого, еще недостаточно опытного профессора. В. М. Рихтер изучал в европейских университетах не только повивальное искусство, но и стажировался в области хирургии в ведущих центрах развития этой дисциплины. Он несомненно знал о существовании классического 7-томного труда профессора Геттингенского университета А. Г. Рихтера, ставшего впоследствии прототипом всех позднейших руководств по хирургии.

На наш взгляд, введение преподавания хирургии по Платнеру следует рассматривать как один из элементов осуществленной в 90-х годах 18 столетия реформы учебного процесса на медицинском факультете Московского университета, затронувшей преподавание не одной только хирургии.

В 1792/1793 учебном году преподавание анатомии было выделено по существу в самостоятельный профессорский

⁴⁵ Biographisches Lexikon der hervorragenden Ärzte aller Zeiten und Völker. — Berlin, Wien. — Bd. I. — S.805—806.

⁴⁶ Platneri I. Z. Institutiones chirurgiae. — Lipsiae, 1745.

курс, а хирургия стала читаться вместе с повивальным искусством. Вряд ли будет правильным связывать эти решения с преклонным возрастом и слабым здоровьем профессора Ф. Ф. Керестури. Во-первых, потому, что Ф. Ф. Керестури проработал в университете после этого еще 20 лет⁴⁷. Во-вторых, потому, что к этому времени уже в большинстве европейских университетов анатомия была выделена в самостоятельный предмет преподавания, поскольку становилась все более очевидной ее общемедицинская значимость.

Во второй половине 18 века в Европе существенным изменениям подвергся и университетский курс хирургии. Выше уже отмечалось увеличение в нем объема преподавания элементов практической хирургии. В этом плане по перечню рассматриваемых вопросов из области "рукодеятельной" хирургии учебник И. З. Платнера значительно превосходил руководство Г. Каллизена. Не случайно же он широко использовался для подготовки лекарей в России и был переведен на русский язык по заказу Медицинской коллегии.

Существенным недостатком учебника И. З. Платнера для последнего десятилетия 18 века была его теоретическая бедность. Однако начало чтения С. Г. Зыбелиным курса практической медицины по руководству датского врача С. Т. де Меца⁴⁸ не только полностью компенсировало этот недостаток, но и, по-видимому, в сочетании с курсом хирургии В. М. Рихтера способствовало повышению уровня преподавания практических "врачебных наук" на медицинском факультете Московского университета.

Уже при беглом знакомстве с руководством де Меца бросается в глаза, что один из трех томов целиком посвящен хирургии. Описания и обсуждения некоторых заболеваний, относившихся в то время к сфере хирургии, можно встре-

⁴⁷ Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета. — М., 1855. — С. 404—406.

⁴⁸ de Meza S. T. Compendium medicum practicum per fasciculos distributum. — Hafniae, 1780—1783.

тить и в двух остальных томах его сочинения. Более того, отдельная глава III тома посвящена описанию наиболее распространенных хирургических операций. Вопросы хирургической патологии в руководстве де Меза еще теснее, нежели даже в учебнике Г. Каллизена, увязаны с тематикой теоретической и практической (внутренней) медицины. Таким образом, использование С. Г. Зыбелиным в курсе практической медицины этого источника делало излишним преподавание хирургии по Каллизену. И вряд ли будет правильным считать простым совпадением то обстоятельство, что одновременно с началом использования руководства де Меза С. Г. Зыбелин увеличил продолжительность преподавания практической медицины с одного года до полутора лет. Более того, курс практической медицины был несколько смещен по отношению к другим курсам в пределах трехлетнего цикла обучения на факультете таким образом, что дополнительные полгода курса практической медицины читался уже после его завершения. Скорее всего, эти полгода и посвящались хирургии (изучению III тома руководства де Меза) с тем, чтобы как можно лучше подготовить выпускников медицинского факультета к стажировке в Московском военном госпитале — в лечебном заведении, где основной профиль больных был хирургическим.

В этой связи Университетская конференция, утверждавшая источники преподавания, могла рекомендовать В. М. Рихтеру избрать такой учебник, который бы обеспечил необходимый объем сведений по практической хирургии (учебник И. З. Платнера отвечал этим требованиям полностью), а все вопросы взаимосвязи хирургии и "врачебных" дисциплин читались С. Г. Зыбелиным на основе руководства де Меза и, что особенно важно, уже после того, как студенты прослушали курсы теоретической медицины и медицинской материи. Знание этих дисциплин являлось безусловно необходимым для изучения "медицинской" хирургии, поскольку, как писал в предисловии к своему учебнику И. З. Платнер, "...к ней надлежит не только знание всех лекарств, ко-

торые на разных местах телесных, поврежденных, прикладываются, но и тех, которые внутрь принимаются, и весь порядок содержания в пище и питье"⁴⁹.

Отметим, что впервые попытку установить определенный порядок чтения профессорских курсов предпринял И. Ф. Эразмус еще в 60-х годах. В расписании своих лекций за 1765/1766 учебный год он особо отметил, что приступит к изложению хирургии только после того, как "студенты в медических наставлениях обучены будут"⁵⁰.

Однако через несколько лет после его ухода из университета Ф. Ф. Керестури предпочел иной путь, избрав учебник Г. Каллизена, в котором давался значительный объем сведений из теоретической и практической медицины при описании отдельных форм тогдашней хирургической патологии. Но надо полагать, что этот путь оказался не под силу одному профессору. В 90-х годах идеи И. Ф. Эразмуса об определенной последовательности в чтении ряда дисциплин в пределах одного цикла подготовки возродились, но уже на более высоком уровне.

Таким образом, в преподавании хирургии на медицинском факультете Московского университета в 18 веке четко прослеживается как увеличение объема преподавания этой дисциплины, так и стремление насытить курс хирургии сведениями из теоретической медицины и добиться их тесной взаимосвязи. На примере преподавания хирургии становится также очевидным, что уже в 90-х годах 18 века была осознана необходимость преподавания курсов практических медицинских дисциплин после изложения базовых предметов.

⁴⁹ Платнер И. З. Цит. соч. — С.2.

⁵⁰ Исторический вестник Московской медицинской академии им. И. М. Сеченова. — 1995. — Т.IV. — С.101.

Акушерство является, пожалуй, единственной медицинской дисциплиной, в истории которой самое большое значение имели события, происшедшие в 18 веке. Возникновение и развитие "учения о тазе" (Г. ван Девентер, Ж. Боделок, Л. Гейстер), изобретение⁵¹ и усовершенствование акушерских щипцов (Дж. Пальфин, А. Левре, Д. Грегуар, В. Смелли), разработка "учения о естественных родах" (Т. Денман, Н. Пюзо), окончательное введение в акушерскую практику кесарева сечения — вот далеко не полный перечень основных, по существу революционных, открытий 18 века, обеспечивших бурное развитие акушерства и как научной дисциплины, и как сферы практической деятельности⁵². В этом плане ничуть не меньшую роль сыграла также организация первых специальных акушерских учебных заведений.

Вплоть до 18 века помощь при родах оказывали главным образом повивальные бабки. Кроме родильного госпиталя, открытого в 17 веке при Hotel-Dieu в Париже, каких-либо учебных заведений для их подготовки не существовало.

⁵¹ История изобретения акушерских щипцов, по справедливому выражению автора одноименной статьи в Энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, представляет собой "одну из позорнейших страниц" истории медицины. Их появление и широкое внедрение в практику позволили полностью отказаться от прежних смертельных для плода операций, вызывавших ужас у рожениц. Но фактический изобретатель щипцов (1560) парижанин П. Чемберлен в интересах своей частной практики скрыл их от коллег-врачей. Не обнародовали семейный секрет ни его сын, ни внук. В конце 17 века внук П. Чемберлена продал этот секрет голландцу Рунхизену, после чего одно из величайших изобретений в медицине стало предметом самой грязной торговли и обмана (Акушерские щипцы//Энциклопедический словарь. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. — Т.1. — Спб., 1890. — С.319).

⁵² Мейер-Штейнег Т., Зудгоф К. Цит. соч. — С.395—398; Менье Л. История медицины. — М. — Л., 1926. — С.161—164; Мороховец Л. История и соотношение медицинских знаний. — М., 1903. — С.153—154.

Эти, чаще всего пожилые, женщины без какого-либо образования приобретали и совершенствовали свои навыки в порядке ремесленного обучения у коллег по цеху, в процессе собственной повивальной практики или, в лучшем случае, под руководством городского врача. Большая часть повивальных бабок находились на полуполюгальном положении, поскольку уже с 15 века в большинстве стран Европы для занятий этой деятельностью требовалось получить разрешение в органах территориального управления, а экзамен на право практики удавалось сдать лишь единицам⁵³.

Мужчины, будь то врачи или хирурги, допускались к роженицам только в самых крайних случаях, когда все возможные меры помощи со стороны повивальной бабки были уже исчерпаны и стоял вопрос о жизни и смерти матери⁵⁴. Лежавшее в основе такого положения дел коллективное представление о недопустимости присутствия мужчины при родах имело и другие следствия. Обучать мужчин повивальному делу в рамках университетской подготовки или в немногочисленных специальных хирургических школах при больницах было попросту незачем. Именно поэтому акушерство на медицинском факультете европейских университетов вплоть до первой половины 18 века как самостоятельная дисциплина не преподавалось: мужчины не могли присутствовать при родах, а женщины — учиться в университете. В лучшем случае на медицинском факультете того или иного университета читались отдельные вопросы из этой области знания в курсе хирургии. Но если такое преподавание и велось, то, во-первых, оно не было направлено на освоение слушателями, пусть даже чисто теоретическое, всего объема сведений по этой дисциплине, а во-вторых,

⁵³ Ковнер С. Цит. соч. — С.593.

⁵⁴ Рихтер В. М. Руководство к повивальному искусству, основанное на новейших опытах, для публичных лекций, преподаваемых в Повивальном Институте при Императорском Московском Воспитательном доме учрежденном. — М.,1801. — С. I—II.

носило главным образом характер частной инициативы профессора анатомии и хирургии и преследовало цель обеспечить возможность выпускнику медицинского факультета (в случае его назначения в дальнейшем на одну из государственных медицинских должностей) более или менее компетентно принять экзамен у повивальной бабки.

Другим, не менее важным следствием установки общества на недопустимость присутствия мужчины при родах, затрагивавшим уже в большей степени интересы акушерства как научной дисциплины, явилось то, что основное внимание тех немногих врачей или операторов, кто, несмотря ни на что, все-таки посвятил себя акушерской деятельности, было сконцентрировано на изучении и разработке средств помощи при тех или иных формах патологии беременности и родов⁵⁵. С одной стороны, это привело к тому, что физиологическая беременность и "естественные" роды продолжали оставаться *terra incognita*. С другой — поскольку в то время какая-либо помощь при осложненных родах могла быть только хирургической, в глазах представителей врачебного сословия акушерство являлось частью оперативной хирургии, а потому во многом повторило судьбу последней.

Напомним, что в 17 веке оперативная хирургия являлась ремеслом и находилась главным образом в руках банщиков и цирюльников. Среди хирургов-операторов было крайне мало лиц, имевших серьезную медицинскую подготовку. Среди акушеров-операторов их было соответственно также немного. Более того, если врач — выпускник медицинского факультета все-таки посвящал себя практической хирургической деятельности, то он как минимум имел возможность вначале пройти практическую стажировку. Врач-акушер даже этой возможности не имел. Единственный родильный госпиталь при *Hotel-Dieu*, о котором упоминалось выше, в 17 веке был полностью закрыт для мужчин⁵⁶. В результате

⁵⁵ Менье Л. Цит. соч. — С.162—164.

⁵⁶ Мейер-Штейнег Т., Зудгоф К. Цит. соч. — С.349.

необходимые навыки приобретались уже в ходе практики. Как тут не вспомнить слова Д. Дидро, сказанные им в конце 18 века, но удивительно точно характеризующие путь становления большинства акушеров: "...молодой врач производит первые свои опыты на нас, и делается впоследствии искусным медиком, только после произведенных им нескольких убийств"⁵⁷.

По данным В. М. Рихтера, приведенным им в актовой речи "О первоначальном происхождении, постепенном приведении в совершенство и отменной пользе Повивального искусства" (1801), в начале 18 столетия в европейских странах из каждой тысячи родов 10 заканчивались смертью матери (!), а о младенческой смертности вообще говорить не приходилось.

В начале 18 века вопрос материнской и младенческой смертности приобрел статус государственной проблемы. Численность и прирост населения стали напрямую связываться с решением проблем родовспоможения⁵⁸. Заинтересованность государства в создании системы родовспомогательных учреждений и ее обеспечении квалифицированными кадрами и явилась основной причиной коренных преобразований в области акушерства в 18 веке. В этом плане акушерство также во многом повторило исторический путь хирургии, в основе развития которой в 18 веке лежала заинтересованность государства в подготовке достаточного количества грамотных и умелых хирургов для нужд армии. Но если для хирургии ведущую роль сыграл пересмотр отношения врачей и университетской профессуры к хирургической практике, что привело к воссоединению практического и теоретического ее разделов, то для акушерства глав-

⁵⁷ Толстой Д. А. Взгляд на учебную часть в России XVIII столетия до 1782 г. // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. — Т. XXXVIII. — 1886. — С. 82.

⁵⁸ Рихтер В. М. Слово о первоначальном происхождении, постепенном приведении в совершенство и отменной пользе Повивального искусства. — М., 1801. — С. 11.

ным стало снятие табу с занятий мужчин повивальным делом.

В конце 17 — первой половине 18 века наибольший вклад в этот процесс внесла Франция. Поворотным событием стало приглашение Людовиком XIV Ж. Клемана принимать роды у королевы Франции⁵⁹. Такое событие не могло не иметь широкого общественного резонанса. Как следствие уже в конце 17 века Ф. Морисо, П. Порталь, Г. де ла Мотт, хотя и встречали значительное сопротивление со стороны общественной морали, все же смогли провести первые исследования по изучению физиологических родов. В 1725 г. в Страсбурге под руководством профессора Фриде открывается первый в Европе Повивальный институт — повивальная школа с родильным госпиталем⁶⁰. Страсбургский повивальный институт сразу же стал не только учебным центром и базой для проведения научных исследований, но и прообразом большинства акушерских школ в Европе середины 18 века. Так, по образу и подобию страсбургского был организован открытый в 1751 году И. Г. Редерером Повивальный институт в Геттингене. По-видимому, главным идеологом его создания следует считать А. Галлера, получившего широкие полномочия в деле организации медицинского образования в Геттингене. А. Галлер, несомненно, интересовался различными вопросами из области акушерства. Под его руководством была выполнена не одна докторская диссертация по проблемам повивального искусства. В числе его докторантов был и И. Г. Редерер⁶¹. Другой ученик А. Галлера — И. Меккель в том же 1751 г. возглавил Повивальную школу, открытую в Берлине по инициативе Фридриха II и впоследствии присоединенную к знаменитой берлинской больнице Charite. Во второй половине 18 века подобные специальные учебные заведения в

⁵⁹ Мейер-Штейнег Т., Зудгоф К. Цит. соч. — С.343.

⁶⁰ Акушерство//Энциклопедический словарь. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. — Т.1. — Спб.,1890. — С.321.

⁶¹ Меркулов В. А. Альбрехт Галлер. — Л.,1981. — С.175.

Германии создаются в Дрездене, Касселе, Йене, Марбурге. С 1765 года акушерские школы появляются и в Англии⁶².

Однако вернемся к деятельности И. Г. Редерера в Геттингене. Помимо того, что И. Г. Редерер был преподавателем повивальной школы и врачом родильного госпиталя, он также являлся профессором Геттингенского университета. Именно с его деятельностью связано выделение преподавания акушерства в европейских университетах в самостоятельный профессорский курс. Он был автором классического учебника — "Elementa artis obstetriciae", неоднократно переиздававшегося в Германии, Франции, Италии, Англии и служившего около полувека основным источником преподавания этой дисциплины как в университетах, так и в медико-хирургических академиях. Нельзя также исключить, что лекции И. Г. Редерера по акушерству в Геттингенском университете сопровождались и практическими занятиями со студентами в родильном госпитале. Во всяком случае намек на это можно встретить в ряде немецких источников, в которых говорится о создании И. Г. Редерером первой университетской акушерской клиники⁶³. Однако скорее всего введение клинического преподавания акушерства и организация специальных университетских клиник произошли несколько позднее — в 50—80-х годах 18 столетия и связаны с реформами высшего медицинского образования, осуществленными Г. Ван-Свитеном, И. П. Франком в Австрии⁶⁴.

⁶² Акушерство//Энциклопедический словарь. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. — Т. I. — Спб., 1890. — С. 321.

⁶³ См., например: Biographisches Lexikon der hervorragenden Ärzte aller Zeiten und Völker. — 2eb. — Berlin, Wien. — Bd 4. — S. 845—846; Мейер-Штейнер Т., Зудгоф К. Цит. соч. — С. 404.

⁶⁴ Сточик А. М., Затравкин С. Н. Австрийская реформа университетского медицинского образования во второй половине XVIII века. Сообщение 1. Реформирование Г. Ван-Свитеном преподавания на медицинском факультете Венского университета//Клиническая медицина. — 1998. — № 5. — С. 74—77; Сообщение 2. Разработка И. П. Франком учебного плана подготовки врача//Клиническая медицина. — 1998. — № 8. — С. 70—75.

Вместе с тем, несмотря на столь существенные изменения, приведшие к появлению специалистов-акушеров, развитию акушерства как научной дисциплины и сферы практической деятельности, к включению преподавания акушерства как самостоятельной дисциплины в программу подготовки на медицинских факультетах европейских университетов, число врачей-акушеров продолжало значительно уступать существовавшей в них потребности. Как следствие повивальные бабки по-прежнему играли ведущую роль в складывавшейся системе родовспоможения европейских стран. Правда, пособие при любых формах патологии беременности и родов стало исключительной обязанностью акушеров-мужчин (врачей или хирургов), а повивальным бабкам было разрешено принимать только "натуральные", или "естественные", роды. Это в свою очередь определило формирование двух достаточно обособленных разделов акушерства и двух различных по своей ориентации и целевым установкам программ обучения. Раздел акушерства, включавший сведения о закономерностях и механизмах протекания нормальной беременности и физиологических родов, о порядке и правилах оказания соответствующей помощи, получил наименование повивального искусства. Все же вопросы патологии беременности и "сверхъестественных" родов, а также применяемые в таких случаях ручные и инструментальные пособия стали предметом повивальной науки, или собственно акушерства⁶⁵.

Подготовка повивальных бабок ограничивалась лишь объемом теоретических сведений и практических навыков в области повивального искусства. В программу же обучения на медицинских факультетах европейских университетов и в медико-хирургических академиях, открытых во второй половине 18 века в большинстве стран Европы, входило как повивальное искусство, так и повивальная наука. При

⁶⁵ Рихтер В. М. Руководство к повивальному искусству. — М., 1801. — С. IX—X, 2—3.

этом повивальное искусство рассматривалось как необходимая база для изучения и освоения повивальной науки. Отметим лишь, что медицинские факультеты университетов (за исключением австрийских в конце 18 века и, возможно, геттингенского в период работы там И. Г. Редерера) обеспечивали только теоретическую подготовку, так как любое практическое усовершенствование относилось в 18 веке к послеуниверситетскому образованию. Практическую стажировку по акушерству во второй половине 18 века врач мог получить в повивальных институтах или пройти под руководством частнопрактиковавшего акушера.

Описанные выше процессы имели место в 18 веке и в России. Разница заключалась лишь в том, что их начало относилось ко второй половине столетия, и к моменту появления в 1754 году первого официального документа, касавшегося вопросов организации повивального дела в стране, его исходное состояние значительно отличалось от европейского, причем не в лучшую сторону. Приведем лишь один документ, на наш взгляд, исчерпывающе характеризующий плачевное состояние дел в области родовспоможения в России первой половины 18 века — указ императрицы Анны Иоанновны от 5 мая 1740 года в связи с предстоящими родами наследника престола "в Москву к Доктору Медицины Блюментросту об отыскании бабки, Капитанши Енгельбрехт"⁶⁶. Уже одного только названия вполне достаточно, чтобы понять, насколько остро стоял этот вопрос, если даже при дворе не было умелой повивальной бабки.

Начало создания в стране системы акушерской помощи и организация подготовки для этой цели кадров связаны с деятельностью П. З. Кондоиди. 21 марта 1754 года он представил в Сенат "Мнение об учреждении проекта о бабичьем деле", которое получило одобрение сенаторов и было подтверждено императрицей 5 мая того же года. Суть доку-

⁶⁶ Рихтер В. М. История медицины в России. — Ч. III. — М., 1820. — С. 327.

мента сводилась к введению во всех губернских и столичных городах должности "присяжной повивальной бабки". На эту должность могли назначаться только женщины, прошедшие "испытание" и получившие право практики от Медицинской канцелярии. Для их подготовки планировалось организовать в Москве и Петербурге две повивальные школы⁶⁷.

Однако организованы школы были только спустя три года — в 1757 году. Причина задержки при очевидной потребности страны в сколько-нибудь квалифицированных специалистах, способных оказывать акушерскую помощь, точно неизвестна. Возможно, у П. З. Кондоиди были более неотложные дела. Так, известно, что именно в эти годы он осуществил первую крупномасштабную реформу госпитальных школ⁶⁸. Но вероятнее всего, основной причиной послужило отсутствие преподавателей. Такое предположение позволяет сделать совпадение ряда событий, непосредственно предшествовавших открытию повивальных школ. В августе 1756 года в Петербурге успешно сдает экзамен на право врачебной практики и, оставшись без должности в связи с отсутствием вакансии, уезжает в Пернов (ныне Пярну) европейски образованный врач, учившийся в Страсбургском и Йенском университетах, доктор медицины, специалист в области акушерства⁶⁹. В самом начале января 1757 года в Петербурге также успешно сдает экзамен и, не получив государственной службы, уезжает в Ревель другой не менее подготовленный в области акушерства врач, окончивший Геттингенский университет, а затем специализировавшийся в повивальном деле в Страсбурге и Берлине⁷⁰. А спустя несколько месяцев, в марте 1757 года, оба врача получают официальное предложение П. З. Кондоиди занять профес-

⁶⁷ Там же. — С. 330—331.

⁶⁸ Чистович Я. Цит. соч. — С. CLXXXVII

⁶⁹ Там же. — С. CCCLVI.

⁷⁰ Там же. — С. CCVI — CCVII.

сорские должности в повивальных школах. Первым из названных докторов был будущий профессор анатомии и хирургии Московского университета и профессор Повивальной школы в Москве И. Ф. Эразмус. Вторым — будущий член Медицинской коллегии и профессор Повивальной школы в Петербурге А. Линдеман. Именно с их деятельностью и связано начало функционирования в России первых акушерских учебных заведений.

В повивальных школах проходили подготовку только женщины — уже названные выше присяжные повивальные бабки и их ученицы. Основу обучения составлял курс повивального искусства. Клиническая база в этих школах отсутствовала. И. Ф. Эразмус, например, вел преподавание у себя дома. Практические навыки слушательницы приобретали уже в ходе своей практики или, в лучшем случае, помогая профессору или состоявшему при нем оператору в ходе их повивальной практики — профессор повивальной школы одновременно являлся и городовым акушером.

Обучение продвигалось медленно и, по-видимому, малоэффективно. За 20 лет своей деятельности в качестве профессора повивальной школы И. Ф. Эразмус смог подготовить только 35 учениц. Женщины не только не знали даже необходимых основ анатомии, физиологии, хирургии, но были попросту неграмотными, и И. Ф. Эразмус вынужден был постоянно упрощать свой курс. Об этом свидетельствует сопоставление учебников, использовавшихся им в качестве основы для преподавания. Причем безнадежно устаревший учебник И. Горна "Повивальная бабка, или достоверное наставление через вопросы и ответы...", впервые вышедший в свет в 1696 году и, очевидно, наиболее простой по содержанию, был рекомендован в 1764 году Медицинской коллегией⁷¹.

⁷¹ Рихтер В. М. История повивальной практики в Москве//Медико-физический журнал. — 1821. — Ч. II. — С. 128—144.

Видимо, по итогам первых лет работы повивальных школ руководство Медицинской канцелярии (с 1763 года — Медицинской коллегии) пришло к окончательному выводу, что, несмотря на содержавшееся в указе 1754 года требование к повивальным бабкам присутствовать при "ненатуральных" родах и обучаться методам оказания собственно акушерской помощи, они не могут освоить не только повивальной науки, но и необходимого объема сведений по повивальному искусству. В результате в 1763 году к И. Ф. Эразмусу и А. Линдеману по распоряжению Медицинской канцелярии направляются по 6 подлекарей из московского и петербургских генеральных госпиталей для "слушания лекционных" и обучения "акушерским операциям", т. е., другими словами, для изучения повивальной науки⁷². Основой читавшегося для них теоретического курса служил лучший в то время в Европе учебник по акушерству И. Г. Редерера. Таким образом, с 1763 года в России начинается подготовка как повивальных бабок, так и акушеров.

Следующий этап развития отечественного родовспоможения связан с деятельностью Н. М. Максимовича-Амбодика в Петербурге и В. М. Рихтера в Москве. Н. М. Максимович-Амбодик много сделал для подготовки отечественных акушеров и повивальных бабок. После отставки в 1781 году А. Линдемана он вел преподавание и в Петербургской повивальной школе, и сразу в двух петербургских генеральных госпиталях. В 1784 году стал также преподавателем и врачом первого в России Повивального института, в структуру которого, помимо повивальной школы, входил также и родильный госпиталь. В 1784—1786 годах он выпускает в свет значительный по объему учебник "Искусство повивания или наука о бабичьем деле", содержавший подробный разбор всех вопросов, касавшихся как повивального искусства, так и повивальной науки, и включавший все последние достижения европейской мысли. Н. М. Максимович-

⁷² Чистович Я. Цит. соч. — С. CCVI.

Амбодик работал настолько самоотверженно, что проблема преподавания акушерства в петербургских генеральных госпиталях, видимо, просто перестала волновать руководителей Медицинской коллегии. Во всяком случае только после его отставки в 1786 году, последовавшей в результате высочайшего повеления "с тем, чтобы он мог полностью переключиться на педагогическую и лечебную работу в Повивальном институте", выяснилось, что в новые утвержденные в 1786 году штаты медико-хирургических училищ забыли внести должность профессора акушерства. В результате Медицинская коллегия была вынуждена 31 марта 1787 года обратиться к императрице со специальным докладом о внесении изменений в высочайше утвержденные штаты⁷³.

С деятельностью В. М. Рихтера связаны организация Повивального института в Москве и начало преподавания акушерства как отдельной дисциплины на медицинском факультете Московского университета.

В Московском университете до В. М. Рихтера акушерство как самостоятельный предмет преподавания не читалось. Правда, в ряде историко-медицинских публикаций указывается, что обучение студентов Московского университета повивальному искусству началось с первых лет работы медицинского факультета еще в 60-х годах 18 века профессором анатомии, хирургии и повивального искусства И. Ф. Эразмусом⁷⁴. В качестве основного доказательства этой точки зрения приводятся расписания читавшихся И. Ф. Эразмусом в Московском университете лекций, где указывалась его должность — "Анатомии, Хирургии и Повивального искусства Профессор"⁷⁵. Еще одним косвенным доказательст-

⁷³ Там же. — С. ССХV — ССХVI.

⁷⁴ См., например: Добронравов П. Н. Кафедра акушерства и гинекологии имени В. Ф. Снегирева//Очерки по истории 1-го Московского ордена Ленина медицинского института имени И. М. Сеченова. — М., 1959. — С.552.

⁷⁵ Исторический вестник Московской медицинской академии им. И. М. Сеченова. — 1995. — Т.IV. — С.101.

вом служит цитируемый Я. Чистовичем текст письма И. Ф. Эразмуса к Президенту Медицинской коллегии А. И. Черкасову, в котором сообщалось о данном им соглашении занять в Московском университете должность "профессора анатомии, хирургии и бабичьего искусства". В ответном письме А. И. Черкасова куратору Московского университета В. Е. Адоурову И. Ф. Эразмус также фигурирует как профессор анатомии, хирургии и повивального искусства⁷⁶.

Однако сохранившиеся архивные документы, которые почему-то выпали из поля зрения исследователей, свидетельствуют, что И. Ф. Эразмус только называл себя профессором повивального искусства Московского университета. Так, согласно "Репортам о успехах, понятии, прилежании и поступках обучающихся в Университете учеников и студентов", направлявшимся в кабинет Императрицы с 1764 по 1768 год (т. е. в то время, когда И. Ф. Эразмус работал в Московском университете), он читал в 1765/1766 учебном году литтеральную медическую историю и анатомию, в 1766/1767 — анатомию и хирургию, в 1767/1768 — только хирургию⁷⁷.

И еще на одно обстоятельство нам хотелось бы обратить внимание. В упоминавшейся выше переписке о разрешении И. Ф. Эразмусу совмещать две профессорские должности во всех известных письмах, исходивших от руководителей Московского университета, И. Ф. Эразмус называется профессором анатомии и хирургии⁷⁸.

Правда, нельзя исключить, что И. Ф. Эразмус действительно планировал прочитать курс акушерства после изучения студентами анатомии и хирургии, но впоследствии изменил свое решение. В 1767/1768 учебном году на меди-

⁷⁶ Чистович Я. Цит. соч. — С. CCCLVIII — CCCLIX.

⁷⁷ Рождественский С. В. Очерки по истории системы просвещения в России XVIII—XIX веков. — СПб., 1912. — С. 242—246.

⁷⁸ Чистович Я. Цит. соч. — С. CCCLX.

цинском факультете остался только один студент, и в таких условиях опытный профессор мог счесть нецелесообразным начинать преподавание новой дисциплины. Советские исследователи справедливо отмечают, что И. Ф. Эразмус внес значительный вклад в подготовку кадров отечественных акушеров, явился автором первого в России руководства по повивальному искусству ("Наставление, как женщинам в беременности, в родах и после родов себя держать надлежит", 1762), первым в России (1765) наложил акушерские шипцы⁷⁹, но почему эти сведения излагаются в контексте истории преподавания акушерства на медицинском факультете Московского университета, не вполне понятно.

Также не вполне понятно, на основании чего П. Н. Добронравов пришел к заключению, что сменивший И. Ф. Эразмуса в 1768/1769 учебном году С. Г. Зыбелин "не читал лекций по повивальному искусству и педиатрии, а излагал их вместе с хирургией"⁸⁰. Использувавшийся С. Г. Зыбелиным в качестве основы для преподавания хирургии учебник Х. Г. Людвиг никаких сведений по повивальному искусству или акушерству, а тем более по педиатрии не содержал. Других, даже косвенных, документальных свидетельств, подтверждавших бы подобную точку зрения, нам обнаружить не удалось.

По-видимому, реально вопрос о преподавании акушерства на медицинском факультете Московского университета впервые начал решать Ф. Ф. Керестури. Интерес Ф. Ф. Керестури к акушерству мог быть результатом его совместной работы с И. Ф. Эразмусом, под руководством которого он исполнял обязанности прозектора. В 1778 году Ф. Ф. Кере-

⁷⁹ Добронравов П. Н. Цит. соч. — С.552; Марков Р. Р. Очерк развития акушерства и гинекологии//Многотомное руководство по акушерству и гинекологии/Отв. ред. Л. С. Персианинов. — Т.1 — М.,1961. — С.5—138; Побединский Н. И., Степанов Л. Г. Клиника акушерства и женских болезней/175 лет Первого Московского государственного медицинского института. — М.,1940. — С.251.

⁸⁰ Добронравов П. Н. Цит. соч. — С.552.

стури, получив звание экстраординарного профессора и вместе с ним определенную самостоятельность, прямо объявил в расписаниях своих лекций на следующий академический год, что "в обыкновенные дни от 2 до 4 часов после обеда, в летнее время будет изъяснять Редереровы наставления Повивального искусства..."⁸¹. Однако воплотить в жизнь этот замысел и организовать систематическое преподавание акушерства как отдельной дисциплины ему не удалось. В расписании его лекций за последующие годы, которые удалось собрать практически полностью, о преподавании акушерства больше не упоминается. Возможно, Ф. Ф. Керестури был вынужден отказаться от самостоятельной реализации этой идеи в связи с тем, что ему не хватало времени даже на чтение анатомии и хирургии.

Но в 1786 году за границу для стажировки, защиты докторской диссертации и подготовки к профессуре от Московского университета направляется окончивший с отличием медицинский факультет В. М. Рихтер. Основной задачей, которая была перед ним поставлена, явилось, как следует из его формулярного списка, "усовершенствование во врачебной науке вообще и родовспомогательном искусстве в особенности, с целью приготовить себя к кафедре Акушерства в Московском университете"⁸².

Конечно, такое решение принималось на уровне не ниже куратора университета и не без активного участия Университетской конференции. Но кто как не профессор анатомии и хирургии должен был выступить с таким предложением, убедить профессоров и руководителей университета в его целесообразности и подобрать необходимую кандидатуру. Учитывая стремление Ф. Ф. Керестури ввести преподавание акушерства, а также его родственные связи с В. М. Рих-

⁸¹ Исторический вестник Московской медицинской академии им. И. М. Сеченова. — 1995. — Т. IV. — С. 104.

⁸² Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета. — Т. 2. — М., 1855. — С. 352.

тером,⁸³ нам представляется, что инициатором решения этого вопроса был именно он.

Дальнейшие события показали, что Ф. Ф. Керестури не ошибся ни в принципиальном решении о необходимости преподавания в России университетского курса акушерства, ни в выборе кандидатуры для его реализации. В. М. Рихтер не только оправдал оказанное ему доверие, но и как университетский профессор по всем статьям превзошел своих московских учителей. Мы не будем здесь подробно останавливаться на био-

Вильгельм Михайлович Рихтер.

графических данных и послужном списке В. М. Рихтера. Они хорошо известны и приводятся во всех без исключения работах, посвященных истории медицинского факультета Московского университета и истории отечественного акушерства. Остановимся лишь на тех вопросах, которые, с нашей точки зрения, являются наиболее принципиальными.

В. М. Рихтер за 4 года своей заграничной командировки прошел хорошую как теоретическую, так и практическую подготовку по акушерству и в полной мере соответствовал должности профессора повивального искусства, которую он занял в Московском университете в 1790 году.

⁸³ Молнар Л. В. Венгерский ученый Ф. Ф. Керестури (1738—1811) в Московском университете // Вестник Московского университета. Серия 8. История. — 1994. — № 6. — С. 63.

В. М. Рихтер очень четко проводил грань между повивальным искусством и повивальной наукой, между программой подготовки повивальных бабок и врачей-акушеров. "...Повивальная бабка без явного причинения вреда человечеству не может заниматься предметами, до акушерства касающимися, — писал В. М. Рихтер в 1801 году, — и что с другой стороны самому акушеру перед начатием практического упражнения в своем искусстве надлежит непременно прежде усовершенствовать себя в Повивальном искусстве, поелику ему должно прежде приобрести познание и навык в естественных родах, дабы уже потом мог он правильно судить о сверхъестественных, и оказывать нужную в оных помощь"⁸⁴.

Именно этой позицией в отношении того, что должен изучать врач-акушер, он руководствовался при чтении своего курса на медицинском факультете Московского университета: "...преподавать будет начальные основания повивального искусства по руководству Редерерову, а по окончании теоретической оного части, в которой преподается о родах натуральных, покажет, каким образом надлежит делать операции как руками, так и с помощью инструментов в родах трудных и ненатуральных, и постарается о том, дабы слушатели его и сами оные операции также делали над куклою, или машиною, называемую французами фантом"⁸⁵. Учебник И. Г. Редерера и в конце 18 столетия продолжал оставаться одним из лучших учебных пособий по акушерству в Европе. Но повивальному искусству в нем уделялось все же меньше внимания, нежели повивальной науке⁸⁶. В 1801 году В. М. Рихтер издает свое "Руководство к повивальному искусству, основанное на новейших опытах, для

⁸⁴ Рихтер В. М. Руководство к повивальному искусству... — М., 1801. — С.2.

⁸⁵ Исторический вестник Московской медицинской академии им. И. М. Сеченова. — 1995. — Т.IV. — С.114.

⁸⁶ Roederer J. G. Elementa Artis Obstetriciae. — Gottingae, 1753.

публичных лекций...". И хотя предназначалось оно главным образом для обучения повивальных бабок в Повивальном институте при Московском воспитательном доме, В. М. Рихтер представил его на утверждение Университетской конференции с тем, чтобы на его основе читать часть своего курса⁸⁷.

Таким образом, можно говорить о том, что курс акушерства, читавшийся В. М. Рихтером в Московском университете, состоял из двух самостоятельных, но тесно связанных между собой разделов — повивального искусства (с 1801 года — по собственному учебнику) и акушерства, или повивальной науки (по учебнику И. Г. Редерера). Возможно, что и до 1801 года В. М. Рихтер читал для студентов Московского университета повивальное искусство несколько шире, чем это позволял учебник И. Г. Редерера. М. Я. Мудров с восторгом отзывался о лекционном курсе В. М. Рихтера: "Акушерские его лекции приводили слушателей в восхищение. Он сам делал и показывал нам, как делать маневры с куклою над куклою..."⁸⁸. Вероятнее всего, этот курс был самым современным и наиболее четко организованным из всех читавшихся на медицинском факультете Московского университета в 18 веке.

Однако вернемся к письму М. Я. Мудрова: "Но ни один из нас не сделал ни одного аборта с настоящим (мертвым) младенцем над женским трупом: ни один не имел понятия, как должно тушировать, что есть первейшая вещь: ибо не было женщин. Ни один не акушировал ни натуральных, ни искусственных родов, или лучше не видал, как бывают роды: ибо не было родильниц"⁸⁹.

Но не В. М. Рихтер был виноват в таком положении дел. В силу еще существовавшей прежней университетской тра-

⁸⁷ Рихтер В. М. Руководство к повивальному искусству... — М., 1801. — С. VIII.

⁸⁸ Письма М. Я. Мудрова к М. Н. Муравьеву//Чтения в обществе истории и древностей российских. — 1861. — ч. III. — С. 27.

⁸⁹ Там же.

диции медицинского образования любая практическая подготовка, а тем более специальная, относилась к послеуниверситетскому образованию. В конце 18 века университетских клиник, в том числе и акушерских, не было еще и в большинстве европейских университетов.

Вместе с тем необходимо отметить, что в вопросе введения практического преподавания акушерства позиция В. М. Рихтера была гораздо ближе взглядам М. Я. Мудрова. В начале 1800 года В. М. Рихтер представил Президенту Медицинской коллегии барону А. И. Васильеву подробный проект "Практического Акушерского института в Москве" для преподавания "как медицинским студентам, так и повивальным бабкам"⁹⁰. Проект для своего времени совершенно революционный, так как существовавшие повивальные институты готовили только повивальных бабок. Каких "медицинских студентов" имел в виду В. М. Рихтер, сказать сейчас трудно. Проект не сохранился. Однако нельзя исключить, что "Акушерский институт" мог замышляться В. М. Рихтером в том числе и для практической подготовки студентов медицинского факультета. Медицинская коллегия не оставила проект В. М. Рихтера без внимания. Однако при его рассмотрении "нашла, что предмет его намерения хотя с одной стороны почтен быть может полезным, но распоряжение и устройство такового дома совсем ему противно..." В этой связи наряду с чисто финансовыми соображениями одним из основных аргументов против был выставлен следующий довод: "...из внутренняго расположения г. Рихтера, беременным, родильницам, и по необходимости еще кормилицам, нянькам и прачкам, также студентам и ученицам жительствовать под одну кровлею совокупно, хотя и в отдельных комнатах, нечто найдется предосудительно, ненадежно и соблазнительно; а особливо не будет соответствовать похвальному намерению сочинителя, что жены беременныя, узнав каковы должны быть непременно

⁹⁰ Чистович Я. Цит. соч. — С. ССLXXXII — ССLXXXIII.

для практики акушерской в повивальном перстном осязании частыя упражненья более по одному любопытству, нежели по необходимости производимыя, ни в каком случае не согласятся входить туда добровольно"⁹¹.

Год спустя В. М. Рихтер под давлением столь "весомых" аргументов переделал свой проект, и в 1801 году был открыт традиционный Повивальный институт под его руководством при Московском воспитательном доме, а введение клинического преподавания акушерства в Московском университете произошло уже в 19 веке после принятия Университетского устава 1804 года.

И тем не менее введение преподавания даже теоретического курса акушерства в Московском университете имело огромное значение. Впервые в России была начата подготовка по акушерству лиц, получавших высшее медицинское образование. Результаты не заставили себя долго ждать. Уже в первой четверти 19 века ученики В. М. Рихтера не только смогли продолжить дело своего учителя, возглавив после его смерти кафедру акушерства Московского университета, но и занять соответствующие кафедры в других учебных медицинских заведениях страны, в том числе и в Московской медико-хирургической академии.

Глава 7

ПРЕПОДАВАНИЕ ХИМИИ

Восемнадцатому веку принадлежит особое место в истории химии. Начавшиеся еще в 17 веке процессы размежевания химии и медицины и становления химии как единой и самостоятельной науки в 18 веке протекали наиболее интенсивно и практически завершились. Еще сохранялись пережитки ятрохимического теоретизирования, еще химия преподавалась исключительно на медицинских факультетах, но само преподавание претерпевало принципиальные изменения, а основная масса химических исследований проводилась с целью накопления эмпирического материала, главным образом для выяснения состава живых организмов, изучения веществ органического происхождения, развития и совершенствования фармацевтического дела, горнорудного и металлургического производства. Прямым следствием изменений химии как системы знаний, изменений, связанных прежде всего со стремительным распространением экспериментальных исследований, основанных на определении физических параметров тел (масса, объем, температура), стало создание первых общих химических теорий — теории флогистона

(И. И. Бехер, Г. Шталь), а затем кислородной теории горения (А. Лавуазье).

С начала 18 века постепенный отказ от ятрохимических идей происходил одновременно с дивергенцией интересов при изучении методами химии биологических объектов: чисто медицинская (и фармацевтическая) линия стала отделяться от интересов химиков-натуралистов. Эти изменения протекали на фоне длительного и сложного процесса систематизации биологических объектов, без которого было невозможно развитие представлений о единстве живой природы. В 1702 году Н. Лемери в "Cours de Chimie" еще разделял царства природы, а в 1735 году была создана "Система природы" К. Линнея, основанная на едином принципе классификации (хотя и искусственном) для всех трех царств природы.

Параллельно рос интерес к химии неживых объектов, главным образом минералов, к промышленной химии, необходимой для развития горнорудного дела и металлургии. Все это отразилось на преподавании химии в университетах, разнообразных по традициям, уступавших давлению дивергирующего знания или отстаивавших канонические подходы.

Медицинские факультеты, имевшиеся практически во всех университетах, были наиболее универсальными центрами естественнонаучного образования, в которых курсы химии были представлены чрезвычайно широко. Причем содержательно они охватывали не только "зону взаимодействия" химии с медициной, куда входили различные разделы фармации, "медицинская химия", фито- и зоохимия и т. п., но и области "чистой" химии (от "генеральной" и "специальной" до химии минералов и химической аналитики), а также промышленной химии. Но все эти курсы объединяли эмпирические подходы и стремление "обойти" трудности, связанные со сложностью восприятия накопленного медиками, натуралистами и аптекарями необозримого описательного материала.

Университетские курсы химии в 18 веке отличались не только большим разнообразием, но и быстро эволюционировали. Во-первых, они становились менее каноническими, уделяя основное внимание конкретным результатам эмпирических исследований. Во-вторых, их предметная структура становилась все более "натуралистической", привязанной к решению конкретных задач химической практики, включая как медицинские ("медицинская" химия с ее объяснительным характером), так и промышленные и фармацевтические ее приложения. В-третьих, происходило формирование собственно предмета химии, со своим языком, системой понятий, общей теорией, основанной на результатах экспериментов.

Одновременно начался процесс профилизации и профессионализации преподавания химии, связанный прежде всего с невозможностью охватить множество накопленных эмпирических данных и необходимостью отбора объектов и тем (преимущественная ориентация на нужды медицины и фармации, на нужды промышленности и "пробирного искусства" или на изложение основных вопросов общей химии). В выборе приоритетов немалую роль играли традиции университетов и факультетов, а также запросы студентов, многие из которых поступали на медицинские факультеты ради новых и весьма практических химических знаний. Вместе с тем при любой степени и направленности профилизации необходимый минимум сведений по общей химии сохранялся в университетских химических курсах неизменно на протяжении всего 18 века.

Все многообразие университетских химических курсов, сложившихся в Европе ко времени открытия медицинского факультета Московского университета, можно условно разделить на три группы.

Первая — курсы переходного периода от канонических ятрохимических и постпарацельсианских форм к эмпирической химии. Этот период открывает "Трактат по химии" Н. Лефевра, в котором, в частности, обосновывалось представ-

ление о химии как науке, состоящей из трех частей: "философской" химии, "химической медицины", или ятрохимии, и фармацевтической химии, каждая из которых имеет теоретический и практический разделы. "Философская" химия "стремится познать природу неба и небесных светил, начала элементов, причину метеоров, происхождение минералов и пищу животных и растений". "Химическая медицина", в своем практическом разделе, призвана изучать состав тел и жизненных отправлений животных и человека. И наконец, фармацевтическая химия — изыскивать методы получения новых лекарственных препаратов"¹. Основное содержание "Трактата" Н. Лефевра составляли материалы, связанные с препаративной химией, сведения о составе различных тел, главным образом растений и животных, о методах получения лекарственных средств. Теоретические разделы были изложены фрагментарно и достаточно легковесно. Вольно или невольно автор выдвигал на первый план эмпирические подходы.

Принципы, заложенные в "Трактате" Н. Лефевра (преимущественная ориентация при преподавании химии на эмпирические подходы, на изложение конкретного, практически значимого материала), получили развитие в курсе химии его преемника К. Глязера, оказали влияние на "Фармакопею" М. Шара и, особенно, на упоминавшийся курс Н. Лемери. Последний еще более закрепил определение химии как науки и ее эмпирическую направленность. Задачи химии он сводил к разделению различных веществ, содержащихся в так называемых смешанных телах, стремился уйти от умозрительного теоретизирования и даже обойти проблему классификации природных объектов, хотя сохранял деление на "три царства природы". Эта позиция легла в основу многих университетских курсов химии первой половины 18 века, в том числе "Наставления по догматической и экспериментальной химии" Г. Тейхмайера, по которому у

¹ Lefebvre N. Traicte de la Chimie. — Vol.I. — Paris,1660. — P.65.

Марбургском университете Ю. Дуйзинг преподавал химию М. В. Ломоносову, Д. И. Виноградову и Г. У. Райзеру, а также оказавших наибольшее влияние на университетское образование руководств, составленных выдающимися врачами того времени Ф. Гоффманом и Г. Бургаве. "Элементы химии" Г. Бургаве² были наиболее популярным руководством по химии, успех которого связан не только с обилием эмпирических данных, но и со свойственной этому выдающемуся ученому и врачу исключительной, часто интуитивной способностью к объединению фактов в единую систему знаний. Вместе с тем историки химии считают руководство Ф. Гоффмана более типичным для эмпирической химии: не случайно современники называли его "катехизисом медицинской химии".

Во вторую группу можно объединить курсы, развивавшие идеи теории флогистона. Таких курсов сравнительно немного, поскольку представление о распространенности этой теории, по-видимому, сильно преувеличено. Однако руководство создателя этой теории — Г. Шталя³ имелось в библиотеках почти всех университетов Европы, но отношение к нему было совсем иным, чем к руководствам, основанным на эмпирических подходах. О руководстве Г. Шталя следовало знать, но отсутствие в нем конкретного материала, необходимого для химической практики, делало его, как учебное пособие, малопривлекательным. Возможно, учитывая это обстоятельство, в руководствах непосредственных учеников и последователей Г. Шталя (К. Неймана, И. Потта, Й. Юнкера) теория флогистона служила лишь

² Н. Voerhaave. *Elementa Chymiae quae anniversario labore decuit.* — Lugduni Batavorum (Leyden), 1732.

³ Руководство Г. Шталя "Основания догматической и экспериментальной химии" (*Fundamenta Chymiae dogmaticae et experimentalia.* — Norinbergum (Nurnberg), 1723) было составлено И. С. Карлем по лекциям, которые читал Г. Шталь в Йенском университете в 1684 году, и опубликовано с согласия Г. Шталя.

неким теоретическим орнаментом для изложения практических вопросов использования методов химии в медицине.

Третья группа — результат эволюции эмпирической химии, как бы вторая волна руководств, составленных учениками и критиками основателей этого направления, — химиков конца 17 — начала 18 веков. География таких руководств чрезвычайно широка: их авторы были профессорами университетов Германии, Швеции, Австрии, Италии, Франции. Особый интерес представляют курсы химии, читавшиеся в университетах Швеции и Германии.

Шведские химики 17—18 веков много сделали для развития и совершенствования горнорудной и металлургической промышленности. При этом носителями и распространителями химических знаний были, как правило, аптекари и фармацевты, обучавшиеся в университетах Голландии или Германии, а на родине специализировавшиеся в области промышленной химии. Центрами же химического образования и распространения химических знаний, кроме Упсальского и Лундского университетов и университета в Або (ныне Турку в Финляндии), во второй половине 18 века стали такие специальные учреждения, как Горная академия, Королевская лаборатория, в которой читались публичные лекции по химии, Каролинский институт в Стокгольме.

В начале 18 века в Швеции начала складываться оригинальная университетская традиция преподавания химии, ориентированная на статус фармацевтического образования, но подчиненная интересам горнорудной практической химии. Именно такая переориентация интересов, связанная с эволюцией эмпирической химии Бургаве — Гоффмана с использованием ее фактографической базы для развития практической химии, основанной на теории химических элементов и знании законов горения, вывела в конце 18 — начале 19 веков группу шведских ученых в ряд крупнейших химиков своего времени (К. В. Шееле, Й. Я. Берцелиус, Ю. Валлериус, Т. Бергман). С другой стороны, развитие

этой традиции привело к созданию новых руководств по химии, которые хотя и не аккумулировали все ее новейшие достижения, но по крайней мере отвечали практическим запросам своего времени. Шведские руководства середины и второй половины 18 века интересны и тем, что их авторы широко использовали идеи К. Линнея о классификации природных объектов. Предложенные шведскими химиками приемы идентификации и описания различных химических соединений, причем не только руд и минералов, но и различных получаемых из них веществ, несомненно содействовали восприятию идеи о химических элементах.

В России интересовались достижениями шведской металлургии. В Петербург попадало значительное число шведских руководств; некоторые из них привлекли внимание М. В. Ломоносова. Однако на преподавание химии на медицинском факультете Московского университета шведские химические традиции не оказали сколько-нибудь существенного влияния. Во всяком случае шведскими руководствами профессора химии Московского университета не пользовались. Последнее отнюдь не означает отсутствия в Московском университете интереса к достижениям шведской науки. Для чтения курса натуральной истории широко использовались труды К. Линнея ("Ботаническая философия", "Система природы"). Ф. К. Курика и Ф. Г. Политковский в 1784/1785 и 1785/1786 учебных годах читали минералогию по "Системе минералов" Ю. Валлериуса⁴, а адъюнкт ботаники П. Годи в 1786/1787 и 1787/1788 учебных годах показывал "употребительные в Медицине травы, следуя порядку Материи Медицинской г. Бергия"⁵.

Многочисленные химические курсы, читавшиеся в университетах Германии, были более консервативны как по структуре, так и по содержанию. На протяжении всего 18

⁴ Исторический вестник Московской медицинской академии им. И. М. Сеченова. — Т.IV. — 1995. — С.108,110.

⁵ Там же. — С.111—112.

века они отражали лишь медленную эволюцию эмпирической химии с преобладанием фармацевтической, прикладной минералогической и металлургической тематики. Такое положение, возможно, было связано с тем, что в наиболее авторитетных курсах практической медицины содержался значительный объем химических сведений объяснительного и прикладного характера (Г. Бурgrave, Ф. Гоффман и др.)⁶. Но так или иначе, а ориентация на собственно медицинскую, точнее физиологическую и патологическую, тематику встречалась в химических курсах германских университетов сравнительно редко, хотя декан медицинского факультета Лейпцигского университета Х. Г. Людвиг в разработанной им структуре университетского медицинского образования рекомендовал читать общую и специальную химию "применительно к частям медицины", выделяя блок фармацевтических дисциплин в самостоятельный предмет преподавания⁷.

В целом химические курсы германских университетов составляли два исторических блока, причем переход от одного блока к другому заключался в усилении рационального начала. Медленно, но верно шел процесс вытеснения "объяснительных" элементов, основанных на экспериментально не доказанных, умозрительных толкованиях как общих принципов химического взаимодействия, так и соответственно причин и механизмов физиологических процессов. В теоретическом плане в "объяснениях" начали преобладать идеи механической атомистики.

⁶ См., например, "Institutiones medicae in usus annuae exercitationis domesticae digestae", "Aphorismi de cognoscendis et curandis morbis in usum doctrinae domesticae digestae" Г. Бурgrave; "Medicina rationalis systematica", "Medicina consultatoria" Ф. Гоффмана.

⁷ *Chemia, tum generalis, tum speciatum ad partes medicinae applicata*// Ludwig Ch. G. *Institutiones Physiologiae cum praemissa introductione in universam medicinam praelectionibus academicis accommodatae*. — Lipsiae, 1752. — P.18. Кроме Лейпцигского университета, профилизация, ориентированная преимущественно на медицинскую тематику, обнаруживается в содержании химических курсов, читавшихся в Геттингенском, Кенигсбергском, Франкфуртском (на Одере) университетах.

Первый блок составляли курсы, авторы которых в той или иной мере поддерживали теорию флогистона. Некоторые из руководств, составленных на основе курсов этого блока, пользовались популярностью (например, руководства Й. Юнкера, К. Неймана). Но популярность эта была связана прежде всего с обилием систематизированного эмпирического материала.

Авторов курсов второго блока отличало сдержанное, если не отрицательное, отношение к теории флогистона. В этих курсах преобладали эмпирические данные, достаточно четко профилированные, применительно к нуждам медицины, фармации или промышленности. Примером первого может служить "Institutiones Chemiae ad lectiones Academicas Accomodatae" профессора практической медицины и химии Геттингенского университета Р. А. Фогеля, второго — руководство профессора химии и минералогии того же университета Л. Ф. Крелля.

Наряду с профилизацией на содержание университетских химических курсов оказывали влияние и другие процессы. Так, по мере формирования химии как самостоятельной науки и расширения сферы практического применения химических знаний изменялся ее статус в структуре университетского медицинского образования. К концу первой половины 18 века химия уже не рассматривалась как медицинская дисциплина, а занимала промежуточное положение между общеобразовательными предметами, преподававшимися на философских факультетах, и собственно "врачебными" науками. Изменение статуса химии в структуре университетского медицинского образования сопровождалось сначала дублированием⁸, а затем

⁸ "...Всякому физическому поиску веществ, — писал Х. Г. Людвиг, — следует предпослать химический, по этой же причине и изучение тела здорового и больного человека иллюстрируется множеством способов посредством его. Еще не все выявлено экспериментами, однако мы говорим, что и в физиологических, и в патологических науках следует повторять разное этих (химических. — авт.) начал, что не должно оставаться без внимания врачей в объяснении феноменов"//L u d w i g Ch. G. Methodus doctrinae medicae universae Praelectionibus Academicis accomodata. — Lipsiae, 1766. — Р.44. (Пер. с лат. проф. В. Ф. Новодрановой.)

перемещением определенной части сведений объяснительного и прикладного характера, традиционно читавшихся в курсе химии, в курсы "врачебных" наук (главным образом в курсы физиологии и патологии) и фармацевтических дисциплин. Одновременно уменьшалось число университетов, где химия читалась вместе с практической медициной единым профессорским курсом. Появились самостоятельные курсы химии, курсы, где химия читалась вместе с дисциплинами блока "теоретическая медицина" или фармацией, химико-технологические курсы. На рубеже веков в отдельных университетах начала преподаваться физиологическая химия. В программу курса включался краткий раздел, содержащий сведения по общей и специальной химии⁹. Наряду с этим химические курсы ряда университетов приобретали все более выраженный естественнонаучный и технологический характер.

В России обучение основам химии началось в 17 веке. В аптекарских огородах, кроме выращивания лекарственных трав, их заготовки и сушки, производилась и переработка сырья. "Коктории" аптекарских огородов представляли собой своеобразные химико-фармацевтические лаборатории, где изготовлялись различные препараты, а в штате состояли "алхимики" — химики-практики, которые, кроме своей основной деятельности, имели учеников¹⁰.

Систематическое преподавание химии началось в Московской госпитальной школе, где с 1707 года, кроме анатомии и хирургии, преподавались "аптекарские науки". По мере развития госпитальных школ неоднократно ставился вопрос об увеличении объема преподавания в них химии, причем не только для медицинских и фармацевтических

⁹ Примерами могут служить курс И. Жакена (в рус. переводе "Начальные основания всеобщей и врачебной химии") и И. Пленка (в русском переводе "Игрология или химико-физиологическая наука о соках человеческого тела").

¹⁰ Зархин И. Б. Очерки из истории отечественной фармации XVIII и первой половины XIX века. — М., 1956. — С.10—12.

целей, но и для удовлетворения потребностей в кадрах развивавшихся в России горнорудного дела и металлургии. "Понеже знание горных дел, — читаем мы в одном из документов Медицинской канцелярии, датированном 1736 годом, — важная часть Химии, которая точию великое втечение в Медицину и физику имеет быть, а в Химию, по определению Медицинской канцелярии, молодые аптекари обучаются и за тем полезно, дабы о знании в рудах иготовление оных, зовомая металлургия, оным молодым аптекарям такожде обучена была"¹¹. Таким образом, первые попытки перенесения на российскую почву существовавшей в Европе традиции преподавания в медицинском учебном заведении химии не только в медико-фармацевтическом, но и в промышленном ее приложении были предприняты еще до открытия Московского университета.

Ведущую роль в медицинском образовании отводил химии М. В. Ломоносов. В письме И. И. Шувалову об учреждении Московского университета М. В. Ломоносов ставил химию первой среди предметов преподавания медицинского факультета и рекомендовал читать ее как самостоятельный профессорский курс.

Профессорский курс химии в целом, без изъятия. И ремарка М. В. Ломоносова, что в штате университета должен состоять "доктор и профессор химии", хотя, возможно, и содержит намек на желательность известной профилизации, но не в ущерб целостности и полноте университетского курса. Любое изъятие могло нанести непоправимый ущерб естественнонаучной подготовке студента, полнота и качество которой были предметом особой заботы М. В. Ломоносова. Позиция М. В. Ломоносова имела веские основания. Во-первых, потому, что выпускники медицинских факультетов могли посвятить себя не только врачебному

¹¹ Лукьянов П. М. История химических промыслов и химической промышленности в России до конца XIX века. — Т. I. — М.—Л., 1948. — С.93.

делу, но и научной работе в любой области естествознания. А без ученых-естественников "из природных россиян" развитие российской науки было невозможно. Во-вторых, потому, что химия читалась только на медицинских факультетах, и иного пути подготовки химика любого профиля (а в них нуждались и российская медицина, и российская наука, и российская промышленность), кроме как через медицинский факультет, не было.

В "Проекте о Учреждении Московского университета" также предусматривалось преподавание химии как самостоятельного профессорского курса, но было внесено дополнение, уточнявшее его содержание: "Доктор и профессор Химии должен обучать химии физической особливо и аптекарской"¹².

"Обучать химии физической особливо..." Эта формулировка отнюдь не означает, что авторы окончательной редакции "Проекта" замыслили включить в курс химии Московского университета ломоносовскую науку, объясняющую "на основании положений и опытов физики то, что происходит в смешанных телах при химических операциях"¹³ и в том объеме, в котором М. В. Ломоносов прочитал в 1752 году в академическом университете свой знаменитый курс "Введение в истинную физическую химию". Науки, которую мы сегодня называем физической химией, тогда не существовало, но термин использовался довольно широко. Считают, что первым его применил немецкий алхимик Г. Кунрат (Khunrath H. *Symbolum physico-chimicum*. — Napovia, 1599), позднее он употреблялся в различных руководствах (Н. Лефевр, 1660; Г. Тейхмайер, 1728; Ф. Гоффман, 1736; И. Кункель, 1739, и др.) как синоним понятия теоретическая химия¹⁴. В этом же значении мы встречаем

¹² Проект о Учреждении Московского Университета/Пенчко Н. А. Основание Московского университета. — М., 1953. — С.152.

¹³ Ломоносов М. В. ПСС. — Т.2. — М. — Л., 1951. — С.483.

¹⁴ Соловьев Ю. И. Очерки по истории физической химии. — М., 1964. — С.7—8.

термин "физическая химия" в руководстве упсальского профессора химии Ю. Валлериуса, по времени выхода в свет наиболее близком к открытию Московского университета: "чистая химия в значительной своей части должна быть той, которую другие называют теоретической или философской или физической"¹⁵. Таким образом, по замыслу авторов окончательной редакции "Проекта", стержнем, основным содержанием курса химии на медицинском факультете Московского университета должна была стать "теоретическая или философская", "чистая" химия. В значительном (но меньшем) объеме (не "особливо") предусматривалось преподавание "аптекарской" химии. Формулировка "Проекта", разумеется, не исключала возможности преподавания других разделов химии, но акценты расставляла жестко, учитывая и распространявшуюся в Европе профилизацию университетских химических курсов. В данном случае речь шла о чисто фармацевтическом уклоне: о "медицинской" химии, как и о *materia medica*, которая в равной мере принадлежала и аптекарскому, и врачебному делу, в "Проекте" не упоминалось.

Фармацевтическая (а не медицинская или, скажем, медико-фармацевтическая) направленность курса химии, заложенная в "Проекте", была, по-видимому, не случайна. Не исключено, что она не только результат германских влияний, но и отголосок шведской традиции использования фармацевтической тематики для преподавания практической горнорудной и металлургической химии. Во всяком случае в этом контексте обретают логичность действия И. И. Шувалова — автора окончательной редакции "Проекта". В 1757 году он пригласил И. Х. Керштенса профессором химии, оговорив в контракте с ним согласие "преподавать также минералогию и доцимастику"¹⁶, а в 1758 году

¹⁵ Wallerius J. *Chemia physica*. — Holmia (Stockholm), 1759. — P. 12.

¹⁶ Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. — Т. I. — М., 1960. — С. 314—315.

распорядился построить в университете химическую лабораторию, которая была оборудована для занятий по анализу руд, минералов, металлургической химии и пробирному анализу¹⁷. Известно, что согласие И. Х. Керштенса было реализовано: в 1762/1763, 1763/1764 учебных годах он читал минералогию, "с принадлежащею к ней Химиею Металлургическою и Доцимастическою" и "публичное свое учение о Минералогии, с принадлежащею к ней рудокопною и пробирною Химиею, во-первых для тех, которые впредь по горному и монетному делу определены быть могут". При этом курс И. Х. Керштенса был "так расположен, чтобы всегда Теория с Практикою соединена была"¹⁸. Но это был лишь эпизод, предшествовавший началу систематической подготовки медиков. Далее содержание курса химии изменилось.

Преподавание промышленной химии на медицинском факультете Московского университета прекратилось с 1764/1765 учебного года, но не потому, "что в результате все возрастающих потребностей экономики России было создано специальное учебное заведение — горное училище, а затем институт, где готовились кадры... для горной, металлургической промышленности и т. д."¹⁹, как полагала Н. Н. Ушакова. Горное училище в Петербурге было открыто в 1773 году и, несмотря на имевшийся опыт подготовки горных мастеров в Берг-коллегии, первое время испытывало значительные трудности. Конечно, специалисты по горному и монетному делу были России нужны, но интересы здравоохранения возобладали. Начиная с 1762 года Екатерина II лично занималась реформированием медицинского дела в стране. В ее указах предусматривались меры по увеличению

¹⁷ Ушакова Н. Н. Материалы по истории химии в Московском университете в XVIII веке//Труды Института истории естествознания и техники. — Т.18. — М.,1958. — С.23—24.

¹⁸ Исторический вестник Московской медицинской академии им. И. М. Сеченова. — Т.IV. — 1995. — С.99—100.

¹⁹ Ушакова Н. Н. Цит. соч. — С.29.

численности и повышению качества подготовки "докторов, лекарей и подлекарей". При этом ставка делалась исключительно на госпитальные школы. Действия императрицы, несомненно, послужили катализатором в решении вопросов организации преподавания "врачебных" наук в Московском университете. Но университет испытывал острый дефицит профессорских кадров и совмещать подготовку медиков и специалистов для промышленности не мог.

Преподавание промышленной химии было прекращено. Но поначалу никто не обратил на это внимания, хотя прекращение преподавания промышленной химии в Московском университете, по-видимому, нанесло немалый ущерб российскому горному делу и металлургии. Одно делалось за счет другого. Так часто бывало в России.

В Европе подобных вещей себе не позволяли. Первая Горная академия в Европе была открыта в 1737 году в Шемнице (ныне Баньска Штявница, Словакия), затем в 1765 году во Фрейбурге (Германия), где имелись давние традиции обучения горных мастеров. Но поскольку потребность в этих специалистах превышала возможности Горной академии, медицинские факультеты не спешили прекращать преподавание промышленной химии. В Геттингенском университете, например, где профилизация преподавания, ориентированная на нужды практического врачевания, была достаточно четко выражена, еще в 1788 году, как свидетельствовал Пюттер, промышленная химия читалась, а в университетской химической лаборатории проводились занятия по пробирной и металлургической химии²⁰. Правда, в 1773 году на университет было возложено "приуготовление способных к горной науке студентов, каковых по именному Ее Императорского Величества высочайшему соизволению ежегодно по шести человек в учрежденное в Санкт-Петербурге Горное училище из Университета посылать по-

²⁰ Putter. Versuch eines academischen Gebchrtten-Geschichte von der Universitat zu Goettingen. — Bd.2. — Göttingen, 1788. — S.258,330.

велено"²¹. Но, судя по всему, "соизволение" императрицы исполнено не было. Для "приуготовления способных к горной науке студентов" требовался "особый искусный в химии и минералогии профессор", но такого в университете тогда не имелось, а из-за границы не выписали.

В Европе подобных вещей себе не позволяли. Но ведь и ситуация там была иная: и университетов много, и профессоров достаточно.

П. И. Вальден справедливо называл первый период развития химии в России (1725—1800) "академическим", имея в виду, что наиболее авторитетные химики работали тогда в Петербурге: в Академии наук, Медицинской канцелярии (коллегии) и аптеках, в Берг-коллегии, на Монетном дворе²². В Московском университете химия и как наука, и как предмет преподавания была представлена значительно слабее. Кроме И. Я. Биндгейма, начавшего свою деятельность в Московском университете в 1794 году и занимавшегося проблемами фармацевтической, аналитической и промышленной химии, никто из профессоров медицинского факультета профессионально химией не занимался. Правда, первый профессор химии Московского университета И. Х. Керштенс в "Реэстре публичных лекций..." за 1762/1763 учебный год объявлял, что будет преподавать минералогию, металлургическую и доцимастическую химию "по руководству собственных наставлений", в 1763/1764 учебном году называл, видимо, эти же "наставления" как "публичное свое учение о Минералогии с принадлежащею к ней рудокопною и пробирною Химиею", в 1765/1766 учебном году сообщал о преподавании аптекарской химии "по собственному своему сочинению"²³. Но о содержании и ка-

²¹ РГАДА. — Ф.248. — Оп.64. — Д.5565. — Л.409.

²² Вальден П. И. Очерки истории химии в России/Ладенбург А. Лекции по истории химии от Лавуазье до наших дней. — Одесса, 1917. — С.375.

²³ Исторический вестник Московской медицинской академии им. И. М. Сеченова. — Т.IV. — 1995. — С.99—101.

честве "наставлений", как и о сущности "учения о Минералогии", мы судить не можем, поскольку никаких учебных пособий по химии И. Х. Керштенса не сохранилось. Только в биографическом словаре кильского профессора Беренда Кордеса упоминается об издании в Москве в 1759 году руководства И. Х. Керштенса по минералогии "*Tentamen technologiae fossilium*"²⁴, но ни одного экземпляра этой книги обнаружить не удалось. Вероятнее всего, "руководством собственных сочинений" И. Х. Керштенс называл систематические компиляции, составленные на основе имевшихся тогда руководств по минералогии и химии, и которые никакой научной ценности не имели. Такие чисто педагогические компиляции не были тогда редкостью. К тому же библиотека Московского университета не располагала учебными пособиями по минералогии и промышленной химии. Вместе с тем непонятно, почему И. Х. Керштенс отказался от руководства Ф. А. Картейзера, об использовании которого для преподавания минералогии объявлял в 1758 году²⁵.

Историки единодушны в негативной оценке деятельности И. Х. Керштенса в Московском университете. При этом они ссылаются на факты и события, не имеющие прямого отношения к его педагогической работе. Конечно, И. Х. Керштенс не представлял ничего выдающегося. Обыкновенный хорошо образованный средний профессор, но, заметим, "средний" и "образованный" по европейским стандартам. Это во-первых. А во-вторых, при всей своей "обыкновенности", в части подготовленности к преподаванию химии, он был, пожалуй, самым квалифицированным из всех "ординарных профессоров", читавших в 18 веке химию в Московском университете.

²⁴ Kordes B. *Lexicon der jetztlebenden Schleswig-Holsteinischen und Eutinischen Schriftsteller*. — Schleswig, 1797. — S.187.

²⁵ Там же. — С.97. Руководство немецкого химика и врача Ф. А. Картейзера "*Elementa mineralogiae systematici disposita*" было в тот период самым современным, хотя и компилятивным, руководством по минералогии.

В этом не было ничего удивительного. В Гальском университете он слушал химию у Ф. Гоффмана и Й. Юнкера, в Лейпциге ее читали по Г. Бургаве. От своих учителей он усвоил эмпирический подход, убежденность в исключительной важности химии для медицинского образования и необходимости преподавания ее в возможно большем объеме. До приглашения в Московский университет он преподавал в Лейпциге, в университете, может быть, не самом блестящем, но что называется добротном, с традициями, где преподавание было поставлено солидно и где много занимались вопросами стандартизации и методики университетского медицинского образования.

Для преподавания в Московском университете И. Х. Керштенс избрал два руководства: знаменитые "Элементы химии" Г. Бургаве и "Институций" геттингенского профессора Р. А. Фогеля. Руководство Г. Бургаве было едва ли не самым популярным университетским курсом, но к 60-м годам 18 века многие его разделы уже устарели. Оно состояло из двух томов. Первый содержал краткую историю химии, ее теорию, учения об огне, воздухе, воде и земле, о растворителях, описание лабораторной посуды и оборудования; второй — химические операции (методы и результаты) с объектами растительного, животного и минерального происхождения.

Об "Институциях" Р. А. Фогеля отечественные историки химии и медицины либо не упоминают, либо отзываются более чем сдержанно²⁶. Между тем руководство Р. А. Фогеля широко использовалось для преподавания химии в университетах Германии и только при жизни автора переиздавалось пять раз²⁷. В Московском университете это руководство было основным учебником по химии вплоть до конца 18 века. По содержанию "Институций" Р. А. Фогеля пред-

²⁶ См., например: Ушакова Н. Н. Цит. соч. — С.23.

²⁷ Biographisches Lexikon der hervorragenden Ärzte aller Zeiten und Völker. — 2 ed. — Berlin, Wien. — Bd.5. — S.781—782.

ставляли собой одну из первых попыток профилирования университетского курса, ориентированного на медико-фармацевтическую тематику, причем материалы по "медицеской" химии были изложены в них достаточно полно. Что касается вопросов общей и специальной химии, то они описаны кратко и популярно.

Видимо, И. Х. Керштенс хорошо знал и объективно оценивал достоинства и недостатки обоих руководств и вполне компетентно использовал их при формировании своего курса. Основным руководством И. Х. Керштенс избрал "Институции" Р. А. Фогеля — самый современный для того времени профилированный университетский курс химии, по которому, скорее всего, велось преподавание в Лейпцигском университете²⁸. По этому руководству он читал общую и "медицескую" химию. Причем преподавание общей химии продолжалось полный учебный год, что свидетельствует о том, что либо И. Х. Керштенс использовал "Институции" Р. А. Фогеля как конспект, а сам читал подробнее, детализируя отдельные вопросы, либо уровень слушателей не позволял концентрировать в отдельных лекциях достаточно большой объем информации.

Для преподавания специальной химии И. Х. Керштенс использовал оба руководства. «Иоганн Христиан Керштенс Медицины Доктор и Профессор, — читаем мы в "Реэстрепубличных лекций..." за 1761 год, — по окончании Генеральной химии, преподавать будет Специальную, содержащую Химические Операции. Причем, последовав по сие время Вогелиевым Химическим наставлениям, соединит оные с Операциями бургавовыми, находящимися в Химических его началах»²⁹. Такое соединение было целесообраз-

²⁸ Первое издание "Institutiones Chemiae..." Р. А. Фогеля вышло в Геттингене в 1755 году, второе — в 1757 году одновременно в Лейдене и Лейпциге, четвертое — в 1764 году одновременно в Лейпциге и Франкфурте.

²⁹ Исторический вестник Московской медицинской академии им. И. М. Сеченова. — Т.IV. — 1995. — С.99.

но. Во-первых, специальная химия была едва ли не единственным разделом "Элементов химии" Г. Бургава, который не устарел почти до конца 18 века. Во-вторых, при всей обстоятельности изложения (в "Элементах химии" Г. Бургава "химических операций" было описано значительно больше, чем в "институциях" Р. А. Фогеля) некоторые методы химического анализа, важные для медицины и фармации, в руководстве Г. Бургава отсутствовали. Стремление наиболее полно и подробно изложить студентам "химические операции" связано, по-видимому, в первую очередь с установкой И. Х. Керштенса сочетать теоретическое преподавание с практическими занятиями в химической лаборатории ("курс так расположить, чтоб всегда Теория с Практикою соединена была"). Во всяком случае так было организовано преподавание промышленной химии: в 1763/1764 учебном году половина учебного времени предназначалась для лабораторных занятий³⁰.

При преподавании "медицинской" и аптекарской химии (последнюю, как уже упоминалось, И. Х. Керштенс читал "по собственному своему сочинению"; фармацевтический раздел "Институций" Р. А. Фогеля его, по-видимому, не удовлетворял) лабораторные занятия, по всей видимости, также проводились³¹. С. А. Погодин на основе анализа описи оборудования и препаратов химической лаборатории Московского университета, составленной в 1770 году, пришел к выводу, что в 1766—1770 гг. "в лаборатории Керштенса" проводилось "по преимуществу приготовление несложных фармацевтических препаратов; наряду с ними производилось, по всей вероятности для демонстрации на

³⁰ Там же. — С.99—100.

³¹ В "Объявлениях о публичных лекциях..." за 1765/1766 учебный год И. Х. Керштенс сообщал, что "показывать будет части растений и животных, надлежащие до употребления, купно с аптекарскими из оных приуготовлениями и сложениями...", за 1766/1767 учебный год — "...теоретически и практически сложение простых химических произведений..."// Там же. — С.100, 101.

Catalogus rerum Medicamentorum in hunc usque hunc
 Laboratorio Gaspariano 1770. 51

3ij	Aet. Distillat	3j	Lapp. Haemotil. ff.
3j	Alum. ust.	℥j	— Cammaris
℥j	Akimon. Crud.	3j	— Silus. psat.
3j	Azoat. Finis	3vj	Lign. Brasiliens. rubr.
3ij	Aurum	3j	— — Coerule.
		3j	— — Sanctum
6 drachm.	Bell. Peruvian	3vj	Mercurit
Libr. j.	Bou. juniper	3j	Mercur. Sublimat.
33j	Borbor. venet.	3j	Mercur. vivum
℥ij	Cera. Arin.	℥ij	Nitrum. depurat.
3ij	Caucall	3vj	— — ffat.
3ij	Collo. Siquen	℥ij	of Theriinth.
℥vj	Colophon	3ij	— vitriol. alb. concentr.
		3ij	— — nigri.
drachm.	Cori. austriac.	3ij	
3vj	Crystall. Tartar.	℥ij	Dumbum.
3j	Cyprium. dimatum	3ij	Pulv. fortis. eff.
		3vj	— Sem. Uni.
3ij	Tell. vatri	℥vj	Resin. Corn. Cervi.
3ij	Flor. Sulphur.	℥ij	Resin. Citrin.

лекциях по общей химии, получение фосфора, цветных стекол и финифтей, пирофора и др."³².

В позиции И. Х. Керштенса в отношении преподавания химии прослеживаются, таким образом, по меньшей мере две принципиальные установки. Первая: стремление совместить максимально возможный объем материала по общей и специальной химии с известной профилизацией курса, ориентированной как на медицинскую, так и на фармацевтическую тематику. Вторая: не ограничиваться лишь чтением лекций, а по возможности организовать и практическое преподавание в форме специальных занятий в химической лаборатории или по крайней мере лекционных демонстраций. Такие установки позволяли И. Х. Керштенсу, с одной стороны, выполнять и предписания "Проекта о Учреждении Московского университета" ("Доктор и профессор Химии должен обучать химии физической (общей и специальной. — *Авт.*) особливо и аптекарской"), и рекомендации своего маститого лейпцигского коллеги (а возможно, учителя) Х. Г. Людвига (преподавать "общую и специальную химию применительно к частям медицины"). С другой — обеспечить объем преподавания химии, превышавший потребности практического врача, с тем чтобы прослушавшие столь обширный и разнообразный курс могли в дальнейшем посвятить себя деятельности в любой области химии, что соответствовало традициям университетского медицинского образования.

Вместе с тем возможность читать столь обширный и разнообразный курс, по-видимому, была связана не только с педагогической позицией И. Х. Керштенса. В 60-х годах преподавание на медицинском факультете еще не было упорядочено. Достаточно сказать, что не читалась такая важнейшая дисциплина, как практическая медицина. По мере формирования общей программы обучения в 80—90-х

³² Документы и материалы по истории Московского университета от второй половины XVIII века. — Т. III. — М., 1963. — С. 439.

годах определились и окончательный перечень предметов преподавания, и распределение учебного времени между ними. Общая продолжительность цикла обучения на факультете составляла три года. Это, разумеется, оказало влияние на объем преподавания химии. Что касается содержания химических курсов, то здесь, по-видимому, ведущую роль играла позиция профессуры.

Преемники И. Х. Керштенса — П. Д. Вениаминов и С. Г. Зыбелин, хотя и получили хорошую химико-фармацевтическую подготовку в Кенигсберге и Лейдене, посвятили докторские диссертации химико-фармацевтическим проблемам³³, профессионалами ни в химии, ни в фармации не стали. В Москве ни тот, ни другой химико-фармацевтическими вопросами в научном плане не занимались: немногочисленные химические публикации С. Г. Зыбелина носили скорее компилятивно-популяризаторский, чем научный, характер. Профессионалами они были во врачебном деле и как практикующие врачи пользовались широкой известностью. Но химию в разное время читали оба. И здесь сложившийся еще в студенческие годы интерес к фармацевтической тематике и сформировавшиеся уже в зрелые годы представления о том, какие знания прежде всего необходимы для врачебной деятельности, наверняка сыграли свою роль.

Думается, что, приобретя солидный опыт и как университетский профессор, и как практикующий врач, С. Г. Зыбелин (а речь дальше пойдет исключительно о нем, поскольку из-за отсутствия достоверных данных объективно судить о педагогической деятельности П. Д. Вениаминова не представляется возможным) убедился в необходимости

³³ П. Д. Вениаминов защитил диссертацию на тему: "Очерк ядовитых для человека медицинских препаратов" ("Medicum homicidam adumbrans"), С. Г. Зыбелин — "О естественных целебных мылах, добываемых из трех царств природы, их химическом различии, составе, свойствах, а также употреблении в медицине" ("De saponis medicis nativis ex triplici regno natural petitis. A chemicis differentia, principis, indole ac usu in medicina").

перераспределения учебного времени в пользу практической медицины и фармацевтических дисциплин. Такое перераспределение было осуществлено им в 80-х годах в рамках профессорского курса химии, *materia medica* и практической медицины, который он читал после смерти П. Д. Вениаминова, с 1775 года. В результате учебное время на преподавание химии сократилось втрое, соответственно увеличилось время на преподавание практической медицины. Так, если в общем цикле обучения на медицинском факультете в 1779/1780—1781/1782 учебных годах преподавание химии продолжалось около полутора лет, фармацевтических дисциплин — около года, а практической медицины — полгода, то начиная с 1785/1786 учебного года в трехлетнем цикле обучения преподавание химии занимало полгода, фармацевтических дисциплин — год, практической медицины — полтора года³⁴. Кроме того, "под смотрением" С. Г. Зыбелина с 1783/1784 учебного года был введен ежегодный практический курс аптекарского искусства, объем которого в дальнейшем возрастал.

Примечательно, что при столь радикальном сокращении времени обучения источник, по которому велось преподавание, не менялся. Это были те же "Институции" Р. А. Фогеля³⁵. Но в "Объявлениях о публичных лекциях..." С. Г. Зыбелин в отношении химии не раскрывал содержания предмета преподавания: сообщалось лишь о том, что профессор "приступит к изъяснению Химии по руководству Фогеля, присоединяя притом по своим местам разные из оной опыты". Поэтому точно установить, за счет каких разделов

³⁴ Исторический вестник Московской медицинской академии им. И. М. Сеченова. — Т. IV. — 1995. — С. 105—129.

³⁵ В 1782/1783 и в 1783/1784 учебных годах С. Г. Зыбелин использовал для преподавания химии более краткое, чем "Институции" Р. А. Фогеля, руководство франкфуртского профессора И. Картейзера ("Elementa chymiae medici dogmatico experimentalis, una cum sinopsi materiae medici selectionis". — Halle, 1736). Однако с 1785/1786 учебного года он вернулся к руководству Р. А. Фогеля.

предмета было осуществлено сокращение курса химии, невозможно.

Вместе с тем можно предположить, что, скорее всего, основу сокращенного зыбелинского курса составляли общая и некоторые разделы специальной химии. "Медическую" химию (как раздел химического курса) С. Г. Зыбелин, по-видимому, не читал, ограничиваясь рассуждениями о значимости химии для понимания сущности физиологических и патологических процессов и необходимости использования ее методов для их изучения. Содержательная часть этих вопросов могла читаться в курсах физиологии и патологии: С. Г. Зыбелин десять лет читал теоретическую медицину по руководствам Х. Г. Людвига, в которых содержался значительный объем химических сведений как объяснительного, так и прикладного характера. Наконец, он, вероятно, широко привлекал химические данные для раскрытия механизмов возникновения и развития отдельных заболеваний при чтении практической медицины. На эту мысль наводят содержащиеся в "Объявлениях о публичных лекциях..." указания о том, что, кроме основного источника (до 1782 года руководство Х. Г. Людвига, затем — С. Т. де Меза), при чтении практической медицины С. Г. Зыбелин "следовал притом великому Бургаве". Выше упоминалось, что в "Institutiones medicae" и "Aphorismi de congocendis et curandis morbis" Г. Бургаве излагался значительный объем химических сведений.

В развитии преподавания химии в Московском университете в 18 веке обнаруживается, таким образом, не только тенденция к профилизации курса, но и к его резкому сокращению, осуществленному главным образом за счет переноса значительной части материала в курсы "врачебных" наук. Этот перенос, укрепляя естественнонаучную базу физиологии, патологии, практической медицины, в то же время снижал уровень собственно химического образования в университете, превращал курс химии во вводный, в некое химическое введение к преподаванию "врачебных" наук,

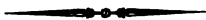
тем самым обрекая его в содержательном плане на стагнацию и априорную теоретическую бедность. Именно поэтому осуществленные С. Г. Зыбелиным преобразования в области преподавания курса химии, фармацевтических дисциплин и практической медицины не могут быть оценены однозначно: все зависит от позиции исследователя. Если признать, что во второй половине 18 века уже остро ощущалась потребность в реформировании традиционной университетской системы медицинского образования, превращении его в собственно врачебное, зыбелинские преобразования можно оценивать как один из реальных шагов к такой реформе, поскольку они способствовали как расширению, так и углублению содержания "врачебных" наук как предметов преподавания. Хотя для исключения негативных последствий этого шага следовало бы одновременно организовать преподавание общеобразовательного курса химии на философском факультете, как это было сделано в отношении физики с самого начала существования университета.

Но если рассматривать последствия зыбелинских преобразований с точки зрения их влияния на уровень университетского образования в целом, никакой позитивной оценки не получается.

М. В. Ломоносов не случайно до конца своих дней настаивал на организации на медицинском факультете университета самостоятельного и обширного курса химии (речь шла о академическом университете в Петербурге). Великий ученый хорошо понимал, какую роль призвана сыграть химия в формировании научного мировоззрения, развитии естествознания, медицины, промышленности, сельского хозяйства. Он не представлял себе университета, в котором студент не мог бы получить основательной химической подготовки, подготовки по общей, специальной, физической, аналитической химии, а не только прикладной, независимо от того, на каком факультете курс химии читался. Преобразования, осуществленные С. Г. Зыбелиным в отношении преподавания химии, не просто снижали уровень

химической подготовки студентов (химическая информация объяснительного характера в курсе физиологии — не физиологическая химия), но и обрекала Московский университет на длительное отставание не только в преподавании химии, но и в развитии научных исследований в этой области естествознания, в формировании научных химических школ и т. п., что в дальнейшем и произошло³⁶.

Но это не все. М. В. Ломоносов, как, возможно, никто другой в России, понимал, что химия влияет на развитие медицины в трех направлениях: как естественнонаучная, мировоззренческая основа медицины в целом, как теоретическая и методическая основа отдельных "врачебных" наук, как инструмент диагностики и терапии в практической врачебной деятельности. Все три направления неразрывно связаны между собой, как звенья одной цепи. Именно это имел в виду М. В. Ломоносов, когда говорил, что "медик без довольного знания химии совершенен быть не может". Нарушение баланса этих направлений и тем более выпадение одного из звеньев, а это и произошло в результате зыбелинских преобразований, снижали уровень медицинского образования. Жизнь подтвердила правоту ломоносовских идей.

³⁶ Подробнее об этом см.: Марковников В. В. Цит. соч.

Глава 8

ПРЕПОДАВАНИЕ ФАРМАЦЕВТИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

Преподавание фармацевтических дисциплин на медицинском факультете Московского университета в 18 веке является, пожалуй, одним из самых малоизученных вопросов в истории этого учебного заведения. И если невнимание к нему отечественных историков фармации и фармобразования¹ более или менее понятно — в 18 веке не Московский университет играл главную роль в процессе становления системы подготовки фармацевтов в России, то позиция исследователей, изучавших историю медицинского факультета Московского университета, вызывает, мягко говоря, удивление. При том, что факт преподавания в Московском университете фармацевтических дисциплин установлен и даже так или иначе описан, цели и задачи этого преподавания не оговариваются вовсе. А анализ того, что собственно слушали студенты-медики в рамках подготовки

¹ Зархин И. Б. Очерки из истории отечественной фармации XVIII и первой половины XIX века. — М., 1956; Левинштейн И. И. История фармации и фармацевтического дела. — М. — Л., 1939.

по фармацевтическим наукам, какие сведения они получали из этих курсов, не только не проливает свет на данную проблему, но, напротив, искусственно провоцирует дополнительные вопросы и приводит к ошибочным выводам.

Так, например, В. В. Николаев в юбилейном сборнике, посвященном 175-летию I ММИ, описывая и разбирая собранные им факты, пришел к заключению, что по тематике излагавшегося материала студенты слушали, согласно современной терминологии, фармакогнозию и фармацевтическую химию². Однако при этом почему-то данные, свидетельствующие и характеризующие преподавание фармакогнозии и фармацевтической химии, без каких-либо объяснений приводятся в контексте истории кафедры фармакологии. И такой подход к изложению, о причинах которого остается только догадываться, используется еще в целом ряде работ³.

То обстоятельство, что в 1940 году, когда готовилась публикация В. В. Николаева, в I ММИ не было фармацевтического факультета и, следовательно, соответствующих кафедр, не может быть принято даже в качестве оправдания, поскольку, вольно или невольно, но складывается совершенно ошибочное впечатление, что в 18 веке вопросы фармацевтической химии и фармакогнозии составляли предмет курса фармакологии. А поскольку сегодня студенты лечебных факультетов из числа наук о лекарствах изучают только фармакологию, то напрашивается следующий, также ошибочный, вывод о том, что на медицинском факультете Московского университета в 18 веке ничего, кроме фармакогнозии и фармацевтической химии, не читалось. Кстати, с появлением в I ММИ фармацевтического факультета во-

² Николаев В. В. Кафедра фармакологии//175 лет Первого Московского государственного медицинского института. — М. — Л., 1940. — С.117.

³ См., например: Российский Д. М. Кафедра фармакологии// Очерки по истории I Московского ордена Ленина медицинского института имени И. М. Сеченова. — М., 1959. — С.246.

просы преподавания в 18 веке фармацевтических дисциплин по-прежнему продолжали излагаться в юбилейных сборниках этого учебного заведения в контексте истории кафедры фармакологии⁴.

Попробуем внести ясность и с этой целью обратимся к существовавшему на момент открытия медицинского факультета Московского университета положению дел с преподаванием фармацевтических дисциплин в университетах Европы.

Здесь прежде всего необходимо отметить, что, согласно разработанной в середине 18 века Х. Г. Людвигом структуре университетского медицинского образования, фармацевтические дисциплины не относились к числу собственно "врачебных" наук, а составляли наряду с анатомией, химией, ботаникой, зоологией и минералогией круг вопросов так называемого "специального приуготовления"⁵.

Конечно, обширные познания в области лекарствоведения были необходимы для практической врачебной деятельности, особенно если принять во внимание, что врач 18 века, помимо лечебной работы, обязан был осуществлять контроль за деятельностью аптек, оказывать любую необходимую аптекарю методическую помощь, а также должен был иметь достаточную теоретическую подготовку для того, чтобы "изобретать" новые лекарства. Однако, уже начиная с 13 века, врачи собственно приготовлением лекарств не занимались. В соответствии с государственными статутами большинства стран Европы для занятий такой деятельностью врач должен был оставить свою практику, пройти курс подготовки аптекаря, которые обучались в аптеках, сдать экзамен и получить специальное разрешение⁶. Заметим, что

⁴ 225 лет Первому Московскому медицинскому институту им. И. М. Сеченова. — М., 1990. — С.184.

⁵ Ludwig Ch. G. Methodus doctrinae medicae universae praelectionibus academicis accommodata. — Lipsiae, 1766. — P.32—33.

⁶ Левинштейн И. И. Этюды по истории фармации. — М., 1927; Миرونвич В. Общая практическая фармакология. — М., 1817. — С.23.

даже после того, как, начиная с 70-х годов 18 столетия, аптекарей стали готовить на медицинских факультетах австрийских университетов, в программах их обучения отдельно оговаривалось, что "Аптекари должны обучаться несколько лет в публичных аптеках, поелику составление лекарств требует такого искусства, которого умом, или книжным учением, приобрести не можно, но токмо частым собственным упражнением"⁷. Да и контроль за деятельностью аптек не являлся главной обязанностью врачей. Гораздо более важным для врачебной практики было умение правильно и эффективно использовать лекарства. Вопросы же особенностей терапевтического действия лекарств применительно к отдельным известным тогда формам патологии и конкретным схемам лечения читались не в рамках фармдисциплин, а в курсах терапии, хирургии, практической медицины, акушерства, неотъемлемыми частями которых они являлись. В связи с этим фармацевтические дисциплины носили характер фундаментальных базовых наук, освоение которых было необходимо для дальнейшего изучения собственно врачебных дисциплин.

Все вместе взятое и определило статус фармацевтических дисциплин в структуре университетского медицинского образования как наук "приуготовительных". А поскольку их изучение обеспечивало, с одной стороны, возможность врачу исполнять свои контрольно-методические обязанности, а с другой — создавало необходимый фундамент для освоения важнейших предметов медицинского факультета, фармацевтические дисциплины относились к числу наук "специального приуготовления".

Рассмотрим теперь вопрос о том, какие же фармацевтические дисциплины читались на медицинских факультетах европейских университетов в 18 веке. Согласно Х. Г. Люд-

⁷ Сухомлинов М. И. История Российской академии. Вып.6// Приложение к XLII тому записок Императорской академии наук. — № 2. — СПб., 1882. — С.103.

вигу, таких дисциплин, объединенных под общим названием "Materia medica generalis siue cognitio medicamentorum" (Общая materia medica, или понятие о лекарствах), было три:

а) simplicium, materia medica stricte sie dicta (понятие о простых лекарствах, materia medica в узком смысле слова);

б) praeparatorium, siue pharmacia (приготовление лекарств, или фармация);

с) compositorum, formulare et dispensatorium (понятие о сложных лекарствах, прописи и весовые количества)⁸.

Остановимся подробнее на каждой из этих дисциплин и попытаемся раскрыть их содержание как университетских предметов преподавания.

Итак, "понятие о простых лекарствах, materia medica в узком смысле слова". В 18 веке под "простыми" понимались такие лекарства, которые "не токмо сами собою, и с помощью единой природы из недр земных происходят, но при том и от людей употребляются как оныя есть, т. е. без малейших перемен внешнего своего вида, запаха и вкуса, и почти без всякого приуготовления"⁹. Изучение "простых лекарств" составляло предмет отдельной науки, называвшейся в то время materia medica или, в России, — врачебное веществословие. Университетский курс этой науки представлял собой сугубо описательную дисциплину, в рамках которой профессор, основываясь на специальных руководствах, для заучивания наизусть приводил латинское название соответствующего лекарства (а точнее, растения, того или иного вещества неживой природы или животного продукта), его физико-химические и известные лечебные свойства, порядок приема и перечень болезней, при которых дан-

⁸ Ludwig Ch. G. Op. cit. — Lipsiae, 1766. — P.32—33. Пер. с лат. проф. В. Ф. Новодрановой.

⁹ Максимович-Амбодик Н. М. Врачебное веществословие или описание целебных растений во врачестве употребляемых, с изъяснением их пользы и употребления оных. — Кн.1. — СПб., 1783. — С.71.

ный препарат может эффективно использоваться¹⁰. В связи с этим нам представляется совершенно неоправданным отождествление *materia medica* только с современной фармакогнозией¹¹ или только с фармакологией¹². *Materia medica* и как наука, и как университетский предмет преподавания включал в 18 веке вопросы, относящиеся сегодня как к одной, так и к другой дисциплине.

При чтении *materia medica* демонстраций, как правило, не проводилось, так как внешний вид наиболее широко распространенных и используемых "простых лекарств" показывался студентам в курсе натуральной истории. *Materia medica* являлась как бы частью натуральной истории, в которой разбирались (вероятнее всего, повторно) те объекты изучения ботаники, зоологии и минералогии, которые в тот период "во врачестве предписывались".

Преподавание двух остальных дисциплин, составлявших фармподготовку студентов-медиков, — фармации и "понятия о сложных лекарствах, прописи и весовые количества" — было фактически неразделимо, поскольку все лекарства, получавшиеся после какой-либо фармацевтической обработки "из многих простых лекарственных веществ, либо простым смешением оных, либо химическим искусством, либо особливим трудом из простых порознь взятых... посредством растворения, варения, вытяжки, перегонки, окисания и разных др. приуготовляют", назывались "сложными" или "сложенными"¹³. Учебники, по которым велось преподавание фармации на медицинских факультетах европейских университетов, объединяли в себе вопросы и тех-

¹⁰ Там же. — С. I; Врачебное веществословие//Фармакопея Российская/Пер. И. Леонтовича. — Ч. I. — М., 1802.

¹¹ Николаев В. В. Цит.соч. — С. 117; Российский Д. М. Цит.соч. — С. 246.

¹² Фармакогнозия//Энциклопедический словарь. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. — т. XXXV (69). — СПб., 1902. — С. 314.

¹³ Максимович-Амбодик Н. М. Цит.соч. — С. 71.

нологии изготовления лекарств, и их состава, и количественного соотношения ингредиентов¹⁴.

Разделив же эти вопросы на две отдельные учебные дисциплины, Х. Г. Людвиг, по-видимому, хотел обозначить акценты, на которые следовало обратить внимание в ходе преподавания. Под фармацией имелась в виду прежде всего технология изготовления лекарств. Преподавание этой дисциплины велось сугубо теоретически и заключалось в изложении того, что, как и в какой последовательности надлежит делать для приготовления конкретного лекарства. Приводившиеся на лекциях фармацевтические операции по большей части представляли собой описание многовекового эмпирического опыта, накопленного аптекарями, в меньшей — описание применения новейших химических технологий для изготовления лекарств. Особо следует подчеркнуть, что, хотя последняя группа вопросов относилась также и к числу предметов изучения фармацевтической химии, сама фармацевтическая химия в середине 18 века еще не входила в число фармацевтических дисциплин, а читалась в курсах химии как один из разделов "специальной химии в применении к частям медицины"¹⁵. Окончательное выделение преподавания фармацевтической химии в самостоятельную учебную фармацевтическую дисциплину, которая, помимо "описания приготовления и состава" сложных лекарств, "выявляет природную способность и начала простых лекарств"¹⁶, произошло позднее — в конце 18 — начале 19 веков.

Практические занятия по изготовлению тех или иных сложных лекарств на медицинских факультетах университетов не проводились, поскольку, как уже отмечалось, собст-

¹⁴ См., например: Шлерет Ф. А. Аптека, или наука составлять разные, как внутрь, так и снаружи употребляемые лекарства/Пер. Ф. И. Барсука-Моисеева. — М., 1812.

¹⁵ Ludwig Ch. G. Op. cit. — P.32.

¹⁶ Там же. — P.45.

венно приготовление лекарств являлось исключительным правом и обязанностью аптекарей. Студентам могли лишь демонстрироваться отдельные фармацевтические операции как иллюстрации к лекционному курсу для лучшего восприятия и запоминания.

Преподавание "понятия о сложных лекарствах", включая и вопросы "весовых количеств", велось главным образом по фармакопеям, в которых в разделе "О приготавливаемых и сложных лекарствах" приводились сведения о названии лекарства, перечне составлявших его ингредиентов и их весовых количествах, лечебных свойствах, порядке приема, а также кратко описывалось приготовление¹⁷. Что же касается рецептуры, то по этому разделу "понятия о сложных лекарствах" в 18 веке существовала специальная литература, начало которой было положено фундаментальными исследованиями профессора лейденского университета И. Д. Гауба, разработавшего законы составления рецептов и впервые установившего строгие рецептурные формулы в своей знаменитой работе "*Libellus de methodo concinnandi formulas medicamentorum*" (Leyden, 1739), выдержавшей четыре голландских, немецкое и французское издания¹⁸. Этот учебник служил основой для преподавания рецептуры в подавляющем большинстве университетов Европы вплоть до конца 18 века. Следует также отметить, что рецептура читалась не только в рамках фармдисциплин. Как универсальное средство общения врача и аптекаря рецептурные прописи являлись неотъемлемой составной частью учебников по практической медицине, где каждый раздел заканчивался перечнем рецептов по каждому из упомянутых в данном разделе лекарств¹⁹.

¹⁷ Фармакопея Российская/Пер. И. Леонтовича. — Ч. II. — М., 1802.

¹⁸ Менье Л. История медицины. — М. — Л., 1926. — С. 144—145; *Biographisches Lexikon der hervorragenden Ärzte aller Zeiten und Völker.* — 2 ed. — Berlin, Wien. — Bd. 2. — S. 696—697.

¹⁹ См., например: de Meza S. T. *Compendium medicum practicum per fasciculos distributum.* — Hafniae, 1780.

Отдельно несколько слов следует сказать о преподавании фармакологии. Отечественные исследователи справедливо указывают, что во второй половине 18 века такой дисциплины в современном ее понимании еще не существовало. Становление фармакологии как самостоятельной научной "терапевтико-фармацевтической" дисциплины берет начало только в 90-х годах 18 столетия, со времени выхода в свет в 1790 году первого специального труда, посвященного исключительно вопросам действия лекарств на организм человека²⁰. Однако еще раз подчеркнем, что этой проблеме уделялось большое внимание на медицинских факультетах европейских университетов и на протяжении всей второй половины 18 века. Во-первых, данные о лечебном действии и показаниях к применению читались в рамках фармдисциплин в ходе изложения материала как о "простых", так и о "сложных" лекарствах. Во-вторых, они достаточно подробно разбирались в курсах терапии и практических медицинских дисциплин.

Преподавание фармацевтических дисциплин на медицинском факультете Московского университета началось в 1764/1765 учебном году, когда профессор химии и практической медицины И. Х. Керштенс приступил к "изложению *Materiem medicam*, следуя каталогу простых аптечных средств"²¹. Под "каталогом простых аптечных средств" имелась в виду какая-то из существовавших на тот период европейских фармакопей, в которых наряду с уже упоминавшимся разделом "о приготавливаемых и сложных лекарствах" содержался и раздел, посвященный описанию простых лекарств. Чтобы представить себе, какие характеристики простых лекарств мог излагать профессор "для записи слу-

²⁰ Gren. Handbuch der Pharmacologie. — Heidelberg, 1790.

²¹ Исторический вестник Московской медицинской академии им. И. М. Сеченова. — 1995. — т. IV. — С. 100.

шателей", приведем выдержку из "фармакопеи Российской":

"Армудныя яблоки, семена (Cydoniorum fructus, femina Pyrus Cydonia L. cl. XII Ord. Pentagon). Дерево при реке Тереке самородное, а в Украйне садовое.

Запах яблок благовонной

Вкус рот стягивающий, кисловатой, винной

Запаху семена не имеют

Вкус их слизистой

Свойство яблок прохладительное, вяжущее, противогнилное; свойство семян остроту притупляющее, легкоослабляющее

Употребление яблок. Болезни желчная, гниль, нечистота в первых путях гнилая и промозглая

Употребление семян наружное; обжоги, трещины, глазная боль, натуга, скрытый почечуй, молошница

Прием. Соку армудных яблок одна ложка; из золотника семян, настоянного с шестью унциами воды, можно получить слизь (mucilago)"²².

В следующем 1765/1766 учебном году И. Х. Керштенс, согласно "Объявлению о публичных лекциях...", читал "части растений и животных, надлежащие до употребления, купно с аптекарскими из оных приуготовлениями и сложениями, по собственному своему сочинению"²³.

Таким образом, как несложно видеть, И. Х. Керштенс вел преподавание тех же трех основных разделов фармподготовки студентов-медиков, о которых писал Х. Г. Людвиг, а именно: фармации (в расписаниях лекций И. Х. Керштенса — "...аптекарские из оных приуготовления...") и по-

²² См., например: Фармакопея Российская/Пер. И. Леонтовича. — М., 1802. — С.6—7.

²³ Исторический вестник Московской медицинской академии им. И. М. Сеченова. — 1995. — Т. IV. — С.100—101.

нения о "сложных" лекарствах. В расписаниях его лекций не указано только о преподавании рецептуры. Однако поскольку "собственное сочинение" И. Х. Керштенса, служившее основой его курса, неизвестно, то доказательно ни подтвердить, ни опровергнуть факт преподавания им рецептуры нельзя. Возможно, руководство И. Х. Керштенса включало эти данные.

О преподавании фармацевтических дисциплин на медицинском факультете Московского университета преемником И. Х. Керштенса профессором П. Д. Вениаминовым, читавшим курс химии и практической медицины с 1770 по 1775 год, каких-либо данных обнаружить не удалось. В дальнейшем до 1802 года преподавание фармацевтических дисциплин вел профессор С. Г. Зыбелин. И вновь, если судить по расписаниям лекций, то и С. Г. Зыбелин читал те же самые дисциплины. Например, в "Объявлении о публичных учениях..." на 1780/1781 учебный год говорилось: "...приступит к изъяснению Материи, так называемой Лекарственной, следуя Фогелю, в которой толковать будет о силе и действии лекарств, как простых, из трех царств природы происходящих, так и составленных; особого примечания достойнейших; покажет притом и Аптекарское приуготовление, по предписанию в России изданному, также и по Эдинбургскому"²⁴.

Правда, по сравнению с курсом фармацевтических дисциплин, читавшимся И. Х. Керштенсом, наблюдается значительное его усложнение и несомненное повышение уровня преподавания. Во-первых, в качестве основного источника для изложения *materia medica* С. Г. Зыбелин избирает не фармакопею, где сведения о "простых" лекарствах приводились кратко, а один из лучших в то время в Европе учебник профессора геттингенского университета Р. А. Фогеля "Historia materiae medicae ad novissima tempora producta" (Leyden, Leipzig, 1758, 1760, 1764, 1774)²⁵. Во-вторых,

²⁴ Там же. — С.105.

²⁵ Там же. — С.133,152.

С. Г. Зыбелин вводит преподавание достаточно большого по объему курса рецептуры — "...покажет правила, как сочинять предписания лекарств, следуя по большей части почтеннейшему своему учителю Гаубиусу..."²⁶ — и избирает для этого бесспорно лучший в Европе учебник И. Д. Гауба. А если принять во внимание, что С. Г. Зыбелин в ходе своей заграничной стажировки в начале 60-х годов слушал лекции самого И. Д. Гауба, можно с уверенностью предположить, что этот курс читался на медицинском факультете Московского университета на уровне не ниже университетов Европы.

Существенным недостатком в преподавании С. Г. Зыбелиным фармацевтических дисциплин можно считать лишь чтение фармации по фармакопеям. В качестве примера того, что вопросы приготовления лекарств в фармакопеях давались предельно сжато и совершенно не затрагивали проблем технологии изготовления лекарственных средств, приведем выдержку из "фармакопеи Российской":

"Вода свинцовая Aqua vegetomineralis

Возьми: простой перегонной воды два фунта,

уксусу свинцового полунца,

спирту винного унц,

смешав, храни в стеклянном сосуде.

Свойство прохладительное, разбивательное, внутрь вгоняющее, вяжущее, сушительное.

*Употребление. Снаружи воспаления от внешних причин произшедшия, ушибы, переломы, вывихи, синия пятна на теле, глазная болезнь, фистула, ранки, обжоги, Антонов огонь. Под видом катаплазмы, намачиваются также сею водою тряпицы и прикладываются к больным частям"*²⁷.

²⁶ Там же. — С.106.

²⁷ Фармакопея Российская/Пер. И. Леонтовича. — М.,1802. — С.233—234.

Этих данных было недостаточно даже для осуществления контрольных функций за деятельностью аптек, не говоря уже о какой-либо методической помощи аптекарям в их работе.

Нельзя исключить, что С. Г. Зыбелин видел недостатки своего курса. Во всяком случае уже в 1783 году он добивается введения дополнительного под своим "смотрением" демонстрационного курса специально для чтения вопросов, относившихся к фармации, и поручает его профессиональному аптекарю Г. Гильдебранду, который до 1794 года в должности "Публичного Университетского Демонстратора аптекарского искусства... показывал во-первых простые из трех царств природы взятые лекарства, их знаки и доброту; потом места, откуда они привозятся, за какую цену покупаются здесь и продаются; наконец будет показывать также состав сложных лекарств, какие делаются у него по принятым в аптеках наставлениям, не опуская и тех, какие в рецептах предписываемы²⁸ бывают от Медиков"²⁸.

Организацией дополнительного демонстрационного курса "аптекарского искусства" С. Г. Зыбелин не только смог поправить положение с чтением фармации, но и увеличить объем преподавания "понятия о простых и сложных лекарствах", сконцентрировать больше внимания на важнейших для практической врачебной деятельности вопросах действия лекарств на организм человека, ввести в свой курс новейшие данные. Об этом свидетельствуют изменения, которые внес С. Г. Зыбелин в текст расписаний своих лекций. Во второй половине 80-х и на протяжении 90-х годов С. Г. Зыбелин объявлял, что "изъяснять будет во-первых о силе простых лекарств, действующих различным образом в теле человеческом, следуя Фогелевой истории материи медицинской, с показанием притом и новых изобретений славнейших мужей; потом присоединит к сему предписываемые в употреби-

²⁸ Исторический вестник Московской медицинской академии им. И. М. Сеченова. — 1995. — Т. IV. — С.107.

тельных здесь фармакопеех составления лекарств сложных с их употреблением, ежели время дозволит, не преминет показать и способ, как должно предписывать лекарства..."²⁹.

После смерти Г. Гильдебранда в 1794 году преподавание демонстрационного курса фармации перешло к И. Биндгейму, что не могло не повлиять на дальнейшее совершенствование чтения фармацевтических дисциплин на медицинском факультете Московского университета. И. Биндгейм был одним из крупнейших специалистов в области прикладной химии не только в России, но и в Европе. Достаточно упомянуть о его общепризнанных исследованиях, посвященных разработке технологии производства сахара из сахарной свеклы³⁰. Приглашение И. Биндгейма в Московский университет несомненно повысило уровень преподавания фармации. Но и на этом С. Г. Зыбелин не остановился. Напомним, что в Московском университете он читал не только фармацевтические дисциплины, но также и курс химии. Ему, как никому другому из числа профессоров университета, были ясны и близки проблемы преподавания смежных химико-фармацевтических вопросов. И конечно же, именно ему, а отнюдь не И. Биндгейму³¹, принадлежит основная заслуга в выделении с 1800/1801 учебного года преподавания фармацевтической химии в самостоятельный учебный предмет³². Такое решение через Уни-

²⁹ Там же. — С.110.

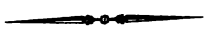
³⁰ Ушакова Н. Н. Материалы по истории химии в Московском университете в XVIII веке//Труды Института истории естествознания и техники. — Т.18. — М.,1958. — С.42.

³¹ Там же. — С.43.

³² В отечественной историко-медицинской литературе получило распространение мнение о том, что термин "фармацевтическая химия" появился только в середине 19 века (См., например: Арзамасцев А. П. Фармацевтическая химия//БМЭ. — 3-е изд. — Т.26. — М.,1985. — С.221). Однако уже в середине 18 века в работах профессора Х. Г. Людвига, цитированных выше, можно встретить термин "chemia pharmaceutica", что иначе как "фармацевтическая химия" на русский язык не переводится (Ludwig Ch. G. Op. cit. — P.45).

верситетскую конференцию мог провести только профессор, читавший курс химии, фармацевтических дисциплин и практической медицины. Из этого вовсе не следует, что имя И. Биндгейма несправедливо упоминается в связи с началом преподавания в России фармацевтической химии как отдельной дисциплины. Во-первых, вероятнее всего, С. Г. Зыбелин поставил этот вопрос перед Университетской конференцией в том числе и благодаря тому, что мог предложить достойную кандидатуру для преподавателя самостоятельного курса фармацевтической химии — И. Биндгейма. Во-вторых, именно И. Биндгейм и начал чтение этой дисциплины на медицинском факультете Московского университета в 1800/1801 учебном году по руководству аптекаря кенигсбергского университета К. Г. Хагена "Grundriss der Experiment alchemie" (Konigsberg, 1786).

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что, во-первых, преподавание фармацевтических дисциплин на медицинском факультете Московского университета в 18 веке было приведено и осуществлялось в полном соответствии с европейскими стандартами, и уровень его не уступал качеству изложения этих учебных предметов в университетах Европы. Во-вторых, в преподавании фармацевтических дисциплин в Московском университете четко прослеживаются три неразрывно связанных между собою этапа развития. Первый — от времени начала чтения И. Х. Керштенсом фармацевтических дисциплин до 1783/1784 учебного года, когда С. Г. Зыбелин организует преподавание дополнительного под своим "смотрением" демонстрационного курса фармации и увеличивает объем изложения других фармдисциплин. Границей, разделяющей второй и третий этапы, следует считать время начала преподавания самостоятельного курса фармацевтической химии как смежной химико-фармацевтической науки, ставшей на рубеже 18—19 веков важнейшей теоретической основой фармации.

ПРЕПОДАВАНИЕ ПРАКТИЧЕСКОЙ МЕДИЦИНЫ

Согласно структуре университетского медицинского образования, изложенной профессором и деканом Лейпцигского университета Х. Г. Людвигом в 1752 году, практическая медицина, наряду с хирургией, судебной медициной и казуистикой, относилась к числу дисциплин, составлявших учебный блок "медицинская практика"¹, и представляла собой курс, в рамках которого "сообщалось о внутренних леченьях", или, выражаясь современным языком, "о внутренних болезнях"². Отметим, что практическая медицина — далеко не единственное в 18 веке название этой дисциплины. В целом ряде университетов Европы этот предмет называли "клинической практикой", "клинической медициной" или просто "клиникой". Даже в расписаниях лекций медицинского факультета Московского университета 18 века наряду с наиболее часто встре-

¹ Ludwig Ch. G. Tabula synoptica medicinae//Institutiones Physiologiae cum praemissa introductione in universam praelectionibus academicis accommodatae. — Lipsiae, 1752. — P.19.

² Ludwig Ch. G. Methodus doctrinae medicae universae praelectionibus academicis accommodata. — Lipsiae, 1766. — P.56—57.

чающимся обозначением этой дисциплины — "Медицина Практическая", можно встретить и название "Медицина Клиническая".

Но сделанный нами выбор в пользу термина "практическая медицина" не случаен: "...Медицины Практической Профессор публичный ординарный..." — так на протяжении всего 18 столетия называлась должность профессора, читавшего курс внутренних болезней на медицинском факультете Московского университета.

К внутренним болезням в 18 веке относились не только те формы патологии, которые и сегодня изучаются в рамках клиники внутренних болезней, но и известные тогда венерические, нервные, психические болезни, а также ряд инфекционных, гинекологических и детских заболеваний³. В рамках практической медицины, таким образом, изучались и преподавались по существу все те формы патологии, диагностика и лечение которых должны были в дальнейшем составить основной предмет деятельности тех выпускников медицинских факультетов, кто решал посвятить себя врачеванию. Поэтому и для студентов медицинских факультетов университетов, и для профессуры практическая медицина имела особое значение в ряду практических медицинских дисциплин. Не случайно различные вопросы из области практической медицины являлись неотъемлемой составной частью выпускных университетских "испытаний" и обязательно предлагались на экзаменах соискателям права врачебной практики.

При этом особенности самой практической медицины позволяли выявить подготовленность экзаменуемого как только в знании конкретных форм патологии и отдельных практически значимых вопросов, так и в области теорети-

³ Это, в частности, обнаруживается при анализе университетских учебников. См., например: Ludwig Ch. G. *Institutiones medicinae clinicae*. — Lipsiae, 1759; de Meza S. T. *Compendium medicum practicum per fasciculos distributum*. — Hafniae, 1780.

ческой медицины. Разбор тех или иных заболеваний в университетском курсе практической медицины предусматривал не только изложение накопленных веками результатов наблюдений у постели больного, но и включал значительный объем теоретических положений⁴. Насыщенность практической медицины теоретическими данными осуществлялась за счет широкого привлечения сведений как из естественных и фармацевтических, так и из теоретических врачебных наук, которые в рамках этой дисциплины приобретали прикладной характер.

Физиология, патология, семиотика, химия служили источником данных для разработки диагностических подходов, объяснения отдельных симптомов, выделения нозологических форм болезней; из диететики черпались сведения в отношении средств для предупреждения и лечения отдельных болезней; из комплекса фармдисциплин — возможные лекарственные средства; из терапии — наиболее адекватные и эффективные в каждом конкретном случае лечебные подходы. «...Известные предписания физиологии, патологии и терапии, — отмечал Х. Г. Людвиг, раскрывая содержание курса практической медицины в упомянутой "Methodus doctrinae medicae", — ...здесь собираются медиками в познаваемых и подлежащих лечению болезнях и содержат более специальные заключения»⁵. Не случайно практическая медицина читалась на медицинских факультетах либо после, либо одновременно с завершением преподавания остальных профессорских курсов на последнем году обучения в университете. Обеспечение ее интересов являлось одной из приоритетных задач каждой из дисциплин, составлявших университетскую подготовку медика, и

⁴ Богданов Н. М. Очерк истории кафедры частной патологии и терапии внутренних болезней в Императорском Московском университете за 1755—1905 гг. — М., 1909. — С.5—22.

⁵ Ludwig Ch. G. Methodus doctrinae medicae universae praelectinibus academicis accommodata. — Lipsiae, 1766. — P.57.

это обстоятельство придавало практической медицине статус основного предмета преподавания.

Вместе с тем курсы практической медицины, читавшиеся в европейских университетах в 18 веке, по соотношению теоретических и чисто эмпирических, практически значимых данных могли существенно отличаться. В первую очередь это зависело от той медицинской системы, которой придерживался профессор, читавший курс.

Примером медицинской системы, в рамках которой в курсах практической медицины теоретические построения имели приоритетный характер над эмпирическими данными, может служить динамическое учение профессора Гальского университета Ф. Гоффмана, получившее широкое распространение в европейских университетах в 18 веке. Основу этого учения составляли представления об организме человека как о гидравлической машине, деятельность которой в целом и отдельных ее составляющих регулировалась "нервным флюидом", образующимся в головном мозгу и определяющим основное выражение жизни — движение. Нарушенное движение, по Гоффману, и есть болезнь. При этом он выделял два принципиально возможных типа таких нарушений — усиленное движение (спазм, судорога) или, наоборот, ослабленное (атония) и связывал их с чрезмерным или соответственно недостаточным поступлением "нервного флюида". Вовлечение в патологический процесс нескольких органов Ф. Гоффман объяснял строго детерминированными "симпатиями" между ними, существующими и вне заболевания. Распространив эти умозрительные положения на область практической медицины, Ф. Гоффман свел задачу врача к установлению на основании клинической картины одного из двух возможных патологических состояний организма и оказанию соответствующей для каждого случая помощи, которая предусматривала либо ослабление движений и понижение тонуса посредством "противосудорожных, успокаивающих, разрешающих, опорожняющих" средств, либо, напротив, возбуждение движений и

повышение тонуса в результате применения раздражающих препаратов⁶.

Противоположность системе Ф. Гоффмана в вопросе приоритетности и значимости эмпирических данных, полученных у постели больного, представляло учение профессора Лейденского университета Г. Бургаве, получившее в 18 веке ничуть не меньшее признание среди врачей и университетской профессуры. Основным отличием названных медицинских систем являлось отсутствие в учении Г. Бургаве какой-то одной основополагающей универсальной идеи. В своих теоретических рассуждениях Г. Бургаве широко использовал идеи ятрофизиков и ятрохимиков, отдельные положения гуморальной и солидарной теорий. Но все теоретические выкладки Г. Бургаве носили, в особенности применительно к вопросам практической медицины, преимущественно объяснительный, толковательный характер и, отражая стремление этого великого врача понять причины, механизмы возникновения и развития тех или иных патологических процессов, были вторичны по отношению к наблюдаемым у постели больного клиническим проявлениям болезни⁷. И даже несмотря на то, что современники и последователи Г. Бургаве (за исключением нескольких прямых учеников) взяли из его творческого наследия прежде всего, а подчас исключительно, теоретические построения, курсы практической медицины, читавшиеся на основе учения Г. Бургаве, характеризовало все-таки приоритетное значение факта, клинического феномена над умозрительным теоретизированием.

Другая отличительная особенность университетских курсов практической медицины 18 века состояла в существова-

⁶ Гоффман // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. — Т. IX (17). — СПб., 1893. — С. 452—453; Мейер-Штейнег Т., Зудгоф К. История медицины. — М., 1925. — С. 354—355.

⁷ Мейер-Штейнег Т., Зудгоф К. Цит. соч. — С. 356—358.

нии двух принципиально разных подходов к преподаванию этой важнейшей дисциплины медицинского факультета.

Один из названных подходов сложился еще в средние века и предусматривал сугубо теоретическое изложение курса, при котором с болезнями, способами их "распознавания" и особенностями клинической картины студенты знакомились исключительно с голоса в ходе профессорских лекций, не сопровождавшихся даже демонстрациями отдельных больных.

В отечественной историко-медицинской литературе и ряде работ западных исследователей такой подход к преподаванию практической медицины получил крайне негативную оценку, как несоответствующий целям и задачам подготовки врача пережиток средневековой схоластики и одновременно как один из наиболее существенных недостатков университетского медицинского образования. "...Медики-доктора, — указывал, например, Б. Н. Палкин, — готовились в западноевропейских государствах на медицинских факультетах университетов, где практическая подготовка врачей стояла на крайне низком уровне"⁸. "Преподавание двух важнейших предметов, патологии и терапии.., — отмечал Т. Мейер-Штейнег, — было в очень плохом состоянии. Студент допускался к больному только в виде исключения, обыкновенно же он изучал картину болезни, диагностику и лечение ее только при помощи теоретических лекций и книг"⁹. Перечень весьма близких по содержанию и критической направленности цитат может быть без труда продолжен.

Вместе с тем, с нашей точки зрения, подобная оценка существовавшего во многих университетах Европы в 18 веке сугубо теоретического характера преподавания курса практической медицины справедлива лишь отчасти, по-

⁸ Палкин Б. Н. Русские госпитальные школы XVIII века и их воспитанники. — М., 1959. — С.56.

⁹ Мейер-Штейнег Т., Зудгоф К. Цит. соч. — С.401.

скольку не учитывает одного чрезвычайно принципиального обстоятельства. Ни в одном из классических учебников по истории медицины, ни в одной из работ отечественных исследователей истории клинического преподавания нам не удалось обнаружить даже мельком брошенного указания на то, что сугубо теоретически практическая медицина читалась студентам только в тех университетах, которые исповедовали двухэтапную модель подготовки практикующего врача, включавшую, помимо университетского, и послеуниверситетский этап обучения. Напомним, что в рамках этой модели полный курс наук медицинского факультета был призван обеспечить студентам лишь базовую научно-теоретическую подготовку по основным естественным и медицинским дисциплинам, а диплом о его окончании не давал выпускнику университета права на самостоятельную врачебную практику. Обучение же будущих врачей правилам работы с пациентом, навыкам диагностики и лечения болезней, т. е. все то, что составляет предмет практического преподавания у постели больного, относилось к послеуниверситетской стажировке, которую должны были пройти все желавшие посвятить себя практической врачебной деятельности и получить на это специальное разрешение органов государственной власти¹⁰.

В этих условиях более чем очевидные сегодня достоинства преподавания практических медицинских дисциплин у постели больного представлялись для многих европейских профессоров, мягко говоря, сомнительными. Во-первых, они считали по меньшей мере неразумным затрачивать значительные средства и усилия на создание клиник или аренду палат в городских больницах и полагали нецелесообразным терять драгоценное время на обучение студентов тому, что им все равно придется изучать и осваивать в ходе обя-

¹⁰ Сточик А. М., Затравкин С. Н. О клинической подготовке врачей в Средневековой Европе//Клиническая медицина. — 1998. — № 1. — С.63—67.

зательной послеуниверситетской стажировки в больнице. Во-вторых, они опасались, что занятия в лечебных учреждениях будут отвлекать учащихся от изучения крайне непростых теоретических курсов. И, наконец, в-третьих, профессора полагали недопустимым обучение студентов врачебному искусству у постели больного, пока полностью не освоены все курсы естественных и "врачебных" наук. Последнее представлялось для них наиболее важным, поскольку гарантировало университетское образование от вырождения в простое обучение ремеслу по образу и подобию медицинских школ при больницах. Согласитесь, аргументы более чем весомые, и профессоров, высказывавших их в антитезу введения преподавания практической медицины у постели больного, никак не назовешь слепыми фанатиками, любой ценой защищавшими устои канонической университетской традиции.

И все же в 18 столетии апологеты традиционного сугубо теоретического характера преподавания всех без исключения "врачебных" дисциплин оказались вынужденными сложить оружие, уступив дорогу новому подходу к обучению студентов медицинских факультетов практическим "врачебным наукам". Отчасти это стало следствием естественного хода развития медицины. Успехи естествознания, постепенный отказ от априорного умозрительного теоретизирования, повлекшие за собой уточнение прежних и выделение новых нозологических форм болезней, определили невозможность разделения преподавания теоретических основ практической медицины и работы с больным. Чем более конкретными становились диагнозы, чем более очерченными становились отдельные формы патологии, тем более требовалось не только объяснить и истолковать свойственные той или иной болезни симптомы, варианты течения, особенности терапии, но и показать их на конкретном примере. Однако главную роль в решении проблемы вовлечения больных в учебный процесс на медицинских факультетах европейских университетов сыграло не это, а деятель-

ность гуманистов эпохи Возрождения и просветителей 17—18 веков.

Гуманисты и просветители не просто подвергли резкой критике схоластические методы преподавания средневековых университетов, но и противопоставили им систему образования, свободную от догматизма и "давления" авторитетов, приучающую к самостоятельному мышлению и вооружающую необходимыми знаниями и навыками для практической жизни и деятельности.

В 16—17 веках идеи гуманистической педагогики не получили широкого распространения, особенно в сфере университетского образования. Но в странах или отдельных университетах, где позиции гуманистов были достаточно сильны, существенному пересмотру подверглись учебные программы, начали внедряться наглядные методы обучения, в том числе и в преподавание практической медицины¹¹.

Первые попытки вовлечения больного в учебный процесс на медицинских факультетах относятся к 16 веку и связаны с деятельностью профессоров Падуанского (Дж. Б. Монтано, А. Боттони и М. Одди)¹² и Венского (Ф. Эмерих и М. Стопиус)¹³ университетов, организовавших преподавание части курса практической медицины в больнице. Студентам демонстрировались проявления различных заболеваний и методы обследования больного с последующими разборами клинических случаев, обоснованием диагноза и назначаемого лечения. В отличие от средневековых тради-

¹¹ О внедрении наглядных методов обучения на медицинских факультетах европейских университетов см., например: O'Malley C. D. *Medical education during the Renaissance//History of medical education*. — University Press of California, 1970. — P.89—101.

¹² Lindeboom G. A. Hermann Boerhaave. *The man and his work*. — London, 1968. — P.283—284.

¹³ Lesky E. *The development of bedside teaching at the Vienna medical school from scholastic times to special clinics//History of medical education*. — University Press of California, 1970. — P.220—221.

ций в этих университетах студенты медицинских факультетов не только были допущены к постели больного, но и получили возможность обучаться практической медицине не чисто умозрительно, а на клиническом материале.

В 17 веке перечень университетов, предпринимавших попытки внедрить наглядные формы преподавания практической медицины, расширился за счет университетов протестантской Голландии. В 1636 году сначала Ван дер Стратен в Утрехте, а затем О. ван Херниус и Э. Шревелиус в Лейдене с успехом повторили начинания своих падуанских и венских коллег¹⁴. Причем, если в Утрехте, подобно Падуе и Вене, преподавание у постели больного вскоре после отставки его инициатора прекратилось, то в Лейдене оно не только продолжалось без перерыва около века, но и обогатилось новыми методическими приемами обучения студентов медицинских факультетов практической медицине¹⁵.

Впервые попытку пойти дальше простой демонстрации студентам больных и врачебного искусства профессора предпринял О. ван Херниус, постаравшийся установить диалог с учащимися, вовлечь их в проводившиеся клинические разборы. На его занятиях студенты должны были не только слушать профессора и наблюдать за его действиями, но и постоянно отвечать на самые разнообразные вопросы преподавателя, высказывать свои суждения в отношении диагноза, возможных вариантов течения, прогноза и необходимых в каждом конкретном случае терапевтических мер. Однако инициатива О. ван Херниуса закончилась скандальным провалом. Студенты обвинили профессора в том, что он подменяет обучение экзаменом и не просто экзаменом, а заведомым унижением, выставляя их друг перед другом

¹⁴ Beukers H. Clinical Teaching, past and present. Clinical teaching in Leiden from its beginning until the end of the eighteenth century//Clio Medica. — Vol.21. — Amsterdam-Atlanta, 1989. — P.140—141.

¹⁵ Сточик А. М., Затравкин С. Н. Из истории становления клинического преподавания: лейденский прорыв//Клиническая медицина. — 1998. — № 2. — С.62—64.

невеждами. Заметим, что в то время студенты как полноправные члены университетских корпораций обладали огромными возможностями и могли не только потребовать, но и добиться отставки любого неугодного им профессора. В результате О. ван Херниус вынужден был полностью отказаться от избранной им новой методики проведения занятий в клинике у постелей больных. Его коллега Э. Шревелиус, так же как и их последователи А. Кипер и А. Линден, даже не пробовали повторить начинания О. ван Херниуса. Их занятия в клинике Лейденского университета продолжали ограничиваться исключительно демонстрациями и разборами больных¹⁶.

Внедрить в учебный процесс новую методику преподавания и привлечь студентов к работе с больными удалось лишь спустя несколько десятилетий. Правда, для этого крупнейшему врачу и естествоиспытателю второй половины 17 века Ф. де ла Боз (Сильвиус), ставшему профессором практической медицины Лейденского университета в 1658 году, пришлось прибегнуть к театральным приемам. Как вспоминал его современник профессор Л. Шахт, когда Сильвиус заходил в палату и начинал вместе со студентами расспрашивать и осматривать больных, то со стороны могло показаться, что он совершенно ничего не смыслит в медицине. Он постоянно обращался к студентам с различными вопросами, просил, чтобы они описали и объяснили ему наблюдаемые симптомы, подсказали возможные варианты диагноза и требуемой терапии. Собрав таким образом все необходимые данные, он после этого так объединял их в картину болезни, что у студентов складывалось впечатление, будто бы они сами поставили диагноз и назначили лечение, а не узнали все это от профессора¹⁷. В результате студенты уже не чувствовали себя в роли экзаменуемых, а,

¹⁶ Lindeboom G. A. Op. cit. — P.285.

¹⁷ Puschmann Th. Geschichte des medizinischen Unterrichts. — Leipzig, 1899. — S.342—343.

напротив, с энтузиазмом принимали участие в проводившихся Сильвиусом клинических разборах, которые очень скоро приобрели большую популярность. Палаты лейденской клиники во время его занятий были всегда полны слушателями. Кроме студентов Лейденского университета, к Сильвиусу приезжали учиться студенты и молодые врачи из Германии, Англии, Италии и других стран Европы. А учиться было чему.

Помимо того, что Сильвиус нашел способ заставить студентов думать у постели больного, что, конечно же, не могло не отразиться на повышении уровня их клинической подготовки, он впервые стал обращать внимание слушателей на необходимость динамического наблюдения за ходом болезни как на одно из наиболее эффективных средств изучения особенностей течения различных патологических процессов и освоения навыков диагностики. С этой целью он ежедневно (а не два раза в неделю, как это было при его предшественниках) проводил клинические разборы не только вновь поступавших пациентов, но и тех, которых уже обсуждал со студентами ранее. "Я веду своих студентов, — писал Сильвиус, — за руку, приучая их к практической работе, используя метод еще неизвестный ни в Лейдене, ни в каком-либо другом месте. Он заключается в том, что они должны проводить все дни в госпитале. Там я им показываю симптомы болезней; заставляю выслушивать жалобы больных; прошу их высказать свое мнение по каждому конкретному случаю и предлагать курс лечения; заставляю обосновывать свое мнение. Они должны видеть результаты лечения, когда Бог доверил нашим заботам больного. Должны присутствовать при вскрытии тела"¹⁸.

Однако, несмотря на, казалось бы, очевидную победу, одержанную Сильвиусом, процесс внедрения практических форм обучения на медицинских факультетах европейских

¹⁸ *Bariety M., Coury Ch. Histoire de la medecine. — Paris, 1963. — S.595.*

университетов продолжал идти крайне медленно. К началу 18 столетия преподавание у постели больного так и не вышло за пределы университетов Голландии, а точнее, за пределы Лейденского университета. Подавляющее большинство профессоров были еще не готовы воспринять и по достоинству оценить новые формы и методы обучения студентов практической медицине. Требовался новый мощный импульс, которым, согласно мнению абсолютного большинства историков медицины, стала деятельность профессора Лейденского университета Г. Бургаве, возглавившего прославленную трудом Сильвиуса клинику в 1714 году.

С именем Г. Бургаве связывают подъем в Лейдене "преподавания у постели больного до невиданных высот" и широкое распространение его в других университетах Европы¹⁹. Вместе с тем в 60—90-х годах 20 века обнаружены факты, диссонирующие с привычными оценками деятельности Г. Бургаве как клинического преподавателя. Так, установлено, что Г. Бургаве по сравнению с Сильвиусом не внес ничего нового ни в методику, ни в объем преподавания практической медицины в клинике Лейденского университета. В последние 14 лет работы в качестве профессора "Collegium medico-practicum" Г. Бургаве сократил число занятий в клинике с 6 до 2 в неделю. В годы, когда он преподавал практическую медицину, число больных в клинике Лейденского университета стало резко уменьшаться. Лейденский историк медицины Х. Бекеш сообщает (1989), что если в начале 18 века (1700—1710) при профессорах "Collegium medico-practicum" Г. Бидлоо и Ф. Деккерсе в клинике в среднем в год лечилось 43,4 больных, то в первые годы профессорства Бургаве (1714—1720) — 18,5, а в последую-

¹⁹ См., например: Lindeboom G. A. Op. cit. — P.105; Ashworth Underwood H. Boerhaave after Three Hundred Years//British Medical Journal. — 1968. — Vol.4. — P.820—825; Страшун И. Д. Бургав//Большая медицинская энциклопедия. — 2-е изд. — Т.4. — М., 1958. — Стб.758; Мейер-Штейнег Т., Зудгоф К. Цит. соч. — С.357—358; Сорокина Т. С. История медицины. — М., 1994. — С.258—259.

щие 16 лет (1721—1736) — 2,8. При этом в 1730 и в 1732—1736 гг. больные в клинику не принимались вовсе. Наконец, вскоре после смерти Г. Бургаве (1738) и его напарника Г. О. Шахта (1744) преподавание у постели больного в Лейденском университете прекратилось более чем на 40 лет²⁰. Преемники Бургаве и Шахта по профессуре в "Collegium medico-practicum" Д. Руайен-старший и И. Д. Гауб занятий в клинике не проводили.

Изложенные факты заставляют усомниться в объективности распространенного утверждения, что годы работы Г. Бургаве в качестве профессора практической медицины были периодом "наивысшего расцвета клинического преподавания в Лейденском университете". Располагая для учебных целей ничтожным клиническим материалом, а в течение 6 лет вообще не имея его, Г. Бургаве использовал преимущественно традиционный (сугубо теоретический) метод преподавания клинической медицины — чтение лекций без демонстраций больных. Клинические разборы Г. Бургаве были блестящи, но слишком малочисленны, чтобы поддерживать преподавание у постели больного хотя бы на уровне, который обеспечивали его предшественники. Так что годы профессорства Г. Бургаве в "Collegium medico-practicum" скорее были периодом упадка преподавания в клинике, периодом его медленного умирания.

Скорее всего, Г. Бургаве не считал преподавание у постели больного важнейшим элементом университетского медицинского образования, а себя — прежде всего клиническим преподавателем. Конечно, Г. Бургаве, подобно Т. Сиденгаму, был убежден в том, что изучать болезни можно только у постели больного, но, вероятно, как и Т. Сиденгам, он считал, что обучение врачебному искусству не является задачей университета и рассматривал занятия со студентами в клинике просто как элемент наглядности преподавания, как некое необязательное дополнение к лекционному курсу.

²⁰ Beukers H. Op. cit. — P.145—148.

Влияние и громкая слава позволяли Г. Бургаве по собственному усмотрению распределять свое время между университетскими занятиями, научной работой и обширной врачебной практикой. Свои профессорские обязанности он исполнял исключительно добросовестно, но преподавание у постели больного не относил к числу приоритетных задач. По собственному признанию, он уделял мало внимания клинике, и это, наверняка, стало причиной резкого уменьшения количества лечившихся в ней больных. Сокращение им числа клинических занятий не уменьшило потока студентов, привлеченных в Лейденский университет прежде всего славой "великого Бургаве", а не тем, что и как он преподавал. И это обстоятельство служило основным аргументом в его немом споре с кураторами университета о целесообразности клинических занятий со студентами, а в дальнейшем позволило его преемникам практически бесконфликтно прекратить клинические занятия вовсе²¹.

Что же касается действительно имевшего место в первой половине 18 века распространения практических форм обучения у постели больного на другие университеты Европы²², то оно не было, да и не могло быть результатом влияния одного, пусть даже столь выдающегося врача и педагога, каким являлся Г. Бургаве. В основе этого процесса лежали влияния общекультурного плана, определившие постепенное осознание передовой университетской профессу-

²¹ Сточик А. М., Затравкин С. Н. Герман Бургаве: закат клинического преподавания в Лейденском университете//Клиническая медицина. — 1998. — № 3. — С.72—76; Сточик А. М. Герман Бургаве как клинический преподаватель//Материалы I Съезда Конфедерации историков медицины. — М., 1998. — С.24—26.

²² В течение первой половины 18 века результативные попытки внедрить преподавание у постели больного были предприняты в Италии (Рим, 1701), Шотландии (Эдинбург, 1729), Германии, Франции (Страсбург, 1738)/Сточик А. М., Затравкин С. Н. Становление клинического преподавания в Европе в первой половине 18 века//Клиническая медицина. — 1998. — № 4. — С.63—65.

рой необходимости изменения ориентации университетского медицинского образования.

В 18 веке в ряде стран Европы в рамках проводимой политики просвещенного абсолютизма государство начинает непосредственно заниматься вопросами организации медицинской помощи, причем не только регулярной армии, но и гражданскому населению. Осознание в связи с этим потребности в квалифицированных врачебных кадрах и их систематическом пополнении заставляет органы государственного управления и коронованных особ по-новому строить отношения между государством и университетами, активно вмешиваться в их деятельность, склоняя или принуждая университетскую профессию к переориентации университетского медицинского образования на выпуск специалистов, пригодных к самостоятельной врачебной деятельности, или по крайней мере к резкому усилению практической подготовки студентов медицинских факультетов. Решить такую задачу без введения преподавания у постели больного, без организации специального курса клинических занятий было невозможно. Последнее в свою очередь привело к возникновению феномена, который мы сегодня называем "клиническим преподаванием", и связанной с ним коренной реорганизации всего учебного процесса на медицинских факультетах университетов.

Первым европейским государством, вмешавшимся в деятельность медицинских факультетов своих университетов стала Германия, где сначала была предпринята попытка лишить университеты прав на аттестацию врачей, а затем это право было поставлено в жесткую взаимосвязь с наличием на медицинских факультетах клинической базы и опытных клинических преподавателей. И хотя в конечном счете университеты Германии смогли отстоять свои привилегии, названные инициативы органов государственной власти не прошли бесследно. В Германии, где многие университеты были центрами просветительской идеологии, требования государства наладить выпуск более практически подготов-

ленных медиков спровоцировали передовую профессию к активным действиям и подтолкнули руководителей университетов к поиску средств и возможностей для введения практических форм обучения. В 1717 г. в Галле Й. Юнкер начинает читать курс практической медицины и проводить занятия со студентами в больнице городского сиротского дома. В 1735 г. ученики Й. Юнкера братья Мойдер открывают "Collegium medico-chirurgicum" в Дрездене, в 1754 г. другой ученик Й. Юнкера И. В. Баумер вводит курс клинических занятий в Эрфурте. Во второй половине 18 века основной центр распространения в Германии практических форм обучения студентов перемещается в Геттинген, где сначала профессор акушерства И. Г. Редерер (1751 г.), затем профессора химии и практической медицины Р. Фогель (1764 г.) и Э. Г. Бальдингер (1773 г.) и, наконец, профессор хирургии А. Г. Рихтер (1780 г.) организовали преподавание своих дисциплин у постели больного. Из Геттингена главным образом благодаря ученикам Э. Г. Бальдингера идея использования больных для целей обучения студентов была перенесена в Эрланген (Ф. Вендт, 1779 г.), Йену (Ю. Х. Лодер, 1783 г.), Марбург (Э. Г. Бальдингер и Михаэлис, 1768 г.), Бамберг (А. Ф. Маркус, 1789 г.), Альтдорф (И. Х. Г. Аккерман, 1786 г.), Киль (Г. Х. Вебер, 1785 г.), Вюрцбург (А. Зибольд, 1791 или 1793 г.), Грайфсвальд (1794 г.), Тюбинген (Хопф, 1795 г.), Лейпциг (1798 г.), Гейдельберг (И. Х. Г. Аккерман, 1805 г.)²³. В результате на протяжении второй половины 18 века количество германских университетов, воспринявших новые формы обучения практическим медицинским дисциплинам, начало постепенно превышать число университетов, следовавших канонической традиции.

Еще более значительных успехов в деле внедрения в учебный процесс на медицинских факультетах практиче-

²³ Сточик А. М., Затравкин С. Н., Сточик А. А. Клиническое преподавание в Германии в первой половине XIX века // Клиническая медицина. — 1999. — № 9. — С.68—70.

ских форм обучения у постели больного удалось добиться в Австрии, где начиная с 1749 г. по инициативе Марии-Терезии была проведена беспрецедентная реформа высшего медицинского образования, преследовавшая цель добиться полной переориентации деятельности медицинских факультетов университетов на подготовку не просто широко образованных медиков, а врачей с правом на самостоятельную практику. Именно тогда сначала в Венском, а затем и в других университетах Австрии была впервые введена процедура тематического подбора больных в клинику, начато преподавание у постели больного систематических курсов практических медицинских дисциплин, установлена строгая последовательность преподавания всех без исключения дисциплин медицинского факультета, завершавшаяся клиническими дисциплинами с обязательными занятиями у постелей больных.

Необходимость всех перечисленных нововведений диктовалась принципиально новым статусом клинических занятий, которые в результате преобразований главного идеолога реформы Г. Ван-Свитена стали обязательным условием для получения права на самостоятельную практику. Часть из них была реализована уже при жизни Г. Ван-Свитена приглашенным им из Гааги на должность профессора патологии и практической медицины выпускником Лейденского университета А. де Гаеном.

В историко-медицинской литературе сложилась устойчивая традиция считать венскую клинику в период заведования А. де Гаена точной копией клиники Лейденского университета²⁴. Однако такая точка зрения не во всем согласу-

²⁴ См., например: Мейер-Штейнег Т., Зудгоф К. Цит соч. — С.358—359; Hecker J. Fr.K. Geschichte der neueren Heilkunde. — Berlin, 1839. — S.369—371; Lesky E. Meilensteine der Wiener Medizin. Grosse Arzte Osterreichs in drei Jahrhunderten. — Wien, 1981. — S.15—16; Lesky E. The development of bedside teaching at the Vienna medical school from scholastic times to special clinics/History of medical education. — University Press of California, 1970. — P.217—233.

ется с информацией, сообщаемой теми же авторами. Используя отдельные методические приемы Сильвиуса и Г. Бургава, А. де Гаен, несомненно, пошел дальше своих предшественников.

Во-первых, в отличие от Лейдена, где занятия в клинике ограничивались только проводившимися профессорами клиническими разборами, А. де Гаен ввел в качестве обязательного элемента клинической подготовки самостоятельную работу студентов с больными. В клинике, вспоминает современник, "...он сразу ведет к постели больного, со всеми подробностями объясняет данный случай, исследует причины с присущей ему проницательностью, заботливо разбирает симптомы. Потом слушатель сам обследует больного. То, что он заметил, сообщает учителю на ухо. Учитель собирает все замеченное учениками и указывает потом открыто, что было правильно замечено, а что ложно"²⁵.

Во-вторых, А. де Гаен кардинально изменил цель проведения клинических разборов и внес существенные поправки в порядок и содержание преподавания всего курса практической медицины. Проводившиеся им клинические разборы были направлены на демонстрацию студентам прежде всего "наиболее типичных примеров болезней", а не на обсуждение и разбор наиболее сложных или интересных клинических случаев²⁶. При этом в имеющихся источниках не содержится каких-либо сведений о чтении А. де Гаеном теоретического лекционного курса по практической медицине. Скорее всего, такой курс, традиционно читавшийся во всех университетах Европы без демонстрации больных, А. де Гаен заменил ежедневными двухчасовыми занятиями в клинике, которые содержательно в совокупности соответ-

²⁵ Lesky E. Meilensteine der Wiener Medicin. Grosse Arzte Osterreichs in drei Jahrhunderten. — Wien, 1981. — S. 16.

²⁶ Lesky E. The development of bedside teaching at the Vienna medical school from scholastic times to special clinics//History of medical education. — University Press of California, 1970. — P. 223.

ствовали по объему систематическому курсу практической медицины. И именно поэтому клинические разборы стали посвящаться демонстрации и обсуждению "наиболее типичных примеров болезней". Таким образом, если наши рассуждения верны, то А. де Гаен, возможно, первым начал преподавать полный курс практической медицины в клинике у постелей больных, ликвидировав тем самым существовавшее, например, в Лейдене несоответствие содержания лекционной и клинической частей курса практической медицины, а также положил начало практике тематического подбора больных для университетской клиники. Последнее обеспечивалось тем, что А. де Гаену было предоставлено право переводить требовавшихся ему для учебного процесса больных из всех венских госпиталей.

Кроме того, А. де Гаен привлекал наиболее способных студентов к проводившимся у него в клинике научно-практическим работам по проблемам использования в клинике термометрии, установления и разработки клинико-анатомических корреляций и применения новых лекарственных средств.

В результате осуществленных нововведений венская клиника очень скоро завоевала позиции ведущего центра практической подготовки врачей, а в ее стенах сложилась крупнейшая (и едва ли не первая в Европе) научная клиническая школа. В числе наиболее ярких представителей этой школы можно назвать имена первооткрывателя перкуссии Л. Ауэнбруггера и М. Штолля. Последний сменил в 1776 году А. де Гаена на посту директора клиники и преумножил ее славу. О взлете венской клиники в период руководства ею М. Штоллем может свидетельствовать хотя бы тот факт, что в 80-х годах 18 века Парижская академия наук обратилась к Людовику XVI с предложением организовать в Париже клинику по образцу и подобию венской.

Однако полную победу праздновать было еще рано. Позитивные результаты первого этапа реформы нуждались в закреплении и развитии. Выделив занятия в клинике в

главный и завершающий этап подготовки на медицинском факультете, Г. Ван-Свитен так и не смог в полной мере ликвидировать содержательный разрыв между теоретической и практической частями программы обучения.

Преподавание естественнонаучных и теоретических медицинских дисциплин не было переориентировано на новые целевые установки и продолжало вестись в полном соответствии с университетским принципом самоценности каждого предмета обучения. Кроме того, по мере накопления опыта работы по подготовке пригодного к самостоятельной практике врача все очевиднее становилась потребность в дальнейшем расширении объема и повышении качества собственно клинического обучения²⁷.

Решение этих проблем, выразившееся в разработке и внедрении качественно новой учебной программы, позволявшей объединить все предметы преподавания в единый целенаправленный комплекс, составило суть следующего этапа австрийской реформы²⁸. Автором новой учебной программы стал И. П. Франк, занявший в 1785 году должность профессора практической медицины Павийского университета и одновременно пост руководителя медицинским делом Австрийской Ломбардии.

Ко времени прибытия И. П. Франка в Павию медицинский факультет Павийского университета был одним из лучших в Австрии. Но И. П. Франк был убежден в необходимости продолжения и развития реформы и поэтому, несмотря на казавшееся отсутствие объективной потребности в каких-либо из-

²⁷ Сточик А. М., Затравкин С. Н. Австрийская реформа университетского медицинского образования во второй половине 18 века. Сообщение 1. Реформирование Г. Ван-Свитеном преподавания на медицинском факультете Венского университета//Клиническая медицина. — 1998. — № 5. — С.74—78.

²⁸ Сточик А. М., Затравкин С. Н. Австрийская реформа университетского медицинского образования во второй половине 18 века. Сообщение 2. Разработка И. П. Франком учебного плана подготовки врача//Клиническая медицина. — 1998. — № 8. — С.70—75.

менениях и преобразованиях, сразу же приступил к радикальному реформированию учебного процесса. Уже в феврале — марте он подготовил немедленно подтвержденный императором Иосифом II проект нового учебного плана для медицинского факультета Павийского университета, предусматривавший большое число принципиальнейших нововведений²⁹.

Во-первых, И. П. Франк увеличил время, в течение которого студенты должны были осваивать курс медицинских наук. Для этого он ввел дополнительный — пятый год — обучения на медицинском факультете и перенес преподавание естественнонаучных дисциплин на философский факультет, одногодичный курс подготовки на котором должны были проходить все студенты университета без исключения.

Во-вторых, существенно увеличил число клинических занятий, установив двухлетнюю продолжительность преподавания курса практической медицины у постелей больных, для чего главным образом и предназначалось добавление пятого года обучения на медицинском факультете. В-третьих, добился введения двух последовательных этапов обучения студентов практической медицине у постелей больных. Он полагал ошибочным сложившийся на медицинских факультетах австрийских университетов порядок преподавания курса практической медицины, при котором клинические разборы и самостоятельная работа студентов с больными проводились одновременно. Организовав двухлетний курс занятий у постелей больных, И. П. Франк создал условия для разделения этих двух важнейших составляющих практической подготовки будущего врача. Согласно установленному им на медицинском факультете Павийского университета порядку, самостоятельная работа студентов с больными под наблюдением профессора и его помощников была выделена в отдель-

²⁹ Frank I. P. Johann Peter Frank. Seine Selbstbiographie. — Bern, Stuttgart, 1963. — S.96—98; Lesky E. Johann Peter Frank als Organisator des medizinischen Unterrichts// Sudhoff's Archiv für Geschichte der Medizin und der Naturwissenschaften. — Bd39. — Hf.I. — 1955. — S.1—29.

ный этап подготовки и отнесена на второй год занятий в университетской клинике (пятый год обучения студентов на факультете). Первый же год клинической подготовки (четвертый год обучения на факультете) предназначался исключительно для того, чтобы студенты лишь наблюдали за действиями профессора, учились азам диагностики и лечения болезней, осваивали навыки опроса, осмотра, составления историй болезни. В-четвертых, И. П. Франк значительно обогатил методику обучения студентов практической медицине у постелей больных. Кроме обязательного посещения ежедневных клинических занятий, он ввел также строго обязательные для всех студентов ежедневные утренние и вечерние профессорские обходы. Кроме этого, в соответствии с установленным им порядком по два студента должны были каждую ночь дежурить у постелей больных. К больным стали прикрепляться постоянные кураторы, которые не только вели записи в историях болезней, но были обязаны непрерывно следить за состоянием пациента и происшедшими переменами в течении болезни так, чтобы в любое время доложить об этом профессору. В-пятых, И. П. Франк внес существенные изменения и в содержание преподавания практической медицины. Он полагал необходимым добиться такого положения, чтобы каждое занятие со студентами у постелей больных, каждый клинический разбор сопровождался демонстрацией студентам типичных для данного клинического случая патологоанатомических феноменов с последующим их обсуждением. С этой целью И. П. Франк поставил вопрос о создании на медицинских факультетах в ведении профессора практической медицины обширных "патологоанатомических собраний" для использования в преподавании практической медицины и об обязательном вскрытии в присутствии студентов всех без исключения умерших в клинике³⁰.

³⁰ Сточик А. М., Пальцев М. А., Затравкин С. Н. Патологическая анатомия в Московском университете в первой половине XIX века. — М., 1999. — С.9—28.

Преобразования в организации и содержании учебного процесса на медицинском факультете Венского и других австрийских университетов, осуществленные в 50—90-х годах 18 века Г. Ван-Свитеном, И. Франком, А. де Гаеном, М. Штоллем, результатом которых стало стремительное превращение Венского университета в ведущий центр подготовки врачей в Европе и формирование в его стенах крупнейшей клинической школы, имели широкий резонанс в медицинском мире второй половины 18 столетия. С этого времени эффективность практических форм обучения у постели больного и необходимость их внедрения в учебный процесс на медицинских факультетах университетов получили окончательное признание.

Не устояли под давлением бесспорных успехов австрийских высших медицинских школ и французские университеты, отличавшиеся особым консерватизмом в вопросах сохранения духа и буквы канонической традиции университетского медицинского образования. В 1778 году два влиятельных парижских врача К.-Ф. Дюшенуа и Ж.-Б. Жюмелен опубликовали "Доклад о необходимости создания клинических медицинских школ", одним из основных положений которого было требование об организации на медицинском факультете Парижского университета двух клинических кафедр. И хотя какой-либо реакции со стороны лиц, наделенных правом принятия решений, не последовало, в 1780 году профессор практической медицины Парижского университета Дебуа де Рошфор вместе со своим учеником и помощником Ж. Корвизаром на свой страх и риск предложили студентам посещать организованные ими клинические занятия в парижском госпитале Charite. В 1787 году начинание Д. де Рошфора поддержал его коллега по кафедре хирургии П. Дезо, организовавший клиническое преподавание курса своей дисциплины в другом парижском госпитале Hotel-Dieu³¹.

³¹ Сточик А. М., Затравкин С. Н., Сточик А. А. Клиническое преподавание во Франции в первой половине XIX века//Клиническая медицина. — 1999. — № 8. — С.62—67.

Руководители и большинство профессоров медицинского факультета Парижского университета весьма неодобрительно отнеслись к этим инициативам, однако ни против де Рошфора, ни против П. Дезо никаких санкций не последовало. В конце 18 века необходимость внедрения в учебный процесс практических форм обучения стала уже объективной реальностью, с которой вынуждены были считаться даже такие апологеты канонической университетской традиции, как профессора Сорбонны.

* *
*

Несмотря на исключительную важность курса практической медицины для врачебного образования, "Проектом о Учреждении Московского университета" ее преподавание не предусматривалось. Как уже отмечалось, записанные в "Проекте" должностные обязанности профессора анатомии — "приучать Студентов в медицинской практике" — не могут быть истолкованы как указание на необходимость преподавания полноценного курса практической медицины.

Введение преподавания этой дисциплины на медицинском факультете Московского университета стало результатом предложенной и осуществленной первыми профессорами факультета ревизии "Проекта". Профессорский курс химии и практической медицины значился первым в списке предметов преподавания факультета в "Мнении об учреждении и содержании Императорского университета и гимназий в Москве"³². От медицинского факультета этот документ подписан только И. Х. Керштенсом и И. Ф. Эразму-сом, и вполне логичным было бы считать, что именно им

³² Мнение об учреждении и содержании Императорского университета и гимназий в Москве//Чтения в обществе истории и древностей российских. — 1875. — Кн. II. — С. 190.

принадлежит авторство распределения учебных предметов этого факультета. Согласно расписаниям лекций, начиная с 1764/1765 учебного года, т. е. со времени начала подготовки на факультете медиков, именно И. Х. Керштенс взял на себя исполнение обязанностей профессора "Практики и Химии"³³. Последнее неудивительно, если принять во внимание тот факт, что И. Х. Керштенс получил прекрасную подготовку в области практической медицины в Галле под руководством Й. Юнкера, а историки Гальского университета даже называют И. Х. Керштенса его прямым учеником³⁴. Однако начато преподавание практической медицины было не И. Х. Керштенсом. Причиной этого, на наш взгляд, послужило стечение обстоятельств. Ко времени, когда И. Х. Керштенс должен был приступить к изложению практической медицины, т. е. на последнем году обучения, на факультете числился только один студент. В таких условиях И. Х. Керштенс, скорее всего, счел нецелесообразным начинать преподавание новой дисциплины, тем более что этим студентом был И. А. Сибирский, уже несколько лет занимавшийся индивидуально под руководством И. Х. Керштенса³⁵. В 1768/1769 учебном году преподавание на факультете вообще не велось из-за отсутствия студентов, а в марте 1770 года И. Х. Керштенс уехал из России. Преподавание курса химии и практической медицины перешло к П. Д. Вениаминову, который фактически и начал чтение лекций по практической медицине в 1772/1773 учебном году³⁶.

³³ Позднее эта должность вновь стала называться так же, как она обозначена во "Мнении" — "Химии и Медицины Практической профессор".

³⁴ Kaiser W., Krosch H., Piechocki W. 250 Jahre Collegium clinicum Halense. 1717—1967//Wissenschaftliche Berichte der Martin-Luther-Universität-Wittenberg. — Halle, 1967. — S.57.

³⁵ Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета. — Т.2. — М.,1855. — С.414.

³⁶ Исторический вестник Московской медицинской академии им. И. М. Сеченова. — 1995. — Т.IV. — С.102.

В 18 веке преподавание курса практической медицины в Московском университете велось сугубо теоретически и не сопровождалось даже лекционными демонстрациями больных. Важнейшее достижение передовых университетов Европы, кардинально изменившее направленность университетского медицинского образования — преподавание у постели больного — на медицинском факультете Московского университета внедрено не было³⁷.

Возможно, это стало следствием того, что ни П. Д. Вениаминов, начавший преподавание курса практической медицины, ни С. Г. Зыбелин, читавший его с 1775 года вплоть до начала 19 века, не были знакомы с методикой преподавания у постели больного. Во время их обучения в Кенигсберге и Лейдене клинических занятий не проводилось. Возможно, решающую роль в выборе сугубо теоретического характера изложения курса сыграла уже избранная к началу 70-х годов 18 века ориентация всего курса медицинского факультета на двухэтапную модель подготовки врача. Возможно, молодому университету, испытывавшему значительные трудности, было просто не под силу организовать клиники и ввести преподавание у постели больного. Но так или иначе, а вплоть до 1805/1806 учебного года на медицинском факультете Московского университета осуществлялся лишь теоретический этап подготовки врача, и никто из профессоров факультета не поднимал вопроса о необходимости пересмотра порядка преподавания практической медицины в соответствии с требованиями времени и уровнем развития науки. Единственная известная попытка внедрить в учебный процесс на медицинском факультете Московского университета клиническое преподавание основных практических медицинских дисциплин, предпринятая в конце 80-х годов 18 века, исходила от представителей

³⁷ Сточик А. М. О клинической базе Московского университета в XVIII веке//Проблемы социальной гигиены и история медицины. — 1995. — № 3. — С.56—58.

государственной власти. В 1787 году был даже подготовлен проект соответствующего университетского устава, но решение вопроса затянулось до начала 19 века³⁸.

Правда, советские историки медицины, вооруженные идеей о немыслимости подготовки врача без преподавания у постели больного, не только неоднократно предпринимали попытки установить наличие теоретико-практического характера преподавания практической медицины в Московском университете, но и добились в этом "значительных успехов". Примечательно, что отсутствие каких-либо документальных подтверждений об использовании профессорами медицинского факультета в 18 веке такого метода преподавания нисколько не смутило исследователей — вопрос был сведен к поискам в Московском университете в тот период клинической базы.

В 1926 году Л. Я. Скороходов в "Кратком очерке истории русской медицины" отметил, что "в 1797 году была открыта при Московском военном госпитале постоянная клиническая палата, снабженная всем необходимым для преподавания слушателям медицинского факультета Московского университета (на 10 человек). Заведовал ею адъюнкт Е. Мухин, а преподавал в ней профессор диагностики и терапии М. Пекен"³⁹. Спустя 5 лет это же положение было повторено Д. М. Российским в статье "Медицинское образование" 1-го издания БМЭ⁴⁰. Наконец, в 1940 году И. Д. Страшун, рассматривая вопросы клинического преподавания в Московском университете, высказался еще более определенно: палата, открытая в 1797 году при Московском военном госпитале, "и была первой клиникой медицинского факульте-

³⁸ Сточик А. М., Пальцев М. А., Затравкин С. Н. Медицинский факультет Московского университета в реформах просвещения первой трети XIX века. — М., 1998. — С.151—179.

³⁹ Скороходов Л. Я. Краткий очерк истории русской медицины. — Л., 1926. — С.10.

⁴⁰ Медицинское образование//БМЭ. — 1-е издание. — Т.17. — М., 1936. — Стб.655.

та, просуществовавшей до учреждения академических клиник"⁴¹. С этого времени, возможно, благодаря авторитету И. Д. Страшуна факт существования в конце 18 века в Московском университете клинической базы сомнений уже не вызывал. Он представлялся настолько бесспорным, что упоминания о палате Пекена в Московском военном госпитале как о клинической базе медицинского факультета Московского университета можно найти даже в столь авторитетных источниках, как 2-е и 3-е издания Большой медицинской энциклопедии, юбилейный сборник "225 лет Первому Московскому медицинскому институту"⁴².

С обнаружением клинической палаты Пекена важное значение сразу же приобрел не вызывавший ранее никакого интереса у историков текст из расписаний лекций профессора С. Г. Зыбелина за 1800/1801 учебный год, в котором говорилось, что он "...преподавать будет так называемую Медицину консультаторную, в которой покажет разные случаи всяких болезней, упражнять будет своих слушателей как в распознавании самых болезней, так и предусматривании следствий от них, присовокупляя при том и лечение оных"⁴³. Возможность использования клинической палаты Пекена в преподавании на медицинском факультете Московского университета попросту снимала вопрос о том, где профессор С. Г. Зыбелин планировал "показывать разные случаи всяких болезней"⁴⁴.

⁴¹ Страшун И. Д. 175 лет//175 лет Первого Московского государственного медицинского института. — М., 1940. — С.12.

⁴² Медицинское образование//БМЭ. — 2-е издание. — Т.17. — М., 1960. — Стб.818; Медицина//БМЭ. — 3-е издание. — Т.14. — М., 1980. — С.218; 225 лет Первому Московскому медицинскому институту им. И. М. Сеченова. — М., 1990. — С.15.

⁴³ Исторический вестник Московской медицинской академии им. И. М. Сеченова. — 1995. — Т.IV. — С.128.

⁴⁴ Бородулин Ф. Р. 200 лет I Московского ордена Ленина медицинского института имени И. М. Сеченова//Очерки по истории I Московского ордена Ленина медицинского института имени И. М. Сеченова. — М., 1959. — С.11.

Но этого, видимо, оказалось недостаточно. Исследователей стал интересовать вопрос: почему же столь необходимая для подготовки врача клиническая палата была открыта только в конце 18 века? И поиски продолжались...

В юбилейном сборнике "175 лет Первого Московского государственного медицинского института" В. Н. Смотров в статье "Факультетская терапевтическая клиника", отметив, что "в архивных материалах не найдены пока точные данные о начале клинического преподавания внутренних болезней", высказал предположение, что, "по-видимому, С. Г. Зыбелин демонстрировал терапевтических больных в университетской больнице, помещавшейся во дворе главного корпуса университета"⁴⁵. Развивая эту точку зрения, И. А. Зиновьев пошел еще дальше: до открытия палаты Пекена в Московском военном госпитале "на медицинских факультетах университетов нашей страны имелись для преподавания сравнительно небольшие клиники, или, как их называли, студенческие больницы"⁴⁶. Принимая во внимание, что университетская, или, как ее называет И. А. Зиновьев, "студенческая", больница в Московском университете была открыта в 1760 году, т. е. за 5 лет до начала подготовки на факультете медиков, вопрос о существовании в 18 веке клинической базы Московского университета можно было считать окончательно решенным. Одновременно, опираясь на позитивные результаты поиска клинической базы Московского университета, некоторые исследователи обнаружили в конце 18 века первую клиническую школу — школу С. Г. Зыбелина.

⁴⁵ Смотров В. Н. Факультетская терапевтическая клиника//175 лет Первого Московского государственного медицинского института. — М., 1940. — С. 269.

⁴⁶ Зиновьев И. А. Организация госпитальных клиник в Московском университете//Клиническая медицина. — № 6. — 1961. — С. 150.

Уже говорилось: утверждения Л. Я. Скороходова, Д. М. Российского, И. Д. Страшуна, В. Н. Смотрова, И. А. Зиновьева и др. не имеют документальных подтверждений. Но дело не только в этом. Предложенные ими версии вызывают больше вопросов, чем дают ответов. В самом деле, какое отношение к Московскому университету на рубеже 18—19 веков имели Е. О. Мухин и М. Х. Пекен? На каком основании тот или иной профессор университета мог вести преподавание своим студентам в учреждении, подведомственном Медицинской коллегии? Далее, университетская больница представляла собой исключительно лечебное учреждение для студентов, о чем со всей определенностью сказано, например, во "Мнении" профессоров⁴⁷. Конечно, студенты могли изучать в ней отдельные болезни, но исключительно на себе самих, попав туда в качестве пациентов.

Что же касается формулировки в расписании лекций на 1800/1801 учебный год о преподавании "Медицины консулаторной", то она не столь очевидно, как это кажется на первый взгляд, свидетельствует о намерении С. Г. Зыбелина ввести демонстрации больных на лекциях. "Медицина консулаторная", она же "казуистика", являлась самостоятельной "врачебной" наукой, читалась на медицинских факультетах европейских университетов еще в первой половине 18 столетия и представляла собой сугубо теоретическое изложение профессором, но не распространенных болезней (как в курсе практической медицины), а наиболее сложных клинических случаев. В рамках этой дисциплины разбирались случаи сочетанной патологии, рассматривались особенности клинической картины и терапии при наличии у пациента нескольких заболеваний, обсуждались и разрабатывались новые ле-

⁴⁷ Мнение об учреждении и содержании Императорского университета и гимназий в Москве//Чтения в обществе истории и древностей российских. — 1875. — Кн. II. — С. 199.

чебные приемы⁴⁸. Для Московского университета это была новая дисциплина. И, взяв на себя ее преподавание, С. Г. Зыбелин в 1800/1801 учебном году передал чтение практической медицины М. И. Скиадану⁴⁹.

* *
*
*
*

Каких-либо данных о том, что собственно преподавал П. Д. Вениаминов в курсе практической медицины, обнаружить не удалось. Но, вероятнее всего, читавшийся им курс строился также на основании учения Г. Бургаве, как и курс практической медицины его преемника С. Г. Зыбелина, в расписаниях лекций которого неизменно указывалось, что он "преподавать будет правила медицины практической... следуя притом славному Боергавию..."⁵⁰. С. Г. Зыбелин и П. Д. Вениаминов прошли одну школу подготовки и более того — совместно принимали решение о выборе основной идеологии курса практической медицины: в начале 70-х годов медицинский факультет в Университетской конференции представляли только они.

Но работы Г. Бургаве, хотя и использовались в преподавании практической медицины на медицинском факультете Московского университета вплоть до начала 19 века, основными источниками для изложения курса никогда не являлись. Они определяли только основную идеологию, направленность преподавания. Скорее всего, это было связано с

⁴⁸ "Казуистика, или консултатория, которая указывает на более редкие болезни и трудные предметы исследования", — так определял Х. Г. Людвиг предмет этой дисциплины (*Ludwig Ch. G. Methodus doctrinae medicae universae praelectionibus academicis accommodata. — Lipsiae, 1766. — P.59*). Пер. с лат. проф. В. Ф. Новодрановой.

⁴⁹ Исторический вестник Московской медицинской академии им. И. М. Сеченова. — 1995. — Т. V. — С.128.

⁵⁰ Исторический вестник Московской медицинской академии им. И. М. Сеченова. — 1995. — Т.IV. — С.103.

тем, что и "Institutiones medicae...", и знаменитые "Афоризмы" Г. Бургава вышли в свет в начале столетия и к 70-м годам в целом ряде конкретных вопросов попросту устарели, в то время как идеи Г. Бургава, его видение наиболее ключевых проблем сохраняли актуальность.

Основным источником для преподавания практической медицины до 1781 года служил учебник Х. Г. Людвига "Institutiones medicinae clinicae". Х. Г. Людвиг взял из всего творческого наследия Г. Бургава главным образом систему его теоретических построений. И для анализа наблюдаемых симптомов болезни, и при постановке диагноза, и в определении прогноза заболеваний Х. Г. Людвиг рекомендовал руководствоваться прежде всего различными существовавшими положениями теоретических врачебных наук, и именно в этом духе составлен его учебник практической медицины. Предлагаемое им лечение также всегда теоретически обосновано с позиций учения Бургава и крайне осторожно⁵¹.

Но хотя учебник Х. Г. Людвига как по содержанию, так и по характеру изложения материала представлял собой специальное пособие для чтения теоретического университетского курса практической медицины, в качестве основного источника преподавания в Московском университете прослужил недолго. Уже в 1781/1782 учебном году С. Г. Зыбелин, постоянно интересовавшийся вопросами внутренней медицины, ввел чтение практической медицины по руководству датского врача С. Т. де Меза, что следует оценивать как определенный шаг вперед.

Во-первых, учебник де Меза, хотя и назывался "Сокращением медицины практической", по объему изложенных в нем данных и количеству разбираемых форм патологии в несколько раз превосходил соответствующий учебник Х. Г. Людвига. Во-вторых, он вышел в свет всего за год до начала его использования С. Г. Зыбелиным в преподавании

⁵¹ Богданов Н. М. Цит. соч. — С.18—22.

на медицинском факультете и, следовательно, содержал самые современные достижения внутренней медицины. И наконец, в-третьих, он был составлен практикующим врачом, и основное внимание в нем уделялось не обширным теоретическим рассуждениям и объяснениям, а обобщенным результатам клинических наблюдений и практическим рекомендациям⁵².

Из сказанного не следует делать вывод, что С. Г. Зыбелин не считал теоретическую базу в практической медицине важным компонентом. Но он полагал необходимым организовать преподавание таким образом, чтобы естественные и теоретические врачебные науки служили фундаментом для освоения практической медицины, а не повторялись заново в рамках этой дисциплины. Такой вывод можно сделать на основании осуществленных С. Г. Зыбелиным тогда же — в 80-х годах — организационных преобразований в преподавании своего курса. За счет сокращения объема преподавания химии он увеличил срок обучения практической медицине до полутора лет и при этом дополнительные полгода читал практическую медицину уже после завершения преподавания всех остальных курсов медицинского факультета. Это позволило ему не только свободно опираться на необходимые данные из любой другой дисциплины, уже прослушанной студентами, но и уделить больше внимания изложению практических вопросов и обеспечить дополнительную подготовку выпускников медицинского факультета к послеуниверситетской стажировке в госпитале.

Перечисленные нововведения, безусловно, носили позитивный характер, однако если сравнить их с преобразованиями, происходившими в тот же период в десятках университетов Германии, Австрии, Франции и других стран Европы, то приходится констатировать, что в конце

⁵² de Meza S. T. Compendium medicum practicum per fasciculos distributum. — Hafniae, 1780.

18 века Московский университет полностью выпал из общеевропейского процесса развития университетского медицинского образования. Преемникам С. Г. Зыбелина пришлось начинать внедрение преподавания у постели больного в Московском университете, что называется, с нуля.

КУРС ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ МЕДИЦИНЫ

Курс теоретической медицины... В работах отечественных исследователей, посвященных истории медицинского факультета Московского университета, ни о самой теоретической медицине, ни о преподавании такого курса, как правило, даже не упоминается. В ряде публикаций можно встретить лишь замечания о том, что после возвращения С. Г. Зыбелина из-за границы ему было поручено чтение теоретической медицины, и что в 1765/1766 учебном году он приступил к преподаванию такого курса¹. Кроме констатации этих фактов, каких-либо других сведений в отношении теоретической медицины обнаружить не удается.

Справедливости ради отметим, что термин "теоретическая медицина" встречается нечасто и в документах, отражающих деятельность медицинского факультета Москов-

¹ См., например: Российский Д. М. 200 лет медицинского факультета Московского государственного университета I Московского ордена Ленина медицинского института. — М., 1955. — С.31; Бородулин Ф. Р. 200 лет I Московского ордена Ленина медицинского института имени И. М. Сеченова//Очерки по истории I Московского ордена Ленина медицинского института имени И. М. Сеченова. — М., 1959. — С.8.

ского университета в 18 веке. В расписаниях лекций, например, значительно чаще указывались названия дисциплин, составлявших в тот период теоретическую медицину². Вероятно, это и явилось причиной того, что интерес и внимание исследователей были прикованы не к курсу в целом, а к преподаванию отдельных составлявших его дисциплин — физиологии, патологии, терапии, диететики. К тому же такой ракурс рассмотрения в гораздо большей степени соответствовал современному авторам характеру преподавания этих дисциплин — в рамках самостоятельных кафедр.

Однако такой подход к изучению и описанию преподавания теоретических медицинских дисциплин в рамках университетской подготовки медиков в 18 веке не только привел к значительным искажениям исторической правды, но и поставил перед исследователями ряд вопросов, на которые они не смогли дать ответа. Так, например, И. А. Пионтковский сетовал на то, что невозможно понять, почему в течение ряда лет на медицинском факультете не читалась патология³. Г. А. Колосов отнес к существенным недостаткам работы факультета в 18 веке положение, при котором ряд важнейших дисциплин читался одним профессором⁴. А в юбилейном сборнике "175 лет Первого Московского государственного медицинского института" содержится совершенно беспрецедентное по своей бездоказательности заявление, что датой открытия кафедры физиологии и патологии Московского университета следует считать 1776 год⁵.

² Исторический вестник Московской медицинской академии им. И. М. Сеченова. — Т.IV. — 1995. — С.97—129.

³ Пионтковский И. А. Кафедра патологической физиологии// 175 лет Первого Московского государственного медицинского института. — М., 1940. — С.142.

⁴ Колосов Г. А. Медицинский факультет Московского университета в XVIII веке//Советская клиника. — Т.XVII. — № 2—3. — 1932. — С.136.

⁵ Молчанова О. П., Кекчеев К. Х. Кафедра нормальной физиологии//175 лет Первого Московского государственного медицинского института. — М., 1940. — С.107.

Примеры можно было бы продолжить. К их анализу мы еще вернемся. Сейчас же отметим, что практически все подобные вопросы либо полностью снимаются, либо легко разрешаются с позиций преподавания единого профессорского курса теоретической медицины. И в данном случае речь идет не о какой-то абсолютно оригинальной позиции, каком-то искусственно избранном ракурсе рассмотрения проблемы. Таковы были реалии 18 века. Курс теоретической медицины, включавший преподавание либо отдельных вопросов из физиологии, патологии, диететики, терапии, либо сами эти дисциплины, особенно в первой половине 18 столетия, читался на медицинских факультетах большинства европейских университетов. Достаточно вспомнить, что Г. Бургаве с 1701 по 1715 год был профессором теоретической медицины Лейденского университета⁶. И если говорить о позиции авторов, то она заключается лишь в том, чтобы рассматривать преподавание тех или иных дисциплин с точки зрения представлений и реалий изучаемой эпохи.

Итак, что же представляла собой теоретическая медицина в 18 веке? Прежде всего отметим, что теоретическая медицина в отличие от всех остальных полидисциплинарных курсов, читавшихся на медицинских факультетах университетов в 18 веке, — анатомии и хирургии, химии и практической медицины — являлась одновременно и одним из разделов медицины, объединявшим все существовавшие тогда теоретические врачебные науки, и тем самым была научной базой врачебного искусства.

Мы не оговорились, именно научной, хотя в историко-медицинской литературе принята и получила широкое распространение иная оценка теоретической медицины 18 века в целом и отдельных составлявших ее дисциплин. Т. Мейер-Штейнег и К. Зудгоф, Л. Мороховец, Л. Менье и др., де-

⁶ Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. — Т. V(9). — СПб., 1891. — С. 12.

лая основной акцент на ее умозрительном характере, чаще всего косвенно, а иногда и прямо противопоставляют теоретическую медицину опытно-экспериментальному знанию, удельный вес которого в медицине на протяжении 18 века прогрессивно увеличивался. Само по себе такое противопоставление, конечно, возможно, но почему-то наукой при этом именуется познание здорового и больного человеческого организма только с помощью опытов и экспериментов. Так, например, руководствуясь этим подходом, Л. Мороховец выделял в истории физиологии, патологии, гигиены донаучные и научные этапы развития⁷. Т. Мейер-Штейнег и К. Зудгоф в своей "Истории медицины" указывают, что только экспериментальные исследования У. Гарвея и А. Галлера подняли физиологию "до высоты истинной науки"⁸. Л. Менье, анализируя открытия, совершенные в различных областях медицины на основе проведения опытов, экспериментов, вскрытий и т. п., приходит к заключению, что их внедрение в учебный процесс на медицинских факультетах европейских университетов сделало медицинское образование 18 века "более научным"⁹.

Но принятая в наши дни методология научного поиска не может и не должна служить критерием научности или антинаучности, в особенности, когда речь идет об иной культурной эпохе. Восемнадцатый век — последнее столетие сосуществования двух типов культур — современной и близкой нам культуры чувственной и идеациональной культуры средневековья. В каждой из этих культур существовало свое представление о том, что такое наука.

Средневековую науку характеризует представление об истине веры, веры в то, что все сущее создано Богом, и в

⁷ Мороховец Л. История и соотношение медицинских знаний. — М., 1903. — С. 58, 122, 247.

⁸ Мейер-Штейнег Т., Зудгоф К. История медицины. — М., 1925. — С. 320, 362.

⁹ Менье Л. История медицины. — М. — Л., 1926. — С. 180.

изначальную целесообразность этого созданного. Окружающая действительность воспринималась и рассматривалась человеком средневековья не как объективная реальность, а как символ Божества. Целью средневековой науки как одного из средств постижения всего сущего были, таким образом, выявление и констатация символов Бога, попытка постичь премудрость Создателя. Вместо характерного для современной науки чувственного объективизма в основе аргументации средневекового ученого лежал принцип субъективной достоверности¹⁰. Именно здесь находятся истоки отвлеченного умозрительного теоретизирования врачей позднего средневековья и нового времени, в том числе и 18 века, строивших свои рассуждения на основе изначальной, ничем не подтвержденной, с современной точки зрения, идеи. Правда, во многом эти идеи и отдельные положения были заимствованы из классических произведений Гиппократ и Галена. Но для средневековой науки, осколки которой сохранял в себе 18 век, это не было слепым следованием догматам канонических текстов. Не только комментирование и умозрительное истолкование, но даже штудирование и заучивание наизусть текстов Гиппократ и Галена составляли в средние века один из элементов научного поиска, как бы дико это ни звучало для современного читателя. Канонические источники также рассматривались как символ и откровение Создателя, а потому их изучение представляло собой научное исследование¹¹.

Доскональное изучение классических работ древних авторов, канонизированных церковью, сохранялось на медицинских факультетах европейских университетов и на протяжении почти всего 18 века. Об этом, в частности, свидетельствует перечень литературных источников, рекомендованный в 1766 году Х. Г. Людвигом для использования в

¹⁰ Гайденко П. П. Эволюция понятия науки. — М., 1980. — С.406,411—412.

¹¹ Там же. — С.429—430.

качестве основы преподавания теоретических медицинских дисциплин. В нем наряду с новейшими учебниками и руководствами А. Галлера и И. Гауба значатся произведения Гиппократа и Галена¹².

Чувственная культура привнесла в науку опыт, эксперимент, статистически достоверное наблюдение, секционный метод исследования и т. п. Но тогда данные, полученные с помощью наших органов чувств, не оказывали столь значительного влияния на умы ученых. Они, безусловно, играли весьма существенную роль, но использовались главным образом как звенья в цепи логических построений, исходивших из априорной идеи. Суть научного поиска в 18 столетии сводилась не только к установлению и объяснению новых фактов и явлений, но и к попыткам уложить вновь обнаруживаемые данные в уже существовавшие умозрительные теоретические построения.

В качестве примера приведем полемику между А. Галлером и И. Гаубом по одному из основополагающих вопросов тогдашней теоретической медицины — "о причинах союза частей человеческого тела", которая как нельзя лучше показывает роль и значение эксперимента в науке 18 века. На основе опытов по сжиганию костей А. Галлер пришел к выводу, что причиной "союза" являются жидкость и особый клей, "состоящий по большей части из воды и из масла"¹³. И. Гауб придерживался иной точки зрения, полагая, что "твердость" телу придают земляные частицы, и в качестве подтверждения своей позиции привел опыты по окуриванию дымом мяса, которое от удаления воды "крепчайшим делается". В отношении же исследований А. Галлера он писал, что наблюдавшееся им "рассыпание в мелкую пыль"

¹² Ludwig Ch. G. Methodus doctrinae medicae universae praelectionibus academicis accommodata. — Lipsiae, 1766. — P.66.

¹³ Зыбелин С. Г. Слово о причине внутреннего союза частей между собою и о происходящей из того крепости в теле человеческом//С. Г. Зыбелин. Избранные произведения. — М., 1954. — С.86—87.

СЛОВО

О причинѣ внутренняго союза чаштей между собою, и о происходящей изъ того крѣпости пѣтвѣль челошѣческомъ,

говоренное

по случаю полученнаго Профессорскаго
достоинства

въ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ МОСКОВСКОМЪ
УНИВЕРСИТЕТѢ

Медицины Докшоромъ и публичнымъ
ординарнымъ Профессоромъ

СЕМЕНОМЪ ЗЫБЕЛИНЫМЪ.

Августа 23 дня, 1768 года, которое прежде
сего никогда не было напечатано.

Титульный листъ актовъ речи С. Г. Зыбелина.

костей после сжигания связано с тем, что при воздействии пламени из кости удаляются не только вода и "клей", но также соли и земляные частицы¹⁴.

Из приведенного примера хорошо видно, что умозрительная теоретическая медицина 18 века широко использовала эксперимент для окончательного формирования тех или иных суждений. Более того, во второй половине 18 века даже стали появляться учения, в основе которых лежали теоретические представления, тесно связанные с результатами опытно-экспериментальных исследований. Так, например, учение Куллена строилось на обнаруженных А. Галлером феноменах чувствительности и раздражимости¹⁵.

Теоретическая медицина 18 века вопреки мнению ряда современных авторов не только не препятствовала развитию опытно-экспериментального знания, но и обеспечивала принципиальную возможность его развития через постановку научных проблем и подготовку специалистов, обладавших достаточными знаниями в области изучаемых явлений и владевших методологией тогдашней науки, в том числе и методами опытно-экспериментальных исследований.

Именно знания в области теоретической медицины делали врача-исследователя врачом, работа которого всегда исследовательский процесс. Именно поэтому получить высокое звание "medicum primum" — врача, можно было только после окончания медицинского факультета университета, где теоретическая медицина неизменно составляла значительную часть подготовки и читалась в возможно полном объеме. Именно поэтому на протяжении большей части 18 столетия все еще сохранялось различие между врачами и хирургами¹⁶, подготовка которых

¹⁴ Там же. — С.88—89.

¹⁵ Мейер-Штейнег Т., Зудгоф К. История медицины. — М., 1925. — С.366.

¹⁶ Там же. — С.399.

в специальных учебных заведениях только со второй половины 18 века стала предусматривать изучение теоретической медицины или составлявших ее дисциплин. Именно в объеме преподавания теоретической медицины в том значении, которое придавалось этому курсу, заключалось одно из основных отличий медицинского факультета Московского университета от отечественных госпитальных школ, выпускники которых если не отправлялись в европейские университеты, то в лучшем случае становились дивизионными врачами.

Вплоть до середины 18 века теоретическая медицина не только читалась на медицинских факультетах европейских университетов как единый профессорский курс, но и по существу являлась единой научной дисциплиной, имевшей несколько различных предметов изучения. В первую очередь об этом свидетельствует использование в качестве учебников для ее преподавания трудов Гиппократ, Галена и Бургава, объединявших в себе все вопросы, отнесенные позднее к физиологии, патологии, диететике, терапии.

Разделение теоретической медицины на отдельные предметы преподавания и формирование самостоятельных теоретических медицинских дисциплин, или, точнее, теоретических врачебных наук, начинается под влиянием работ А. Галлера¹⁷ и И. Гауба¹⁸ — авторов фактически первых специальных фундаментальных руководств соответственно по физиологии и патологии. Следующим шагом на пути к окончательной дифференциации теоретической медицины стало создание Х. Г. Людвигом первой системы учебных руководств по теоретической медицине, состоявшей из от-

¹⁷ Haller A. *Primaе lineae Physiologiae usum Praelectiones Academicum auctrae et emendate.* — Göttingen, 1747; *Elementa Physiologiae Corporis Humani.* — Vol.1—5. — Lausanne, 1757—1762; Vol.6—8. — Bern, 1764—1766.

¹⁸ Gaubius H. D. *Institutiones pathologiae midicinales.* — Leyden, 1758.

дельных учебников по физиологии¹⁹, патологии²⁰ и терапии²¹.

Еще одним, хотя и косвенным, свидетельством того, что теоретические врачебные науки второй половины 18 века в недавнем прошлом были составными частями единого целого, служат содержащиеся в ряде учебных и научных публикаций, датированных 1750—1760 годами, различные структурные классификации этих дисциплин под общей рубрикой "медицина теоретическая". А бросающиеся в глаза различия этих классификаций в свою очередь подтверждают незавершенность к этому времени процессов дифференциации теоретической медицины и формирования предметов изучения практически каждой из теоретических врачебных наук. Так, по Х. Г. Людвигу, теоретическими врачебными науками, составлявшими теоретическую медицину, являлись: физиология, включавшая собственно физиологию, физиологическую семиотику и диететику; патология и терапия²². И. Гауб рассматривал этот вопрос иначе. Все теоретические врачебные дисциплины он разделял на две в достаточной степени условные группы, названные им "гигиеной" и "ятрией". К гигиене, "то есть науке о соблюдении здравия", И. Гауб относил физиологию, физиологическую семиотику и диететику, но в отличие от Х. Г. Людвига считал их уже самостоятельными науками. "Ятрию", по Гаубу, составляли патология, патологическая семиотика и терапия²³.

¹⁹ Ludwig Ch. G. *Institutiones physiologie cum praemissa introductione in universam medicinam praelectionibus academicis accomodate.* — Lipsiae, 1752.

²⁰ Ludwig Ch. G. *Institutiones pathologiae praelectionibus academicis accomodate.* — Lipsiae, 1767.

²¹ Ludwig Ch. G. *Institutiones therapie generalis praelectionibus Academicis accomodate.* — Lipsiae, 1765.

²² Ludwig Ch. G. *Methodus doctrinae medicae universae praelectionibus academicis accomodata.* — Lipsiae, 1766. — P. 33.

²³ Гаубий И. Д. Начальные основания врачебных пафологии, то есть науки о свойстве, причинах, припадках и различиях болезней, в человеческом теле случающихся/Пер. П. Гофмана. — СПб., 1792. — С. 5—6.

Как следует из приведенных мнений, к началу 60-х годов 18 века самостоятельными медицинскими дисциплинами были признаны, пожалуй, только физиология, патология и терапия. О физиологии 18 века речь пойдет ниже. Предмет изучения патологии как научной дисциплины уже в середине 18 века в целом соответствовал современным представлениям: "Все то, что о свойстве, различиях, причинах и действиях болезни знать надобно, — читаем мы у И. Гауба. — Сия наука патологиею (то есть наукою о болезнях) называется"²⁴. Что же касается терапии, а также других частей теоретической медицины, еще не получивших общепризнанного статуса самостоятельных врачебных наук, — диететики и гигиены, то круг изучаемых ими вопросов существенно отличался от того, что сегодня рассматривается в рамках этих научных дисциплин. Так, терапией, или "генеральной терапией", называлась наука, "заключавшая" в себе "способы врачевания в болезнях и образ правильного их употребления"²⁵. Она состояла из двух разделов: "Пропедевтики, в коей излагаются отношения врача к Науке, Больному, другим Врачам и Публике, и теория лечения" и "Методологии, излагающей способы лечения"²⁶.

Диететика представляла собой научную дисциплину, изучающую и разрабатывающую "способы и правила к должнейшему, благополучному сохранению жизни и здравия"²⁷. Диететика 18 века, таким образом, во-первых, была ориентирована прежде всего на здорового человека (лечебные диеты и диететические предписания как один из способов лечения рассматривались и преподавались на медицинских факультетах в рамках терапии), а во-вторых, включала в себя широкий круг вопросов: рекомендации по здоровому образу жизни (режим питания, сна, физической и психиче-

²⁴ Там же. — С.5.

²⁵ Там же.

²⁶ Лебедев К. Руководство к общей терапии. — М., 1841. — С.23.

²⁷ Гаубий И. Д. Цит. соч. — С.5.

ской деятельности), "качество воздуха, воды, влияния климатических условий", уход за больным и др.²⁸.

Порядок преподавания теоретических врачебных наук на медицинских факультетах европейских университетов также свидетельствует о том, что в ходе их изучения у студентов должно было сформироваться целостное представление о теоретической медицине. Такого положения, как с курсом анатомии и хирургии, когда на протяжении одного цикла обучения каждый год анатомия преподавалась зимой, а хирургия летом, т. е. обе дисциплины читались параллельно в рамках единого профессорского курса, быть не могло. Составлявшие курс теоретической медицины дисциплины были не только тесно взаимосвязаны, но и достаточно жестко соподчинены и преподавались в более или менее строгой последовательности. И. Гауб особо подчеркивал, что хотя "гигиена" и "ятрия" "равномерно нужны и неразрывно между собою сопряжены, но по порядку науку о соблюдении здравия (Hygiene) наперед толковать должно"²⁹.

Именно в этой последовательности на протяжении всего 18 века читалась теоретическая медицина и на медицинском факультете Московского университета. "Семен Зыбелин, — говорилось в расписании лекций за 1765/1766 учебный год, — читать будет Медицину теоретическую., начиная от физиологии, показывающей состояние тела человеческого здоровое, и присовокупляя к ней Семиологию физиологическую и Диэтетику, которая окончив начнет Патологию и Семиологию, а напоследок и Терапию генеральную"³⁰. То же мы видим и в расписании лекций за 1766/1767 учебный год³¹. В дальнейшем в каком-либо одном расписании лекций все теоретические врачебные науки вместе

²⁸ Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. — Т. XVIII (35). — СПб., 1896. — С.201.

²⁹ Гаубий И. Д. Цит. соч. — С.5.

³⁰ Исторический вестник Московской медицинской академии им. И. М. Сеченова. — Т.IV. — 1995. — С.101.

³¹ Там же. — С.102.

уже не назывались, а их преподавание объявлялось последовательно на каждый следующий учебный год в расчете на трехлетний цикл обучения на факультете: первый год — физиология и физиологическая семиотика, второй — физиология, диететика и патология (патологическая семиотика), третий — патология и терапия³². В связи с этим становится понятным, почему, скажем, И. А. Пионтковский не обнаружил в целом ряде расписаний лекций медицинского факультета Московского университета в 18 веке указаний на преподавание патологии.

Однако вернемся к состоянию теоретической медицины в Европе в 18 веке и рассмотрим вопрос о том, что же поддерживало взаимосвязи теоретических врачебных наук, особенно во второй половине столетия, в условиях приобретения ими все большей самостоятельности. Основным объединяющим фактором являлся общий для всех теоретических врачебных наук метод исследования. Наличие основополагающей априорной умозрительной идеи коренным образом отличало эти науки от естественных наук — анатомии, химии, ботаники, зоологии, минералогии. Но такой фактор объединения в 18 веке уже не мог долгое время являться надежной основой. Опыт и эксперимент неуклонно продолжали завоевывать себе позиции ведущей формы научного познания, и уже во второй половине 18 века это коснулось и теоретической медицины. Правда, в этот период кардинальные изменения, связанные со сменой основного метода научных исследований, произошли лишь в физиологии.

В 18 веке физиология имела не только отличный от современного метод, но и предмет изучения, которым являлся организм человека как единое и неделимое целое. Ни в одном из известных определений физиологии как теоретической врачебной науки нет ни слова об изучении в рамках этой дисциплины функций отдельных органов.

³² Там же. — С.103—129.

Так, например, по Гаубу, "Физиологией или естествословием" называется часть теоретической медицины, которая рассматривает "расположение человеческой махины, свойство, причины, и действия жизни и здравия"³³. Особо отметим, что под "расположением человеческой махины" в этом контексте понималось отнюдь не анатомическое строение тела. Ответ на вопрос о содержании этого термина дает другое определение физиологии, данное профессором Московского университета М. И. Скиаданом, читавшим курс теоретической медицины, в расписании его лекций на 1786/1787 учебный год: "преподавать будет по руководству Бургава Медицинскую физиологию, которая, изъясняя состав твердых и свойства жидких частей человеческого тела, с зависящими от них в здравии действиями, предлагает о причинах жизни и здравия"³⁴. Под причинами и свойствами "жизни и здравия" в свою очередь подразумевалось рассмотрение таких вопросов, как, например, уже указанный выше вопрос о "причине союза частей (читай: соков, жидкостей, различных частиц. — *Авт.*) тела между собой". И упоминаемый неоднократно в расписаниях лекций медицинского факультета Московского университета раздел физиологии — "Специальная физиология"³⁵ — не должен вводить в заблуждение. Соответствующий раздел учебника по физиологии Х. Г. Людвига — "*Physiologiam specialem sistit et complectur*" — свидетельствует, что под "специальной физиологией" понималось изучение не функций органов и систем, а теоретическое осмысление и толкование с тех или иных умозрительных позиций отдельных процессов жизнедеятельности организма в целом, таких как дыхание, питание, рост и развитие, произвольная и произвольная двигательная

³³ Гаубий И. Д. Цит. соч. — С.5.

³⁴ Исторический вестник Московской медицинской академии им. И. М. Сеченова. — Т.IV. — 1995. — С.110—111.

³⁵ Там же. — С.102,103.

активность и т. п.³⁶. В ходе изложения и рассмотрения этих процессов данные о функционировании различных органов безусловно привлекались, но использовались лишь в качестве звеньев при формировании цепи логических построений.

Изучение законов и механизмов функционирования отдельных органов и систем человеческого тела являлось на протяжении большей части 18 века предметом анатомии. "Анатомия, — говорил И. Ф. Эразмус в 1765 году, — показывает всех частей человеческого тела вид, положение, соединение, строение и употребление"³⁷. Опытное-экспериментальное изучение функции органов на основе точного знания морфологического субстрата, получившее еще в 17 веке мощный импульс к развитию после выхода в свет классических работ У. Гарвея, составляло значительную часть тогдашней анатомии, которую можно условно назвать функциональной анатомией.

Попытки объединить предметы и методы изучения физиологии и "функциональной анатомии" предпринимались еще в 17 веке, однако, несмотря на то, что ятромеханические и ятрофизические представления и концепции были широко распространены в медицине в конце 17 — начале 18 века, они не получили всеобщего признания. Реальное сближение этих двух направлений физиологических исследований начинается во второй половине 18 века под влиянием работ А. Галлера.

Историческая заслуга А. Галлера состоит в первую очередь в том, что ему впервые удалось на основе экспериментально установленных данных объяснить один из важнейших вопросов теоретической физиологии — о причинах и

³⁶ Ludwig Ch. G. Institutiones physiologie cum praemissa introductione in universam medicinam praelectionibus academicis accommodatae. — Lipsiae, 1752.

³⁷ Эразмус И. Ф. Слово о противностях Анатомического учения, увеселением и великою онаго пользою несравненно превышаемых. — М., 1765. — С. 16.

механизмах "органического процесса движений"³⁸. Тем самым он не только внес значительный вклад в развитие "функциональной анатомии" и физиологии, но и показал эффективные механизмы их сближения. В его трудах³⁹, ставших основными источниками для преподавания физиологии на медицинских факультетах европейских университетов во второй половине 18 столетия, нашли отражение и, что особенно важно, органичное сочетание как все богатство теоретической мысли первой половины 18 века, так и перспективность примененного им самим на практике строгого естественнонаучного подхода; физиология органов и систем и физиология процессов жизнедеятельности целостного организма.

Показанная А. Галлером принципиальная возможность с помощью опытно-экспериментальных исследований разрешать не только проблемы, связанные с функционированием отдельных органов, но и более общие вопросы физиологии привела к тому, что уже в последней четверти 18 века связи физиологии с "функциональной анатомией" стали носить гораздо более выраженный характер, нежели с теоретическими врачебными науками. На медицинских факультетах европейских университетов преподавание физиологии выделяется из курса теоретической медицины, и она начинает читаться вместе с анатомией, составляя единый предмет преподавания. "Анатомия с физиологиею, — писал в начале 80-х годов Н. М. Максимович-Амбодик, — суть сопряжены весьма тесным союзом, и одна без другой либо весьма малую, либо вовсе никакой пользы не приносят"⁴⁰.

³⁸ Мейер-Штейнег Т., Зудгоф К. История медицины. — М., 1925. — С. 3.

³⁹ Haller A. *Primae lineae physiologiae Academicum aucrae et emenlate.* — Göttingen, 1747; *Elementa Physiologiae Corporis Humani.* — Vol. 1—5. — Lausanne, 1757—1762; Vol. 6—8. — Bern, 1764—1766.

⁴⁰ Максимович-Амбодик Н. М. *Анатомо-физиологический словарь.* — Спб., 1783. — С. IV—V.

С формированием целостного анатомо-физиологического предмета, с установлением неразрывной связи функции и структуры начинается постепенное вытеснение из физиологии умозрительного теоретизирования как одной из форм научного познания. Именно с этого времени отвлеченные рассуждения начинают противопоставляться точному знанию на основе достоверных многократно проверенных фактов. "Физиология есть наука великой важности и обширного пространства, — отмечал М. Пекен в своем учебнике по физиологии, — она утверждается самыми достоверными наблюдениями, учиненными над здоровыми и немощными человеками, повторительными опытами, нарочно деланными над животными, и благоразумным употреблением и присвоением физических правил с действиями, происходящими в теле человеческом. Многие же части сей науки еще не озарены довольным светом и основаны единственно на умственных положениях"⁴¹.

Описанные процессы в отношении изменения места физиологии в структуре медицинских знаний, ее содержания как науки и предмета преподавания наблюдаются и на фактах истории медицинского факультета Московского университета. Но, начавшись по сравнению с Европой на четыре десятилетия позднее, они на протяжении 18 века не успели прийти к своему логическому завершению — формированию единого анатомо-физиологического предмета. Кафедра анатомии и физиологии была организована в Московском университете только в 19 веке, и ее создание не столько отражало естественный ход совершенствования преподавания этих дисциплин в университете, сколько явилось переносом европейского опыта, отраженного в соответствующих параграфах университетского устава 1804 года.

Первые шаги, направленные на изменение традиционно для середины 18 века преподавания физиологии в курсе

⁴¹ Пекэн М. Физиология или наука о естестве человеческом. — СПб., 1788. — С. XIX.

теоретической медицины, начатого на медицинском факультете Московского университета с первых лет его работы, были предприняты только в конце 80-х — начале 90-х годов. В 1789/1790 учебном году М. И. Скиадан ввел чтение физиологии по Галлеру⁴², а в 1792/1793 учебном году Ф. Ф. Керестури значительно расширил объем преподавания "функциональной анатомии" в рамках своего курса анатомии и судебной медицины. "А дабы точнее определить действия многих частей одушевленного тела, — читаем в расписаниях лекций с 1792 по 1803 год, — то покажет строение оных частей и в животных разного рода, почему для делания анатомико-физиологических опытов будет иногда рассекать живых животных"⁴³. Еще раз подчеркнем, что речь здесь идет о "функциональной анатомии", а не о преподавании целостного анатомо-физиологического предмета. Во-первых, потому, что параллельно с курсом Ф. Ф. Керестури физиология продолжала читаться в рамках теоретической медицины⁴⁴, а во-вторых, из приведенной цитаты ясно видно, что Ф. Ф. Керестури излагал вопросы функционирования только отдельных органов.

Что же касается направленности и содержания преподавания других врачебных наук, составлявших курс теоретической медицины, то оно в целом соответствовало европейским образцам. О методике преподавания курса теоретической медицины на медицинском факультете Московского университета уже говорилось выше. Профессорами, читавшими этот курс в Московском университете на протяжении 18 века, являлись С. Г. Зыбелин (1765—1768), И. А. Сибирский (1769—1778 или 1779), И. И. Вечь (1776—1779), М. И. Скиадан (1779—1802) и Ф. И. Барсук-Моисеев (1796—1803). Возможно, в число названных профессоров

⁴² Исторический вестник Московской медицинской академии им. И. М. Сеченова. — Т. IV. — 1995. — С. 114.

⁴³ Там же. — С. 124.

⁴⁴ Там же. — С. 118—129.

должен быть включен и И. Х. Керштенс, хотя в отечественной историко-медицинской литературе его имя в связи с преподаванием теоретических медицинских дисциплин не упоминается. Основанием для такого предположения служит расписание его лекций на 1764/1765 учебный год, в котором указывалось, что «Иоганн Христиан Керштенс... изложит... соблюдения правил здоровья, как это предписывает Цельс в первой книге (труда) "О медицине"»⁴⁵. "Соблюдения правил здоровья..." по Гаубу составляли предмет изучения диететики или гигиены. Материалы, изложенные в книге I труда Цельса "О медицине"⁴⁶, также посвящены вопросам, относившимся в 18 веке к диететике или гигиене, т. е. к теоретическим медицинским дисциплинам. Мы не располагаем какими-либо другими документами, позволившими бы со всей определенностью утверждать, что начало преподавания теоретической медицины на медицинском факультете Московского университета было положено И. Х. Керштенсом. Но тот факт, что И. Х. Керштенс собирался ввести преподавание такого курса или отдельных составлявших его дисциплин, не вызывает сомнений, особенно если принять во внимание его позицию в отношении необходимости чтения теоретической медицины в рамках университетской подготовки медика.

Начиная с С. Г. Зыбелина, вне зависимости от профессора, читавшего блок теоретических врачебных наук, преподавание курса теоретической медицины велось по руководствам только двух авторов — Г. Бургаве и Х. Г. Людвига, причем второй являлся прямым последователем первого. Связывать это с трудностями смены основного источника преподавания, когда такая замена относилась к исключительной компетенции Университетской конференции, вряд ли справедливо. Данные о преподавании хирургии, анатомии, практической медицины, химии на медицинском

⁴⁵ Там же. — С.100.

⁴⁶ Цельс А. К. О медицине. — Кн. I. — М., 1959.

факультете Московского университета свидетельствуют о том, что, хотя никто, даже из ординарных профессоров, не имел права самостоятельно избирать себе основной источник преподавания, Университетская конференция достаточно часто утверждала новые, более соответствовавшие требованиям времени и состоянию развития той или иной дисциплины учебные пособия. Надо полагать, что если бы вопрос о замене руководств Х. Г. Людвига и Г. Бургаве был поставлен кем-либо из профессоров, читавших теоретическую медицину, то он, несомненно, решился бы положительно. Ведь добился же М. И. Скиадан разрешения на преподавание физиологии по Галлеру, а позже Ф. И. Барсук-Моисеев — той же физиологии по Блюменбаху. Скорее всего, такой вопрос на медицинском факультете Московского университета в 18 веке попросту не возникал.

Маловероятна и версия о том, что все профессора теоретической медицины Московского университета полностью разделяли позиции Г. Бургаве. Во всяком случае достоверно известно, что, например, И. И. Вечь был представителем другой школы. Окончив в 1770 году Венский университет, он в течение нескольких лет учился у знаменитого парижского врача и исследователя Т. Борде и получил весьма солидную подготовку в области теоретической медицины, позволившую ему позднее приобрести "славу ученого физиолога" в Германии⁴⁷. Т. Борде в свою очередь был известен в Европе главным образом как один из наиболее непримиримых критиков Г. Бургаве⁴⁸.

Причины столь длительного использования одних и тех же учебников и руководств, на наш взгляд, следует искать не в каких-то внешних по отношению к теоретической медицине обстоятельствах, а в особенностях самого курса.

⁴⁷ Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета. — М., 1855. — Т. I. — С. 165.

⁴⁸ Мейер-Штейнег Т., Зудгоф К. Цит. соч. — М., 1925. — С. 371—372.

Эти особенности заключались прежде всего в том, что, помимо единого для всех теоретических врачебных наук метода научных исследований, все они исходили из какой-то одной основополагающей умозрительной идеи, на которой потом строилось здание всей теоретической медицины. Таких идей, или, точнее, концепций, на протяжении 18 века было высказано несколько, что и привело к существованию в тот период целого ряда различных, порой диаметрально противоположных учений, или так называемых медицинских систем. Эти системы были названы впоследствии по именам их создателей — Г. Бургаве, Ф. Гоффмана, Г. Шталя, У. Куллена и др.

Но поскольку эти учения распространяли свое влияние не только на теоретическую, но и на практическую медицину и носили наддисциплинарный характер, мы, рассматривая только теоретическую медицину, умышленно ушли от анализа медицинских систем 18 века в ходе обсуждения вопросов состояния теоретической медицины в Европе. Здесь же мы упомянули о медицинских системах для того, чтобы показать невозможность, в условиях существования нескольких различных теорий медицины, нескольких непримиримых научных лагерей, преподавания, например, патологии по Бургаве (или его последователям — Гаубу, Людвигу и др.), а терапии по Гоффману или Куллenu. Это положение не распространялось только на физиологию в последние десятилетия 18 века, поскольку, как уже говорилось, она выделилась из теоретической медицины, и противостояние априорных умозрительных концепций перестало иметь в этой области научных исследований существенное значение. Что же касается патологии, терапии и практической медицины, то необходимость выбора для всех этих дисциплин единой теоретико-практической системы сохранялась.

Таким образом, возвращаясь к вопросу о причинах постоянства основных источников для преподавания теоретических врачебных наук на медицинском факультете Мос-

ковского университета в 18 веке, можно утверждать, что смена учебника по какой-либо одной из дисциплин (за исключением физиологии) была невозможна, а замена источника преподавания всех теоретических врачебных наук была равносильна смене основной идеологии и направленности всего учебного процесса. В случае отказа от учения Г. Бургаве потребовалось бы пересмотреть источники преподавания дисциплин и других профессорских курсов, прежде всего химии и практической медицины. Теоретически это, конечно, было возможно, но практическое осуществление такой реорганизации учебного процесса было абсолютно нецелесообразным. Трудностей и проблем в 18 веке хватало на медицинском факультете Московского университета и без того, чтобы переводить бесконечные научные теоретические споры различных европейских медицинских учений в плоскость не самых простых организационных решений.

При этом, хотя учение, по которому велось преподавание теоретической медицины в Московском университете, было создано Г. Бургаве в начале 18 века, оно и во второй половине столетия не утратило своей значимости. Несмотря на то что медицинские системы 18 века были в значительной степени противопоставлены друг другу, ни одна из них не смогла вытеснить другие и завоевать всеобщее признание. Идеология учения Г. Бургаве использовалась для преподавания теоретических врачебных наук во второй половине 18 века и в целом ряде европейских университетов.

Что же касается новых открытий и экспериментальных данных, накапливавшихся в европейской медицине на протяжении 18 века, то их внедрение в учебный процесс зависело только от осведомленности профессора, читавшего курс. Величие Г. Бургаве и его учения заключалось не только в том, что ему удалось систематизировать практически все существовавшие к началу 18 века представления и фактический материал и на их основе создать целостную теорию, но и в том, что с ее помощью на протяжении почти столетия удавалось объяснять и истолковывать многие

вновь обнаруживаемые данные. И надо полагать, что профессора теоретической медицины Московского университета стремились это делать. Во-первых, об этом свидетельствуют указания в расписаниях лекций на то, что, помимо основного источника, будут использоваться "притом и другие в сих частях Медицины славные авторы"⁴⁹. А поскольку они даже не названы, то, по-видимому, служили лишь дополнением и именно в вопросах нового фактического материала.

Другим подтверждением, на наш взгляд, может служить практически полный отказ в конце 80-х — начале 90-х годов от учебников Х. Г. Людвига в пользу "Institutiones medicae in usus annuae exercitationis domesticos digestae" Г. Бургаве. Система учебников Х. Г. Людвига хотя и в значительной мере представляла собой переложение учения Г. Бургаве на составные части в соответствии с предметами изучения формировавшихся самостоятельных теоретических врачебных наук и ряда практических медицинских дисциплин, но носила ярко выраженный дидактический характер. Все его учебники (и это видно из их названий) были предназначены для использования в учебном процессе на медицинских факультетах. Именно поэтому они с первых лет стали использоваться в Московском университете, где уровень подготовки и профессуры, и студенчества в первые десятилетия работы факультета был еще недостаточно высок. Но в 80-х годах упрощенный, дидактический характер изложения, по-видимому, уже начал мешать профессору при чтении теоретической медицины, в задачи которого входило объяснение новых данных с позиций учения Г. Бургаве. В 1786/1787 учебном году М. И. Скиадан, прошедший хорошую подготовку в Лейденском и Венском университетах, вводит преподавание теоретических врачебных наук в рамках курса теоретиче-

⁴⁹ Исторический вестник Московской медицинской академии им. И. М. Сеченова. — Т.IV. — 1995. — С.126.

ской медицины по руководству Г. Бургаве, а учебники Х. Г. Людвига продолжали использоваться лишь Ф. И. Барсук-Моисеевым, читавшим в должности экстраординарного профессора физиологическую семиотику и диететику⁵⁰, т. е. дисциплины, носившие в большей степени описательный, нежели объяснительный, характер.

⁵⁰ Там же. — С.110—129.

ИТОГИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕДИЦИНСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В 18 ВЕКЕ

30 июня 1805 года Московский университет с размахом праздновал свое 50-летие. Было все: и официальное приглашение в прессе всем любителям наук принять участие в юбилейных торжествах, и божественная литургия с благодарственным молебном покровителю наук императору Александру Павловичу, и торжественный акт с хором, приветствием ректора и речами профессоров от всех факультетов, и награждение отличившихся студентов, и производство в ученые достоинства, и, конечно же, венчавшая действо пышная иллюминация.

Праздник получился, и надо отметить, что он был безусловно необходим. Московский университет переживал не лучшие свои времена. Еще была в полном разгаре начатая двумя годами ранее небывалая по своим масштабам за 50 лет истории университета реформа всех сторон университетской жизни. Реализация положений высочайше утвержденных "Предварительных Правил народного просвещения" (1803) и "Устава Императорского университета"

(1804) потребовала от профессоров и руководителей университета полного напряжения сил. Реформировать было что.

К началу 19 века Московский университет еще не стал тем центром образования в России, каким его хотели видеть создатели, а медицинский факультет — столь нужным для страны источником высокообразованных медицинских кадров. Количество выпускников факультета за всю вторую половину 18 века значительно уступало числу лекарей, подготовленных только одной Елизаветградской госпитальной школой и всего за 10 лет ее работы¹.

Реформировать было что. Известно, какой жесткой критике подверг положение дел с преподаванием ряда дисциплин на медицинском факультете Московского университета в конце 18 века его недавний выпускник — М. Я. Мудров в письме попечителю университета М. Н. Муравьеву². М. Н. Муравьев, назначенный на эту должность в 1803 году, судя по его дневниковым записям, также был далек от восхищения увиденным им в университете — чрезвычайно малое число слушателей, плохое оснащение лабораторий, научных кабинетов, анатомического театра, "скудное" состояние библиотеки и т. п.³. Реформировать было что.

В то же время нельзя сказать, что никаких попыток исправить такое положение на протяжении 18 века не предпринималось. Известно по меньшей мере пять документов, посланных в период с 60-х по 80-е годы 18 столетия на рассмотрение императрицы, с перечнем конкретных предложений, направленных на совершенствование механизмов управления и финансирования уни-

¹ Палкин Б. Н. Русские госпитальные школы XVIII века и их воспитанники. — М., 1959. — С. 2.

² Письма М. Я. Мудрова к М. Н. Муравьеву // Чтения в Обществе истории и древностей российских. — 1861. — Кн. III. — С. 26—29.

³ Шевырев С. П. История Императорского Московского университета... — М., 1855. — С. 327—331.

верситета, организации и содержания учебного процесса⁴.

В отношении медицинского факультета некоторые из них — проект известного французского мыслителя Д. Дидро (1775), итоговый документ работы Комиссии о народных училищах — проект Устава российских университетов (1787) — содержали идеи, достаточно близкие положениям Устава 1804 года. Д. Дидро, например, считал необходимым значительно расширить объем и кардинально изменить методику преподавания практических медицинских дисциплин, имея в виду создание условий для выпуска из университетов специалистов, достаточно подготовленных для оказания медицинской помощи. С этой целью он предлагал организовать семь кафедр, на трех из которых должно было вестись преподавание практических медицинских дисциплин, создать при университете огромную по тем временам клиническую базу, ввести семилетний курс обучения на факультете, практические занятия по оперативной хирургии на трупах и изучение внутренней медицины у постели больного⁵.

Проект Устава российских университетов 1787 года также четко определял, что основной задачей медицинских факультетов должна стать подготовка завершенных специалистов — врачей-интернистов ("врачей"), хирургов ("лекарей"), акушеров и фармацевтов, причем для каждой медицинской специальности предусматривались особые программа и срок обучения. Преподавание должны были вести девять профессоров. Срок подготовки врача определялся в 5 лет, из которых два последние года посвящались главным образом "клиническим или практическим упражнением над

⁴ Сточик А. М., Пальцев М. А., Затравкин С. Н. Из истории медицинского факультета // Вестник Российской Академии медицинских наук. — 1995. — № 8. — С. 64—68.

⁵ Толстой Д. А. Взгляд на учебную часть в России в XVIII столетии до 1782 года // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. — Т. XXXVIII. — СПб., 1886. — С. 83.

больными" в специально организованных при университете больницы ("для клиники и практической хирургии") и родильном доме⁶.

Однако, несмотря на то что все эти документы готовились по инициативе Екатерины II, никакого решения по ним принято не было. Новые для 18 века идеи, чрезвычайно перспективные организационные и административно-хозяйственные решения так и остались на бумаге.

Все вместе взятое, и в первую очередь критическое письмо М. Я. Мудрова М. Н. Муравьеву, в котором прямо говорилось о "совершенном разрушении медицинского факультета"⁷, послужило причиной формирования в отечественной историко-медицинской литературе мнения, автором которого следует считать Г. А. Колосова, о кризисе медицинского факультета Московского университета на рубеже 18—19 веков⁸.

Но во всем ли справедлива такая оценка? Мы, конечно, далеки от мнения Д. М. Российского, который считал, что уже к началу 19 века медицинский факультет Московского университета стал крупнейшим центром медицинской науки; сыграл выдающуюся роль в подготовке кадров врачей и ученых; оказал решающее влияние на развитие отечественной медицины, которая "в конце XVIII столетия в научном отношении во многом опередила западноевропейскую..."⁹. Однако и позицию Г. А. Колосова мы разделить не можем, поскольку она не учитывает важнейшего обстоятельства,

⁶ Сухомлинов М. И. История Российской академии. — Вып.6// Приложение к XIII тому записок Императорской Академии наук. — СПб., 1882. — С.101.

⁷ Письма М. Я. Мудрова к М. Н. Муравьеву//Чтения в обществе истории и древностей российских. — 1861. — Кн. III. — С.28.

⁸ Колосов Г. А. Медицинский факультет Московского университета в XVIII веке//Советская клиника. — 1932. — Т. XVIII. — № 2—3. — С.127—139.

⁹ Российский Д. М. 200 лет медицинского факультета Московского государственного университета I Московского ордена Ленина медицинского института. — М., 1955. — С.45.

без которого подвести итоги сделанному профессорами и руководителями Московского университета и его медицинского факультета в 18 веке невозможно в принципе.

Московский университет при всей его важности для Российской Империи, претендовавшей в тот период на вхождение в число великих европейских держав, создавался и работал в условиях, во многом противоречивших самой возможности организации такого учебного заведения. В стране не только отсутствовали традиции университетского образования и кадры национальной профессуры, но, что самое существенное, практически не было молодых людей, способных по уровню своей общеобразовательной подготовки изучать университетские курсы наук. Как уже отмечалось, к середине 18 века в России еще не существовало системы начальных и средних общеобразовательных школ. Московский университет был создан не столько вследствие объективной потребности в высшем учебном заведении такого типа и даже не волевым решением государственной власти для повышения престижа страны, а в значительной степени в результате совпадения интересов и игры амбиций нескольких частных лиц. А потому не благодаря, а вопреки, потому и с опозданием, и несвоевременно. И положение, при котором в уже организованном университете некому было учиться, на протяжении 18 века радикальных изменений не претерпело.

Созданная Екатериной II система низших и средних учебных заведений, так называемых екатерининских народных училищ, во-первых, была организована только в конце 80-х — начале 90-х годов, а во-вторых, в ее задачи не входила подготовка молодых людей для обучения в университетах¹⁰. Определенную поддержку университет получил в результате деятельности двух московских и казанской гим-

¹⁰ Сухомлинов М. И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. Материалы для истории образования в царствование Императора Александра I. — Т.1. — СПб., 1889. — С.44.

назий. Однако это не ликвидировало острого дефицита слушателей в университете, так как подавляющее большинство выпускников гимназий поступали сразу же на государственную службу. Обучение в университете, несмотря на многочисленные и постоянно добавлявшиеся льготы и привилегии, еще не было престижным, а нарождавшемуся в стране чиновничье-бюрократическому аппарату было вполне достаточно тех, кто выучился грамоте, арифметике и языкам.

На состояние медицинского факультета оказывали влияние и другие факторы. Достаточно вспомнить, что в отличие от уже вполне сложившейся во второй половине 18 века альтернативной системы подготовки медиков — госпитальных школ (медико-хирургических училищ) — медицинский факультет Московского университета какой-либо особой помощи со стороны государства, кроме сумм, выделенных на финансирование университета в целом, не получал. На протяжении всего 18 века приоритетными для органов государственной власти оставались вопросы развития специального профессионально-ведомственного образования. За то время, пока университет работал без устава и профессора делали все возможное, чтобы преодолеть многочисленные недостатки "Проекта о учреждении Московского университета", явившиеся причиной в том числе и того, что часть профессоров и преподавателей служили вовсе без жалованья¹¹, в системе госпитальных школ были проведены по меньшей мере две полноценные крупномасштабные реформы¹². Именно туда направлялись основные материальные и интеллектуальные ресурсы государства. На медицинский же факультет Московского университета шли учиться лишь те, кто сами желали изучать университетский курс наук. А таких в 18 веке при существовавшей системе про-

¹¹ ЦГАДА. — Ф.359. — Д.22. — Л.106.

¹² Чистович Я. История первых медицинских школ в России. — СПб., 1883.

свещения было чрезвычайно мало. И тот факт, что медицинский факультет "выжил", и есть важнейший (и никем почему-то не названный) итог и одновременно достижение факультета в 18 столетии. Конечно же, он не стал ведущим центром развития отечественной, а тем более европейской медицинской науки. Да это и не относилось к числу его первоочередных и первостепенных задач. Основной функцией университета во все времена являлось обучение студентов. И в этом плане медицинский факультет Московского университета в 18 веке не просто выжил. За 40 лет его работы профессорам удалось вопреки и крайне неблагоприятным внешним условиям, и вопиющим недоработкам "Проекта" внедрить и закрепить систему подготовки студентов-медиков, которая в целом вполне соответствовала европейским стандартам университетского медицинского образования.

В числе безусловных достижений профессоров медицинского факультета Московского университета, прежде всего, конечно, И. Х. Керштенса и И. Ф. Эразмуса, следует назвать введенный перечень учебных дисциплин. Вместо трех предусмотренных "Проектом" предметов, представлявших собой лишь меньшую часть объема преподавания на медицинских факультетах университетов Европы и приблизительно соответствовавших курсу "специального приуготовления" для студентов-медиков, в Московском университете, уже начиная с 1765/1766 учебного года, читались все науки, составлявшие в 18 веке университетский этап подготовки врача.

Теоретический характер обучения практическим врачебным наукам, особенно практической медицине, был, конечно, серьезным недостатком преподавания на медицинском факультете. Уже говорилось, что во второй половине 18 века во многих университетах Европы имелись клиники и было организовано преподавание у постели больного. Московский университет в этом вопросе явно находился в числе отстающих. Вместе с тем, начиная с

1773 года¹³, когда на медицинском факультете был осуществлен первый полноценный выпуск, внедряется система послеуниверситетской практической стажировки. Студенты, "окончившие курс учения теоретической медицине", направлялись в Московский госпиталь "обучаться в том госпитале лечебному искусству доколе... достигнет в нем до совершенного познания"¹⁴.

Был установлен и достаточно строгий порядок преподавания. Все читавшиеся дисциплины были разделены на четыре, а начиная с 1790/1791 учебного года на пять комбинированных профессорских курсов, и в пределах каждого курса преподавались в определенной последовательности. Все профессорские курсы имели трехлетнюю цикличность и начинали читаться в один и тот же учебный год, что составляло трехлетний срок обучения на медицинском факультете.

В условиях дефицита информации и общения с европейскими коллегами, когда никто из профессоров медицинского факультета Московского университета, заняв эту должность, за границу уже не выезжал, предпринимались попытки привести содержание учебного процесса в соответствие с динамикой развития европейской традиции университетского медицинского образования. Свидетельствами тому могут служить и обновление учебных пособий, и постепенное внедрение секционных занятий в преподавание анатомии, и шаги, направленные на выделение преподавания физиологии из курса теоретической медицины, и целый ряд усовершенствований в изложении фармацевтических дисциплин, и, наконец, постоянно продолжавшиеся

¹³ Первыми студентами, прослушавшими полный курс наук медицинского факультета и направленными решением Сената в 1773 г. в Московский генеральный госпиталь, были Ключарев, Орлов, Иванов, Анитов/Турубинер Л. А. История медицинского факультета Императорского Московского университета от основания до первой Отечественной войны (1764—1812). Канд. дисс. — Т.2. — М., 1944. — Приложение 36.

¹⁴ РГАДА. — Ф.344. — Оп.1. — Кн.355. — Д.15. — Л.149.

на протяжении всей второй половины 18 века увеличение объема и повышение уровня преподавания практических медицинских дисциплин.

В то же время нельзя не признать правоту тех авторов, которые говорят о самобытности и оригинальности учебного процесса на медицинском факультете Московского университета в 18 веке¹⁵. Только проявлялись они не в борьбе с умозрительными и "вредными" для медицины теоретическими системами и учениями, не в борьбе за материалистическое видение мира, а главным образом в характерном для России стремлении усилить специальную подготовку за счет общего образования. Это выразилось и в сокращении для студентов-медиков сроков и объема общего приуготовления, и в чрезмерной профилизации преподавания специальных приуготовительных дисциплин — прежде всего химии.

Однако это не помешало медицинскому факультету Московского университета уже на рубеже 18—19 веков получить признание ведущего центра теоретического медицинского образования в России.

В начале 90-х годов 18 века один из выпускников Елизаветградской госпитальной школы, получивший в установленном порядке звание лекаря и право на самостоятельную практику, имевший уже достаточный опыт такой практики и работы на вполне престижной по тем временам должности прозектора и оператора генерального госпиталя, владевший несколькими иностранными языками и хорошо знакомый с современной медицинской литературой, в тече-

¹⁵ См., например: Бородулин Ф. Р. 200 лет I Московского ордена Ленина медицинского института имени И. М. Сеченова//Очерки по истории I Московского ордена Ленина медицинского института имени И. М. Сеченова. — М.,1959. — С.9—10; Российский Д. М. 200 лет медицинского факультета Московского государственного университета I Московского ордена Ленина медицинского института. — М.,1955. — С.34—38; Пионтковский И. А. Семен Герасимович Зыбелин (1735—1802)// С. Г. Зыбелин. Избранные произведения. — М.,1954. — С.5—59.

<p>жалованья за Профессор- скую должность . . . 420. за Экзорицию при обря- дъ Гимназій . . . 100. да за Академической Класъ 100. итого 620. -</p>	<p>Казенная со- держанію 9.</p>
<p>Иванъ Третьиновъ, обоихъ правъ докторъ и Профес- соръ публичный Экстра- ординарный, четыре дни въ недѣль по утрамъ отъ 7 до 9 часовъ, преподаетъ - Исторію правъ и древности до измѣненія римской Юри- спруденціи принадлежащую жалованью ему . . . 420. -</p>	<p>Да сверхъ того у Академической на Академической меншии студен- товъ казенная содержанія 3. Своевольничья 5.</p>
<p>Во медицинскую фамилію тесть.</p>	
<p>4. Семеновъ выдѣлнть, меди- цины докторъ, прайктикъ и химикъ Профессоръ пуб- личный ординарный, обя- заетъ химію и дѣлаетъ во оной разные опыты, че- тыре дни въ недѣль отъ 2. до 4 часовъ по полудни, жалованья ему за профес- сорскую должность - 500.</p>	<p>казенная содер- жанія 5.</p>
<p>да за пользованіе пансіо- неровъ и служителей Учили- щъ версипететскихъ . . . 100. итого 600. -</p>	
<p>и Профессоръ</p>	

Фрагмент "Ведомости состоящим в Имперском Московском университете профессорам и обоих Гимназиях онаго Учителям" (1775).

Матвей Серонинъ, —
 Историкъ натуральной
 и земледельческой публичной
 ординарныи Профессоръ
 септюре дни въ недѣлю отъ
 4. до 6. часовъ по полудни
 въ Осеннее и зимнее вре-
 мя преподаетъ Исторію
 Натуральную и Минерал-
 логию, при себѣ и самыя
 минералы въ Кабинетъ
 Университетской нахо-
 дящейся показываетъ; въ
 весеннее же и лѣтнее вре-
 мя обучаетъ ботанику.

жалованья ему 400.

Иванъ Сибирскій, меди-
 цыны. Кандидатъ пред-
 даетъ лекціи медицины
 Медико-хирургической то есть
 Физіологію, Матерію и
 прог. септюре дни въ не-
 дѣлю отъ 9. до 11. ча-
 совъ до полудни
 жалованья ему 200.

Францъ Крестуринъ
 Профессоръ и Операторъ
 въ зимнее время обучаетъ
 Анатомію, въ лѣтнее же
 время Хирургію, септюре
 обыкновенные дни въ
 недѣлю отъ 2. до 4. ча-
 совъ по полудни.

жалованья ему 450. =

Директоръ

419
 каменнаго содер-
 жанія и своеюш-
 ныхъ б.

каменнаго

содержанія

пять сель-

внѣ. то же —

нон и у 30
 бѣлка нахо-
 дится

ние ряда лет добивался от Медицинской коллегии разрешения "для лучшего усовершенствования себя во врачебной науке" завершить образование, и не где-нибудь, не в Европе, не в Московском или петербургских медико-хирургических училищах, а на медицинском факультете Московского университета. Получив же такое разрешение и прослушав в течение 1795 года университетский курс лекций, он незамедлительно был назначен на должность адъюнкта патологии и терапии Московской медико-хирургической академии. Этим лекарем и врачом был Е. О. Мухин — будущий профессор Московского университета¹⁶.

Обнаруженные нами в Российском государственном архиве древних актов документы свидетельствуют о том, что Е. О. Мухин был не единственным, кто решил завершать свое медицинское образование в университете. 4 сентября 1779 года в Московскую медицинскую контору обратился лекарский ученик Московской госпитальной школы А. Травулинский, возымевший "...намерение для лучшего обучения как в разных языках, так физике и математике, и во всех частях медицинской науки определиться в Московский императорский университет"¹⁷. В 1780 году примеру А. Травулинского последовали еще двое учеников школы при Московском военном госпитале — М. Княгиницкий и Г. Молтянский, которые "объявили, — как сообщалось в Доношении Московской медицинской конторы от 24 июля 1780 г., — что находятся они в том Госпитале для обучения медико-хирургической науке, но как здесь не преподаются многие к врачебному искусству принадлежащие науки, а склонность и охота влечет их к научению большего знания и просят об увольнении их в здешний Императорский университет для продолжения оной науки..."¹⁸.

¹⁶ Шилинис Ю. А. Е. О. Мухин и анатомио-физиологическое направление в медицине. — М., 1960. — С. 12—14.

¹⁷ РГАДА. — Ф. 344. — Оп. 1. — Кн. 176. — Д. 35. — Л. 258.

¹⁸ Там же. — Кн. 193. — Д. 4. — Л. 16.

Сколько всего лекарских учеников перешло таким образом "для лучшего обучения" в Московский университет, к настоящему времени точно не установлено¹⁹. Однако приведенного выше, с нашей точки зрения, достаточно, чтобы говорить о том, что уже в 80-х годах медицинский факультет составлял известную конкуренцию лекарским школам при госпиталях и пользовался авторитетом в определенных кругах мыслящей молодежи. Нельзя исключить, что в 80—90-х годах между Московским генеральным госпиталем и университетом имел место своеобразный обмен учащимися: окончившие медицинский факультет направлялись "для обучения лечебному искусству" в госпиталь, а желавшие повысить свой теоретический и общеобразовательный уровень лекарские ученики и лекари — в Московский университет.

Такое положение медицинского факультета "совершенным разрушением" не назовешь. Напротив, создается впечатление, что в рамках стоявших перед университетом задач, к которым подготовка практикующего врача не относилась, факультет за сравнительно короткий срок приобрел репутацию учебного заведения, где можно было получить солидную (во всяком случае по российским меркам) теоретическую подготовку по общеобразовательным, естественным и врачебным наукам. Такая репутация сложилась скорее всего благодаря его выпускникам.

По современным меркам их было немного, хотя точное число прослушавших (чаще всего дважды) полный курс

¹⁹ Нельзя исключить, что в начале 1800-х годов тот же путь усовершенствования избрал себе и И. Леонтович, обучавшийся в 90-х годах 18 века в Московском генеральном госпитале (Змеев Л. Ф. Русские врачи-писатели. — СПб., 1863. — С. 175). Каких-либо подробностей его судьбы обнаружить не удалось. Однако на титульном листе "Российской фармакопеи", вышедшей в свет в 1802 году, содержится указание, что эта фармакопея переведена с латинского И. Леонтовичем — "студентом Императорского Московского университета" (Фармакопея Российская. — Ч. I—II. — М., 1802).

наук медицинского факультета установить не удалось. Нам известны имена 35 человек²⁰, из которых 25 стали докторами медицины, приобрели сравнительно высокое положение в медицинском мире, возможность иметь доходную практику и известную независимость. И в этом не только их личная заслуга, но и прямое следствие полученного образования.

И. С. Андреевский, Ф. И. Барсук-Моисеев, А. И. Данилевский, И. А. Двигубский, В. М. Котельницкий, М. Я. Мудров, С. А. Немиров, М. Успенский, Н. Г. Щеголев были удостоены этой ученой степени в стенах Московского университета. М. И. Багрянский, И. П. Воинов, Д. И. Иванов, В. Ключарев, В. Я. Колокольников, Ф. К. Курика, М. И. Невзоров, И. Оршаво-Чижевский, Ф. Г. Политковский, В. М. Рихтер подготовили и защитили докторские диссертации в ходе стажировки в университетах Европы. И. Ф. Венсович, М. И. Гороховский, И. Е. Грузинов, Н. Я. Дьяков, Ф. П. Ершов, И. О. Тимковский стали докторами медицины по результатам экзаменов и защите диссертаций в Медицинской коллегии. Более половины из них (15 человек) заняли профессорские должности на медицинском факультете Московского университета. Должен был получить профессорскую должность в Московском университете и М. Успенский, однако в период своей заграничной стажировки в Лейпциге он умер.

²⁰ Известны также имена 15 человек, обучавшихся на медицинском факультете в 1764—1768 годах, но не окончивших его из-за принудительного отъезда на государственную службу: С. Веницеев, Т. Вешняков, А. Гладкой, М. Донской, М. Егоров, Г. Журавлев, И. Кудрин, А. Лятошевич, А. Максимов, Л. Остапов, И. Смирной, И. Травкин, И. Федоров, П. Стефанович (Российский Д. М. 200 лет медицинского факультета Московского государственного университета I Московского ордена Ленина медицинского института. — М., 1955. — С. 23—24).

Отдельно следует указать имена студентов медицинского факультета Московского университета в 18 веке: А. А. Антонского и К. Муковникова, в отношении которых факт окончания факультета установить не удалось.

Многие из выпускников получили достаточно престижную государственную службу. Так, И. Оршаво-Чижевский работал врачом в петербургских генеральном и артиллерийском госпиталях, Оренбургском госпитале, акушером Тульской и оператором Черниговской врачебных управ. Ф. П. Ершов — уездным врачом в Подольской губернии. М. И. Гороховский служил "доктором" Воронежской губернии, а позже — главным доктором Балтийского флота. Д. И. Иванов успешно практиковал в Пензенском и Сибирском наместничестве, И. О. Тимковский — в Иркутском наместничестве, а позже занимал должности физиката и цензора в Петербурге, смотрителя вольных петербургских пансионеров и директора училищ Петербургской губернии²¹. М. И. Багрянский также сменил много должностей: врача Ярославской губернии, инспектора Ярославской врачебной управы, инспектора студентов Московской медико-хирургической академии, инспектора Медицинской конторы в Москве, в 1809 году временно исполнял обязанности вице-президента Московской медико-хирургической академии²².

И. Дьяконов, А. Соколов, Т. Сильванский и А. Богородский, закончившие медицинский факультет во второй половине 90-х годов со званием кандидата медицины, были рекомендованы для подготовки к докторской степени, но диссертации не представили. На И. Дьяконова в 1801—1808 годах "возложена была... должность пользоваться чиновников, живущих в Университетском доме, в звании помощника Г-на Доктора и Профессора Политковского"²³. А. Богородский "занимался лечением больных в больнице Императорского Московского уни-

²¹ См. соответствующие биографии: Змеев Л. Ф. Русские врачи-писатели. — СПб., 1886; Чистович Я. История первых медицинских школ в России. — СПб., 1883.

²² Бахтина З. И. Масон и доктор медицины М. И. Багрянский// Исторический вестник Московской медицинской академии им. И. М. Сеченова. — 1992. — Т. I. — С. 104—116.

²³ ЦИАМ. — Ф. 418. — Оп. 332. — Д. 3а. — Л. 7.

верситета"²⁴. А. Соколов и Т. Сильванский "отправляли должность ординатора" в Московском военном госпитале²⁵. Всем четверым было присвоено лекарское звание по их прошению в 1814 году²⁶.

Однако вернемся к тем 15 выпускникам, которые стали профессорами медицинского факультета Московского университета. В 1803—1805 годах попечитель Московского университета М. Н. Муравьев решал одну из труднейших задач, возникших в связи с новым назначением, — каким образом укомплектовать штат университета, число только профессорских должностей в котором увеличивалось с принятием Устава 1804 года с 12 до 28, и обеспечить при этом высокий уровень преподавания. Единственный выход из сложившегося положения М. Н. Муравьев видел в приглашении профессоров из университетов Европы, и к его чести следует отметить, что, задействовав все свои личные связи, он смог решить эту проблему. Прибывшие в Москву профессора, среди которых были и такие известные в Европе ученые, как Г. Фишер, Г. Гофман, И. Буле, Ф. Гольдбах, заняли ряд кафедр на факультетах Московского университета, на всех факультетах, кроме медицинского. Медицинский факультет оказался единственным, который смог в начале 19 века обеспечить свои потребности в профессорско-преподавательских кадрах за счет собственных выпускников. Из сказанного вовсе не следует, что приглашение, скажем, И. П. Франка или Ю. Х. Лодера не стало бы событием и не отразилось бы на качестве учебного процесса. Безусловно, это было бы крайне желательно, но в отличие от других факультетов Московского университета не обязательно. И это еще один важный итог деятельности медицинского факультета Московского университета в 18 веке. Уже в 1805/1806 учебном году только за счет собственных

²⁴ Там же. — Л.19об.

²⁵ Там же. — Л.20—21.

²⁶ Там же. — Д.9а. — Л.36.

выпускников на медицинском факультете велось преподавание 9 профессорских и адъюнктских курсов.

Таким образом, мы не можем согласиться с оценкой, данной Г. А. Колосовым, о "полном разрушении" факультета на рубеже 18—19 веков. Безусловно, профессорам и руководителям университета удалось воплотить в жизнь далеко не все. Материально-техническое обеспечение учебного процесса действительно оставляло желать лучшего. В преподавании ряда дисциплин, и прежде всего наиболее бурно развивавшихся естественных наук — химии, натуральной истории, анатомии, физиологии, наблюдалось заметное отставание от европейского уровня. Но учитывая условия, в которых вынужден был работать Московский университет и его медицинский факультет, то, что реально было осуществлено, заслуживает позитивной оценки.

В заключение необходимо вновь вернуться к критическому письму М. Я. Мудрова М. Н. Муравьеву, поскольку, во-первых, именно оно является той основой, на которой зиждется существующее в отечественной литературе мнение о кризисе медицинского факультета Московского университета в конце 18 века, а во-вторых, потому, что может сложиться ложное впечатление о противоречии данной нами и современником описываемых событий оценок.

"При наступившем совершенном разрушении медицинского факультета, — писал М. Я. Мудров, — я поехал в Петербург..." Оценка М. Я. Мудровым состояния факультета в 1799 году действительно недвусмысленно негативная и весьма жесткая. Совершенное разрушение медицинского факультета... Однако именно эта жесткость формулировки и безапелляционность позиции наводят на размышления. Для подобного заявления нужны веские доводы, а их-то как раз в письме и нет.

М. Я. Мудров не анализировал деятельность и состояние медицинского факультета на тот период в целом, а высказал лишь ряд соображений в ответ на заданный ему запрос по поводу преподавания только двух профессорских кур-

сов — анатомии и судебной медицины Ф. Ф. Керестури и хирургии с акушерством В. М. Рихтера. О совершенной справедливости его претензий в адрес Ф. Ф. Керестури и И. А. Андреевского мы уже говорили выше. Действительно, во многом из-за слабой подготовки в области анатомии ряд выпускников медицинского факультета не смогли сразу после окончания университета сдать экзамен на право практики в Медицинской коллегии. Действительно, описанное М. Я. Мудровым положение дел с преподаванием анатомии и судебной медицины не шло ни в какое сравнение с состоянием этого вопроса в большинстве университетов Европы в последние десятилетия 18 столетия. Но достаточно ли этого для вывода о совершенном разрушении факультета? Думается, что нет.

Что же касается В. М. Рихтера, то критика со стороны М. Я. Мудрова в его адрес вообще сводится только к отсутствию практических занятий и клинических демонстраций в преподавании В. М. Рихтером хирургии и акушерства. Но в 18 столетии практическое преподавание этих дисциплин не входило в цели и задачи университетского медицинского образования. Подготовка хирургов и акушеров осуществлялась в тот период в рамках специальных учебных заведений — медико-хирургических академий и повивальных институтов. И, как свидетельствует прилагавшийся к письму "Чертеж практических наук, снятый с главных училищ Германии и Франции", М. Я. Мудров об этом прекрасно знал²⁷.

Если рассматривать письмо М. Я. Мудрова вместе с "Чертежом практических наук...", то становится очевидным, что критика в адрес преподавания В. М. Рихтером хирургии и акушерства носила не обвинительный, а конструктивный характер. М. Я. Мудров правильно оценивал достоинства практических форм преподавания и перспективы их вне-

²⁷ Письма М. Я. Мудрова к М. Н. Муравьеву//Чтения в Обществе истории и древностей российских. — 1861. — Кн. III. — С. 30, 34.

дрения на медицинском факультете Московского университета.

А если это так, то почему же М. Я. Мудров говорил о "совершенном разрушении медицинского факультета"? Ответ на этот вопрос следует, по-видимому, искать не в тексте письма, а в биографии самого М. Я. Мудрова. Напомним, что сферой его основных интересов и в ходе обучения в университете, и в течение целого ряда лет после его окончания была хирургия. Именно в этой области он практически усовершенствовался в Московском военном госпитале и был удостоен степени кандидата хирургии. Для стажировки именно в области хирургии он был направлен в Европу. Хирургу же теоретического университетского курса для практической деятельности было безусловно недостаточно. Это обстоятельство наряду с отсутствием взвешенных, продуманных доводов в пользу заявления о "совершенном разрушении факультета" заставляет думать, что эти слова отражали не столько реальное положение дел на факультете, сколько эмоциональное состояние автора, что они явились не результатом наблюдений и серьезного анализа, а эмоциональной реакцией на те трудности, с которыми пришлось столкнуться М. Я. Мудрову на избранном хирургическом поприще, на в известной степени беспомощность выпускника медицинского факультета университета 18 века, который решил посвятить себя хирургической практике. Завершенных специалистов, имевших не только право на врачебную и лекарскую практику, но и достаточную для этого подготовку, медицинский факультет Московского университета стал выпускать только в 19 веке в связи с изменившимися под давлением требований времени представлениями о целях и задачах университетского медицинского образования.

И трижды прав был С. М. Соловьев, когда давал удовлетворительную оценку сделанному профессорами и руководителями университета в 18 веке. "Мы присутствовали, — писал он, — при слабых, бедных зачатках учреждения, ко-

тому суждено было иметь важное значение в истории русского просвещения; мы видели исток большой реки в виде ничтожного болотного ручейка..."²⁸. Университетское образование в России в 18 веке только начиналось. И пусть с высоты сегодняшнего дня или с позиций Западной Европы 18 века это был всего лишь "болотный ручеек". Но именно то, что было тогда сделано, и позволило в конечном счете этому "ручейку" стать "истоком большой реки".

²⁸ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. — Т.26// Соловьев С. М. Сочинения в восемнадцати книгах. — Кн. XIII. — М., 1994. — С.533.

ЛИТЕРАТУРА

Акушерство//Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. — Т.І. — СПб.,1890. — С.320—322.

Акушерские щипцы//Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. — Т.І. — СПб.,1890. — С.319.

Алаев А. Н., Сперанский В. С. Зарубежные и отечественные анатомы. — Саратов,1977.

Анисимов Е. В. Россия в середине XVIII века. Борьба за наследие Петра/В борьбе за власть. Страницы политической истории России XVIII века. — М.,1988. — С.24—282.

Аптекарское искусство//Энциклопедический лексикон Плюшара. — Т.ІІ. — СПб.,1835. — С.441—444.

Арзамасцев А. П. Фармацевтическая химия//БМЭ. — 3-е издание. — Т.26. — М.,1985. — С.221—222.

Багдасарьян С. М. Очерки истории высшего медицинского образования. — М., 1959.

Бахрушин С. В. Очерки по истории Московского университета/Ученые записки МГУ. — Вып.50. — История. — М.,1940.

Бахтина З. И. Масон и доктор медицины М. И. Багрянский// Исторический вестник Московской медицинской академии им. И. М. Сеченова. — 1992. — Т.І. — С.104—116.

Белявский М. Т. М. В. Ломоносов и основание Московского университета. — М.,1955.

Белявский М. Т. Школа и образование/Очерки русской культуры XVIII века. — Ч.2. — М.,1987. — С.258—293.

Белявский М. Т. Школа и система образования в России в конце XVIII века//Вестник Московского университета. Сер.История. — 1959. — № 2. — С.110—112.

Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета. — Т.І—ІІ. — М.,1855.

Богданов Н. М. Очерк истории кафедры частной патологии и терапии внутренних болезней в Императорском Московском университете за 1755—1905 гг. — М., 1909.

Бородулин В. И. Очерки по истории отечественной кардиологии. — М., 1988.

Бородулин Ф. Р. 200 лет I Московского ордена Ленина медицинского института имени И. М. Сеченова/Очерки по истории I Московского ордена Ленина медицинского института имени И. М. Сеченова. — М., 1959. — С.5—69.

Бочаров В. Я. К истории развития анатомического музея кафедры анатомии человека I ММИ им. И. М. Сеченова//Архив анатомии, гистологии и эмбриологии. — 1979. — № 10. — С.74—81.

Булыгин И. А. Общественная мысль и культура в России в XVI—II веке/История Европы. — Т.4. — М., 1994. — С.327—348.

Буш И. Ф. О нынешнем состоянии хирургии в иностранных государствах и в России//Всеобщий журнал врачебной науки. — 1812. — Кн.1. — С.1—29.

Бэкон Ф. О достоинстве и приумножении наук/Бэкон Ф. Сочинения в 2-х томах. — Т.1. — М., 1977. — С.81—513.

Вальден П. И. Очерки истории химии в России/Ладенбург А. Лекции по истории химии от Лавуазье до наших дней. — Одесса, 1917. — С.363—653.

Везалий А. Эпитоме. — М., 1974.

Валишевский К. В. Дочь Петра Великого. — М., 1989.

Гайденко П. П. Эволюция понятия науки. — М., 1980.

Гарвей У. Анатомическое исследование о движении сердца и крови у животных. — М., 1948.

Гаубий Г. Д. Начальные основания врачебной пафологии, то есть науки о свойстве, причинах, припадках и различиях болезней, в человеческом теле случающихся. Пер. П. Гофмана. — СПб., 1792.

Гезер Г. Исторический обзор хирургии. — СПб., 1880.

Герценштейн Г. М. Материалы для будущей истории медицинского образования в России//Врач. — 1881. — № 40. — С.662—670.

Гиппократ. Избранные книги. Пер. В. И. Руднева. — М., 1936.

Голосова Н. А. Материалы по истории всеобщей фармации. — М., 1962.

Гофман//Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. — Т.IX(17). — СПб., 1893. — С.452—453.

Грибанов Э. Д. История развития медицинского образования. — М., 1974.

Громбах С. М. Русская медицинская литература XVIII века. — М., 1953.

Громбах С. М. Медицина в феодально-крепостнической России. Медицина в 18 в. (раздел статьи "Медицина")//БМЭ. — 2-е издание. — Т.17. — М., 1960. — Стб.264—278.

- Громбах С. М. Медицинская коллегия//БМЭ. — 2-е издание. — Т.17. — М.,1960. — Стб.661—663.
- Груздев В. С. Краткий очерк истории акушерства и гинекологии в России. — СПб.,1906.
- Гуковский Г. А. Очерки по истории русской литературы XVIII в. — М.—Л.,1936.
- Гульм. Новый способ лечить каменную болезнь, цыngu, скорбут и глисты, сочинение Гульма, с приобщением наставления лечить от отрав, из клиники Мезы. Пер. Ф. И. Барсук-Моисеева. — М.,1789.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. — Т.1—IV. — М.,1989—1990.
- 225 лет Первому Московскому медицинскому институту им. И. М. Сеченова. — М.,1990.
- Джунковский В. Краткое обозрение врачебной науки в России/ /Всеобщий журнал врачебной науки. — 1811. — Кн.1. — С.1—32.
- Диететика//Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. — Т.XVIII(35). — СПб.,1896. — С.201.
- Дионесов С. М. Преподавание физиологии в России в XVIII веке//Труды Института истории естествознания и техники АН СССР. — 1949. — Т.III. — С.323—330.
- Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. — Т.1—3. — М.,1960—1963.
- Ежемесячные сочинения. — 1755. — Август.
- Ермаков В. В. Медицинские институты//БМЭ. — 2-е издание — Т.17. — М.,1960. — Стб.731—743.
- Жакен И. Ф. Всеобщая и врачебная химия. Пер. И. Венсовича и Н. Дьякова. — Ч.1. — М.,1795.
- Заблудовская Е. Д. С. Г. Зыбелин — один из первых педиатров России//Педиатрия. — 1951. — № 1. — С.42—46.
- Заблудовский П. Е. Медицина в период допромышленного капитализма (середина 17 — конец 18 в.) (раздел статьи "Медицина")//БМЭ. — 2-е изд. — Т.17. — М.,1960. — Стб.143—161.
- Заблудовский П. Е. Яtromеханика//БМЭ. — 3-е изд. — Т.28. — М.,1986. — С.538—539.
- Заблудовский П. Е., Крючок Г. Р., Кузьмин М. К., Левит М. М. История медицины. — М.,1981.
- Записки императрицы Екатерины Второй. — М.,1989.
- Зархин И. Б. Очерки из истории отечественной фармации XVIII и первой половины XIX века. — М.,1956.
- Зиновьев И. А. Организация госпитальных клиник в Московском университете//Клиническая медицина. — 1961. — № 6. — С.150—154.
- Зиновьев И. А. К истории высшего медицинского образования в России. — М.,1962.
- Змеев Л. Ф. Русские врачи-писатели. — СПб.,1886.
- Зыбелин С. Г. Избранные произведения. — М.,1954.

Иванов А. Е. Ученые степени в Российской империи. XVIII в. — 1917 г. — М., 1994.

Изуткин Д. А., Тамарин Ю. А., Камаев И. А. История высшего медицинского образования в России. — Нижний Новгород, 1997.

Иконников В. С. Русские университеты в связи с ходом общественного образования//Вестник Европы. — 1876. — Кн.10. — С.492—550.

Исаков Ю. Ф. Медицинские институты//БМЭ. — 3-е издание. — Т17. — М.,1980. — С.421—427.

История Московского университета в 6-ти томах. — М.,1953—1954.

Калнин В. В. Медицина в Тартуском университете в XVII—XVI- II вв.//Из истории медицины. Сборник статей. — Рига,1983. — С.20—32.

Карасик В. М. Прошлое и настоящее фармакологии и лекарственной терапии. — Л.,1965.

Карузин П. И. Краткая история анатомических институтов при I Московском государственном университете//Отд.от. из Отчета 1-го МГУ за 1925—1926 гг. — М.,1927.

Керштенс И. Х. Наставления и правила врачебные для деревенских жителей, служащие к умножению недовольного числа людей в России. — М.,1769.

Кисунько В. Г., Ревякин А. В. Европейское просвещение/История Европы. — Т.4. — М.,1994. — С.298—327.

Клиника//Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. — Т.XV(29). — СПб.,1895. — С.398—399.

Ключевский В. О. Сочинения в 8 томах. — Т.5. — М.,1958.

Кованов В. В. Московский медицинский институт 1-й//БМЭ. — 2-е изд. — Т.19. — М.,1961. — Стб.88—94.

Кованов В. В., Аникина Т. И. История кафедры оперативной хирургии и топографической анатомии Московского университета и I Московского ордена Ленина медицинского института имени И. М. Сеченова.1755—1955. — М.,1957.

Ковнер С. История средневековой медицины. — Киев,1897.

Ковригина В. А., Сыроева Е. К., Шанский Д. Н. Медицина и здравоохранение/Очерки русской культуры XVIII века. — Ч.3. — М.,1988. — С.50—84.

Колосов Г. А. Профессор М. Я. Мудров. Его личность, научно-общественная деятельность и значение для русской медицины. — Пг.,1915.

Колосов Г. А. Медицинский факультет Московского университета в XVIII веке//Советская клиника. — 1932. — Т.XVIII. — № 2—3. — С.127—139.

Колосов Г. А. Кафедры хирургии в Московском университете за первое столетие его существования//Вестник хирургии им. Грекова. — 1940. — № 5. — С.478—487.

Кононков А. Ф. История физики в Московском университете с его основания до 60-х годов XIX столетия. — М., 1955.

Кончаловский М. П., Смотров В. Н. Роль деятелей Московского университета в развитии клинической медицины//Клиническая медицина. — Т. XVIII. — 1940. — № 12. — С. 3—13.

Краснобаев Б. И. Очерки истории русской культуры XVIII в. — М., 1972.

Коштоянц Х. С. Очерки по истории физиологии в России. — М.—Л., 1946.

Кулябко Е. С. М. В. Ломоносов и учебная деятельность Петербургской Академии наук. — М. — Л., 1962.

Куприянов В. В. Андрей Везалий в истории анатомии и медицины. — М., 1964.

Лахтин М. Ю. Краткий биографический словарь знаменитых врачей всех времен. — СПб., 1902.

Лебедев К. Руководство к общей терапии. — М., 1841.

Левинштейн И. И. Этюды по истории фармации. — М., 1927.

Левинштейн И. И. История фармации и фармацевтического дела. — М. — Л., 1939.

Лемпель Н. М. Речь Ф. Ф. Керестури "О медицинской полиции"//Советское здравоохранение. — 1970. — № 7. — С. 77—79.

Летопись Московского университета. — М., 1979.

Линней К. Система природы. Царство животных. — Ч. 1—2. — СПб., 1804—1805.

Линней К. Философия ботаники. — СПб., 1805.

Ломоносов М. В. Введение в истинную физическую химию//Ломоносов М. В. ПСС. — Т. 2. — М. — Л., 1951. — С. 482—577.

Ломоносов М. В. Всенижайшее мнение о исправлении Санкт-петербургской Императорской Академии наук//Ломоносов М. В. ПСС. — Т. 10. — М. — Л., 1957. — С. 11—24.

Ломоносов М. В. Письмо М. В. Ломоносова И. И. Шувалову (июнь — июль 1754 г.)//Ломоносов М. В. ПСС. — Т. 10. — М. — Л., 1957. — С. 508—514.

Ломоносов М. В. Проект регламента Академии наук//Ломоносов М. В. ПСС. — Т. 10. — М. — Л., 1957. — С. 138—160.

Ломоносов М. В. Предположения об устройстве и уставе Петербургской Академии//Ломоносов М. В. ПСС. — Т. 10. — М. — Л., 1957. — С. 93—132.

Ломоносов М. В. Слово о пользе химии в публичном собрании Императорской Академии наук сентября 6 дня говоренное Михайлом Ломоносовым//Ломоносов М. В. ПСС. — Т. 2. — М. — Л., 1951. — С. 349—369.

Ломоносов М. В. Список наук в Академии с распределением их на три класса//Ломоносов М. В. ПСС. — Т. 10. — М. — Л., 1957. — С. 9—10.

Лопатин В. В., Лопатина Л. Е. Русский толковый словарь. — М., 1994.

Лотова Е. И. Идеи профилактики в трудах С. Г. Зыбелина// Советское здравоохранение. — 1952. — № 3. — С.50—56.

Лукьянов П. М. История химических промыслов и химической промышленности в России до конца XIX века. — Т.1. — М.—Л., 1948.

Луппов С. П. Книги в России в первой четверти XVIII века. — Л.,1973.

Лушников А. Г. Мировоззрение И. Е. Дядьковского/Дядьковский И. Е. Сочинения. — М.,1954. — С.5—45.

Лушников А. Г. Клиника внутренних болезней в России первой половины XIX века. — М.,1959.

Людвиг Х. Г. Патология или полезные наставления о существе, причинах, припадках и знаках болезней, в человеческом теле случающихся. Пер. Ф. П. Ершова. — М.,1790.

Макаров Р. Р. Очерк развития акушерства и гинекологии/Многолетнее руководство по акушерству и гинекологии. Отв. ред. Л. С. Персианинов. — Т.1 — М.,1961. — С.11—32.

Максимович-Амбодик Н. М. Анатомо-физиологический словарь. — СПб.,1783.

Максимович-Амбодик Н. М. Врачебное веществословие или описание целебных растений во врачевстве употребляемых, с изъяснением их пользы и употребления оных. — Кн.1—4. — СПб.,1783—1789.

Максимович-Амбодик Н. М. Искусство повивания или наука о бабичьем деле. — Ч.1—6. — СПб.,1784—1786.

Марголис Ю. Д., Тишкин Г. А. Отечеству на пользу, а россиянам во славу. Из истории Университетского образования в Петербурге в XVIII — начале XIX в. — Л.,1988.

Марковников В. В. Исторический обзор химии в Московском университете. — М.,1901.

Мейер-Штейнег Т., Зудгоф К. История медицины. — М.,1925.

Мельникова Н. Н. Издания Московского университета. 1756—1779. — М.,1955.

Меншуткин Б. Н. Жизнеописание Михаила Васильевича Ломоносова. — М. — Л.,1947.

Менье Л. История медицины. — М.—Л.,1926.

Меркулов В. Л. Альбрехт Галлер. — Л.,1981.

Милюков П. Н. Очерки истории русской культуры. — Т.2. — Ч.2. — М.,1994.

Миронович В. Общая практическая фармакология. — М.,1817.

Мирский М. Б. Хирурги в эпоху средневековья//Клиническая медицина. — 1984. — № 2. — С.144—147.

Мирский М. Б. Медицинская коллегия: из истории медицины России XVIII века//Проблемы социальной гигиены и история медицины. — 1995. — № 2. — С.56—61.

Мирский М. Б. Медицина России XVI—XIX веков. — М., 1996.

Мицельмахерис В. Г. Очерки по истории медицины в Литве. — Л., 1967.

Мнение об учреждении и содержании Императорского университета и гимназии в Москве (на указ Императрицы от 29.11.1765 г.)// Чтения в Обществе истории и древностей российских при Императорском Московском университете. — 1875. — Кн. II. — С. 181—212.

Молнар Л. В. Венгерский ученый Ф. Ф. Керестури (1738—1811) в Московском университете// Вестник Московского университета. — Сер. 8. — 1994. — № 6. — С. 61—68.

Мороховец Л. История и соотношение медицинских знаний. — М., 1903.

Московский университет. 1755—1930. Юбилейный сборник. Издание Парижского и Пражского Комитетов по ознаменованию 175-летия Московского университета. Под ред. В. Б. Ельяшевича, А. А. Кизеветтера, М. М. Новикова. — Париж, 1930.

Мультиановский М. П. История медицины. — М., 1967.

Невский В. А. Гигиенические идеи в трудах русских врачей XVIII в.// Гигиена и санитария. — 1956. — № 9. — С. 44—51.

Никитин А. Краткий обзор состояния медицины в России в царствование Императрицы Екатерины II. — СПб., 1855.

Новицкий Г. А. Развитие науки в Московском университете во второй половине XVIII века// Вестник Московского университета. — 1961. — № 6. — С. 16—26.

Новомбергский Н. Материалы по истории медицины в России. — Т. 1—4. — СПб., 1905—1907.

Оборин Н. А. Н. Л. Бидлоо и его "Наставление для изучающих хирургию в анатомическом театре"// Н. Л. Бидлоо. Наставление по хирургии. — М., 1979. — С. 375—480.

Очерки по истории I Московского ордена Ленина медицинского института имени И. М. Сеченова. — М., 1959.

Павловский М. П., Оборин Н. А. Из истории Львовского медицинского института 1784—1944. К 200-летию института// Советское здравоохранение. — 1985. — № 1. — С. 55—58.

Палкин Б. Н. Русские госпитальные школы XVIII века и их воспитанники. — М., 1959.

Пальцев М. А., Сточик А. М., Шилинис Ю. А., Бородулин В. И. и др. 225 лет 1-му Московскому ордену Ленина и ордену Трудового Красного Знамени медицинскому институту имени И. М. Сеченова (1765—1990)/ 225 лет Первому Московскому медицинскому институту им. И. М. Сеченова. — М., 1990. — С. 5—106.

Паульсен Ф. Германские университеты. — СПб., 1904.

Паульсен Ф. Исторический очерк развития образования в Германии. — М., 1908.

Пекэн М. Физиология или наука о естестве человеческом. — СПб., 1788.

Пенчко Н. А. Основание Московского университета. — М., 1953.

Пенчко Н. А. Выдающиеся воспитанники Московского университета в иностранных университетах//Исторический архив. — 1956. — № 2. — С.156—183.

Пенчко Н. А. Библиотека Московского университета с основания до 1812 года. — М.,1969.

Петров Б. Д. Очерки по истории отечественной медицины. — М.,1962.

Петров П. Н. Сборник материалов для истории имп. Академии художеств за сто лет ее существования. — Т.І. — Приложения. — СПб., 1864.

Петров Ф. А. Немецкие профессора в Московском университете. — М., 1997.

Пионтковский И. А. Семен Герасимович Зыбелин/С. Г. Зыбелин. Избранные произведения. — М.,1954. — С.5—59.

Письма М. Я. Мудрова к М. Н. Муравьеву//Чтения в обществе истории и древностей российских при Императорском Московском университете. — 1861. — Кн.ІІІ. — С.26—74.

Платнер И. З. Основательные Наставления хирургические медицинские и рукопроизводные в пользу учащихся с прибавлением к тому изобретенных некоторых инструментов или орудий и других вещей к лекарскому искусству принадлежащих.Пер.М. Шеина. — СПб.,1761.

Платонов С. Ф. Лекции по русской истории/Платонов С. Ф. Сочинения. — Т.І. — М.,1993. — С.364—639.

Политковский Ф. Г. О происхождении и о пользе Истории Натуральной. — М.,1785.

Политковский Ф. Г. О связи Истории Натуральной с Физикою, Химиею и Врачебным Искусством. — М.,1796.

Рихтер В. М. Руководство к повивальному искусству, основанное на новейших опытах, для публичных лекций, преподаваемых в Повивальном Институте при Императорском Московском Воспитательном Доме учрежденном. — М.,1801.

Рихтер В. М. Слово о первоначальном происхождении, постепенном приведении в совершенство и отменной пользе Повивального искусства. — М.,1801.

Рихтер В. М. История медицины в России. — Ч.ІІІ. — М.,1820.

Рихтер В. М. История повивальной практики в Москве//Медико-физический журнал. — 1821. — Ч.ІІ. — С.128—144.

Рождественский С. В. Очерки по истории системы просвещения в России XVIII—XIX веков. — СПб.,1912.

Розанов В. История медицинского образования (раздел статьи "Медицинское образование")//БМЭ. — 1-е издание. — Т.17. — М.,1936. — Стб.633—638.

Российский Д. М. История медицинского образования в дореволюционной России (раздел статьи "Медицинское образование")//БМЭ. — 1-е изд. — Т.17. — М.,1936. — Стб.651—662.

Российский Д. М. Очерк истории возникновения и развития медицинского факультета Московского университета в период до Великой Октябрьской социалистической революции//Вестник Московского университета. — 1947. — № 10. — С.85—110.

Российский Д. М. Первый русский профессор терапии С. Г. Зыбелин//Советская медицина. — 1948. — № 4. — С.38—40.

Российский Д. М. Первые русские фармакопей и их предшественники//Фармакология и токсикология. — 1950. — № 1. — С.42—49.

Российский Д. М. 200 лет медицинского факультета Московского государственного университета I Московского ордена Ленина медицинского института. — М.,1955.

Рудаков В. Гимназия//Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. — Т.VIII^А(16). — СПб.,1893. — С.694—706.

Сватиков С. Г. Русские университеты и их историческая библиография. — Пг.,1915.

Сибирский И. А. Химическое рассуждение о стораемых телах. — М.,1778.

Скорыходов Л. Я. Краткий очерк истории русской медицины. — Л.,1926.

Смотров В. Н., Барановская М. Ю. С. Г. Зыбелин и Ф. Г. Политковский — первые представители русской терапевтической клинки//Терапевтический архив. — 1940. — Т.XVIII. — № 6. — С.536—542.

Снегирев И. М. Действия Московского университета в первом периоде его существования (с 1755 по 1762 год)//Ученые записки Московского университета. — 1834, май. — № XI. — С.330—364.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен/Соловьев С. М. Сочинения в восемнадцати книгах. — Кн.VII—XV. — М.,1991—1995.

Соловьев Ю. И. Очерки по истории физической химии. — М.,1964.

Сорокина Т. С. История медицины. — М., 1994.

Сперанский М. Московский университет XVIII столетия и Ломоносов. — М.,1912.

175 лет Первого Московского государственного медицинского института. — М.,1940.

Сточик А. М. О дате открытия медицинского факультета Московского университета//Проблемы социальной гигиены и история медицины. — 1995. — № 6. — С.58—61.

Сточик А. М. О клинической базе Московского университета в XVIII веке//Проблемы социальной гигиены и история медицины. — 1995. — № 3. — С.56—58.

Сточик А. М. Герман Бургаве как клинический преподаватель//Материалы I Съезда Конфедерации историков медицины. — М., 1998. — С.24—26.

Сточик А. М., Затравкин С. Н. Кого готовил медицинский факультет Московского университета в XVIII веке?//Исторический вестник Московской медицинской академии им.И. М. Сеченова. — 1995. — Т.III. — С.99—107.

Сточик А. М., Затравкин С. Н. Медицинский факультет Московского университета в 1764—1765 годах//Исторический вестник Московской медицинской академии им.И. М. Сеченова. — 1995. — Т.V. — С.151—198.

Сточик А. М., Затравкин С. Н. Московский университет и его медицинский факультет. 1758 год//Исторический вестник Московской медицинской академии им. И. М. Сеченова. — 1995. — Т. IV. — С.41—48.

Сточик А. М., Затравкин С. Н. Преподавание анатомии, хирургии и акушерства на медицинском факультете Московского университета в 18 веке//Исторический вестник Московской медицинской академии им. И. М. Сеченова. — 1995. — Т.V. — С.93—136.

Сточик А. М., Затравкин С. Н. Преподавание на медицинском факультете Московского университета в XVIII веке//Исторический вестник Московской медицинской академии им. И. М. Сеченова. — 1995. — Т.IV. — С.83—158.

Сточик А. М., Затравкин С. Н. "Проект о учреждении Московского университета" и его практическая реализация на медицинском факультете в XVIII веке//Проблемы социальной гигиены и история медицины. — 1995. — № 4. — С.55—60.

Сточик А. М., Затравкин С. Н. Акушерство и его преподавание на медицинском факультете Московского университета в XVIII веке//Акушерство и гинекология. — 1996. — № 3. — С.51—55.

Сточик А. М., Затравкин С. Н. Медицинский факультет в "Проекте о Учреждении Московского университета"//Исторический вестник Московской медицинской академии им.И. М. Сеченова. — 1996. — Т.VI. — С.154—182.

Сточик А. М., Затравкин С. Н. Первые профессора медицинского факультета Московского университета//Проблемы социальной гигиены и история медицины. — 1996. — № 1. — С.54—57.

Сточик А. М., Затравкин С. Н. Преподавание анатомии на медицинском факультете Московского университета в XVIII веке//Проблемы социальной гигиены и история медицины. — 1996. — № 2. — С.55—60.

Сточик А. М., Затравкин С. Н. Преподавание курса теоретической медицины на медицинском факультете Московского университета//Проблемы социальной гигиены и история медицины. — 1996. — № 3. — С.49—54.

Сточик А. М., Затравкин С. Н. Преподавание практической медицины на медицинском факультете Московского университета в 18 веке//Клиническая медицина. — 1996. — № 7. — С.76—80.

Сточик А. М., Затравкин С. Н. Преподавание хирургии на медицинском факультете Московского университета в XVIII веке//Хирургия. — 1996. — № 3. — С.75—78.

Сточик А. М., Затравкин С. Н. О клинической подготовке врачей в Средневековой Европе//Клиническая медицина. — 1998. — № 1. — С.63—67.

Сточик А. М., Затравкин С. Н. Из истории становления клинического преподавания: лейденский прорыв//Клиническая медицина. — 1998. — № 2. — С.62—64.

Сточик А. М., Затравкин С. Н. Герман Бургаве: закат клинического преподавания в Лейденском университете//Клиническая медицина. — 1998. — № 3. — С.72—76.

Сточик А. М., Затравкин С. Н. Становление клинического преподавания в Европе в первой половине 18 века//Клиническая медицина. — 1998. — № 4. — С.63—65.

Сточик А. М., Затравкин С. Н. Австрийская реформа университетского медицинского образования во второй половине 18 века. Сообщение 1. Реформирование Г. Ван-Свитеном преподавания на медицинском факультете Венского университета//Клиническая медицина. — 1998. — № 5. — С.74—78.

Сточик А. М., Затравкин С. Н. Австрийская реформа университетского медицинского образования во второй половине 18 века. Сообщение 2. Разработка И. П. Франком учебного плана подготовки врача//Клиническая медицина. — 1998. — № 8. — С.70—75.

Сточик А. М., Затравкин С. Н. Когда был открыт первый лазарет Московского университета//Исторический вестник Московской медицинской академии им. И. М. Сеченова. — Т.ХI. — 2000. — С.139—146.

Сточик А. М., Затравкин С. Н. Из истории создания химической лаборатории Московского университета//Исторический вестник Московской медицинской академии им. И. М. Сеченова. — 2000. — Т.ХIII.

Сточик А. М., Ивакина М. О. Преподавание фармацевтических дисциплин на медицинском факультете Московского университета в XVIII веке//Проблемы социальной гигиены и история медицины. — 1996. — № 6. — С.51—54.

Сточик А. М., Шамин А. Н. Преподавание химии на медицинском факультете Московского университета в XVIII веке//Проблемы социальной гигиены и история медицины. — 1996. — № 5. — С.37—42.

Сточик А. М., Бородулин В. И., Заблудовский П. Е. Медицина в России в 18 веке (раздел статьи "Медицина")//БМЭ. — 3-е издание. — Т.14. — М.,1980. — С.213—225.

Сточик А. М., Затравкин С. Н., Сточик А. А. Клиническое преподавание во Франции в первой половине XIX века//Клиническая медицина. — 1999. — № 8. — С.62—67.

Сточик А. М., Затравкин С. Н., Сточик А. А. Клиническое преподавание в Германии в первой половине XIX века//Клиническая медицина. — 1999. — № 9. — С.68—70.

Сточик А. М., Пальцев М. А., Затравкин С. Н. Из истории медицинского факультета Московского университета//Вестник Российской Академии медицинских наук. — 1995. — № 8. — С.64—68.

Сточик А. М., Пальцев М. А., Затравкин С. Н. Организация и содержание учебного процесса на медицинском факультете Московского университета в XVIII веке//Проблемы социальной гигиены и история медицины. — 1995. — № 5. — С.43—48.

Сточик А. М., Пальцев М. А., Затравкин С. Н. Медицинский факультет Московского университета в реформах просвещения первой трети XIX века. — М., 1998.

Сточик А. М., Пальцев М. А., Затравкин С. Н. Патологическая анатомия в Московском университете в первой половине XIX века. — М., 1999.

Страшун И. Д. Медицина//БМЭ. — 1-е издание. — Т.17. — М., 1936. — Стб.270—339; 432—449.

Страшун И. Д. 175 лет/175 лет Первого Московского государственного медицинского института. — М., 1940. — С.3—56.

Страшун И. Д. Бургав//Большая медицинская энциклопедия. — 2-е изд. — Т.4. — М., 1958. — Стб.758.

Сухомлинов М. И. Ломонов — студент Марбургского университета//Русский вестник. — 1861. — № 1. — С.125—165.

Сухомлинов М. И. История Российской академии. Вып.6/ Приложение к XLII тому записок Императорской академии наук. — № 2. — СПб., 1882. — С.1—151.

Тимковский И. Ф. Памятник Ивану Ивановичу Шувалову, основателю и первому куратору Императорского Московского университета/Московитянин. — 1851. — № 9—10. — С.1—49.

Толстой Д. А. Взгляд на учебную часть в России в XVIII столетии до 1782 года//Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. — 1886. — Т.XXXVIII. — С.3—102.

Три века. Россия от смуты до нашего времени. Исторический сборник под ред. В. В. Каллаша. — Т.3. — М., 1992.

Трофимов В. В. Медицинское образование//БМЭ. — 2-е издание. — Т.17. — М., 1960. — Стб.813—845.

Турубинер Л. А. Московский медицинский институт в XVIII веке//Советское студенчество. — 1939. — № 8. — С.50—52.

Турубинер Л. А. Медицинский факультет Московского университета в первые десятилетия своего существования//Фельдшер и акушерка. — 1941. — № 1. — С.64—66.

Турубинер Л. А. История медицинского факультета Императорского Московского университета от основания до первой Отечественной войны (1764—1812). — Т.1—2. — Канд.дисс. — М., 1944.

[Указ] об учреждении Московского университета и двух гимназий с приложением высочайше утвержденного проекта по сему предмету/ПСЗ. — Т.14. — № 10346.

Университет//Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. — Т.ХХХIV^а(68). — СПб.,1902. — С.751—803.

Университет для России. Взгляд на историю культуры XVIII столетия/Под ред. В. В. Пономаревой и Л. Б. Хорошиловой. — М., 1997.

Уткина Н. Ф. Естественные науки/Очерки русской культуры XVIII века. — Ч.3. — М.,1988. — С.7—49.

Ушакова Н. Н. Материалы по истории химии в Московском университете в XVIII веке//Труды Института истории естествознания и техники. — Т.18. — М.,1958. — С.21—50.

Фавье Ж.-Л. Записки секретаря французского посольства в С.-Петербурге//Исторический вестник. — 1887. — Т.ХХIX. — С.384—406.

Фальборк Г., Чарнолуцкий В. Начальное народное образование в России (раздел статьи "Начальное народное образование")//Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. — Т.ХХ^а(40). — СПб.,1897. — С.752—765.

Фармакогнозия//Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. — Т.ХХХV(69). — СПб.,1902. — С.313—316.

Фармакопоя Российской. Пер. И. Леонтовича. — Ч.1—II. — М., 1802.

Фигуровский Н. А. Первая научная химическая лаборатория в России. — М., 1950.

Фигуровский Н. А., Быков Г. В., Коморова Т. А. Химия в Московском университете за 200 лет (1755—1955). — М.,1955.

Фортуноватов А. Д. Школьное дело//Энциклопедический словарь русского библиографического института Гранат. — Изд.7-е. — М. — б.г. — Т.49. — Стб.644—672; Т.50. — Стб.1—128.

Хелиус М. И. Хирургия. — Ч.1. — СПб.,1839.

Цельс А. К. О медицине. — М.,1959.

Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. — Т.1—2. — М.,1994.

Чистович Я. История первых медицинских школ в России. — СПб.,1883.

Шамин А. Н. История биологической химии. Истоки науки. — М.,1990.

Шевырев С. П. История Императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею. — М.,1855.

Шлерет Ф. А. Аптека, или наука составлять разныя, как внутрь, так и снаружи употребляемая лекарства. Пер. Ф. И. Барсук-Моисеева. — М.,1812.

Шпренгель К. Критическое обозрение состояния врачебной науки в последнее десятилетие. Пер. В. Джунковского. — СПб.,1803.

Шребер И. Ф. Руководство к познанию и врачеванию болезней человеческих наружных и внутренних. — СПб.,1781.

Эйдельман Н. Я. Грань веков. Политическая борьба в России. Конец XVIII — начало XIX столетия/В борьбе за власть. Страницы политической истории России XVIII века. — М., 1988. — С. 284—584.

Энциклопедический словарь медицинских терминов. — Т. I—III. — М., 1982—1984.

Эразмус И. Ф. О противностях анатомического учения, увеселением и великою оною пользою несравненно превышаемых. — М., 1766.

Эразмус И. Ф. О нынешнем состоянии врачебной науки в России, сравнивая оное с законом Иппократовым. — М., 1768.

Academia et universitas Vilnensis. — Vilnius, 1979.

Allgemeine Deutsche Biographie. — Bd 1—55. — Leipzig, 1875 — 1910.

Underwood H. Boerhaave after three Hundred Years//British Ashworth Medical Journal. — 1968. — Vol. 4. — P. 820—825.

Bariety M., Coury Ch. Histoire de la medecine. — Paris, 1963.

Bergius P. J. Materia medica e regno vegetabili. — Vol. I—II. — Stockholm, 1778.

Beukers H. Clinical Teaching, past and present. Clinical teaching in Leiden from its beginning until the end of the eighteenth century/Clio Medica. — Vol. 21. — Amsterdam-Atlanta, 1989. — P. 139—152.

Biographisches Lexikon der hervorragenden Arzte aller Zeiten und Volker. — Bd. 1—5. — Berlin, Wien. — 1929—1934.

Boerhaave H. Elementa Chimiae guae anniversario labore decuit. — Leyden, 1732.

Boerhaave H. Institutiones medicae in usus annuae exercitationes domesticos digestae. — Leyden, 1708, 1752.

Callisen H. Institutiones chirurgiae hodiernae. — Hafniae, 1777.

Cartheuzer I. Elementa chimiae medicae dogmatico experimentalis, una cum sinopsi materiae medici selectionis. — Halle, 1736.

Cartheuzer F. A. Elementa mineralogiae sistematici disposita. — Frankfurt an Oder, 1755.

de Meza S. T. Compendium medicum practicum per fasciculos distributum. — Hafniae, 1780.

Erasme I. Schaarschmidt tabulae anatomicae in usum praelectionum anatomicarum latine redditae. — Mosquae, 1767.

Gaubius H. D. Libellus de methodo concinnandi formulas medicamentorum. — Leyden, 1739.

Gaubius H. D. Institutiones pathologiae medicae. — Leyden, 1758.

Gren. Handbuch der Pharmacologie. — Heidelberg, 1790.

Frank I. P. Iohann Peter Frank. Seine Selbstbiographie. — Bern, Stuttgart, 1963.

Haller A. Elementa physiologiae corporis humani. — Vol. 1—5. — Lausanne, 1757—1762; Vol. 6—8. — Bern, 1764—1766.

- Haller A. *Primae lineae physiologiae usum praelectiones academicum auctrae et amenlate.* — Gottingen, 1747.
- Hecker J. Fr.K. *Geschichte der neueren Heikunde.* — Berlin, 1839.
- Hoffmann F. *Medicina consultatoria.* — Vol.1—12. — Halle, 1721—1739.
- Hoffmann F. *Medicina rationalis systematica.* — Vol.1—9. — Halle, 1718—1740.
- Jaguin I. *Lehrbuch der allgemeinen und medicinischen Chemie.* — Wien, 1793.
- Juncker J. *Conspectus chemia theoretico — practice in forma tabularum repraesentatus.* — Halle, 1730.
- Kaiser W., Krosch H., Piechocki W. *250 Jahre Collegium clinicum Halense. 1717—1967//Wissenschaftliche Berichte der Martin-Luther-Universität-Wittenberg.* — Halle, 1967. — 1967. — S.9—68.
- Lesky E. *Iohann Peter Frank als Organisator des medizinischen Unterrichts//Sudhoff's Archiv für Geschichte der Medizin und der Naturwissenschaften.* — Bd 39. — Hf.I. — 1955. — S.1—29.
- Lesky E. *The development of bedside teaching at the Vienna medical school from scholastic times to special clinics/History of medical education.* — University Press of California, 1970. — P.217—233.
- Lesky E. *Meilensteine der Wiener Medizin. Crosse Ärzte Österreichs in drei Jahrhunderten.* — Wien, 1981.
- Lexikon der jetztlebenden Schleswig-Holsteinischen und Eutinischen Schriftsteller von Berend Kordes.* — Schleswig, 1797.
- Lindeboom G. A. *Hermann Boerhaave. The man and his work.* — London, 1968.
- Lefebvre N. *Traicte de la Chimie.* — Vol.I. — Paris, 1660.
- Ludwig Ch. G. *Institutiones physiologie cum praemissa introductione in universam medicinam praelectionibus academicis accomodate.* — Lipsiae, 1752.
- Ludwig Ch. G. *Institutiones medicinae clinicae.* — Lipsiae, 1759.
- Ludwig Ch. G. *Institutiones chirurgiae praelectionibus academicis accomodate.* — Lipsiae, 1764.
- Ludwig Ch. G. *Institutiones therapiae generalis praelectionibus academicis accomodate.* — Lipsiae, 1765.
- Ludwig Ch. G. *Methodus doctrinae medicae universae praeiectionibus academicis accomodata.* — Lipsiae, 1766.
- Ludwig Ch. G. *Institutiones pathologiae praelectionibus academicis accomodate.* — Lipsiae, 1767.
- O'Malley C. D. *Medical education during the Renaissance//History of medical education.* — University Press of California, 1970. — P.89—101.
- Pharmacopoeia Collegii Regii Medicorum edinburgensis/Secundum editiois Edinburgensis novissimae exemplar recusa/In usum praelectionum academicarum.* — Gottingen: sumtu regiae officinae librariae academicae, — XIV, 192, 6/Г (после 1735).
- Pharmacopoeia Rossica.* — M., 1778.

- Platneri J. Z. Institutiones chirurgiae. — Lipsiae, 1745.
- Platneri E. Supplementa in J. Z. Platneri institutiones chirurgiae. — Lipsiae, 1775.
- Plenk I. I. Primae lineae anatomes in usum praelectionum. — Wien, 1775.
- Puschmann Th. Geschichte des medizinischen Unterrichts. — Leipzig, 1899.
- Putter. Versuch eines academischen Gebchrtens — Geschichte von der Universität zu Goettingen. — Bd 2. — Gottingen, 1788.
- Roederer I. G. Elementa artis obstetriciae in usum praelectionum academicarum. — Gottingen, 1753.
- Stal G. Fundamenta Chymiae dogmaticae et experimentalia. — Norinbergum (Nurnberg), 1723.
- Stephen d'Irsay. Albrecht von Haller. — Leipzig, 1930.
- Stotchik A. M. H. Boerhaave and bedside teaching at the Leiden University//36th International Congress on the History of Medicine. Book of Abstracts. — Tunis-Carthage, 1998. — P.155.
- Toellner R. Albrecht von Haller. — Viesbaden, 1971.
- Tournefore J. Elements de botanique, on methode pour connaitre las plantes. — Paris, 1694.
- Vogel R. A. Institutiones Chemiae ad lectiones Academicas Accomodatae. — Gottingen, 1755.
- Vogel R. A. Historia materiae medicae ad novissima tempora producta. — Leyden; Leipzig, 1758.
- Wallerius J. G. Chemia physica. — Holmia (Stockholm), 1759.
- Wallerius J. G. Systema mineralogicorum, guo corpora mineralis in classes, ordines, genera et species. — Vol.1—2. — Stockholm, 1772—1775.
- Wiase msky T. Hauptmomente aus der Geschichte der Kais. Moskauer Universität seit ihrer Grundung//Le physiologiste Russe. — M., 1914. — V.6. — S.3—124.
- Winslow J. B. Exposition anatomique de la structure du corps humain. — Vol.1—3. — Paris, 1732.
- World Directory of Medical Schools. — WHO. — Geneva, 1988. — 6th ed.
- Zatravkin S. The medical faculty of Moscow university in the 18th century, and the European tradition of university medical education// Book of abstracts. 35th International congress on the history of medicine. — Kos island, 1996. — P.83.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Адодуrow В. Е. 37, 107, 132, 153,
160, 163—168, 172, 178, 180—
185, 189, 190, 199, 200, 203, 204,
209, 223, 240, 251, 310

Азелли Г. 266

Аккерман И. X. Г. 376

Александр I Павлович 419

Алексеев И. 91

Алексей Михайлович 13

Аллеман (Лаллеман) 217

Альбинус Б. (старший) 215, 257, 270

Альбинус Ф. Б. (младший) 217

Андреевский И. С. 248, 282, 283,
432, 436

Анисимов Е. В. 31, 33, 34, 38, 39

Анитов П. 195, 196, 251, 253, 426

Аничков Д. 91

Анна Иоанновна 22, 48, 305

Антонский А. А. 432

Аргаматов А. М. 89, 91, 129

Арзамасцев А. П. 358

Ауэнбургер Л. 379

Афонин М. И. 107—110, 133, 192,
193, 198, 202, 210, 211, 251

Аш П. 166, 167, 172

Б

Багрянский М. И. 432, 433

Баженова А. П. 285

Байер Т. З. 27

Бальдингер Э. Г. 376

Бальиви Дж. 104

Барсов А. А. 94, 237

Барсуков-Моисеев Ф. И. 248, 249,
259, 351, 412, 414, 418, 432

Бартолин Т. 267

Баталзин М. 146

Баумер И. В. 376

Бауш И. Л. 279

Бахтина З. И. 433

Бекеш X. (Beukers H.) 369, 372, 373

Беллини Л. 104

Белостоцкий В. М. 6

Белявский М. Т. 18, 20, 75, 229

Бергий 324

Бергман Т. 122, 323

Бернулли Д. 104

Берцелиус И. 122, 323

Бестужев-Рюмин А. П. 19, 37

Бехер И. И. 319

Бидлоо Г. 372

Бидлоо Н. Л. 13, 20, 287

Биндгейм И. Я. 333, 358, 359

Бирон Э. И. 34

Блюменбах И. Ф. 414

Блюментрост Л. Л. 19, 26, 37, 48,
49, 68, 69, 146, 147, 305

Богданов Н. М. 362, 392

Богородский А. 433

- Боделок Ж. 298
 Боль И. X. 213, 215
 Борде Т. 414
 Борелли Дж. 104, 266
 Бородулин В. И. 6, 10, 72, 112
 Бородулин Ф. Р. 7, 84, 111, 116,
 123, 128, 279, 388, 395, 427
 Боттони А. 368
 Бочаров В. Я. 271
 Брандес К. 217
 Брандт Г. 122
 Брейтель Л.-О. 39
 Булатницкий Е. 91
 Буле И. 434
 Бургае Г. (Boerhaave H.) 60, 63,
 65, 82, 122, 125, 212, 213, 215,
 216, 218, 219, 221, 246, 247, 267,
 322, 323, 325, 335, 337, 342, 364,
 368, 372—374, 377, 391, 392, 397,
 408, 413—418
 Бэкон Ф. 267, 268
 Бютнер К. 217
- В**
- Вавилов С. Г. 271
 Валишевский К. 32, 39
 Валлериус Ю. Г. (Wallerius J.) 122,
 210, 323, 324, 330
 Вальверде Ф. 266
 Вальден П. И. 333
 Вальсальва А. 270
 Ван-Свитен Г. 218, 303, 377, 380,
 383
 Васильев А. И. 316
 Вебер Г. X. 376
 Вевер Х. Л. 187
 Везалий А. 265, 266, 269
 Вейбрехт Й. 257
 Великодная И. Л. 6, 10
 Вендт Ф. 376
 Вениаминов П. Д. 5, 91, 93, 107—
 110, 123, 125, 132, 133, 188—193,
 196, 198—205, 207, 208, 210,
 212—220, 222—226, 250, 255,
 258, 340, 341, 355, 385, 386, 391
- Веницеев С. 432
 Венсович И. Ф. 248, 432
 Веревкин 129
 Вернер И. Г. 218
 Верни дю 267
 Веселовский Ф. П. 144, 148, 154
 Вечь И. И. 249, 258, 412, 414
 Вешняков Т. 432
 Виноградов Д. И. 15, 135, 139, 322
 Винслоу Я. 257, 270, 277
 Винчевский Е. 252
 Владислав 114
 Воинов И. П. 248, 432
 Вольтер 37
 Вольф Х. 26
 Воронцов М. И. 33—35, 37
 Вяземский Т. И. (Wiasemsky T.) 28,
 116, 129
- Г**
- Гаен де А. 218, 377—379, 383
 Гайденко П. П. 399
 Гален 399, 400
 Галлер А. 125, 216, 217, 246, 247,
 257, 267, 270, 302, 398, 400, 402,
 403, 409, 410, 412, 414
 Гарвей У. 104, 266, 268, 398, 409
 Гартман М. Ф. 212, 218
 Гас 151, 153
 Гассер И. 257
 Гауб И. Д. (Гаубиус, Gaub I.) 215,
 216, 218, 219, 221, 352, 356, 373,
 400, 403—406, 408, 413, 415
 Гвоздиковский Р. 146
 Гезер Г. 287
 Гейстер Л. 217, 257, 287, 293, 298
 Гельвеций К. 37
 Генкель И. Ф. 72, 135
 Гильдебранд Г. 357, 358
 Гишцель 168
 Гиппократ 199, 200, 399, 400
 Гладкой А. 432
 Глюк Э. 17, 19
 Глязер К. 321
 Годи П. 324

Голицын 77
 Голицын Н. Ф. 32
 Головкин Г. И. 19
 Гольдбах Ф. 434
 Гордин Я. 31
 Горн И. 307
 Гороховский М. И. 432, 433
 Гостунский И. И. 91
 Гофман Г. 434
 Гоффман Ф. 60, 83, 122, 138, 212,
 213, 219, 267, 322, 323, 325, 329,
 335, 363, 364, 415
 Грегуар Д. 298
 Грибанов Э. Д. 6
 Громбах С. М. 279
 Гросс 191, 192
 Грузинов И. Е. 432
 Гузеева И. В. 6
 Гуковский Г. А. 38, 39
 Гунтер Дж. 290
 Гурова Р. Г. 279

Д

Д'Аламбер Ж. 37
 Даль В. И. 67, 85
 Данилевский А. И. 256, 432
 Двигубский И. А. 248, 432
 Девентер ван Г. 298
 Дезо П. 288, 383, 384
 Декарт Р. 104
 Деккерс Ф. 372
 Де-Кулон 20
 Демидов Н. А. 135, 136
 Демидовы 135, 140
 Демиов А. Н. 135
 Денман Т. 298
 Десницкий С. Е. 192
 Дидро Д. 77, 301, 421
 Дильтей Ф. Г. 76, 94, 130, 131, 171,
 174
 Добронравов П. Н. 309, 311
 Донской М. 432
 Дуйзинг Ю. 65, 122, 322
 Дьяков Н. Я. 432
 Дьяконов И. 433

Дювернуа И. 270
 Дюшенуа К.-Ф. 383
 Дядьковский И. Е. 258

Е

Егоров М. 432
 Екатерина II 31, 32, 37, 76, 77, 133,
 159—161, 170, 174, 183, 184, 205,
 207, 238, 331, 422, 423
 Елизавета Петровна 11, 30—33,
 36—38, 48, 51, 74, 78, 88, 113,
 146, 147, 173, 228
 Енгельбрехт 305
 Ершов Ф. П. 216, 432, 433

Ж

Жакен Й. 327
 Жмуркин В. П. 6, 10
 Журавлев Г. 432
 Жюмелен Ж.-Б. 383

З

Заблудовская Е. Д. 254
 Заблудовский П. Е. 112
 Загорский П. А. 257
 Зархин И. Б. 327, 345
 Зибольд А. 376
 Зиновьев И. А. 389, 390
 Змеев Л. Ф. 147, 431, 433
 Зудгоф К. 272, 286, 298, 300, 302,
 303, 364, 365, 372, 377, 397, 398,
 402, 410, 414
 Зыбелин С. Г. 5, 84, 91, 93, 107—
 110, 123, 125, 132, 133, 188—193,
 196, 198—208, 210—220, 222—
 227, 229, 245—247, 249, 250, 254,
 255, 258, 259, 275, 277, 283, 293,
 295, 296, 311, 340—343, 355—
 359, 386, 388—395, 400, 401, 406,
 412, 413, 427

И

Ивакина М. О. 10
 Иванов А. Е. 98, 202, 208, 209

Иванов Д. И. 251, 253, 426, 432, 433

К

Калданий Л. 257

Калиновский И. 124, 145

Каллизен Г. (Callisen H.) 287, 292—297

Калнин В. В. 116

Карамышев А. М. 107, 109, 192, 210, 211

Карль И. С. 322

Картейзер И. (Cartheuser I.) 83, 341

Картейзер Ф. (Cartheuser F. A.) 112, 122, 334

Карузин П. И. 271

Кекчеев К. Х. 396

Керестури Ф. Ф. 184, 185, 188, 257, 271, 275, 277—284, 291, 293, 295, 297, 311—313, 412, 436

Керштене И. Х. (Кирстен, Кестнес) 95—100, 102—104, 106, 110, 112, 117, 118, 120, 123—125, 127, 130—133, 136—141, 145, 152, 153, 159, 171, 173, 176—178, 188, 190—201, 204, 210, 222, 258, 330, 331, 333—337, 339, 353—355, 359, 384, 385, 413, 425

Кипер А. 370

Кирющенков А. П. 10

Клеман Ж. 302

Клингштедт фон 223

Ключарев В. 251, 253, 426, 432

Княгиницкий М. 430

Кованов В. В. 111

Ковнер С. 288, 299

Козодавлев О. П. 77

Колокольников В. Я. 432

Коломбо Р. 266

Колосов Г. А. 244, 255, 259, 271, 285, 396, 422, 435

Комаров Ф. И. 6, 10

Кондонди П. З. 73, 79, 84, 85, 98, 142, 143, 305, 306

Кононков А. Ф. 106

Корвизар Ж. 383

Кордес Б. (Kordes B.) 334

Котельницкий В. М. 432

Коштоянц Х. С. 279

Крашенинников С. П. 15, 37

Крель Л. Ф. 326

Крючок Г. Р. 112

Кудрин И. 146, 432

Кузьмин М. К. 112

Кулакова И. П. 139

Куллен У. 402, 415

Кулябко Е. С. 20, 27—29, 41, 65, 68, 75

Кункель И. 329

Кунрат Г. 329

Куприянов В. В. 269

Курика Ф. К. 133, 192, 199, 210, 324, 432

Л

Лавуазье А. 319

Ладенбург А. 333

Ландман М. Н. 6

Лаубмайер И. К. 220, 221

Лебедев К. 405

Левинштейн И. И. 345, 347

Левит М. М. 111, 112, 116, 128

Левитский Д. И. 256

Левицкий Ф. 91

Левре А. 298

Лейбниц Г. В. 26

Лемери Н. 319, 321

Леонтович И. 350, 352, 354, 356, 431

Лерхе И. Я. 158

Лесток Г. 48, 86

Лефевр Н. (Lefebvre N.) 320, 321, 329

Линдеман А. 307, 308

Линден А. 370

Линней К. 192, 210, 211, 213, 319, 324

Лихуды 16

Лодер Ю. Х. 376, 434

Ломоносов М. В. 15, 30, 36, 37,
40—49, 52—55, 60—76, 78, 79,
81, 82, 89, 93, 107, 108, 115, 122,
131, 135, 136, 138, 139, 229, 254,
322, 324, 328, 329, 343, 344

Лотова Е. И. 254

Лукьянов П. М. 134, 328

Лушников А. Г. 254, 259

Любавский М. К. 154, 155

Любинский А. 91

Людвиг Х. Г. (Ludwig Ch. G.) 64,
82, 120, 125, 216, 235, 236, 287,
292—294, 325, 326, 339, 342,
347—349, 351, 354, 358, 360—
362, 391, 392, 399, 400, 403, 404,
408, 409, 413, 415, 417, 418

Людвик XIV 302

Людвик XVI 379

Люпс И. 150, 151

Лятошевич А. 432

М

Максимов А. 432

Максимович-Амбодик Н. М. 255,
256, 258, 308, 349, 350, 410

Малиновский Н. Н. 10

Мальпиги М. 266

Марголис Ю. Д. 18, 22, 69

Мария-Терезия 377

Марковников В. В. 122, 137, 176,
190, 244, 344

Матеюнас Л. И. 116

Меца де С. Т. (Meza de S. T.) 246,
247, 295, 296, 342, 352, 361, 392,
393

Мейер-Штейнер Т. 216, 272, 286,
298, 300, 302, 303, 364, 365, 372,
377, 397, 398, 402, 410

Меккель И. Ф. (старший) 217, 257,
270, 302

Меллиссино И. И. 96, 103, 133,
142, 145, 149, 150

Менье Л. 298, 300, 352, 397, 398

Меркулов В. А. 302

Миллер Г. Ф. 87, 103, 136, 191, 192

Милюков П. Н. 13—15, 18—22, 25
Миронович В. 347

Мирский М. Б. 160, 161, 289

Михаэлис 376

Мицельмахерис В. Г. 114, 116

Могила П. 15

Мойдер (братья) 376

Молнар Л. В. 184, 185, 279, 313

Молтянский Г. 430

Молчанова О. П. 396

Монпелье А. 267

Монро А. 290

Монтано Дж. Б. 368

Морганьи Дж. Б. 257, 270

Морисо Ф. 302

Мороховец Л. 298, 397, 398

Мотт де ла Г. 302

Мудров М. Я. 248, 259—283, 292,
315, 316, 420, 422, 432, 435—437

Муковников К. 432

Мультиановский М. П. 112

Муравьев М. Н. 250, 280—282, 292,
315, 420, 422, 434—436

Мухин Е. О. 285, 387, 390, 430

Н

Невзоров М. И. 432

Нейман К. 322, 326

Немиров С. А. 432

Николаев В. В. 346, 350

Новицкий Г. А. 128, 208, 212, 225

Новодранова В. Ф. 10, 326, 391

О

Оборин Н. А. 13, 114, 116, 287

Одди М. 368

Орлов И. 195, 196, 251, 253, 426

Оршаво-Чижевский И. 432, 433

Остапов Л. 432

П

Павел I 238

Павловский М. П. 114, 116

Паламарчук П. Г. 155

Палеев Н. Р. 6, 10

Палкин Б. Н. 23, 365, 420
Пальфин Дж. 298
Пальцев М. А. 6, 9, 10, 106, 174, 268, 289, 421
Панин Н. И. 223
Паре А. 288
Паус 17
Пекен М. Х. 285, 387—390, 411
Пенчко Н. А. 48, 75, 76, 87, 89, 90, 92, 93, 100, 108, 129—133, 135, 138, 139, 237, 260, 329
Петр I 16, 17, 19, 20, 22, 25, 26, 32, 35, 37, 39, 43, 48, 69, 237
Петров Б. Д. 111
Петров П. Н. 94, 107, 109
Петров Ф. А. 99
Пионтковский И. А. 208, 229, 254, 395, 407, 427
Пирогов Н. И. 281
Платнер И. З. 255, 256, 285, 292, 294—297
Платонов С. Ф. 31, 36
Пленк И. Я. 277, 327
Побединский Н. И. 254, 311
Погодин С. А. 337
Погорецкий П. И. 207
Полетика И. А. 203
Политковский Ф. Г. 133, 192, 199, 210, 254, 259, 324, 432, 433
Полонский П. 91
Полоцкий С. 15
Попов Н. И. 15
Поповский Н. Н. 93, 94
Порталь П. 302
Потт И. 322
Потт П. 290
Прокопович Ф. 18, 37
Протасов А. П. 257
Пти Ж. 288, 290
Пушкин А. С. 50
Пюзо Н. 298
Пюттер (Putter) 332

Р

Разумовские 42
Разумовский К. Г. 30, 42, 48
Райзер Г. У. 139, 322
Ранч А. 145
Рахматуллин М. А. 44, 45
Редерер И. Г. (Roederer I. G.) 255, 256, 302—304, 308, 312, 314, 315, 376
Ризенко В. И. 256
Риндер А. А. 207
Риолан Ж. (младший) 268
Рихтер А. Г. 294, 376
Рихтер В. М. 254, 256, 272, 294—296, 299, 301, 303, 304, 307—309, 312—317, 436
Рихтер М. В. 256
Рождественский С. В. 174, 249, 310
Российский Д. М. 7, 83, 116, 183, 244, 254, 271, 346, 350, 387, 390, 395, 422, 427, 432
Рост И. Ю. 104, 130, 131, 186
Рошфор де Д. 383
Ртицев Ф. М. 15
Руайен А. (младший) 215, 219
Руайен Д. (старший) 218, 219, 373
Рубиновский Н. 145
Рудаков В. 27
Руднев В. И. 200
Рунхизен 298
Рыбников И. 107, 109

С

Садовский И. М. 91
Санторио С. 104
Сапин М. Р. 10
Сваммердам Ж. 267
Свицов И. 107
Семека С. А. 160
Семенов П. 91
Сеченов И. М. 281
Сибирский И. А. 249, 251, 252, 255, 385, 412
Сиденгам Т. 72, 373
Сильванский Т. 433, 434

Сильвестр 16
 Сильвиус (Ф. де ла Боз) 370—372,
 377
 Синопиус Д. 158
 Синьковский Д. Н. 145
 Скиадан М. И. 246, 247, 249, 258,
 391, 408, 412, 414, 417
 Скороходов Л. Я. 387, 390
 Смелли В. 298
 Смирной И. 432
 Смотров В. Н. 389, 390
 Снегирев И. М. 117
 Соболев С. А. 281
 Соколов А. 433, 434
 Соловьев С. М. 31, 32, 35, 36, 42—
 45, 47, 49, 437, 438
 Соловьев Ю. И. 329
 Сорокина Т. С. 372
 Степанов Л. Г. 254, 311
 Стефанович П. 432
 Стопиус М. 368
 Стратен дер Ван 369
 Страшун И. Д. 7, 111, 116, 183,
 372, 387, 388, 390
 Строганов 282, 283
 Сухомлинов М. И. 124, 145, 348,
 422, 423

Т

Тарди Л. 278, 279
 Татаринов А. И. 147—149, 151
 Татищев В. Н. 37
 Тейльс де А. 143
 Тейхмайер Г. 321, 329
 Теплов 46
 Тереховский М. М. 255, 256
 Тизен Р. 220
 Тимковский И. О. 432, 433
 Тимковский И. Ф. 49, 241
 Тимофей 16
 Тишкин Г. А. 18, 22, 69
 Толстой Д. А. 301, 421
 Травкин И. 432
 Травулинский А. 430

Тропольский В. А. 91
 Тургенев И. 238
 Турнефор Ж. (Tournefore J.) 213
 Турубинер Л. А. 87, 88, 116—119,
 128, 172, 184, 185, 194, 251, 275,
 426

У

Успенский К. П. 271
 Успенский М. 432
 Ушакова Н. Н. 137, 138, 140, 144,
 331, 335, 358

Ф

Фавье Ж.-Л. 33, 34
 Фаллопий Г. 268
 Фальборк Г. 14, 21
 Фарварсон 20
 Федоров И. 432
 Фигуровский Н. А. 137, 140
 Фишер Г. 434
 Фогель Р. А. 220, 221, 246, 247,
 326, 335—337, 341, 355, 357, 376
 Фортунатов А. А. 13—15, 19
 Франк И. П. 303, 380—383, 434
 Франкози Д. И. 103
 Фрейдберг С. А. 285
 Фриде 302
 Фридрих II 302
 Фромман И. Г. 94

Х

Хабаков А. В. 211
 Хаген Х. Г. 359
 Хайсинс 95
 Херасков М. М. 38, 133, 168, 177,
 199, 202—205, 209, 223
 Херниус ван О. 369, 370
 Хопф 376
 Хорошилова Л. Б. 92

Ц

Цельс 413

Ч

- Чарнолуцкий В.** 14, 21
Челоканов В. С. 6, 10
Чемберлен П. 298
Черкасов А. И. 161, 163—167, 170, 179—182, 184, 205, 207, 310
Чистович Я. 84, 86, 96, 98, 117, 146, 147, 149, 150, 162, 163, 185, 256, 306, 308, 310, 316, 424, 433

Ш

- Шааршмидт А.** 186, 257, 275
Шамин А. Н. 6, 10
Шар М. 321
Шахт Г. О. 373
Шахт Л. 370
Шевырев С. П. 24, 189, 238, 249, 250, 420
Шееле К. 122, 323
Шени М. И. 258, 285
Шепелева М. Е. 31, 32
Шилинис Ю. А. 430
Шлерет Ф. А. 351
Шревелиус Э. 369, 370
Шрейбер И. Ф. 49, 85, 86, 258
Шталь Г. 60, 122, 221, 269, 319, 322, 425
Штоль М. 379, 383
Шторк 20
Шувалов А. И. 30
Шувалов И. И. 12, 30, 32—40, 42—44, 46—53, 55, 64, 66, 67, 69, 74, 76—79, 87, 89, 90, 92—96, 98—100, 102, 103, 107, 109, 110, 125, 128, 129, 131—133, 135—140, 146—153, 159—161, 171, 193, 204, 229, 241, 328, 330
Шувалов П. И. 30—32, 36, 38
Шувалова Т. 11
Шулейтис Э. 278, 279
Шумахер 46
Шумлянский А. М. 255, 256

Щ

- Щеголов Н. Г.** 432

- Щепин К. И.** 255

Э

- Эйлер Л.** 104
Эмерих Ф. 368
Эразмус И. Ф. 117, 132, 177—181, 183—188, 200, 201, 209, 210, 222, 257, 258, 271—276, 283, 291, 293, 297, 307—311, 384, 409, 425
Эрлезунд де П. 14

Ю

- Юнкер Й.** 122, 138, 220, 221, 322, 326, 376, 385

Я

- Ян Казимир** 114
Яровинский М. Я. 6
Ястребов Д. Я. 91, 107—110, 123

- Variety M.** 371
Beukers H. — см. Бекеш Х.
Boerhaave H. — см. Бургаве Г.
Callisen H. — см. Каллизен Г.
Cartheuser J. — см. Картейзер И.
Cartheuser F. A. — см. Картейзер Ф.
Coury Ch. 371
Gren 355
Hecker J. Fr. K. 377
Kaiser W. 385
Kordes B. — см. Кордес Б.
Krosch H. 385
Lefebvre N. — см. Лефевр Н.
Lesky E. 368, 377, 378, 381
Lindeboom G. A. 368, 370, 372
Ludwig Ch. G. — см. Людвиг Х. Г.
Meza de S. T. — см. Меза де С. Т.
O'Malley C. D. 368
Piechocki W. 385
Puschmann Th. 370
Putter — см. Пюттер
Roederer J. G. — см. Редерер И. Г.
Wallerius J. — см. Валлериус Ю. Г.
Wiasemsky T. — см. Вяземский Т. И.

Содержание

<i>От авторов</i>	5
<i>Предисловие к первому изданию</i>	7
<i>От авторов к первому изданию</i>	10
<i>Глава 1. Образование в России и создание Московского университета</i>	11
<i>Глава 2. Медицинский факультет в "Проекте о учреждении Московского университета"</i>	51
<i>Глава 3. Рождение медицинского факультета</i>	87
<i>Глава 4. Первые шаги</i>	127
<i>Глава 5. Организация и содержание учебного процесса на медицинском факультете</i>	228
<i>Глава 6. Преподавание анатомии, хирургии и акушерства</i>	264
<i>Глава 7. Преподавание химии</i>	318
<i>Глава 8. Преподавание фармацевтических дисциплин</i>	345
<i>Глава 9. Преподавание практической медицины</i>	360
<i>Глава 10. Курс теоретической медицины</i>	395
<i>Глава 11. Итоги деятельности медицинского факультета Московского университета в 18 веке</i>	419
<i>Литература</i>	439
<i>Именной указатель</i>	455

Монография

Андрей Михайлович Сточик
Сергей Наркизович Затравкин

**МЕДИЦИНСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА В XVIII ВЕКЕ**
(издание второе, дополненное)

Редактор *М. Н. Ланцман*
Художник *А. Л. Чириков*
Технический редактор *И. П. Куликова*
Корректор *Т. А. Кузьмина*

ЛР № 066787 выдана 21 июля 1999 г. Сдано в набор 17.04.2000.
Подписано к печати 9.08.2000. Формат бумаги 60 × 90^{1/16}. Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 29,0. Уч.-изд. л. 29,5. Тираж 1000 экз.
Заказ № 3380.

ЗАО «Шико». Москва, 2-й Сетуньский пр., 11-27.

Отпечатано с готовых диапозитивов в ГУП ордена «Знак Почета»
Смоленской областной типографии им. В. И. Смирнова.
214000, г. Смоленск, просп. им. Ю. Гагарина, 2.

ISBN 5-900758-14-1

9 785900 758145

